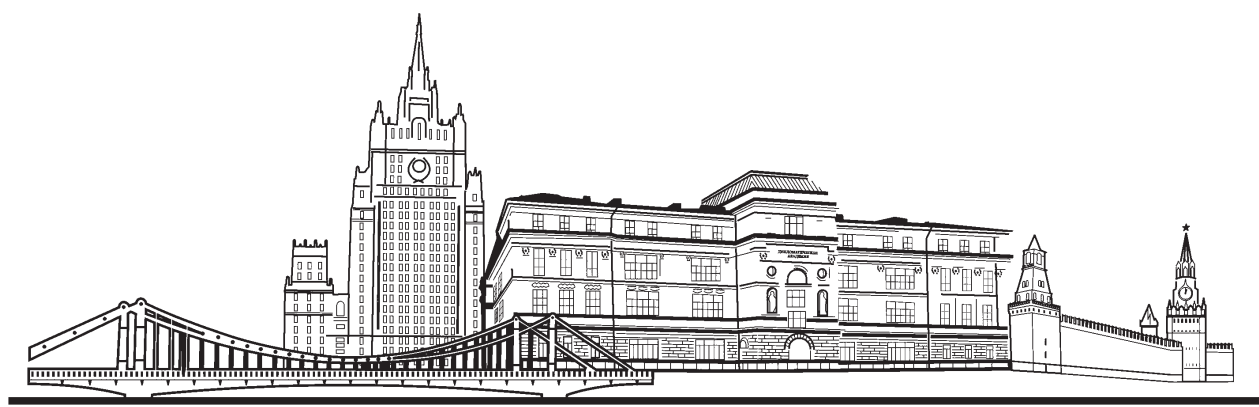

**Дипломатическая академия
Министерства иностранных дел Российской Федерации
Институт актуальных международных проблем**

**Сборник статей по итогам работы
IV-й Международной
научно-практической конференции
27 апреля 2018 года**

**«ТРАНСФОРМАЦИЯ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
В XXI ВЕКЕ:
ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ»**

**Москва
2019**

УДК: 327

ББК: 66.4

Рецензенты:

Докт. политич. наук, проф. О.П. Иванов

Редакционная коллегия:

М.А. Кукарцева (науч. редактор),

И.Л. Бендерский (редактор),

О.В. Джавад (организатор-составитель),

Д.О. Мартынова (организатор-составитель),

П.А. Развин (редактор текстов на англ. яз.)

Сборник статей по итогам работы IV-й Международной научно-практической конференции 27 апреля 2018 года «Трансформация международных отношений в XXI веке: вызовы и перспективы» / Науч. ред. М.А. Кукарцева; ред. И.Л. Бендерский. М.: Дипломатическая академия МИД России, 2019. 220 с.

ISBN: 978-5-9500905-4

Сборник составлен в электронном виде по итогам и основным материалам работы IV-й Международной научно-практической конференции «Трансформация международных отношений в XXI веке: вызовы и перспективы», проведенной в стенах Дипломатической академии МИД России 27 апреля 2018 года. Он адресован политологам и другим специалистам, преподавателям и учащимся профильных вузов, но может быть полезен и широкому кругу читателей, интересующихся вопросами современной политики, экономики и международных отношений.

УДК: 327

ББК: 66.4

ISBN: 978-5-9500905-4

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	6
От редактора	7
Глава 1. Международные отношения и мировая политика	
В.И. Винокуров	
Трансформация международной системы и мирового порядка: движение в бесполярный беспорядок?	8
К.А. Феофанов	
Цивилизационное противостояние Запада и России как фактор формирования полицентричного миропорядка	14
А.Ю. Пинчук	
Международный терроризм как фактор Трансформации современных международных отношений.	19
А.В. Куприянов	
Внешняя политика Индии при Нарендре Моди: архаизация или модернизация?	23
Г.М. Сидорова	
Африканские страны в современных международных отношениях (на примере Демократической Республики Конго)	28
А.А. Сергунин	
Реформа ООН и страны БРИКС	33
Э.Г. Соловьев	
Дональд Трамп и «реалистский поворот» в современных международных отношениях	40
Д.Р. Петрович, Р.М. Буквич, И.С. Пайович	
Переход миропорядка к многополярности: причинно-следственные связи и промежуточные итоги процесса	46
Л.И. Живора	
Большое евразийское партнерство: «интеграция интеграций».	52
Т.В. Зонова	
Италия, Европа, Россия: изменится ли внешнеполитический вектор нового правительства Италии?	60

Глава 2. СНГ и трансформация постсоветского пространства

А.М. Джумагулов

Международно-правовая политика Кыргызской Республики в сфере регулирования статуса иностранных военных объектов в Кыргызстане 65

В.Г. Циватый

Беларусь – Украина: 27 лет двусторонних дипломатических отношений на пространстве СНГ (институциональный и внешнеполитический дискурсы) 70

А.Г. Иванов, А.В. Котик

Российско-казахстанские отношения после 2014 года: проблемы и противоречия 74

К.П. Край

Украинский конфликт в свете прошлых советско-российских концепций военных действий 79

Глава 3. Мягкая сила и дипломатия

О.А. Добринская

Мягкая сила во внешней политике Японии. 85

А.Е. Шагов

Основные направления фальсификации роли СССР во Второй мировой войне в информационном пространстве Польши. 92

Ю.В. Синчук, Б.Е. Власов

Российско-китайское сотрудничество. 105

Глава 4. Стратегическая коммуникация в политических и экономических процессах (На английском языке)

Д.Ю. Базаркина

Угрозы террористической пропаганды на современном этапе развития 116

Е.Н. Пашенцев

Роль стратегической коммуникации в отношениях между Россией и ЕС 120

М.Г. Шилина

Моделирование развития международных экономических отношений: перспективы региональной и глобальной интеграции. 124

Глава 5. Международная и глобальная безопасность

М.П. Торшин, В.А. Арутюнян

Противоракетная оборона США: благо или угроза миру? 128

А.В. Борисов

Гуманитарная помощь как угроза международной безопасности 134

В.Г. Кикнадзе

Противодействие распространению идеологии экстремизма и терроризма
с использованием информационных технологий 138

Н.П. Ромашкина

Наращение угроз в сфере международной информационной безопасности:
безысходность или руководство к действию? 146

Ю.В. Данильченко

Вооруженные конфликты в Азиатско-Тихоокеанском регионе и их влияние
на региональную безопасность 151

А.Г. Шляхтунов

Тенденции и факторы эволюции международной военно-политической
обстановки, угрожающей национальной безопасности России 157

Глава 6. Из материалов по выступлениям иностранных гостей (На английском языке)

В. Батмаз

Неоднозначная политика: опосредованные история и реалии турецко-
израильских отношений. 164

В. Булмер-Томас

Соединенное Королевство после брекзита. 175

Ф. Лабарр

Формирующийся феодализм в современных международных отношениях
(Исследование) 179

А. Ламберт

Инициатива Китая по созданию «Пояса и Пути» и возвращение географии 195

Д. Шерр

волюция Европы: лежащие в ее основе движущие силы 208

Х. Азизи

Интересы безопасности Ирана в Центральной Азии: три уровня анализа 212

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник статей, представленный в настоящем электронном издании, — обобщающий результат работы IV-й Международной научно-практической конференции «Трансформация международных отношений в XXI веке: вызовы и перспективы», состоявшейся в Дипломатической академии МИД России 27 апреля 2018 г. Работа конференции, как видно даже из ее порядкового номера, уже привычно носит для нас регулярный, системный характер. Ее ежегодно инициирует и организует Управление научно-координационной работы (УНКР) Дипломатической академии.

IV-я конференция проходила при активном содействии Фонда поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова (Фонд Горчакова). В ее работе участвовало более ста человек, включая отечественных специалистов и заинтересованных лиц из самых разных регионов нашей страны, а также иностранных гостей из стран постсоветского пространства (ближнего зарубежья), Европейского союза, Ирана, Китая, Турции и др.

Сборник подготовлен по материалам тех авторов, которые переработали свои выступления на конференции в статьи и прислали их нам. В целом его структура — расположение и названия глав, очередность статей в них и т.д. — отражает порядок работы соответствующих секций конференции. В содержательном плане читатель найдет в сборнике большое разнообразие тем и подходов к теории и практике международных отношений, вопросам безопасности, применения силы, решения других проблем мирового сообщества. Авторы в различных ракурсах анализируют суть и нюансы взаимодействия текущей и долгосрочной политики отдельных стран или их объединений с военной стратегией, задачи содействия международному развитию, инструменты внешней помощи, наследие прошлого, вплетенное в современность, и многое другое.

Широкий спектр представленных в издании мнений, трактовок событий, оценочных суждений, практических выводов и рекомендаций является своего рода слепком, наглядным отражением сложного и противоречивого характера нашей эпохи.

*М.А. Кукарцева, доктор филос. наук, профессор
кафедры национальной и международной безопасности
Дипломатической академии МИД России
и факультета мировой экономики и мировой
политики департамента международных отношений
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ);
научный редактор сборника*

ОТ РЕДАКТОРА

Несколько чисто «технических» пояснений. Присланные участниками работы конференции статьи, разнородные не только по манере изложения материала и степени владения авторами нормами русского литературного языка, но и по навыкам работы с источниками публикаций, со шрифтами, отступами, другими элементами форматирования текста, потребовали определенных усилий. Обычная редакторская синтаксическая, орфографическая и пунктуационная правка вынужденно сопровождалась в необходимых случаях дополнительной коррекцией авторских форм изложения мыслей. Правились даже цитаты, когда они представляли собой произвольный собственноручный перевод чужих высказываний, содержали неточности или шероховатости. По-возможности одновременно проверялись и уточнялись неполные или сомнительные библиографические описания тех источников, которые вообще поддавались проверке. Но в целом редактор, конечно, не может взять на себя ответственность за полноту и достоверность всех библиографических сведений.

*И.Л. Бендерский, ведущий редактор
Дипломатической академии МИД России;
редактор сборника*

Глава 1.

Международные отношения и мировая политика

В.И. Винокуров

ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ СИСТЕМЫ И МИРОВОГО ПОРЯДКА: ДВИЖЕНИЕ В БЕСПОЛЯРНЫЙ БЕСПОРЯДОК?

Владимир Иванович Винокуров,
*доктор исторических наук, профессор
кафедры дипломатии и консульской службы
Дипломатической академии МИД России.*

Аннотация: Глобальная международная система испытывает сегодня глубокие потрясения, связанные с трансформацией ее структуры и взаимодействия со средой. Анализируются следствия этого процесса и возможность перерастания миропорядка в бесполярный беспорядок.

Ключевые слова: международная система, мировой порядок, равновесие сил, баланс интересов, бесполярный беспорядок.

TRANSFORMATION OF THE INTERNATIONAL SYSTEM AND WORLD ORDER: MOVE TO THE NON-POLAR DISORDER?

Abstract: The global international system is currently experiencing profound upheavals in its structure and its changing interaction with the environment. The article gives a brief analysis of the consequences of the transformation of the world order and the possibility of the multipolar world turning into a non-polar disorder.

Key words: international system, international order, world order, balance of power, balance of interests, non-polar disorder.

В науке о международных отношениях (далее также – МО) существует согласие относительно того, что современные международный порядок и система МО берут свое начало с окончания Тридцатилетней войны (1618–1648) и заключения Вестфальского мирного договора (1648). Однако до сих пор отсутствует общепринятое понимание таких понятий, как «международная система» и «система международных отношений» (МО), с одной стороны, и «международный порядок» и «мировой порядок», с другой. А то понимание, по которому имеется достаточно высокая степень согласия, часто представляется слишком узким или оформлено в виде одних и тех же или похожих толкований. Из этого вытекает ошибочное ощущение, что сегодня мы являемся свидетелями трансформации международной системы и/или системы МО, в то время как в первую очередь меняется мировой порядок. Возникает и много вопросов по поводу того, что ждет мировое сообщество в результате этой трансформации.

Понятия «международной системы» и «системы международных отношений» используются в науках, связанных с такими отношениями, в дипломатическом документообороте, в соответствующей публичной лексике и т.д. очень часто. Один из основателей историко-социологического подхода к изучению МО Р. Арон называет международной системой «совокупность политических образований, поддерживающих между собой постоянные отношения и могущих быть вовлеченными в широко-масштабную войну... Политическая система определяется организацией, взаимосвязями составляющих, взаимодействием элементов, механизмами управления» [1].

В целом идея системности в международных отношениях отталкивается от того факта, что государства стремятся сосуществовать и признавать правомерность интересов друг друга, чтобы гарантировать стабильность этих отношений. Причины возникновения в них системности заключаются в наличии комплекса устойчивых целей и интересов акторов, их заинтересованности в стабильности и предсказуемости долговременных межгосударственных взаимоотношений, в правовой регламентации МО.

В зависимости от исторической эпохи, на протяжении которой сформировалась и функционировала международная система, выделяют четыре типа ее структурной организации: Вестфальская система (1648–1789) – система классического «европейского равновесия», Венская (1814–1914) – система «европейского концерта», Версальско-Вашингтонская (1919–1939) с ее главным завоеванием – Лигой Наций и Ялтинско-Потсдамская система (1945–1991), венцом которой стало создание Организации Объединенных Наций. Таким образом, систему МО можно характеризовать как состояние международной системы на том или ином этапе общественного развития.

Под международным порядком подразумевается порядок, складывающийся между всеми странами мира, совокупность которых условно именуется международным сообществом. Международный порядок призван обеспечить основные потребности государств и других институтов создавать и поддерживать условия их существования, безопасности и развития. Международный порядок – это совокупность правил и норм политических, экономических, военно-политических, правовых и других отношений между различными международными акторами в определенном историческом промежутке времени.

В отличие от международного порядка, мировой порядок – это понятие, которое характеризует содержание отношений между доминирующими субъектами МО, то есть великими державами (иногда их называют несущими конструкциями системы МО). Иными словами, под мировым порядком понимается устройство системы МО, принципы и нормы, управляющие системой, а также внешнеполитическое поведение доминирующих государств. Термин «мировой порядок» характеризуется соотношением потенциала ведущих участников, их общими ценностями, устойчивыми моделями взаимного поведения. Чаще принято говорить об этой группе как о странах либеральной демократии.

Мировой порядок, следовательно, не носит в современном мире всеобщего характера, по охвату он более узок, чем порядок международный. Хотя, вероятно, мировой порядок выражает господствующую тенденцию развития (в том смысле, что характеризуется распространением, экспансией себя в масштабах планеты). Теоретически уместно говорить о возможности разрастания мирового порядка до масштабов международного.

В теории МО известны три типа мирового порядка (мироустройства): однополярный, биполярный и многополярный (мультиполярный, многополюсный). Современные МО отличаются большой сложностью, турбулентностью и непредсказуемостью. В связи с развалом СССР на рубеже веков родились концепции, которые

стали хоронить Вестфальскую систему МО, доказывая неизбежность ослабления и постепенного отмирания государств. Так, например, Г. Киссинджер в вышедшей в 2014 г. книге «Мировой порядок» пишет, что основные принципы Вестфальской формации, в том числе и невмешательство во внутренние дела, являются безнравственными и устаревшими. То есть США все это время добивались того, чтобы заложить в основу миропорядка свои универсальные ценности (подр. см. также: [2]). Но события последнего времени красноречиво свидетельствуют, что США не справляются с ролью единственного полюса нынешнего миропорядка. Соединенные Штаты и их союзники не в состоянии, в частности, обеспечить равновесие сил на Ближнем Востоке – ни своими войсками, ни поддержкой группировок, которые в борьбе за власть зачастую сотрудничают с террористами.

На фоне формального регулирования конфликтов силами ООН действует неформальный (по типу принятия решений) механизм, ядром которого являются по крайней мере семь государств (так называемая G-7). Члены «семерки» фактически остаются более влиятельными странами отчасти благодаря принадлежности шести из них к блоку НАТО (исключение – Япония), который в отдельных случаях способен выступать инструментом защиты их интересов при помощи силы. К началу 2000-х годов по практическому воздействию на мировую политику полуформальная коалиция членов «семерки» с блоком НАТО в целом стала вровень с ООН. Между этими двумя ветвями мирополитического регулирования – формальной (ООН) и неформальной (члены G-7 и НАТО; мировой порядок с их участием называют «однополярный+») – развернулась настоящая конкуренция, в результате которой мир вообще стал неуправляем [3].

Рассуждая о роли США в современном мире, известный британский философ и социолог З. Бауман полагал: «Никто не может считать себя поистине незаменимым. Даже самый привилегированный статус может оказаться временным и внезапно измениться» [4]. Сегодня как никогда актуальны слова того же Г. Киссинджера об уязвимости всемогущей страны, о проблемах нового порядка, в котором Америка не сможет господствовать над миром: «Она не должна ставить под угрозу собственное величие, питая иллюзии относительно пределов своих возможностей. Мировое лидерство есть неотъемлемая часть могущества и моральных ценностей Америки, но оно не включает в себя привилегию делать вид, будто Америка оказывает любезность другим нациям, вступая с ними в союз, или обладает неограниченной возможностью навязать им свою волю, лишая их благосклонности» [5].

Таким образом, эпоха однополярности закончилась. Мир, вопреки США, стремится к стабильному многополярному состоянию. С этим согласился даже глава Стратегического командования ВС США (СТРАТКОМ) Дж. Хайтен: «За последние десятилетия мир претерпел трансформацию и стал многополярным, но Вашингтону следует в любом случае стремиться к военному превосходству над другими странами... Мы должны смотреть на [ядерное] сдерживание сквозь новую линзу. Нас больше не определяет биполярный мир двух сверхдержав, который упрощал наш подход к сдерживанию. Вызов США бросает множество противников, расширяющих свои потенциалы. Чтобы сохранять военное превосходство в этом многополярном мире, мы должны думать, маневрировать, заводить партнеров и внедрять инновации лучше, чем наши противники» [6].

Ему вторит замминистра обороны США Дж. Руд, который на слушаниях в Сенате заявляет: «Россия и Китай намерены изменить мировой порядок и устоявшиеся территориальные границы, поэтому эти два государства представляют все более возрастающую угрозу безопасности США и их союзников [7].

Итак, в нынешних условиях получают «новое дыхание» попытки придания глобальной международной системе стабильности, основанной на использовании традиционных средств мировой политики — лидерстве великих держав, использующих свои преимущества в мягкой и/или жесткой силе. Как показывают последние события, старые параметры мощи и влияния все еще сохраняют свое значение в современном мире. Речь идет не об однополярном, а о классическом многополярном мире с многоуровневой, многовекторной и мобильной международной и двусторонней системой, где на передний план выдвигаются различные проблемы, особенно в политической сфере, которые требуют применения разносторонней дипломатии и создания новых сетевых международных институтов.

Куда же движется мировое сообщество? Бывший советник Барака Обамы, президент Совета по международным отношениям Р. Хаас вводит в научный оборот понятие «мира без государств» или бесполярного мира. «Система мирового правительства должна быть создана, а суверенитет упразднен... Нации должны быть подготовлены к сдаче суверенитета мировым структурам... Это уже происходит в торговой сфере», — утверждает он. И далее: «“Момент однополярности” в политике США закончился. Международные отношения в XXI веке определит ситуация бесполярности. Сила скорее окажется размытой, чем сконцентрированной, а значение национальных государств будет снижаться по мере укрепления негосударственных акторов. Но это ничем не угрожает Соединенным Штатам. В условиях переходного периода Вашингтон по-прежнему способен удерживать в своих руках курс на более безопасный мир» [8].

В XXI столетии основной чертой международных отношений станет бесполярность: доминировать будут не одно-два или даже несколько государств, а десятки акторов, способных оказывать различное влияние на положение дел в мире. Новая ситуация коренным образом отличается от той, что была в прошлом, и представляет собой принципиальное изменение расстановки сил. Но, в отличие от многополярности, которая подразумевает существование нескольких четко выраженных полюсов или центров сосредоточения силы, бесполярная система международных отношений характеризуется наличием многочисленных центров, обладающих значительной мощью.

Однако даже при том, что наступление эпохи бесполярности неизбежно, контуры этой системы не predetermined. Перефразируя слова теоретика международных отношений Х. Булла, можно прийти к выводу, что глобальная политика в любой точке земного шара — это смесь анархии и организации. Более того, «анархия» признается ведущей силой развития МО, но трактуется как отсутствие мирового правительства, единой верховной власти при взаимодействии государств [9]. Вопрос в том, каково соотношение этих составляющих и какова тенденция развития. Многое можно и нужно сделать для того, чтобы сформировать структуру бесполярного мира. Порядок не возникнет сам по себе. Напротив, бесполярный мир, если пустить все на самотек, со временем станет более хаотичным. Механизмы энтропия учат, что системы, состоящие из большого числа акторов, при отсутствии внешнего вмешательства тяготеют к большей случайности и беспорядку.

Бесполярная система осложняет дипломатическую деятельность. Дело не только в том, что в бесполярном мире больше акторов. В нем не хватает предсказуемых фиксированных структур и систем отношений, которые свойственны однополярной, биполярной и многополярной структурам. Так, во многом утратят свое значение союзы государств. Хотя бы потому, что им требуются предсказуемые угрозы, четкие прогнозы и обязательства, а всего этого не хватает в бесполярном мире.

Отношения будут иметь более избирательный характер и строиться в зависимости от ситуации. Станет труднее определять другие страны либо как союзников, либо как противников: по некоторым вопросам они станут сотрудничать с нами, а по другим – выступать против. На первый план выйдут консультации и создание временных коалиций, усилится роль дипломатии, которая, когда возможно, поощряет взаимодействие и защищает его от последствий неизбежных разногласий.

Бесполярная система будет трудной и опасной. Но содействие более высокой степени глобальной интеграции поможет достижению стабильности. Создание центральной группы, состоящей из правительств и других акторов, приверженных мультилатерализму, широкой практике многосторонних взаимовыгодных соглашений, стало бы значительным шагом вперед. Назовем это «согласованной бесполярностью». Такая модель не покончит с бесполярностью, но поможет управлять ею и повысит шансы на то, что международная система не будет деградировать и не распадется.

Заключение

По результатам сказанного можно сделать следующие выводы.

Характер МО менялся исторически – от государственно-центричной системы этих отношений в середине XVII века через «равновесие сил» первой половины XIX столетия и «баланс интересов» второй половины XX века к последующей «общности интересов», без которой, похоже, невозможно представить себе будущее. В XXI веке МО подвергаются мощной трансформации, меняющей характер, структуру и сущность международного/мирового порядка и, как следствие, системы международных отношений и международной системы в целом. Структура МО обогатилась новыми субъектами, оспаривающими властные полномочия и влияние у традиционных, – государств и межправительственных организаций. Соответственно, и сущность МО, испытавших множественные влияния, претерпела значительные изменения. Государства, стремившиеся максимально реализовать свои интересы на основе принципа суверенитета, ныне стремятся войти в мир-экономику и мир-политику.

Развитие цивилизации ставит на повестку дня все новые и более сложные проблемы. В какой мере их получится решить, какова будет цена снятия противоречий, сейчас сказать трудно, но ясно, что становление новой модели МО будет проходить весьма болезненно и с большими издержками. В то же время накопленный к настоящему моменту опыт решения самых разных и постоянно усложняющихся проблем позволяет надеяться, что в конечном итоге стремление создать благоприятную внешнюю среду для развития государств и рост их взаимозависимости перевесят все негативные факторы и приведут к формированию более совершенной, по сравнению с предшествовавшими, модели международных отношений.

России и всему миропорядку предстоит пережить эпоху турбулентности, сложное и нестабильное время, существенно отличающееся от реалий прошедшего XX столетия. В мире формируются новые факторы критичности. В этих условиях надежными якорями стабильности для нашей страны останутся единство многонационального народа, вооруженные силы и национальная экономика, которая должна соответствовать статусу России как великой державы.

Источники и литература

1. *Aron R. Paix et Guerre entre les nations.* P., 1984. P. 103.
2. *Винокуров В.И.* Доктрина и практика нового мирового порядка // Россия и мир. Российский мировой проект. Материалы научно-экспертной сессии (семинара). Москва, 29 апреля 2016 г. / Центр научной политической мысли и идеологии (Центр Сулакшина). М.: Наука и политика», 2016. С. 99–105.
3. *Богатуров А.Д.* Современный международный порядок // Международные процессы. Т. 2. 2004. № 3(6). Сентябрь – декабрь. (Доступно online: <http://www.intertrends.ru/one/001.htm>; или: <http://textarchive.ru/c-1752051.html>); *Богатуров А.Д.* Системный подход и эволюция международных отношений в XX веке // *Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталева М.А.* Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. М., 2002.
4. *Бауман З.* Мыслить социологически / Пер. с англ. под ред. А.Ф. Филиппова. М.: Аспект-пресс, 1996. С. 34.
5. *Киссинджер Г.* Мировой порядок. М.: Изд. на рус. яз. AST Publishers, 2015. С. 123.
6. Американский генерал о трансформации мирового порядка // Военное обозрение. 2018. 22 марта.
7. В Пентагоне объяснили, почему РФ и КНР представляют «возрастающую угрозу» // Там же. 23 марта.
8. *Хаас Р.* Мировая неразбериха: американская внешняя политика и кризис прежнего порядка. (*Haass R. A World in Disarray: American Foreign Policy and the Crisis of the Old Order.* Penguin Press. 2017. 352 p.)
9. *Булл Х.* Анархическое общество: исследование порядка в мировой политике (*The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics*) // Антология мировой политической мысли. Т. II. За-рубежная политическая мысль XX века. М., 1997. С. 802–805; Доклад «Международная теория: пример классического подхода» на науч. конф. в Лондонской школе экономики в январе 1966 г. (опубл. в апрельском (того же года) номере журнала «World Politics»)

К.А. Феофанов

ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ ЗАПАДА И РОССИИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИЦЕНТРИЧНОГО МИРОПОРЯДКА

Константин Анатольевич Феофанов,
*доктор политических наук,
профессор кафедры международных отношений
Дипломатической академии МИД России.*

Аннотация: Цивилизационное противостояние Запада и России имеет многовековую историю. С конца XX – начала XXI вв. его прямыми или опосредованными вехами становятся события в Югославии, на Украине, в Крыму и на Ближнем Востоке. Усиливаются действия России по защите своего суверенитета и национальных интересов, возникают новые уровни напряженности в ее цивилизационном противостоянии с Западом, меняется характер международных отношений, связанных с формированием полицентричного миропорядка.

Ключевые слова: цивилизационная теория, Запад, Россия, противостояние, русский мессианизм, американская исключительность, полицентричный миропорядок.

CIVILIZATIONAL CONFRONTATION BETWEEN THE WEST AND RUSSIA AS A FACTOR OF FORMATION OF A POLYCENTRIC WORLD ORDER

Abstract: Civilizational confrontation between the West and Russia has a centuries-old history. In the late 20th and early 21st centuries the new significant milestones of the West-Russia confrontation were events in Yugoslavia, Ukraine, Crimea and the Middle East, where Russia's efforts to protect its sovereignty and national interests were being intensified. The significant changes in international relations related to the formation of a polycentric world order took place, new levels of tension in the confrontation of the civilizational West with Russia arose.

Key words: civilizational theory, the West, Russia, confrontation, Russian messianism, American exclusivity, polycentric world order.

Предпосылки противостояния Запада и племенных образований восточных славян, сложившихся позднее в Древнюю Русь, а затем в Россию, формировались еще во времена ранней Византии. Со временем западные и восточные части бывшей Римской империи стали важной цивилизационно-геополитической детерминантой Евразии. Разрыв с Западом, Великая христианская схизма в XI в., обусловили не только нарастание из века в век различий между католицизмом и православием, но и многочисленные вооруженные противостояния (в т.ч. хрестоматийно известные битвы на Неве и Чудском озере 1240 и 1242 гг.). Запад стал восприниматься на Руси как «цивилизационно иной» мир и как агрессор, в массовом сознании зародилась и все более усиливалась идеологема противостояния: «мы» и «они».

Два с половиной столетия взаимодействия с Русью ослабили Золотую Орду и привели, вкупе с другими факторами, к ее поражению. (Оставим в стороне как отдельный сюжет факт уничтожения Золотой Орды Тамерланом в 1390-е гг., здесь

важнее две другие темы: Русь в качестве тормоза дальнейшей монгольской экспансии в XIII в. и продолжившейся после распада Золотой Орды многовековой борьбы Руси-России с ее ханствами-наследницами.) Именно Русь ценой героической жертвы избавляет народы Старого Света, — как католиков-западноевропейцев, формирующийся цивилизационный Запад, так и народы Юга и Востока, проживающие на территории современного Кавказа, Средней Азии, Ближнего и Дальнего Востока, — от цивилизационного и физического вырождения. Трагичность истории заключается в том, что Русь просто не могла не стать буфером между Западом и Востоком в силу своего географического и геополитического положения. Субъективно она не принимала решения о том, чтобы сначала подвергнуться набегам и вдоволь натерпеться от Орды, а затем переломить ее и абсорбировать в себя ее остатки.

Великая победа над Ордой не могла на века не сохраниться в цивилизационно-исторической памяти десятков поколений русских людей. Уже в первой четверти XVI в. (1523–1524) как следствие этой победы, объединения Руси, ее известной изолированности и, после окончательного падения Византии (1453), определенного православного «одиочества» возникает доктрина «Москва — третий Рим», формируется русский мессианизм как осознание собственной богоизбранной роли. (Позднее возникнет доктрина американской исключительности, изначально выраженная еще за полтора столетия до образования США, в 1630-х годах, губернатором британских колоний в Новой Англии Дж. Уинтропом в идеологеме «Города на Холме».)

Ситуация российского спасения Европы в совершенно иных исторических обстоятельствах повторяется в начале XIX в. На этот раз угроза Вестфальской системе, суверенитету государств, исходит от французской «редакции» имперского Запада и связана с наполеоновским перекраиванием карты Европы на пути к мировому господству. Россия снова оказывается единственной силой, которая, спасая себя от нашествия, тем самым спасает и всю Европу, освобождает многие народы от иноземного угнетения. Именно благодаря России в Европе устанавливается «Венский концерт» как система мирного сосуществования государств. Почти на полвека, а в отдельных аспектах до Первой мировой войны, Россия путем, опять же, вынужденного ратного подвига предоставила европейским странам возможность преимущественно мирного созидательного развития.

Нечто похожее, с поправкой на серьезные исторические изменения, еще через сто лет снова происходит в европейском социально-политическом пространстве. В период Первой мировой войны Россия, принимая на себя удары стран Четвертого союза, за счет колоссальных людских и материальных потерь неоднократно спасая союзников от полного поражения, в конце концов обеспечивает победу Антанты.

Ослабленная в годы Первой мировой войны, в октябре 1917 г. страна становится легкой добычей экстремистски настроенных политических авантюристов. Конечно, Россия никак не могла «извлечь пользу» из своего жертвенного участия в победоносном англо-французском блоке, была поражена в правах в рамках переговорного процесса по формированию послевоенной Версальско-Вашингтонской системы международных отношений. В сущности после Октябрьской революции можно констатировать наличие некоей исходной версии «холодной войны» Запада против России-СССР, инспирированной, как и почти тремя десятилетиями позже, «одержавшими победу» во Второй мировой войне союзниками. Но Вторая мировая война стала самым ярким и трагическим примером воплощения прежде многократно реализуемого цивилизационного сценария. Жертвенно-спасительный для Евразии, а фактически для всего человечества подвиг советский народ совер-

шил в еще более грандиозных исторических масштабах, чем его предки в судьбоносные для Руси и Российской империи времена Орды, наполеоновской Франции и Первой мировой войны.

Сходство цивилизационных сценариев переломных эпох явно сближает в этом смысле Русь – Россию – СССР XIII–XV и XIX–XX вв. Во-первых, это главная и решающая по сравнению со всеми другими вовлеченными в конфликт и заинтересованными государствами роль в разгроме агрессора (союзники подчас появлялись или начинали проявлять хоть какую-то активность лишь после того, как исход войны был предопределен русскими, что особенно рельефно проявилось в 1813 и 1944 гг. Во-вторых, это и наибольшие по тем же сравнениям военные потери и жертвы среди гражданского населения, самый разрушительный народнохозяйственный ущерб. Наконец, в-третьих, это вытекающая из сказанного наименьшая в названных сравнениях возможность созидательного социально-экономического использования результатов победы.

Повторение схожих исторических сценариев закрепляло в сознании десятков поколений эту российскую способность к спасению Евразии и всего человечества, упрочивая мессианские представления о себе наших сограждан. Составной частью такой самоидентификации выступало настороженное и критическое отношение к Западу (и почти никогда – к Востоку).

Для периода «холодной войны» показателен следующий отрывок из знаковой фултонской речи У. Черчилля: «Никто не знает, что Советская Россия и ее международная коммунистическая организация намереваются сделать в ближайшем будущем и каковы пределы, если таковые существуют, их экспансионистским и верообратительным тенденциям. Я не верю, что Советская Россия жаждет войны. Она жаждет плодов этой войны и неограниченного расширения своей власти и идеологии» (цит. по: [1]). Соответственно, максимально эффективным способом предотвращения Третьей мировой войны У. Черчиллю представлялось превентивное уничтожение СССР посредством ядерных ударов, за которое с весны 1946 г. он активно агитировал американских союзников.

В 1990-е гг. постсоветская Россия и другие страны бывшего СССР вынужденно двигались в фарватере идеологических представлений и практической политики США и иных западных стран, заимствуя их социально-политические и экономикомодернизационные модели, а Вашингтон «беззастенчиво пользовался ослаблением России...» [2, с. 4].

На рубеже XX–XXI вв. начинается поиск аутентичного, основанного на российской цивилизационной специфике, пути развития и внешнеполитического курса Российской Федерации. Первой государственно оформленной реакцией на военную операцию НАТО против Республики Югославия 24 марта – 10 июня 1999 г. была отмена уже практически начавшегося официального визита в США Председателя Правительства РФ Е.М. Примакова, отдавшего приказ развернуть самолет над Атлантикой и вернуться в Москву, а также временное прекращение сотрудничества России с НАТО.

Реакция Российской Федерации на возникновение самостоятельного Косовского государства в феврале 2008 г. тоже была резко отрицательной. Ссылаясь на IV принцип Заключительного акта Хельсинской конференции 1975 г., гарантировавшего территориальную целостность государств, Хартию ООН и резолюцию Совбеза ООН 1244 от 10 июня 1999 г., Россия указывала на противоправность такого решения, предупреждая о возможном прецеденте, который может стать причиной роста стремлений у непризнанных государств получить независимость.

В начале XXI в. начинает развиваться новая внешнеполитическая концепция многополярного мира, продвигаемая Е.М. Примаковым. «Противостояние между Западом и Россией затягивается и обостряется, создавая условия для дальнейшего развития новой “холодной войны”... Искреннее удивление мировой общественности вызвало выступление Президента США Б. Обамы, в котором он включил Россию в число главных угроз человечеству наряду с ИГИЛ и лихорадкой Эбола» [3, с. 4].

Значимым событием, обусловившим изменение современной геополитической ситуации и новую расстановку сил в мире, дальнейшее усиление действий России по защите своего суверенитета и проведения самостоятельной внешней политики стали события начала 2014 г. на Украине и в Крыму. Основанный на российской цивилизационной специфике государственно-патриотический консенсус продемонстрировал единство ценностных ориентиров большинства народа по судьбоносным для страны вопросам. Украинский конфликт катализировал внешние угрозы и вызвал новый виток противостояния с Западом. Но он же способствовал всенародной самоидентификации в изменившихся исторических условиях, активизации национальной идеи «снова ощутить величие» [4, с. 208–213].

Углубление цивилизационного противостояния Запада и России также обострилось на Ближнем Востоке в ходе военной акции России в Сирии. Впервые за свою постсоветскую историю Россия «осмелилась» использовать военную силу вдали от собственных границ и воспрепятствовать осуществляемой США смене режима в очередной ближневосточной стране. В результате удалось не допустить повторения катастрофического по последствиям ливийского сценария, предполагавшего оружейное эмбарго с последующим применением главы VII Устава ООН и вооруженной операции для «защиты прав человека». «Российская Федерация заняла жесткую позицию в СБ ООН и не позволила проголосовать за резолюцию, предусматривающую военную интервенцию и в Сирии.

Независимая внешняя политика России на Ближнем Востоке заставила американского политика, экс-советника по национальной безопасности и госсекретаря США Г. Киссинджера прийти к выводу, что США утратили ведущую роль на Ближнем Востоке, чему способствовала «внешнеполитическая активность России» [5, с. 23]. В условиях, когда силовой сценарий был близок к реализации, именно благодаря инициативе России по созданию широкого фронта борьбы с террористами и экстремистами на территории Сирии и Ирака удалось вернуть ситуацию вокруг Сирии в правовое поле. Действия РФ бросают вызов американской гегемонии на Ближнем Востоке и на мировой арене в целом.

Очередной виток напряженности в отношениях Запада и России связан с приходом к власти администрации Д. Трампа. В июле 2017 г. подавляющим большинством Конгресса, включая республиканцев, были приняты новые, более жесткие санкции против России, причем в форме закона – так, чтобы президент в будущем не смог отменить их без разрешения законодателей. В данном случае из-под власти президента была выведена считавшаяся традиционно его прерогативой важная сфера внешней политики. Президент выразил несогласие с решением Конгресса о санкциях, но тем не менее подписал соответствующий акт [6, с. 9].

В дальнейшем последовали обвинения в «сговоре» администрации Д. Трампа «с русскими», во вмешательстве России в американские выборы 2016 г., в том, что Россия ведет себя «неподобающим образом» с соседями и способствовала «крушению» системы прежнего комфортного существования Запада (видимо, имеются в виду сохранившиеся остатки американского однополярного мира 1990-х гг.).

В выступлениях политиков и в СМИ США была развернута новая антироссийская истерия как видоизмененный и модифицированный вариант традиционного западно-российского противостояния, который многие политики и аналитики склонны считать «новой версией» «холодной войны». Нагнетание необоснованных обвинений, навязывание обществу иллюзорных антироссийских представлений, постоянно разрастающиеся по масштабам и охвату санкции, беспрецедентный арест дипломатической недвижимости РФ в США, высылка дипломатов и другие откровенно враждебные акции уже стали определяющими для внешней политики США и ряда их союзников.

Таким образом, значимой тенденцией современных международных отношений стало очередное реконфигурирование и перераспределение глобальной власти, а характерной особенностью этого процесса – исчезновение прежнего абсолютно-го лидерства США и стран Западной Европы, так называемого «коллективного», а в сущности цивилизационного Запада. Парадигматические изменения в расстановке политических сил в различных регионах земного шара и на мировой арене в целом, которые можно обозначить как начало формирования полицентричного мира, допускают множество путей и вариантов дальнейшего противостояния Запада и России, тем самым предоставляя новые возможности для их международно-политического анализа и урегулирования.

Источники и литература

1. Daily Mail: Черчилль хотел убедить США нанести ядерный удар по СССР // [Электронный ресурс]. – <http://ria.ru/world/20141109/1032386748.html> – Дата обращения: 23 мая 2018.
2. Гринберг Р.С., Шмелев Б.А. Внешняя политика Российской Федерации: некоторые итоги // Мир перемен. 2007. № 4.
3. Кошкин Р.П. Современная геополитическая ситуация и национальная безопасность России // Стратегические приоритеты. 2015. № 1 (5).
4. Феофанов К.А. Цивилизационная теория модернизации. М.: Издательские решения, 2016.
5. Анненкова Е.А., Конорева И.А. Сирийский кризис начала XXI века в российско-американских отношениях // Молодые лидеры – 2016. Материалы I Международного конкурса выпускных квалификационных и курсовых работ / Науч. ред. А.В. Гумеров. Казань, 2016. Т. 2.
6. Бубнова Н.И. Структурные и кадровые сложности формирования внешнеполитического курса администрации Д. Трампа // Пути к миру и безопасности. 2017. № 2 (53).

А.Ю. Пинчук

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТЕРРОРИЗМ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Андрей Юрьевич Пинчук,
*Кандидат политических наук,
первый проректор ФГБОУ ВО
«Московский государственный
технологический университет «СТАНКИН»».*

Аннотация: Современная система миропорядка формируется в противоречии двух основных тенденций: фрагментации ее отдельных составляющих и дальнейшего влияния растущей глобализации. Среди проблем, ранее преимущественно локальных, выделился, приобретая новые черты и расширяя сферы воздействия, международный терроризм. Его новое состояние не позволяет сформулировать единого приемлемого понятия «терроризм». Целесообразно определить критерии «терророгенности», что позволит относить разные процессы и явления к террористическим.

Ключевые слова: международный терроризм, трансформация международных отношений, терророгенность.

INTERNATIONAL TERRORISM AS A FACTOR IN THE TRANSFORMATION OF MODERN INTERNATIONAL RELATIONS

Abstract: The new system of the world order is characterized by a contradiction: on the one hand, fragmentation, on the other – the growing influence of globalization. This trend will continue in the future, changing a number of previously existing phenomena. In this regard, a set of problems, previously predominantly local, including international terrorism, was transformed. This is a dynamic phenomenon that develops and changes over time, acquiring fundamentally new features and spheres of influence. The new state of international terrorism does not allow the formation of a single, universally accepted and acceptable concept of terrorism. Instead, it seems expedient to formulate clear criteria for «terrorogenicity», the existence of which would allow different processes and phenomena to be classified as terrorist. The global civilizational factor scales terrorism to one of the key elements of the struggle to establish a new hegemony or influence.

Key words: international terrorism, the transformation of international relations, terrorogenicity.

Современный миропорядок характеризуется глобальной неустойчивостью. Сюда входит и эволюция содержания терроризма. Размываются границы самостоятельной сути этого явления по отношению к войне, вооруженным конфликтам, освободительному движению, реализации права наций на самоопределение, сепаратизму, репрессиям, наемничеству, иным отдельным фактам и проявлениям. Целесообразно рассмотреть сегодняшний терроризм в рамках социально-политической динамики процессов миропорядка. В этой связи возможны частичные изменения парадигмы, обусловленные изменением содержания терроризма, который представляется как социально-политический феномен, развивающийся и трансформирующийся, как, собственно, и вся конструкция неустоявшегося еще по-

стбиполярного современного мира. Факты террора и терроризма определяются не как взаимосвязанная цепь сменяющих друг друга в историческом процессе событий. Речь, скорее, идет о замещении значений в рамках одного термина.

При этом зачастую довольно сложно провести границу между реальной актуальностью проблемы терроризма как явления и конъюнктурным его использованием в качестве своеобразной «ширмы» для решения иных вопросов; между социально-политической сущностью терроризма, как, скажем, следствия «проблем роста» современной цивилизации и искусственным инспирированием, «взрачиванием» его для достижения политических целей; между противодействием терроризму и использованием его угроз в своих интересах, — как субъектами терроризма, так зачастую и внешними по отношению к нему силами в псевдоантитеррористических кампаниях.

На фоне мировой глобализации, развития международных интеграционных процессов, частичной утери суверенитета многими государствами, проблема использования названной угрозы вышла за пределы решения локальных террористических задач. Более того, имея в качестве одной из задач формирование системы международного деструктивного политического воздействия на мир, из чисто террористической эта угроза в значительной мере превратилась в более сложную «методологию» сочетания тактики использования террористических и нетеррористических политических институтов и процессов.

Сегодня процессы глобализации в определенной степени нивелировали формы решения проблем международной безопасности преимущественно посредством актуализации демократического развития отдельных стран, обществ, народов, регионов, защиты там прав человека, поддержки процессов либерализации и международной интеграции. Серии террористических атак на многие субъекты и структуры международной деятельности переместили вопросы безопасности на одно из первых мест.

Крупные террористические сети, сначала Аль-Каида, а впоследствии ИГИЛ (позднее — ИГ) даже сделали заявку на государственное строительство и, несмотря на то, что не являются таковыми, стремились к конкуренции с государствами в плане контроля над населением и ресурсами. Противодействие этим процессам усложняется многими факторами современной жизни, например, меняющимися ситуациями возможности или невозможности, желания или нежелания одних ведущих государств использовать в ряде обстоятельств свое экономическое превосходство для установления военного господства или получения стратегического преимущества над иными ведущими державами и т.п.

Деятельность международных террористических организаций способна подорвать основы международного порядка, в соответствии с которым только государства могут использовать монополию на законное применение силы. Международный терроризм угрожает системе взаимного сдерживания, которая лежит в основе существования современных государств. Особо значим именно тот факт, что помимо отдельных террористических групп, преследующих свои частные цели, существует и координация террора в определенном международном пространстве, что угрожает безопасности практически всех народов и всей системе международных отношений.

Государства являются особыми субъектами в построении мирового порядка, но современная политическая практика показала, что они — уже не единственные игроки в сфере международных отношений. Более того, в мировом сообществе отсутствует консенсус в отношении легитимности, статусной роли определенных государств. Поэтому следует признать способность международных террористиче-

ских сетей в наибольшей мере нарушать суверенность именно таких государств, относительно легко распространяя свое влияние и идеологию в пределах их границ, что облегчает им исполнение и террористических актов.

Ярким примером служит распространение ИГ не только в Ближневосточном регионе, но и почти во всех конфликтных зонах мира. Излишне говорить, что такие международные террористические группы не признают глобальных норм и международных правил в отношении применения силы. При этом существует паразитное взаимодействие между слабыми государствами и негосударственными субъектами террора. Террористические сети процветают, как правило, в условиях, когда верховенство закона отсутствует или плохо реализовано.

Субъективность же обвинений государств в использовании терроризма в политических и геополитических целях зачастую связана с противостоянием, территориальными спорами, религиозно-этническими или другими конфликтами между странами. Но в качестве обобщающего и масштабного примера использования государством в своих целях терроризма многие выделяют США. В последние годы их экспансионная политика развивается под флагом борьбы с международным терроризмом, в то время как внушительная часть общества в отдельных странах и регионах мира, а также руководители Ирана, Сирии, Боливии и некоторых других стран квалифицируют американскую конкурентную активность как «терроризм». Таким образом, границы восприятия явления могут быть связаны и с собственными его трактовками, понятийными подменами, интерпретациями, версиями событий правительствами стран, политическими движениями, различными сообществами и организациями.

Тут важно еще раз подчеркнуть, что современный терроризм целесообразно исследовать как социально-политический феномен, находящийся в процессе развития и трансформации, корреспондирующимся со всеми иными динамичными изменениями современного мира. А нынешняя невозможность выработки единой международной позиции по локальному и международному терроризму, определению его сущности и соответствующим дефинициям обусловлена тем, что в условиях глобальных трансформаций, различных социально-политических концепций, данное явление используется как инструмент политической борьбы, в том числе в международной сфере. И понимается он по-разному: с точки зрения как самооценки, так и квалификации действий соперников на международной арене. В итоге терроризм как идеология нелегитимного насилия с зафиксированными признаками каждый раз де-факто рассматривается как конкретный вид преступления со своим составом, что определяется действующим международным правом и национальными законодательствами, решениями уполномоченных органов и представителей власти самостоятельно, по своему усмотрению и под свою ответственность.

Вместо поиска новой дефиниции терроризма следует, вероятно, для начала научиться рассматривать различные деструктивные явления (война и вооруженные конфликты, репрессии, проявления преступности, сепаратизм в агрессивной фазе и т.п.) не как обобщающие политические определения, поглощающие терроризм либо, напротив, сопутствующие ему, а определять их самостоятельное содержание в рамках устоявшихся общепринятых норм и терминов, закрепленных в унифицированных международных и национальных нормативных и научных документах, но с выделением в них при конкретных условиях признаков терророгенности. Такие признаки будут дополнительной отягощающей характеристикой и квалифицирующим критерием оценки.

В этой связи представляется возможным использовать понятие «терророгенности» как сущности, обусловленной целями и задачами, достигаемыми воздействи-

ем на властно-политическую среду (прямой объект) при помощи насилия. Такое насилие направлено преимущественно на имеющие определенную связь с прямым объектом непосредственные объекты, которыми является мирное население и гражданская инфраструктура. Цель — довести людей до состояния страха, ужаса, подавленности, добиться запугиванием дестабилизации положения, расстройств нормальной жизнедеятельности, капитулянтских призывов к переговорам с террористами и т.п.

Предложенный подход предполагает поиск своеобразного «гена» терроризма, который должен стать условной единицей анализа для соответствующих оценок и выводов. Подобной единицей может считаться один акт терророгенного воздействия. При понимании терророгенности как потенциальной предпосылки к терроризму эта единица будет рассматриваться через объективную и субъективную возможность такого акта. Имеется в виду, конечно, не только непосредственный насильственный акт, но и сопутствующее ему информационное воздействие на общество.

Механизмы, формирующие предрасположенность определенных субъектов, процессов, явлений к терроризму в будущем, целесообразно рассматривать как «наследование в виде переноса и активизации признака» террористических предпосылок от самостоятельной сущности или окружающих условий. Таковыми могут быть деструктивные проявления, потенциально приводящие к устрашению населения и власти без начальных целевых террористических установок. То есть фактическое влияние на принятие властных решений, в том числе методами пропаганды, агитации, манипулирования гражданским обществом, политическими подсистемами с элементами использования насилия. Подобное влияние может предполагать применение силы для достижения политических целей либо, наоборот, не иметь изначально политических установок, но использовать деструктивный потенциал, включающий собственные механизмы политической дестабилизации общества.

Выделив в качестве прямого объекта властно-политическую среду в целом, а не конкретные органы или представителей власти, исходим из возможности насильственного воздействия не только на власть как совокупность госструктур, но и на народ как носитель суверенитета страны и источник власти. При этом между прямым и непосредственным объектом воздействия должна существовать определенная связь, способная вызвать реакцию прямого объекта при воздействии на непосредственный. Эта связь может носить как прямой характер (напр., органы государственной власти — население страны), так и опосредованный (скажем, соотечественники, проживающие за пределами определенной страны, — властные структуры данного государства).

Международный терроризм практически уже стал одной из основных проблем международной безопасности, даже несмотря на то, что в своей «гиперформе» все еще является менее глобальной угрозой человечеству по сравнению с болезнями, последствиями войн, голодом, жертвы которых могут исчисляться миллионами. Но по ходу технологической революции возрастает и угроза терроризма, поскольку международный контроль над ним становится все более сложной задачей.

Сегодня не имеющее аналогов в прошлом многообразие выходящих за пределы правового регулирования акторов, способных оказать влияние на международные отношения, требует целостного скоординированного подхода к проблеме терроризма, основанного на международном консенсусе при формировании альтернативных конкурирующих центров выработки унифицированных правил и методов борьбы со всемирным злом.

А.В. Куприянов

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ИНДИИ ПРИ НАРЕНДРЕ МОДИ: АРХАИЗАЦИЯ ИЛИ МОДЕРНИЗАЦИЯ?

Алексей Владимирович Куприянов,
кандидат исторических наук,
научный сотрудник
ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН.

Аннотация: В 2015–2016 гг. во внешнеполитической риторике индийских властей произошли заметные изменения: все чаще в выступлениях Нарендры Моди и его соратников звучат отсылки к реалиям двухтысячелетней давности, в экспертном сообществе все популярнее становится древний трактат «Артхашастра», а правящая «Бхаратия джаната парти» призывает к единству в пространстве санскритской цивилизации. Некоторые эксперты видят в происходящем свидетельства трансформации дискурса и практик индийской внешней политики в сторону архаизации. В статье анализируются эти тенденции и их влияние на целеполагание индийских властей в сфере международных отношений.

Ключевые слова: Индия, внешняя политика, Нарендра Моди, архаизация, «Артхашастра».

FOREIGN POLICY OF INDIA UNDER NARENDRA MODI: ARCHAIZATION OR MODERNIZATION?

Abstract: In 2015–2016, the Indian external policy rhetoric has changed remarkably. The Prime-Minister Narendra Modi and his ministers have been referring to the political realities of the past centuries ever more often. The ancient treatise «Arthashastra» have been increasingly becoming more popular in the expert community, and the ruling «Bharatiya Janata Party» has been calling for unity in the space of the Sanskrit civilization. A number of experts say about the transformation of the discourse and practices of Indian external policy towards archaization. The article analyzes the tendencies towards the archaization of India's external policy and the influence it has on the international relations.

Key words: India, external affairs, Narendra Modi, archaization, Arthashastra.

На протяжении последних 70 лет целеполагание индийской внешней политики отличалось завидной стабильностью. Сменявшиеся правительства последовательно реализовывали идею, сформулированную еще первым премьер-министром независимой Индии Джавахарлалом Неру: ввести страну в круг великих держав, чтобы она заняла подходящее ей место. Наилучшей стратегией достижения этой цели представлялось копирование основных внешнеполитических практик других ведущих держав, что неизбежно подразумевало применение модели догоняющего развития, секуляризм, открытость новым веяниям и отказ от архаичного дискурса. Подобной стратегии следовал не только левоцентристский Индийский национальный конгресс (ИНК), находившийся у власти в общей сложности 54 года, но и популистские «Джаната парти», «Джаната Дал», а также правая «Бхаратия Джаната парти» (БДП) в периоды премьерства Атала Бихари Ваджапаи. Но ситуация изменилась после победы БДП на выборах 2014 г., в результате которой премьер-министром стал Нарендра Моди.

Предвыборная агитация БДП была сосредоточена в основном на внутривнутриполитических темах, внешняя политика занимала в ней скромное место — в частности, в манифесте партии ей отводилось менее полутора страниц из 42 [1]. Обещания партии вполне укладывались в название соответствующей главы манифеста: «Внешнеполитические отношения: нация — первым делом, всеобщее братство».

В тексте объявлялось о разрыве с предшествующей политической традицией. Указывалось, что Индия должна «занять подобающее ей место в сообществе наций и международных институтах», причем было заявлено о «переориентации целей и содержания внешней политики» в рамках новой парадигмы международных отношений. Отмечалась важность стабильного развития региона Южной Азии, подвергалось критике правительство ИНК, не сумевшее «установить прочные отношения дружбы и сотрудничества с соседними странами» и при этом испортившее отношения с традиционными союзниками. В качестве конечной цели в манифесте называлась «сильная, самодостаточная и уверенная в себе Индия», выстраивающая отношения с миром на основе вековой традиции, выраженной санскритской фразой *Vasudhaiva Kutumbakam* («Весь мир — одна семья»). В этой семье идеологи БДП отводили Индии, чья «магнетическая сила всегда состояла в ее древних мудрости и наследии, которые объясняли сущность принципов гармонии и справедливости», роль *Vishwaguru* — учителя, наставника всего мира (см.: [2]).

Идея личности Индии, ее уникальности на фоне других государств прослеживается по всему тексту: так, даже в параграфе, где речь идет о развитии торговых связей со всеми заинтересованными странами, упоминается «наша древняя цивилизация». Для достижения роли *Vishwaguru* в числе прочих средств предлагается сосредоточить внимание на более активном использовании во внешней политике мягкой силы, на популяризации культурных, философских, духовных практик и достижений индийской цивилизации. При этом в манифесте оговаривается, что внешняя политика страны должна в первую очередь опираться на национальные интересы, но не уточняется, как это положение соотносится с упомянутыми претензиями на духовно-философское лидерство в мире. Является ли это духовное лидерство самоцелью или всецело подчинено национальным интересам, из текста программного манифеста тоже не ясно.

Таким образом, основные принципы будущей индийской внешней политики были, пусть и расплывчато, обозначены еще до избрания Н. Моди. Наряду с прагматичным отстаиванием интересов страны в экономической и политической сферах была подана заявка на статус духовного лидера всего мира, причем под эту заявку подводилась сугубо архаичная база с отсылками к традиционным ценностям.

Однако, вопреки ожиданиям, сразу после избрания Моди не стал коренным образом менять ориентиры внешней политики. В целом он продолжил курс Манмохана Сингха в рамках так называемой «доктрины Гуджрала», развивая отношения с соседними странами на основе принципов взаимоуважения, суверенитета и невмешательства во внутренние дела. Более того, Н. Моди сумел частично нормализовать отношения с Пакистаном и Китаем, встретившись с премьером Навазом Шарифом и Председателем КНР Си Цзиньпином. Особенно впечатляющим выглядел прорыв в отношениях с США, прежде всего на фоне дипломатического кризиса, разразившегося в декабре 2013 г. Серьезное внимание Моди уделял и контактам со странами Юго-Восточной Азии: чтобы подчеркнуть их важность, проводившуюся с начала 1990-х гг. политику *Look East* (см.: [3]) переименовали в *Act East*, причем сфера интересов Индии была расширена до стран Восточной Азии, а преимущественно экономические интересы дополнены интересами в сфере безопасности.

Одновременно БДП вела работу над новой внешнеполитической стратегией. Она была представлена в апреле 2015 г. в качестве замены «панчашиле» — пяти принципов, предложенных на переговорах с КНР Джавахарлалом Неру в 1954 г. и с тех пор лежавших в основе индийской внешней политики и определявших внешнеполитический курс страны. «Панчашила» («пять принципов» или буквальном переводе «пять добродетелей») состояла в следующем: взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета, ненападение, невмешательство во внутренние дела, равенство и взаимная выгода, мирное сосуществование [4].

Вместо «панчашилы» БДП предложила «панчамриту» — в буквальном переводе «пять амброзий» — так в индуистских практиках называется смесь из пяти элементов (меда, йогурта, молока, сахара и топленого масла гхи), которая используется в ритуалах. Новые пять принципов формулировались следующим образом: «самман» (честь, достоинство), «самват» (диалог), «самриддхи» (преуспевание, процветание), «суракша» (безопасность), «санскрити эвам сабхьята» (культурные связи внутри пространства санскритской цивилизации) [5].

Показательно, что в тексте документа вообще не упомянуто слово «Индия». Вместо него используется исключительно термин «Бхарат» — древнее санскритское наименование субрегиона, которое радикальные круги в БДП обычно противопоставляют понятию «Индия» как детищу западного колониализма, развращенному европейским влиянием.

Подобная ориентация на традиционные ценности и реалии многовековой давности характерны не только для внутрипартийного дискурса БДП. Экспертное сообщество, традиционно играющее большую роль в формировании уже общенационального внешнеполитического дискурса, все чаще апеллирует к древности. В частности, наблюдается всплеск интереса к «Артхашастре» (см.: [6]) — трактату, по легенде написанному мудрецом Каутильей в III в. до н.э. и содержащему руководство по внутренней и внешней политике для царей [7]. Показательно, что колонка ведущего индийского политолога Раджи Мохана в издании *The Indian Express*, посвященная политике Нарендры Моди, именуется *Raja Mandala* — «круг царей», отсылая читателя к ключевому понятию внешнеполитической стратегии государя в «Артхашастре».

Признаки архаизации можно разглядеть не только в риторике, но и в практике индийской дипломатии. Так, в отношении стран Юго-Восточной Азии, на которые ориентирована политика *Act East*, кабинет Моди активно прибегает к методам религиозной дипломатии, апеллируя к общему наследию буддизма тхеравады в противовес буддизму махаяны, распространенному в Китае.

Многократно усиливает внешний эффект архаизации политика Н. Моди внутри страны, в частности, его жесткая критика ИНК и мусульманских движений, нарастание волны правого экстремизма при попустительстве властей. Все это в совокупности и создает впечатление устойчивой архаизации индийской внешнеполитической практики и ее «идейного» обеспечения. Чтобы понять, насколько верно это впечатление, необходимо проанализировать составляющие индийской внешней политики в целом.

Внешнюю политику Индии отличает многосторонность и разновекторность, причем специфика отношения к тому или иному региону во многом определяется событиями исторического прошлого страны. Во времена древних индийских империй, в эпохи Маурьев и Чола, индийцы осуществляли экспансию в направлении континентальной и морской Юго-Восточной Азии. Это привело к распростране-

нию индийского культурного и религиозного влияния почти на всей территории региона.

В XIII в. параллельно с ослаблением и упадком южной талассократии Чола север Индии попал под власть мусульманских завоевателей, что включило Индию в общую орбиту мусульманской цивилизации, связав ее с Ближним Востоком и Центральной Азией. Европейские колониальные империи, в свою очередь, концентрировались на установлении военно-морского контроля над торговыми путями Индийского океана. В период британского владычества фактически объединенная Индия превратилась в доминирующий элемент всего региона Индийского океана и Южной Азии.

Наконец, уже после обретения Индией независимости Д. Неру попытался сформировать Бандунгскую систему, в которой Индия в сотрудничестве с Китаем превратилась бы в лидера стран Азии и Африки, освободившихся от колониальной зависимости. После провала идеи индийско-китайского альянса преемница Неру Индира Ганди, сохраняя курс на завоевание лидерства в третьем мире, ориентировала Индию на сотрудничество с СССР и социалистической системой в целом, придав внешней политике страны евразийский уклон.

Такое многообразие исторических пластов позволяет индийским дипломатам и политикам использовать их в качестве фундамента, выстраивая отношения с соответствующими регионами на основе имеющегося опыта и традиций. Так, многовековое общее культурно-политическое поле помогает индийцам поддерживать тесные отношения со странами Ближнего Востока, включая государства Аравийского полуострова и Ирак. Политика страны в зоне Индийского океана строится всецело на принципах, заложенных еще португальцами и позже развитых британцами; Еще одно наследие колониального прошлого – формирование почти по всему миру многочисленной индийской диаспоры, отношения с которой являются важной частью индийской внешней политики.

С учетом сказанного неудивительно, что индийский «поворот на Восток», начавшийся в 1990-х и усилившийся в последние годы, актуализировал древнейший пласт внешней политики. Как в свое время заметил американский исследователь Норман Палмер, «почти каждый аспект внешней и внутренней политики Индии, похоже, должен быть укоренен в традиции и иметь философское обоснование» [8]. Таким образом, Н. Моди и индийские элиты ищут базис, на котором им было бы комфортно выстраивать отношения со странами мегарегиона.

При всем отмеченном само содержание внешней политики Моди сугубо реалистично и прагматично. В отношениях со странами своего «расширенного соседства» Индия ищет прежде всего экономической выгоды и достижения договоренностей, которые позволили бы ей гарантировать свою безопасность. Если мы взглянем на нынешнюю индийскую внешнюю политику в целом, то заметим, что апелляция к архаике рельефно проявляется только на восточном направлении, где она исторически и культурно обоснована наличием общего культурного прошлого. Параллельно с Act East Индия активно действует на африканском направлении, восстанавливает позиции на Ближнем Востоке, подорванные после американской интервенции в Ирак. Наконец, Индия претендует на расширение своей роли внутри Британского содружества с последующим превращением его в полноценную международную организацию. Эти примеры наглядно демонстрируют, что об архаизации всего внешнеполитического дискурса говорить не приходится.

В то же время архаизацию экспертной риторики подобным образом объяснить невозможно. Можно лишь предположить, что в значительной степени происходя-

щее является отражением сложных процессов, происходящих во внутренней политике Индии. Страна переживает сейчас грандиозную трансформацию: в условиях изменения внешнеполитической парадигмы правящая БДП пытается изменить и парадигму внутреннюю, изменив основные принципы дальнейшего формирования индийской нации и отказавшись от нарочитого секуляризма в пользу религиозного единства национального ядра. Понятно, что внутривнутриполитический дискурс в значительной мере определяет и характер мышления представителей экспертного сообщества – поддерживают ли они, хотя бы и с оговорками, происходящие процессы или противопоставляют себя им.

В сложившихся условиях можно говорить о своеобразной модернизации, которую осуществляет правительство Н. Моди, рассчитывая сформировать ядро нации, ее лояльное большинство, на которое можно было бы опереться в испытаниях, неизбежных в ходе превращения Индии в один из полюсов будущего мира. То, что эта модернизация сопровождается архаизацией дискурса, политической формой обращения к корням при одновременной экономической модернизации, достаточно типично, как видно на примере и остальных претендентов на роль полюсов силы, включая Россию.

Источники и литература

1. Ek Bharat Shreshtha Bharat: Election Manifesto 2014. // [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://indir.bjp.org/images/pdf_2014/full_manifesto_english_07.04.2014.pdf – Дата обращения: 18 мая 2018.
2. *Raja Mohan, C.* Modi's India. Expanding India's Sphere of Influence. Noida: Harper Collins Publishers, 2015. P. 209.
3. *Tharoor Sh.* Pax Indica. India and The World of the 21st Century. New Delhi: Penguin Books, 2012. P. 191–192.
4. *Gupta K.R., Shukla V.* Foreign Policy of India. Vol. 1. New Delhi: Atlantic, 2009. P. 104.
5. BJP proposes 'panchamrit' to Nehruvian 'panchsheel' // Business Standard. 04.04.2015. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.business-standard.com/article/politics/bjp-proposes-panchamrit-to-nehruvian-panchsheel-115040300850_1.html – Дата обращения: 21 мая 2018.
6. *Saran Sh.* How India Sees The World. Kautilya to the 21st Century. New Delhi: Juggernaut, 2017. P. 11–13.
7. В качестве примера можно привести сборник «Новая “Артхашастра”» под редакцией одного из ведущих индийских аналитиков *Гурмита Канвала*. (The New Arthashastra. A Security Strategy for India / Ed. By *Gurmeet Kanwal*. Noida: Harper Collins Publishers, 2016.)
8. *Pande A.* From Chanakya to Modi: the Evolution of India's Foreign Policy. Noida: Harper Collins Publishers India, 2017. P. 20.

Г.М. Сидорова

АФРИКАНСКИЕ СТРАНЫ В СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ (НА ПРИМЕРЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ КОНГО)

Галина Михайловна Сидорова,
*доктор политических наук,
профессор кафедры теории и истории
международных отношений Московского
государственного лингвистического университета,
заместитель директора Института международных
отношений и социально-политических наук.*

Аннотация: Африканские страны становятся все более активными акторами в мировых политических процессах. Среди них — государства Центральной Африки, наиболее бедной и обездоленной части континента. Авторское внимание концентрируется на формировании внешней политики Демократической Республики Конго (ДРК) по окончании затяжной войны 1998—2003 гг., в сложный последующий период истории страны.

Ключевые слова: Африка, Демократическая Республика Конго, вооруженный конфликт, дипломатия, внешняя политика.

AFRICAN COUNTRIES IN THE MODERN INTERNATIONAL RELATIONS (CASE STUDY OF THE DEMOCRATIC REPUBLIC OF CONGO)

Abstract: African countries are becoming more energetic actors in the international political process. The central African countries, which are the poorest and the most miserable part of the continent, are among them. The author puts emphasis on the forming of foreign policy of Democratic Republic of Congo (DRC), which began after the sustained war in 1998—2003. The next step was the interim period, in which the government focused on the economic recovery and redevelopment of democratic institutions. The volatile environment in the east of the country was the aggravating factor because of on-going armed conflicts.

Key words: Africa, Democratic Republic of Congo, armed conflict, diplomacy, foreign policy.

Формирование внешней политики Демократической Республики Конго (ДРК) началось с окончанием затяжной войны 1998—2003 гг. Реабилитировать имидж страны и восстановить доверие к ней на международной арене было непросто. Страна имела большой по отношению к ее экономическим возможностям внешний долг (ок. 14 млрд долл.), не пользовалась надлежащим авторитетом в Африканском союзе (АС) и других международных организациях. В переходный период 2003—2005 гг. основное внимание руководства страны было направлено на восстановление экономики и демократических институтов. Наиболее отягчающим обстоятельством оставалась нестабильная обстановка на востоке ДРК, где не прекращались вооруженные столкновения между различными по этническому составу военными формированиями.

В 2006 г. впервые за всю историю ДРК состоялись всеобщие демократические выборы. Новое руководство страны во главе с уже легитимно избранным президентом

Ж. Кабиллой (в 2001 г. он был назначен главой государства переходным парламентом) взяло курс на вывод страны из политико-дипломатической изоляции, повышение ее авторитета на международной арене и роли в интеграционных процессах на Африканском континенте, обеспечение безопасности и стабильности в районе Великих Озер. Внешнеполитическая деятельность стала одним из приоритетных направлений работы конголезского руководства. В инаугурационной речи 6 декабря 2006 г. Ж. Кабила заявил о необходимости сменить «представительскую дипломатию на дипломатию развития» [6]. Ввиду комплексного характера проблем постпереходного периода ДРК особо нуждалась в активной внешней поддержке. Восстановление экономики и социальной сферы напрямую зависело от степени содействия традиционных партнеров, субрегиональных, региональных и международных организаций, мирового сообщества в целом.

Объявленная Ж. Кабиллой политика «открытых дверей» создала благоприятную возможность для дальнейшего расширения и российско-конголезских отношений. Взаимодействие между Россией и ДРК в политико-дипломатической области обрело устойчивый и позитивный характер. Это было особенно важно для Демократической Республики Конго в условиях «реальной маргинализации Африки, окончательного ее закрепления на периферии мировой системы» [4]. Значительные усилия конголезская дипломатия прилагала для притока в страну иностранных инвестиций и кредитов, содействия процессу ликвидации внешней задолженности, борьбы за повышение жизненного уровня населения и, через это, — стабилизации экономических показателей. Постепенно дипломатия ДРК начала выходить из состояния стагнации.

На авторитетных международных площадках впервые в качестве законно избранного президента Ж. Кабила выступил в 2007 г. на открытии 62-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН с изложением программы вывода страны из кризиса и призывом к мировому сообществу оказать ей содействие. За короткий период он посетил с визитами США, Республику Конго, Анголу, Гану, ЮАР, Бельгию. Законно избранные институты государственной власти ДРК уже в практической плоскости взялись за реализацию курса на вывод страны из политико-дипломатической изоляции, повышение ее авторитета на международной арене, деятельное участие в интеграционных процессах на Африканском континенте.

В октябре 2010 г. ДРК впервые за посткризисный период участвовала в саммите Международной организации Франкофонии (МОФ), состоявшегося в Монтре (Швейцария), где была избрана местом проведения следующего, XIV саммита этой организации. Был подписан ряд международных конвенций и соглашений в сфере разоружения и нераспространения оружия массового уничтожения, ратифицированы все международные конвенции по борьбе с международным терроризмом. Подводя итоги 50-летнего пути независимости в июне 2010 г., лидер страны высоко оценил достижения Республики. Российский исследователь А.Ю. Урнов назвал, к примеру, оценки главы ДРК «сверхоптимистичными» [5].

Новая концепция внешней политики была разработана в ходе 11-й Дипломатической конференции (совещания послов) МИД ДРК в 2011 г. [10]. В ней предусматривалось укрепить позиции страны на международной арене, чтобы она заняла соответствующее геополитическое и стратегическое положение в системе международных и африканских координат. В рамках реализации концепции внешней политики еще более активизировалась роль главы государства, выступившего в 2011 г. на 66-й сессии Генассамблеи ООН с программным документом.

Знаковым событием для ДРК стал XIV саммит МОФ, проходивший в Киншасе 12–14 октября 2012 г. под лозунгом «Франкофония, экономика и окружающая

среда перед лицом мирового правления». В работе саммита приняли участие 75 делегаций, в том числе 56 из стран-участниц, среди них 15 глав государств и правительств [9]. (Попутно отметим, что в Африке более десятка стран используют французский в качестве официального языка). Саммит получил высокую оценку экспертов. По итогам обсуждений на форуме была принята Киншасская декларация. В целом это сбалансированный документ, отражающий изменения на пространстве Франкофонии и в мире. В нем обозначена позиция МОФ по многим актуальным проблемам.

Последующие годы характеризовались новой динамикой конголезской дипломатии. ДРК баллотировалась в качестве непостоянного члена Совета Безопасности (СБ) ООН на 2012–2014 гг. Чтобы получить поддержку своей инициативы в АС, власти ДРК погасили задолженность этой организации и вернули стране право голоса, которого она была лишена в 2009 г. ДРК добилась нормализации отношений со странами-соседями, в первую очередь с Руандой, Угандой и Бурунди (в их столицах вновь были открыты соответствующие дипломатические миссии), что в значительной мере способствовало и стабилизации обстановки в регионе.

По вопросам реформы ООН конголезская сторона выступает за укрепление центральной роли этой универсальной организации, главной и общепризнанной площадки для коллективного поиска ответов на многочисленные вызовы нашего времени. Киншаса, как и прежде, выступает за расширение СБ ООН и предоставление в нем африканским странам мест на правах постоянных членов. При этом ДРК разделяет позицию России: расширение СБ ООН должно осуществляться на основе достижения максимально широкого согласия государств – членов этой организации. ДРК исходит из того, что противостоять новым вызовам и угрозам в одиночку африканские страны не в состоянии. В Киншасе считают, что им необходимо противодействовать коллективными усилиями под эгидой ООН.

ДРК выступает за дальнейшую консолидацию международных усилий в борьбе с международным терроризмом под объединяющим началом ООН. В соответствии с резолюцией 1373 СБ ООН в ДРК действует Национальный комитет по координации борьбы с международным терроризмом. Власти ДРК видят в международном терроризме одну из важнейших угроз для Африки, население которой в условиях массовой бедности и безграмотности легко подпадает под влияние террористов.

Однако стоит отметить, что «индикатором» внешней политики ДРК остается все же ее внутренняя политика. С 2014 г. в центре внимания конголезских политиков находились президентские выборы. Именно тогда «было посеяно «зерно», способное прорасти в серьезный политический кризис: возглавляемая президентом Народная партия за восстановление и демократию (НПВД) начала активно «вбрасывать» в информационное пространство ДРК мысль, что в интересах страны и конголезского народа Ж. Кабиле целесообразно остаться во главе государства на третий срок подряд [3]. Это ощутимо сказалось и на реноме и условиях работы конголезских дипломатов. Несмотря на предусмотренные Конституцией ДРК в ноябре 2016 г. очередные выборы, руководство страны предприняло все возможные меры для затягивания электорального процесса с целью продления срока полномочий президента. Политическая элита страны уже не раз демонстрировала намерение сохранить статус-кво, в том числе путем изменения Конституции.

В марте 2014 г. сторонник президента Клод Машала выступил с воззванием, в котором прямо призвал к пересмотру Конституции для переизбрания действующего президента на новый срок. Реакция Запада последовала незамедлительно. В ходе рабочего визита 3–4 мая 2014 г. в Киншасу тогдашний госсекретарь США

Дж. Керри «рекомендовал» лидеру страны отказаться от планов пересмотра Конституции и участия в выборах, заявив, в частности, что и без того Ж. Кабила «еще может принести пользу своей стране» [7].

Второй и последний президентский срок истек 20 декабря 2016 г. С приближением официального срока проведения выборов политический градус накала страстей в стране возрастал. В сентябре-октябре 2016 г. был организован «национальный диалог» с участием представителей власти и «управляемой» части оппозиции. По итогам этого форума подписали политическое соглашение, в соответствии с которым выборы перенесли на 2017 г. На фоне нового раунда диалога 19–22 декабря 2016 г. в Киншасе и ряде других крупных городов прошли новые столкновения оппозиционеров с правоохранителями, жертвой которых, по данным конголезской полиции, стал 31 человек.

К 2017 г. уже нельзя было скрыть ответного охлаждения лидера страны к Западу, связанного, конечно, в первую очередь с мощным прессингом западных стран в отношении ДРК в связи с несостоявшимися в конституционные сроки президентскими выборами. Вопреки требованиям оппозиции Ж. Кабила по-прежнему оставался на своем посту. ДРК обвинили в фундаментальных нарушениях принципов демократии и прав человека. Попытка части международной общественности кончить дело миром и вывести Киншасу из тупиковой ситуации не увенчалась успехом. В начале 2017 г. Генеральный секретарь ООН Антонио Гутерриш пытался дозвониться до лидера страны, но безуспешно. Ж. Кабила не отреагировал, а журналисты назвали эту попытку «звонком в пустоту» [8].

Если в начале своего президентства лидер ДРК стремился к налаживанию отношений с Западом, то сейчас создается впечатление, что власти страны всячески стремятся к отмежеванию от своих традиционных партнеров — Бельгии (бывшей метрополии), Франции, Великобритании и США, причем на всех уровнях, включая дипломатический, экономический и другие. Со своей стороны, западные партнеры все чаще выдвигают конголезцам жесткие условия предоставления помощи. В то же время Киншаса, будучи не в состоянии отказаться от финансовой помощи Запада, размер которой превышает четверть ежегодного госбюджета ДРК, сохраняет прозападную направленность. При этом власти делают также ставку на политическую поддержку со стороны Китая, реализующего в ДРК многомиллионные контракты (подр. см.: [2]. Активно развивается и взаимодействие с Индией, Бразилией, Японией, Турцией, Марокко и ЮАР.

Одновременно власти ДРК видят значительный потенциал в развитии отношений с Россией. Киншаса живо интересуется актуальными вопросами мировой повестки дня и весьма восприимчива к аргументациям российской стороны, что позволяет рассматривать ДРК как перспективного партнера по внешнеполитическому взаимодействию. Об этом свидетельствует визит в Россию в марте 2017 г. заместителя премьер-министра, министра иностранных дел Л. Ше Окитунду. В ходе переговоров в МИД России была подтверждена близость подходов двух стран к вопросам многополярности и равноправия государств как основам современного мироустройства, недопустимости попыток стран Запада доминировать на мировой арене. В своем приветственном слове С.В. Лавров подчеркнул, что «наши отношения являются традиционно дружественными, богатыми на историю и контакты между людьми. Мы заинтересованы в их всемерном развитии» [1].

В перспективе, по всей видимости, какие-либо новые контуры внешней политики ДРК проявятся при решении главного вопроса, которым озадачены сегодня конголезские политики, — проведения президентских выборов, т.е. демократиче-

ской смены власти в стране в соответствии с ее Основным законом. В случае углубления институционального кризиса и, как следствие, неизбежной эскалации насилия в ДРК, конголезская дипломатия не сможет активизироваться в ожидании перемен к лучшему.

Источники и литература

1. Вступительное слово Министра иностранных дел России С.В. Лаврова в ходе переговоров с заместителем Премьер-министра, Министром иностранных дел и региональной интеграции Демократической Республики Конго Л. Ше Окитунду, Москва, 22 марта 2017 года // [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/2700471 – Дата обращения: 11 мая 2018.
2. Дэйч Т.Л. Африка в стратегии Китая. М.: Институт Африки РАН, 2008. 326 с.
3. Дябин А.Ю. Демократическая Республика Конго, 2016 год: есть ли выход из тупика? // Международная жизнь. 2016. № 6. С. 25.
4. Корендясов Е.Н. Россия и Африка: проблемы экономического сотрудничества // Африка и мир в XXI веке. М.: Институт Африки РАН, 2010. С. 13.
5. Урнов А.Ю. Африка и ООН: на исходе первого десятилетия XXI века. М.: Институт Африки РАН, 2011. С. 115.
6. Discours d'investiture de Kabila // Le Potentiel. Kinshasa. 12.12.2006 // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://groups.google.com/forum/#!topic/gotseidanke/K1nVcQYc6G0> – Дата обращения: 14 мая 2018.
7. Elections: les Etats-Unis appellent au respect de la constitution en RDC. Radio Okapi. 05.05.2014 // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://radiookapi.net/actualite/2014/05/05/elections-les-etats-unis-appellent-au-respect-de-la-constitution-en-rdc/> – Дата обращения: 11 мая 2018.
8. Le Monde. 2 fevrier 2017 // [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.lemonde.fr/afrique/article/2017/02/21/joseph-kabila-ou-l-equilibrisme-diplomatique_5083081_3212.html – Дата обращения: 11 мая 2018.
9. M'Putu Eduard-Veritas. Kinshasa hôte de la Francophonie // La République. Kinshasa. 03.10.2012. P. 7.
10. Nkunda Lukusa S. La promotion de la diplomatie congolaise et des droits de l'Homme // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.memoireonline.com/11/13/7957/La-promotion-de-la-diplomatie-congolaise-et-des-droits-de-l-Homme.html> – Дата обращения: 11 мая 2018.

А.А. Сергунин

РЕФОРМА ООН И СТРАНЫ БРИКС

Александр Анатольевич Сергунин,

доктор политических наук,

профессор факультета

международных отношений СПбГУ.

Работа выполнена в рамках проектов, поддержанных

Российским научным фондом (№ 16-18-10315)

и СПбГУ (проект 17.37.226.2016).

Аннотация: Рассмотрены сходства и различия позиций стран БРИКС по вопросам реформы ООН. Если в отношении необходимости реформирования большинства специализированных учреждений и миротворческой деятельности ООН между ними существует взаимопонимание, то по вопросу реформы Совета Безопасности каждая из пяти стран, входящих в группу БРИКС, имеет особое мнение.

Ключевые слова: ООН, БРИКС, реформа, сотрудничество.

THE UN REFORM AND BRICS COUNTRIES

Abstract: This study aims to examine similarities and dissimilarities in the BRICS countries approaches to the UN reform. While they have almost full understanding on issues, such the UN specialized bodies' and peacekeeping activities' reform, each BRICS country has its own opinion on the UN Security Council's reform. This article not only describes each BRICS country's views on the UN reform but also examines how this problem affects intra-BRICS relations and the forum's general effectiveness.

Key words: UN, BRICS, reform, cooperation.

Введение

С Уфимского саммита 2015 г. страны БРИКС считают координацию своей деятельности в рамках международных организаций, включая ООН, одной из важнейших задач [1]. ООН рассматривается ими как центральный и единственный легитимный орган глобального управления. Все члены «пятерки» согласны с тем, что законные полномочия в сфере поддержания мира и безопасности имеет только Совет Безопасности (СБ) ООН и, соответственно, отвергают меры, принятые кем-либо в одностороннем порядке, в обход данного органа. БРИКС постоянно демонстрирует заинтересованность в максимальном усилении роли ООН в международных делах, совершенствовании механизмов функционирования этой организации и совместном поиске ответов на глобальные вызовы и угрозы.

В то же время страны БРИКС понимают необходимость своевременного реформирования этой уникальной международной организации с тем, чтобы она могла адекватно реагировать на динамичные изменения в современном мире. Такая необходимость констатируется в заключительных документах практически каждого саммита БРИКС. А по итогам саммита БРИКС в Сямэне (КНР) в сентябре 2017 г. была принята также декларация, в которой подчеркивалось: Китай и Россия придают важное значение статусу и значению Бразилии, Индии и Южной Африки в международных делах и поддерживают их стремление играть большую роль в ООН [2].

В данной статье рассматриваются позиции стран БРИКС по трем наиболее дискуссионным вопросам – реформа СБ ООН, международных финансовых институтов, работающих под эгидой ООН (МВФ и Всемирный банк), и миротворческой деятельности этой организации.

Реформа Совета Безопасности

Попытки реформирования Совета Безопасности регулярно предпринимаются различными странами и коалициями государств на протяжении последней четверти века, то есть значительно ранее до появления самой группы БРИКС. Сторонники реформы Совбеза особенно активизировались в преддверии юбилейного саммита ООН 2005 г. Возникшая незадолго до этого «четверка» государств (Бразилия, Индия, ФРГ и Япония) при поддержке 23 стран представила резолюцию, в которой предлагалось добавить к нынешнему составу СБ ООН 6 постоянных мест (два – для Африки, два – для Азии, одно – для Латинской Америки, одно – для Восточной Европы) и еще четыре непостоянных места (по одному для Африки, Азии, Восточной Европы и Латинской Америки). При этом предполагалось, что все страны самой «четверки» войдут в состав постоянных членов Совбеза. По плану новые постоянные члены должны были пользоваться одинаковыми правами и привилегиями, такими же, как первоначальные постоянные пять членов. Но право вето не предоставлялось бы им в течение 15 лет, и вопрос следовало вновь рассмотреть лишь после анализа всех политических событий и результатов деятельности ООН за этот период (то есть приблизительно к 2020 г.).

В это же время сформировалась и единая позиция африканских государств. Они предлагали увеличить состав СБ до 26 членов, создать два постоянных места с правом вето (определить новых постоянных членов предстояло в рамках Африканского союза) и 5 дополнительных непостоянных мест для африканских стран. Право вето, по мнению африканцев, должно быть упразднено, но до пока этого не произошло, новые постоянные члены, включая африканских, могли бы пользоваться им в полном объеме. ЮАР, хотя формально согласилась продвигать реформу ООН только в рамках Африканского союза, втайне надеялась, что именно ее предложат кандидатом в постоянные члены Совбеза.

Реакция России и КНР как постоянных членов СБ ООН на эти предложения была различной.

К сожалению, российская позиция по вопросу реформы Совбеза не всегда отличалась последовательностью. С одной стороны, она базировалась на том, что реформирование данного органа нацелено на повышение эффективности его работы и не должно наносить ущерба статусу нынешней «пятерки» постоянных членов. По мнению Москвы, процесс совершенствования СБ ООН должен проходить без спешки, продуманно, для чего необходим консенсус, прежде всего – в рамках самого Совбеза, относительно концептуальных основ и практических мер по сохранению и укреплению его роли как главного органа ООН. Россия считала, что для более справедливого представительства в Совете различных стран и регионов его состав может быть расширен в обеих категориях (как постоянных, так и непостоянных членов), но расширение должно быть минимальным, в пределах 20 членов, что позволило бы сохранить работоспособность Совета [3].

С другой стороны, позиция России по вопросам конкретного состава расширенного СБ ООН неоднократно менялась. Так, в разное время Москва обещала поддержать кандидатуры Бразилии, Германии, Индии и Японии, а потом Египта и ЮАР в том случае, если будет принято решение о расширении Совета в катего-

рии его постоянных членов. Затем, после ливийского кризиса 2011 г., когда страны НАТО воспользовались резолюцией СБ ООН для свержения режима М. Каддафи, позиция Москвы эволюционировала в сторону ужесточения требований к кандидатам в расширенный состав Совета. Ныне Россия поддерживает только кандидатуры своих партнеров по БРИКС, и то при условии, что они будут одобрены другими постоянными членами Совбеза и большей частью государств – членов ООН.

Китай длительное время воздерживался от открытого заявления своей позиции по реформе СБ ООН. Только в преддверии Саммита-2005 Пекин обозначил свои требования по этому вопросу:

- 1) недопустимость установки каких-либо сроков проведения реформы;
- 2) необходимость достижения консенсуса среди государств – членов ООН;
- 3) неприемлемость кандидатуры Японии в постоянные члены СБ ООН.

Жесткая позиция Китая по вопросу о включении Японии в состав постоянных членов Совета объясняется главным образом тем, что, по его мнению, эта страна отказывается признавать свои исторические преступления и ошибки. КНР считает: что позиция Токио по проблемам отношения к милитаристскому наследию Японии недостаточно честна и критична. Пекин согласен рассмотреть Японию в качестве претендента на место постоянного члена СБ ООН только в случае, если Япония займет однозначную позицию по соответствующим историческим вопросам и избавится от остаточного груза своего милитаристского прошлого. Что же касается кандидатуры Германии, то КНР указывает на тот факт, что Европа и так представлена в постоянном составе СБ двумя странами (Великобритания и Франция).

Бразилию и Индию на официальном уровне Пекин считает сильными кандидатами на вхождение в Совбез в качестве его постоянных членов. Однако в неформальном порядке китайские дипломаты и эксперты выражают сомнение по поводу сегодняшнего соответствия этих стран высоким требованиям, предъявляемым к постоянным членам СБ ООН. Учитывая наличие у них множества внутренних социально-экономических и экологических проблем, они вряд ли способны внести существенный вклад в финансирование различных программ ООН. К тому же с Индией у Китая давно сложились довольно напряженные отношения из-за неразрешенных территориальных споров. Пекин также указывает на то обстоятельство, что Дели – «злостный» нарушитель режима нераспространения ООН, незаконно, как и Пакистан, обладающий ядерным оружием, что существенно подрывает репутацию Индии как ответственного международного актора, следующего Уставу и решениям ООН. По перечисленным причинам КНР старается не связывать себя какими-либо конкретными обязательствами перед Бразилией и Индией, ограничиваясь, как уже отмечено, общими словами о необходимости повышения их статуса в ООН.

В остальном позицию Пекина можно вкратце свести к тому, что Совет Безопасности должен быть реформирован на основе принципа справедливого географического распределения, причем одно постоянное место обязательно должна получить африканская страна (возможно, ЮАР). Реформу ООН не следует сводить только к увеличению числа постоянных членов СБ. Небольшим странам нужно предоставить право вообще играть большую роль в международных отношениях. Китаю при этом импонирует идея: постоянные места должны предоставляться регионам, а не странам (в дальнейшем страны на этих местах будут чередоваться между собой) [4]. Кроме того, Китай стремится комплексно увязать реформу Совета с более широкой реформой всей ООН.

Планы «четверки» и Африканского союза по реформированию СБ ООН встретили сопротивление не только России и КНР, но и других влиятельных государств,

в том числе и остальных из состава «пятерки» постоянных членов Совбеза. В результате оба предложения не были поддержаны Генеральной Ассамблеей ООН. «Четверка» регулярно пытается реанимировать свой план, готовя к «круглым» датам (65 и 70 лет со времени создания ООН) новые варианты своих предложений, но они так и не получили одобрения со стороны большинства членов ООН.

Надо отметить, что противникам расширения Совбеза удалось создать ряд дополнительных сложностей на пути реформирования этого важнейшего органа ООН. Во-первых, еще в 1998 г. была принята резолюция 53/30, в соответствии с которой любые решения, связанные с реформой ООН, должны приниматься квалифицированным большинством, то есть 2/3 голосов. Во-вторых, в 2008 г. было принято решение 62/557 о «пакетном» подходе к реформе Совета: все ее ключевые направления (категории членства; право вето; справедливое распределение мест между регионами; размер и рабочие органы Совета; методы их работы; отношение функций и полномочий СБ и Генеральной Ассамблеи ООН) рассматриваются только в комплексе, а для принятия окончательной резолюции необходим консенсус по всем ее аспектам.

Последнее решение было особенно болезненно воспринято сторонниками реформ (включая и остальную «тройку» БРИКС), поскольку они выступают против «пакетного» принципа. Таким образом, к упомянутым политическим разногласиям между сторонниками и противниками реформ добавились правовые и процессуальные препятствия, сдерживающие ход реформы СБ и делающие ее невозможной в обозримом будущем.

Реформа Всемирного банка и МВФ

Финансово-экономический кризис 2008–2010 гг. вызвал острое недовольство стран БРИКС существовавшей тогда международной финансовой системой. Они винили доминирующие в международных финансовых институтах развитые страны (прежде всего, США) в том, что своей эгоистичной политикой они спровоцировали названный кризис, а затем устранились от его урегулирования.

Кроме того, страны БРИКС указывали на то, что система распределения квот и голосов в ведущих финансовых институтах ООН – Всемирном банке и МВФ – несправедлива, так как давно не соответствует соотношению сил в мировых экономике и финансах. Так, в 2011 г. на долю БРИКС приходилось 46% мирового населения, 21,6% мирового ВВП в текущих ценах и почти 30% ВВП по паритету покупательной способности (ППС) [5]. При этом пять стран БРИКС в совокупности имели лишь 13–14% акций и голосов во Всемирном банке. На группу же развитых стран «семерки» приходилось только 15% мирового населения. В текущих ценах их тогдашняя доля в мировом ВВП составляла 46,2%, что примерно соответствует доле голосов в Международном банке реконструкции и развития (МБРР), составляющем «ядро» Всемирного банка. Однако при расчете по ППС на «группу семи» приходилось лишь 32,8% мирового ВВП, то есть количество акций и голосов стран «семерки» во Всемирном банке в целом было явно завышено.

Система квот МВФ, определяющая взносы каждой страны и количество голосов, которые она получает, была еще более несправедливой. До реформы 2010 г. страны БРИКС имели только 10,3% квот. Европейские страны, напротив, имели 27,5% при доле в общемировом ВВП, равной всего 18%. Усугубляло проблему то, что должность главы МВФ была «зарезервирована» за европейцами, в то время как аналогичный пост во Всемирном банке традиционно занимал американец. Представители стран БРИКС выступали за то, чтобы на эти должности выбирали управленцев по их деловым качествам, а не по региональному принципу.

Тогда еще «четверка» – БРИК, выступавшая единой группой внутри «двадцатки», – предлагала перераспределить не менее 6% голосов во Всемирном банке в пользу развивающихся стран. Но «двадцатка» согласилась лишь на меньший уровень перераспределения – 3% [6]. Несмотря на это страны БРИК поддержали пакет реформ Всемирного банка, вступивших в силу в 2010 г. Не удалось также отменить региональный принцип при выборах президента Всемирного банка: в 2012 г. На эту должность был избран гражданин США Джим Ён Ким. Тем не менее в итоге в результате реформ Всемирного банка странам БРИКС удалось упрочить свои позиции в этом финансовом институте. По доле голосов КНР вышла на четвертое место, а Индия и Россия заняли 7-е и 8-е места соответственно [7].

Под давлением БРИК и других развивающихся стран в 2010 г. были приняты важные решения и по реформированию МВФ. В частности, в рамках «двадцатки» предлагалось:

1). Официально утвердить на ежегодной встрече МВФ в 2012 г. перераспределение более 6% долей квот странам с недостаточным представительством (при сохранении долей квот и голосов беднейших стран), что означало смещение баланса в системе голосов в пользу БРИК.

2). Укрепить представительство государств с формирующимся рынком и развивающихся стран посредством разработки новой формулы расчета квот к январю 2013 г. с последующим пересмотром квот к январю 2014 г.

3). Предоставить в Исполнительном совете МВФ недостаточно представленным государствам два места из ранее занимаемых европейцами и, возможно, ввести должность заместителя исполнительного директора для групп, представляющих большое число стран.

4). Продлить срок полномочий Совета с двух до восьми лет [8].

Однако из-за сопротивления республиканцев в Конгрессе США, которые противились ратификации соглашения о реформе МВФ, процесс реализации данного «пакета» растянулся на несколько лет – до января 2016 г. В результате страны БРИКС получили в совокупности 14,7% квот МВФ, что немного «не дотягивало» до блокирующего пакета в 15%, имевшегося у США. По числу квот и голосов Китай стал третьим после США и Японии. В десятку лидеров также вышли Индия, Россия и Бразилия (8-е, 9-е и 10-е места соответственно) [9].

Не менее важным стало и решение в ноябре 2015 г. Исполнительного совета МВФ о включении китайской валюты в корзину резервных валют фонда. С октября 2016 г. юань был включен в корзину СДР (специальных прав заимствования) в качестве пятой валюты наряду с долларом США, евро, японской иеной и фунтом стерлингов. «Корзина» валют СДР приобрела следующий вид: доллар США – 41.73%; евро – 30.93%; китайский юань – 10.92%; японская иена – 8.33%, фунт стерлингов – 8.09% [10].

Миротворческая деятельность ООН

Поскольку практически все страны БРИКС весьма активны в сфере миротворчества (кто – финансами, а кто – предоставлением своих контингентов в распоряжение миротворческих сил ООН и региональных организаций), то они уделяют большое внимание данной проблематике. Наиболее дискуссионной являлась принятая на Саммите-2005 концепция «обязанность защищать» (ОЗ; responsibility to protect), пришедшая на смену проталкивавшейся Западом доктрине «гуманитарной интервенции» [11].

В позиции членов БРИКС в отношении ОЗ сохраняется сходство, связанное с общим пониманием задач укрепления авторитета СБ ООН в миротворческой сфе-

ре, недопустимости вольного толкования его резолюций на стадии имплементации, необходимости разработки и согласования четких критериев применения военной силы, которая должна использоваться лишь в крайнем случае. Группа едина в том, что нужно создать механизмы мониторинга миротворческих операций, проводимых под флагом ОЗ, и более активно вовлекать региональные организации в миротворчество ООН.

Однако в позициях стран БРИКС по концепции ОЗ есть и заметные различия. Россия и Китай относятся к этой концепции достаточно скептически, подчеркивая важность соблюдения национального суверенитета и указывая на возможную перспективу эрозии международного права и политической дестабилизации при неправильной интерпретации этой доктрины, не говоря уже о просто непредсказуемых обстоятельствах.

Индия занимает в целом пассивную позицию в дебатах по ОЗ, хотя и выражает критическое отношение к практике ее применения.

Для ЮАР характерна определенная двойственность в подходах к данной концепции. С одной стороны, она поначалу приняла ее, считая важной международно-правовой нормой, способной остановить геноцид и гуманитарные катастрофы в зонах конфликтов. По этой причине она была единственной из стран БРИКС, проголосовавшей в поддержку резолюции СБ ООН о проведении операции под флагом ОЗ в Ливии в 2011 г. (другие члены группы воздержались). Но когда ЮАР увидела на практике, что западные страны вольно трактуют принципы ОЗ и используют эту концепцию для свержения неудобных им режимов, она выступила с критикой подобной практики, хотя и не оспаривала по-прежнему саму суть доктрины. При этом ЮАР отстаивает собственное, panaфриканское видение ОЗ, включая свое особое право на военные интервенции в гуманитарных целях на «Черном континенте».

Бразилия поначалу занимала колеблющуюся позицию в отношении ОЗ, но со временем выработала свою концепцию — «ответственности во время защиты» (responsibility while protecting), в ходе которой были наиболее четко прописаны правила и процедуры применения силы для защиты гражданского населения в зоне внутренних конфликтов [12]. ЮАР поддержала данную бразильскую инициативу.

Дополнительные сложности в дискуссии вокруг содержания и имплементации концепции ОЗ вносит нарастание противоречий между наиболее влиятельными государствами — членами ООН. Ныне это прежде всего касается ухудшения отношений России и Запада с началом украинского кризиса. Такая тенденция не просто затрудняет реформирование миротворчества, но в перспективе вообще снижает дееспособность ООН. В этом плане более активная деятельность БРИКС способна придать позитивную динамику как делу миротворчества, так и преодолению кризисных явлений внутри ООН.

Заключение

При всех сложностях, разногласиях по текущим и отдаленно-перспективным вопросам, координация деятельности стран БРИКС в ООН, в частности, в области реформирования этой самой влиятельной международной организации, стала приоритетным направлением внешнеполитической стратегии данной группы. «Пятерка» едина во мнении, что такие реформы нужны для обновления ООН, повышения ее авторитета и эффективности. Наиболее обсуждаемыми в рамках БРИКС темами, связанными с работой и самой конструкцией ООН и ее органов, являются темы реформы Совета Безопасности, Всемирного банка и МВФ, а также имплементации концепции «обязанность защищать».

В области реформирования международных финансовых институтов наблюдалось практически полное совпадение взглядов стран БРИКС, которые действовали как единая группа в рамках самой ООН и «двадцатки». Это и предопределило успех усилий «пятерки» по увеличению своих квот и голосов во Всемирном банке и МВФ, а также по включению юаня в валютную «корзину» МВФ.

Характерно также постепенное сближение позиций участников БРИКС в отношении концепции ОЗ, особенно в части критики ее имплементации западными странами.

В то же время следует повторить: между членами группы имеются существенные, но вполне объяснимые и естественные разногласия по поводу конкретных способов и темпов реформирования СБ ООН. Каждой из стран, не являющихся постоянными членами Совбеза (Бразилия, Индия и ЮАР), свойственны свои геополитические амбиции, свое понимание вопросов и перспектив собственного вхождения в этот самый авторитетный орган ООН. Россия и КНР призывают эти страны не спешить с реформой Совета, чтобы не навредить ему и не внести раскол в международное сообщество.

В то же время все страны БРИКС согласны с тем, что необходимо и дальше укреплять роль Совета и в целом ООН при решении важнейших вопросов современности. Их разногласия в данной области не носят антагонистического характера и не вредят их общему конструктивному настрою на продолжение активного сотрудничества в рамках ООН.

Источники и литература

1. Ufa Declaration (Ufa, the Russian Federation, 9 July 2015). – Режим доступа: <http://en.brics2015.ru/load/381158>. – Дата обращения: 27 мая 2018.
2. BRICS Leaders Xiamen Declaration. Xiamen, China, 4 September 2017. – Режим доступа: http://www.xinhuanet.com/english/2017-09/04/c_136583396.htm. – Дата обращения: 27 мая 2018.
3. *Мустафаева Н.И.* Совет Безопасности ООН как приоритет реформы ООН // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 2 (63). С. 210–211.
4. *Чекова Ж.М.* Реформа Совета Безопасности ООН как один из приоритетов международно-политической деятельности Бразилии // Ибероамериканские тетради. 2015. Вып. 3 (9). С. 101.
5. *Рейзен Г.* Альтернативные многосторонние банки развития и глобальное финансовое управление // Вестник международных организаций. 2015. Т. 10. № 2. С. 108–109.
6. Там же. С. 109.
7. *Лексютина Я.* Лидерство в БРИКС: прогнозы и реалии // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 5. С. 30.
8. *Ревизорский М.* Еще один «кирпич» в стене? В поисках места Бразилии в системе глобального управления // Вестник международных организаций. 2015. Т. 10. № 2. С. 185–186.
9. *Лексютина Я.* Указ. соч. С. 30.
10. Там же. С. 31.
11. Подробнее о сути концепции ОЗ см.: *Коньшев В.Н., Кубышкин А.И., Сергунин А.А.* Защита гражданского населения в миротворческой деятельности ООН: проблемы и перспективы // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. № 25. С. 53–66.
12. *Шубин В.Г.* ЮАР в БРИКС: последняя по очереди, но не по важности // Вестник международных организаций. 2015. Т. 10. № 2. С. 240.

Э.Г. Соловьев

ДОНАЛЬД ТРАМП И «РЕАЛИСТСКИЙ ПОВОРОТ» В СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Эдуард Геннадьевич Соловьев,
кандидат политических наук,
заведующий сектором
ИМЭМО им Е.М. Примакова РАН.

Аннотация: Приход к власти в США Д. Трампа придал импульс трансформациям в системе международных отношений. Доминирование либеральной парадигмы в глобальном масштабе и без Трампа постепенно подходило к концу. С перераспределением сил и экономической мощи ведущих держав мир уже вступил в турбулентную эпоху нарастания конкуренции между ними. Одной из ее основных черт становится усиление политического реализма как интеллектуальной доминанты при принятии решений. В фокусе статьи — новая Стратегия национальной безопасности США и политика первого года президентства Д. Трампа.

Ключевые слова: однополярный миропорядок, полицентричный миропорядок, геополитика, либерализм, реализм, Дональд Трамп.

DONALD TRUMP AND TURN TO REALISM IN INTERNATIONAL RELATIONS

Abstract: Donald Trump's coming to power in US gave impetus to serious transformations of the system of international relations. Domination of the liberal paradigm on a global scale gradually came to an end even without Trump. As a result of the redistribution of power and economic influence of the leading powers the world has already entered to a turbulent era of growing competition between them. One of the main features of the new era is strengthening of political realism as an intellectual dominant in decision-making. The article focuses on the new National Security Strategy and foreign policy of Donald Trump's first year.

Key words: unipolar world order, polycentric world order, geopolitics, realism, liberalism, Donald Trump.

Приход к власти Дональда Трампа стал сенсацией — как непрогнозирувавшаяся победа внесистемного кандидата, жесткого критика американского политического истеблишмента и убежденного националиста (о последнем свидетельствуют даже его высказывания, интервью и публикации еще 1980–1990-х гг. (см., напр.: [1]) над «типичным» представителем политического класса в лице Хиллари Клинтон. Победа Трампа стала продолжением и кульминацией целой череды слабо- или вовсе непредсказуемых политических событий («черных лебедей») в самых разных странах мира. Говорить о новой глобальной «консервативной (или популистской) революции» (наподобие той, которая прошла на Западе в 1980-е годы вслед за электоральными победами Р. Рейгана и М. Тетчер) пока нет оснований. Но приход к власти в США Д. Трампа и связанные с этим событием изменения в американской и мировой политике свидетельствуют о серьезных трансформациях, происходящих в современной системе международных отношений.

Инаугурационная речь Трампа произвела в мейнстримных западных медиа эффект разорвавшейся бомбы. Она была почти образцово популистской (с обещани-

ями вырвать власть из рук «вашингтонского бюрократического болота» и «вернуть ее народу») и националистической на грани «изоляциизма» [2]. Сейчас очевидно, что с целым рядом иллюзорных представлений о Трампе как «буревестнике консервативной революции» и некоторых его внешнеполитических приоритетах (например, декларированного стремления «поладить с Россией») придется расстаться. Понятно, что в ходе предвыборной кампании кандидат в президенты излагает свои планы, чтобы одержать победу на выборах, а не обозначить четко и добросовестно реальную политическую стратегию. Так уж повелось в американской политике, что рейтинговые хлесткие внешнеполитические заявления совсем необязательно буквально проецируются в практическую плоскость после победы на выборах того или иного претендента на президентское кресло. Тем более, что, как остроумно отметил известный американский аналитик Дж. Фридман, «программные документы предвыборных кампаний часто основываются на идее, что лидер контролирует ситуацию. Но почти всегда именно ситуация контролирует лидера, видоизменяя его программу и ограничивая его выбор» [3].

При всем сказанном Трамп остается убежденным националистом и выразителем интересов тех кругов американского бизнеса, которые не слишком тесно связаны с финансовым сектором и видят будущее величие Соединенных Штатов скорее в реиндустриализации страны, развитии высокотехнологичных отраслей и ВПК. Не являясь частью политического истеблишмента с его ясно выраженными идеологическими предпочтениями, Трамп привнес в мировую политику нахрапистость и прямолинейность нью-йоркского строительного бизнеса — с жесткими «наездами» на контрагента по переговорам и последующими попытками выйти на сделку на наиболее выгодных условиях. При Трампе США демонстрируют устойчивое неприятие многосторонних институтов и форматов взаимодействия, стремление если не разрушить многие из них (как это, например, произошло с Транстихоокеанским партнерством), то хотя бы встряхнуть партнеров и заставить их обсуждать более приемлемые для США условия. Идет ли речь о НАФТА или о НАТО, Трамп везде ищет возможность переложить часть американского «бремени лидерства» на союзников, обязанных «платить» за предоставляемые благотворным американским лидерством публичные блага (public goods) — от правил международной торговли до условий коллективной безопасности. И в этом коренное отличие, разрыв преемственности с бипартийной по сути политикой и республиканских, и демократических администраций (Дж. Буша-старшего, Б. Клинтона, Дж. Буша-младшего, Б. Обамы) на протяжении почти трех десятилетий.

В рамках четко проявившего себя к началу XXI в. «униполярного момента» страны Запада, как сто, двести и больше лет назад (фактически — со времен Великих географических открытий), пытались по-прежнему играть роль авангарда, проецирующего (в том числе принудительно) свои ценности и институты (рынок, а затем, в собственных интерпретациях, — права человека, плюрализм, демократию и т.п.) на другие общества, которые, пусть и в различной степени, готовы были оказать этому сопротивление. Ныне, как это ни парадоксально, многие из них отстаивают совокупность институтов и норм, навязанных им Западом ранее (суверенитет, территориальная целостность, дипломатия как основная форма взаимодействия на международной арене и т.д.) [4]. В этом смысле система международных отношений являла собой на рубеже XX–XXI вв. классическую картину центр-периферийных отношений, в которых роль генератора и распространителя новых ценностей и норм еще принадлежала исключительно странам Запада. Приверженцы либерально-идеалистических взглядов транслировали убежденность в том, что анархичность

международных отношений постепенно преодолевается, взаимозависимость стран растет, рыночная экономика в условиях демократии выступает фактором обеспечения всеобщей безопасности и мира.

Однако уже в первом десятилетии XXI в. начал формироваться «нелиберальный» тренд. Это было связано не только с некорректностью самой постановки вопроса о «конце истории», но и с подменой понятий, инверсией смыслов, осуществленной на рубеже веков либеральными глобализаторами (т.е. с теми конкретными версиями глобализма и либерализма, которые исповедовали и продвигали политический истеблишмент и представители экспертного сообщества стран Запада). Вместо либерального институционализма либеральный миропорядок явно тяготеет к облегченной версии «либерального империализма». Вместо «кооперативной», а тем более всеобщей безопасности в рамках таких военно-политических союзов, как НАТО, Запад открыто демонстрировал тенденцию формирования «корпоративной» безопасности – для узкого круга избранных государств, доминирующих в системе международных отношений.

Кроме того, на фоне изменения реального соотношения сил в мире, особенно явно проявившегося в период глобального финансово-экономического кризиса 2008–2010 гг. и после его окончания, произошла своеобразная инверсия предназначения и функций глобализации. Начатая развитыми странами Запада в собственных интересах, она постепенно создала условия для экономического и технологического прорыва развивающихся стран, особенно так называемых быстрорастущих стран-гигантов (Китай, Индия, Россия, Бразилия, ЮАР и др.). К 2015 г. стало очевидно, что вопреки афористичному утверждению Ф. Фукуямы история «возвращается», происходит постепенная эрозия западного доминирования, сдвиг «богатства и влияния» на Восток.

Достаточно отметить: доля США и развитых стран сократилась в мировом ВВП соответственно с 22% и почти 60% в 2000 г. до 16% и 42% к 2014 г. [5]. Глобальный баланс сил изменяется буквально на наших глазах. Об этом ясно свидетельствует перегруппировка сил на мировой экономической арене (см. табл. 1). Особенно убедительно изменения, произошедшие в мировой экономической «табели о рангах», проявляются, если подсчеты и сопоставления ведутся не в долларах США по среднегодовому курсу национальных валют по отношению к доллару, а по паритету покупательной способности (ППС). Тогда можно констатировать и факт смены мирового лидера – мировое лидерство в этом случае уже переходит от Соединенных Штатов к КНР (см. табл. 2).

Таблица 1

Экономические показатели крупнейших экономик мира в 2006 и 2014 гг. по среднегодовому курсу национальной валюты к доллару США [6]

		ВВП в 2014 г., млрд долл.	ВВП в 2006 г., млрд долл.
	1	2	3
1	США	17419	13202
2	КНР	10360	2626
3	Япония	4602	4366
4	Германия	3853	2897
5	Великобритания	2942	2395
6	Франция	2829	2248

7	Бразилия	2346	1068
8	Италия	2144	1851
9	Индия	2067	911
10	Россия	1861	985
11	Канада	1787	1269
12	Австралия	1454	898
13	Ю. Корея	1410	888
14	Испания	1404	1224
15	Мексика	1283	840

Таблица 2

**Экономические показатели крупнейших экономик мира в 2006 и 2014 гг.
по паритету покупательной способности (ППС) [7]**

		ВВП по ППС 2014 г., млрд. долл.	ВВП по ППС 2006 г., млрд долл.
	1	2	3
1	КНР	18031	10048
2	США	17419	13202
3	Индия	7393	4247
4	Япония	4631	4131
5	Россия	3745	1705
6	Германия	3690	2616
7	Бразилия	3264	1708
8	Великобритания	2525	2112
9	Франция	2572	2039
10	Италия	2132	1795
11	Мексика	2125	1202
12	Испания	1567	1243
13	Канада	1567	1140
14	Ю.Корея	1732	1152
15	Австралия	1031	728

Д. Трамп и стоящие за ним круги американского бизнеса далеки от теоретических проблем международных отношений. Они скорее являются «стихийными реалистами» в условиях явного изменения баланса сил в мировой экономике и восхождения новых мировых держав.

Полицентричный миропорядок находится сегодня на этапе формирования. Его контуры, господствующие нормы и «правила игры» еще только формируются. То, какими они будут, во многом зависит от степени и результатов «ориентализации» глобальных процессов, бенефициарами которой выступают прежде всего Китай, Индия и некоторые другие страны Азии, а также от хода и исхода противостояния России и стран Запада, усилившегося в связи с украинским и сирийским кризисами.

Мир вступает в новую эпоху, во многом демонстрирующую возврат к «гоббсианской норме» международных отношений. Конкуренция между ведущими государствами, претендующими на роль центров силы, возрастает. В условиях турбулентности, неизбежно возникающей в силу нарастающего давления «ревизионистских держав» (в новой Стратегии национальной безопасности США декабря 2017 г. и их Национальной оборонной стратегии 2018 г. таковыми официально признаны КНР и Россия [8]) и сопротивления изменениям со стороны прежних

безоговорочных лидеров мировой системы, возвращение к рациональному и идеологизированному реализму — это, как ни парадоксально, — возвращение к исторической «нормальности». Особенно — в контексте неопределенности, размытости господствующих ныне в мировой политике норм и правил,

Новые трамповские стратегии (оборонная и национальной безопасности) характеризуют Китай и Россию как идеологических, военных и экономических соперников США, которые пытаются изменить мировой порядок, сложившийся после окончания холодной войны, и подорвать глобальное лидерство США. Утверждается, в частности, что Россия стремится к региональной гегемонии в евразийском пространстве и использует инструменты государственного управления с целью отдалить Соединенные Штаты от их партнеров в Европе и Азии. В отличие от предыдущих документов по национальной безопасности, в которых США рассматривались в качестве безусловного мирового лидера и своего рода некоего шерифа, призванного регулировать отношения безопасности, сменять режимы, проводить полицейские операции в несостоявшихся странах и бороться с почти анонимными террористами, новые стратегии рисуют совершенно иную картину окружающего США мира.

Отношения между США и «ревизионистскими державами» описываются в логике противостояния и игры с нулевой суммой. В частности, в новой Стратегии национальной безопасности отмечается, что «непреложным фактом истории является борьба за власть и влияние. Нынешний период ничем от этого не отличается. Три главных наших противника — это ревизионистские державы Китай и Россия, страны-изгои Иран и Северная Корея, а также опасные транснациональные организации, особенно джихадистские террористические группировки — активно противодействуют Соединенным Штатам, нашим союзникам и партнерам. ... Китай и Россия хотят сформировать мир, несовместимый с нашими интересами и ценностями. Китай стремится вытеснить Соединенные Штаты из Индо-Тихоокеанского региона, раздвинуть пределы своей модели государственной экономики и перестроить регион на свой лад. Россия стремится восстановить статус великой державы и создать сферы влияния вблизи своих границ» [9].

С точки зрения реализма, в международных отношениях нормативное закрепление определенного порядка, режимов, норм или правил поведения субъектов по-прежнему является отражением фактического соотношения сил противостоящих или конкурирующих сторон и легитимности их действий. В конечном счете степень болезненности и разрушительности всех этапов перехода от униполярной к полицентричной (или новой биполярной — с США и КНР в качестве основных полюсов) системе международных отношений во многом зависит и будет зависеть от готовности элит Запада, избалованных столетиями экономического господства и политического превосходства, к открытому и равноправному диалогу, сотрудничеству при формировании новых «правил игры» с быстрорастущими странами (типа Китая, Индии и др.) и динамично развивающимися бывшими крупными имперскими центрами незападных цивилизаций (Россия, Иран, Турция и др.).

Источники и литература

1. См., напр., нашумевшее интервью Д. Трампа журналу Playboy Magazine. — Режим доступа: <http://www.playboy.com/articles/playboy-interview-donald-trump-1990> — Дата обращения: 14 мая 2018.
2. Donald Trump's full inauguration speech transcript. — Режим доступа: https://www.washingtonpost.com/news/the-fix/wp/2017/01/20/donald-trumps-full-inauguration-speech-transcript-annotated/?utm_term=.13162ccd8107 — Дата обращения: 14 мая 2018.

3. *Friedman G.* Character, Policy and the Selection of Leaders. – Режим доступа: <http://www.stratfor.com/weekly/character-policy-and-selection-leaders> – Дата обращения: 15 мая 2018.
4. Подробнее об этом см.: *Buzan B.* From international to World Society? English school theory and the social structure of globalization. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 237.
5. Основные показатели развития мировой экономики в 2014 г. // Год планеты. Экономика. Политика. Безопасность. Вып. 2015 г. М.: Идея-Пресс, 2015. С. 428–431.
6. Там же; Таблицы мирового развития // Год планеты. Экономика. Политика. Безопасность. Вып. 2007 г. М.: Наука, 2007.
7. Там же. Вып. 2015 г.; Там же. Вып. 2007 г.
8. Стратегию национальной безопасности США 2017 и Национальную оборонную стратегию США 2018 см.: National Defence Strategy of the United States of America. Washington, 2018; National Security Strategy of the United States of America. Washington, 2017. – Режим доступа: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>; <https://www.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf>; <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> – Дата обращения: 12 мая 2018.
9. National Security Strategy of the United States of America. Washington, 2017. – Режим доступа: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> – Дата обращения: 12 мая 2018.

Д.Р. Петрович, Р.М. Буквич, И.С. Пайович

ПЕРЕХОД МИРОПОРЯДКА К МНОГОПОЛЯРНОСТИ: ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫЕ СВЯЗИ И ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ИТОГИ ПРОЦЕССА

Драган Р. Петрович,

*доктор исторических и географических наук,
главный научный сотрудник
Института международной политики
и экономики (Белград, Сербия);*

Райко М. Буквич,

*доктор экономических наук,
почетный профессор Нижегородского
инженерно-экономического университета
(Белград, Сербия – Княгинино, Россия);*

Иван С. Пайович,

*доктор экономических наук,
ассоциированный профессор Нижегородского
инженерно-экономического университета
(Белград, Сербия – Княгинино, Россия).*

Аннотация: Исчезновение Восточного блока и СССР преобразовали к началу 1990-х годов международный порядок в однополярный, с четким доминированием одной сверхдержавы (США), одного военно-политического блока (НАТО) и одной идейно-концептуальной матрицы (неолиберализм). Но за последнее десятилетие явственно обозначился переход к многополярному мироустройству. Процесс не завершен, однако в концептуальном плане неолиберализм рушится, хотя новая универсальная концепция экономического и социального порядка еще не установлена.

Ключевые слова: однополярность, переход к многополярности; элементы «жесткой» силы; снижение доминирования США.

THE TRANSITION OF THE WORLD ORDER TO MULTIPOLARITY: PROCESSES, CAUSE-AND-EFFECT RELATIONSHIPS AND IMPLICATIONS

Abstract: The disappearance of the Eastern Block and USSR at the beginning of 1990s transformed the international order into a unipolar one, with clear domination of one superpower – USA, one military-political block (NATO) and one ideal-conceptual matrix (neoliberalism). Through the last decade slow transition of world order to multipolarity was irresistible. Multipolar order is still no established in practice, this is the process that continues, but it goes forward. In conceptual sense neoliberalism collapses, no new universal concept of economic and social order is established so far.

Key words: monopolarity, transition to multipolarity, elements of “hard” power, reduction of USA domination.

Как следствие событий, произошедших в течение двух последних десятилетий XX столетия, мир, впервые за все века своей совокупно-целостной истории, всту-

пил в монополяризм, с ярко выраженным доминированием одной-единственной суперсилы, США, и военно-политического альянса НАТО во главе с ними же. Но доминирование США и блока НАТО все-таки не было абсолютно полным: в первую очередь Россия и Китай отчасти сохранили элементы мировой силы и возможность защиты как своих, так и общерегиональных интересов, на что американская глобальная сила не могла или не всегда могла существенно повлиять.

Россия, кроме статуса мировой силы, сохранила и два элемента суперсилы: ядерное оружие, способное противостоять ядерной мощи США, и значимые резервы природных ресурсов: энергетиков, металлической и неметаллической руды, лесных угодий, чистой питьевой воды, а также огромные площади качественного чернозема и др. В силу этих и прочих причин униполярность часто рассматривается как краткосрочный переходный этап от биполярности к мультиполярности.

Во многих регионах мира, включая Балканы, неограниченную американско-глобальную гегемонию связывали с двумя обстоятельствами. Это: 1) великий кризис в России 1990-х годов, вызванный выбором радикальной формы неолиберальной экономико-социальной модели с ее катастрофическими последствиями для экономики и общества, и 2) неагрессивная политика Китая, направленная на внутреннее усиление. Китай развивался посредством реформации, основанной на модифицированной — в угоду собственной специфике — неокейсианской модели, двигаясь к открытой экономике и демонстрируя готовность сотрудничать с остальным миром.

Что касается непосредственно Сербии, то очевидное геополитическое противодействие англо-саксонских сил и, в меньшей степени, слабость сербских позиций и ошибки руководства страны привели к чрезвычайно угнетенному состоянию сербского фактора, причем в новом столетии внутренние слабости проявились еще более заметно.

Переход к многополярности

Когда заходит речь о формировании современного мироустройства, все чаще употребляют термин многополярность, предполагающий наличие нескольких крупных центров силы, не превосходящих друг друга в решающей степени и почти не распространяющих свое влияние друг на друга. В самой общей форме можно сказать, что это международная конфигурация, где мир разделен между ними на сферы влияния и где ни один из центров силы не в состоянии самостоятельно навязать в чужой сфере влияния свою волю кому-либо, не создав широкой коалиции сил. А последнее означает, как правило, длительную коалиционную войну за передел сфер влияния [1].

В историческом аспекте униполярный порядок был краткосрочным, а в смысле оценок, качественных характеристик его сразу провозгласили утопией американоцентристов и определили как тоталитарный [7]. Движение к мультиполярности диктовалось множеством факторов [4], среди которых назывались два объективных: 1) после нескольких веков доминирования Северная Атлантика более не представлялась экономически ведущим транспортно-морским мегарегионом, таким все отчетливее становилась северная часть Тихого океана с центром в Китае в связи с его будущим глобально-экономическим лидерством; 2) такое важное для всех по своим последствиям негативное явление, как финансово-экономический кризис, разразившийся в 2008 г., практически единодушно сочли англо-американским детищем.

Крах неолиберального концепта больше всего вредит самим США, равно как и Великобритании, другим же западным и незападным странам — в гораздо меньшей степени, хотя и распространяется опосредованно на весь мир. Посткризис-

сные процессы ускоряют переход к мультиполярности, а еще недавно всемогущих США постепенно теснят другие силы. США сохраняют пока свою лидерскую роль, но уже без возможности самостоятельно определять характер главных процессов в мировых отношениях и руководить ими. Точнее, США, продолжая сохранять способность и мотивацию вызывать кризисы в различных частях мира, уже не могут с ними справляться и завершать их согласно своим планам и интересам. Примеры тому: сначала иракский и афганский, затем ливийский, потом украинский и сирийский кризисы, а в более частных случаях — с падением авторитета и влияния их «мягкой силы» — удручающие примеры с Викиликс или, скажем, Сноуденом [6].

Переход к многополярности представляет собой предпосылку и даже императив глобальной безопасности [3]. Конечно, при этом не является сюрпризом сопротивление сил, желающих сохранить за собой гегемонию. Они по-прежнему достигают успехов, среди которых, пожалуй, самый крупный в 2017 г. — победа Макрона на президентских и его партии на парламентских выборах во Франции. Оппозиция политике Макрона сильна как со стороны правых и крайне правых, так и со стороны крайне левых; его политические шаги и в области внешней, и в сфере внутренней политики наталкиваются на усиление и перегруппировку оппозиции, так что выборы в Европарламент в 2019 г. будут очень значимыми.

В основе процессов, ведущих к мультиполярности, лежат прежде всего экономические факторы, но крах неолиберализма еще не дал толчок рождению новой общепринятой модели. В основном применяются модифицированные неокейнсианские или гибридные модели, включающие в себя, среди прочего, некоторые элементы неомонетаризма и неолиберализма. Великие державы усиливают интервенционизм, помощь крупным предприятиям, наряду с выборочным расширением социальных программ. Неолиберализм в бывших социалистических странах привел к быстрой и часто сомнительной приватизации — к распродаже предприятий и природных ресурсов, обнищанию значительной части населения и крайним формам социального расслоения, к бегству капитала, повышению задолженности западным странам и международным финансовым учреждениям, а также к демографическому краху, т.е. к физическому вымиранию и систематическому отливу населения. Как очень существенное следует отметить то обстоятельство, что различия между западноевропейскими развитыми и трансформирующимися странами Восточной и Юго-Восточной Европы увеличиваются.

Большим вызовом для ЕС стал экономический кризис, выразившийся прежде всего в застое экономического роста и навязанной модели экономии средств, наиболее близкой модифицированному неолиберальному концепту. «Брегсит», миграционный кризис, разногласия по вопросам санкций против России становятся дополнительными факторами риска для ЕС.

В смысле безопасности ЕС является ныне фактическим придатком НАТО. К тому же как среди ведущих, так и среди иных членов ЕС существуют разногласия по широкому спектру проблем: по поводу целесообразности формирования европейских вооруженных сил, их назначения, роли, характера взаимодействия с НАТО в целом; вообще по поводу выработки наиболее важных стратегических целей ЕС и др. Нет единого мнения и относительно балканской политики, признания независимости так называемого Косова, пределов потенциального расширения Евросоюза и т.п.

Миграционный кризис

Миграционный кризис рушит основы единства ЕС, угрожая гармонии и порядку в Европе. Самые «популярные» направления миграции — балканский маршрут,

преимущественно по суше, и средиземноморский – морской. На последнем направлении наибольшее давление испытывает Италия, куда устремляется наибольшее число мигрантов, тогда как балканский маршрут пересекает Грецию, которую, впрочем, не обогнуло и морское направление. Главный сухопутный балканский маршрут проходит из Турции через Грецию и Болгарию, охватывая Македонию, Сербию и Хорватию; вспомогательный включает и другие европейские страны, а конечной целью мигрантов остается Западная и Северная Европа. Закрытие границ и соглашение ЕС с Турцией (февраль 2016) привели к уменьшению притока мигрантов в страны Евросоюза, особенно через западно-балканское направление, но одновременно их приток увеличился по морскому средиземноморскому маршруту: центральному и западному.

В последние годы сокращается поток мигрантов по балканскому маршруту через Турцию, но по морскому пути в Южную и Юго-Восточную Европу их приток – преимущественно из стран Северной Африки и Ближнего Востока – не ослабевает. Под ударом, помимо Италии и, в меньшей степени, Греции, все другие средиземноморские страны. Франция, в силу предпринятых мер, а также своего географического положения, менее подвержена миграционному давлению через Средиземное море, но приток мигрантов продолжается и сюда. Опасность миграционного давления на Европу относительно, скажем, 2015 г. временно уменьшена, но его угроза не исчезла и не исчезнет в обозримом будущем по причине периодических социально-политических кризисов, тяжелой экономической и проблемной демографической ситуации в Африке, на Ближнем и Среднем востоке. Миграционный кризис способен оказать активное воздействие на единство ЕС, что уже давало себя знать в предыдущие годы [5].

К построению многополярного порядка

США, как и прежде, будут стремиться к стратегическому превосходству над всеми соперниками, включая Россию, прежде всего в области вооружений. События апреля 2018 г. (ракетная атака на Сирию) показывают, что Вашингтон, в основных чертах, продолжит свою традиционную политику и при Трампе, пусть даже с некоторыми изменениями; но шанс на достижение в конечном итоге какого-либо соглашения о снятии сегодняшней фазы напряженности в отношениях с Россией остается.

Центры силы стремятся к контролю над кризисными территориями при консенсусе по вопросам воздержания от дальнейшего распространения ядерного оружия или наращивания ядерного потенциала других стран. Свидетельством тому и достижение межкорейского соглашения весной 2018 г., и, отчасти, соглашение с Ираном 2015 г. о контроле над его ядерной программой. Сотрудничество центров силы, при всех их противоречиях, осуществляется посредством международных органов – как в экономической сфере, так и в вопросах глобального интереса, где особое значение имеет экологическая тематика с такими приоритетами, как, например, минимизация «парникового эффекта» и т.д. [2].

Страны – лидеры ЕС считают возможным институциональное расслоение накопившихся проблем и разногласий; в таком случае наверху пирамиды окажется «эксклюзивный клуб» – Германия и Франция, чуть ниже – Италия и Испания, тогда как другие члены ЕС получают при разрешении важнейших вопросов меньшие права. Они данному проекту сопротивляются, особенно Вышеградская группа. Финансовые противоречия тоже наносят урон, особенно Греции и ряду других стран, представляя серьезную угрозу обманчивому единству ЕС, что, помимо прочего,

проявляется и в расхождениях по поводу миграционной политики, и по вопросам согласования совместной стратегии. Если эти проблемы не будут устранены в обозримый период, а только продолжат нарастать, дальнейшее единство и само существование ЕС окажется под вопросом.

На Ближнем Востоке, где наиболее острым остается сирийский кризис, в разгаре геополитическая перестройка. Так, Катар сталкивается с Саудовской Аравией; идет раздел сфер влияния между странами Персидского залива, причем проект нефтепровода из Катара через Иран, Ирак и Сирию (что в интересах России, Китая и Ирана) получает преимущество в сравнении с предыдущим проектом – через Саудовскую Аравию и Иорданию. Кроме того, Катар планирует через иранский порт Эселуйе проложить газопроводы в Пакистан и Китай. Китайская инициатива Шелкового пути во многом совпадает с геополитическими интересами России, включая как Ближний и Средний Восток, так и особенно Балканы, что оказывает воздействие и на Закавказье и Среднюю Азию. Обострение торгового конфликта Китая и США тоже никак нельзя сбрасывать со счетов.

Россия с переизбранием Путина в 2018 г. усиливает свою позицию мировой силы. Санкции западных стран осложнили экономическую ситуацию, но одновременно позволили России увеличить собственное производство сельскохозяйственных продуктов и укрепить некоторые виды перерабатывающей промышленности. Сообщается об изменениях и реформах в банковско-финансовой сфере, о дальнейшем росте энергетического сектора, оборонных отраслей. Все это, вкупе с традиционным наличием капитальных природных ресурсов, создает предпосылки для нового рывка экономики и постепенного устранения негативной части последствий экономических санкций.

Индия и другие члены БРИКС, особенно Бразилия, становятся более влиятельными фигурами в системе международных отношений. Благодаря совместным действиям они получают дополнительную возможность усилить влияние на глобальном уровне; уже сейчас большинство из них проявляет новые амбиции и в пределах своих континентов, и в других регионах; надо полагать, это влияние вскоре распространится на всю международную арену.

Центры силы активизируют интеграционные процессы, расширяют альянсы в сфере безопасности, экономические союзы. Так, в Европе в НАТО была принята Черногория, хотя и сомнительным образом: без референдума, при этом в день парламентских выборов (2016) инсценировали попытку государственного переворота. В Азии в том же 2016 г. в качестве полноправных членов в ШОС вошли Индия и Пакистан.

Заключение

Перечисленные выше примеры событий и явлений международной жизни наглядно иллюстрируют, как именно в современную эпоху протекает процесс перехода миропорядка от монополярного к мультиполярному. На экономическом уровне не установлена еще общепринятая модель, но наблюдается последовательное движение к некоему модифицированному виду неокейнсианства. В гибридном виде, параллельно с остатками неолиберализма, его так или иначе применяют западные и прозападные центры силы, тогда как странам подчиненного положения навязывается неолиберализм в «чистом виде». Мультиполярность фактически установлена, но в то же время США и атлантистские силы продолжают противодействовать ей и добиваться тактических успехов. Противоречия в системе международных отношений, кризисы, конфронтация сторон, естественно, сохраняются, но воору-

женные столкновения все же локализованы и большей частью находятся под контролем центров силы. При всех противоречиях между ними система международных органов и отношений, в их сочетаниях и взаимосвязях с главным фактором – наличием паритета ядерных вооружений США и России, – минимизируют риск крупных и непредсказуемых по всем последствиям вооруженных столкновений.

Источники и литература

1. Антонов М.В. Содержание и тенденции формирования многополярности современного мира // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2013. № 2 (26). С. 36–41.
2. Буквич Р.М., Петрович Д.Р. Парниковый эффект и рыночные механизмы Киотского протокола // Вестник НГИЭИ. 2017. № 1. С. 139–158.
3. Купин В.Н. Многополярная система миропорядка как геополитический императив глобальной безопасности // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 1 (108). С. 214–218.
4. Петровић Д. Ка мултиполарном светском поретку, Пешић и синови, Центар за развој међународне сарадње, Београд, 2010.
5. Петровић Д. и Буквић Р. Мигрантски проблем 2014–2017 у Европи: Медитеранска и Балканска рута // Друштвено-политичке и економске импликације процеса миграција / Факултет за право, безбедност и менаџмент Константин Велики, Ниш, Универзитет Унион Никола Тесла. Београд; Ниш, 2017. С. 81–94.
6. Петрович Д.Р., Буквич Р.М., Пайович И.С. Мир и Балканы в многополярности // Трансформация международных отношений в XXI веке. Материалы международн. науч.-практич. конф. / Отв. ред. Грановская М.В., Тимакова О.А. М.: Дипломатическая академия МИД России, 2017. С. 43–50.
7. Сорокин К.Э. Геополитика современного мира и Россия // Полис. 1995. № 1. С. 7–27.

Л.И. Живора

БОЛЬШОЕ ЕВРАЗИЙСКОЕ ПАРТНЕРСТВО: «ИНТЕГРАЦИЯ ИНТЕГРАЦИЙ»

Лариса Ивановна Живора,
*кандидат исторических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник
Института актуальных международных проблем
Дипломатической академии МИД России.*

Аннотация: О масштабных процессах региональной и межрегиональной экономической интеграции на территории Евразии, инициативе России по формированию Большого евразийского партнерства с участием стран ЕАЭС, АСЕАН и ШОС, открытой для всех других стран и объединений самого большого материка планеты. Особое внимание уделено роли России и Китая, взаимодействие которых послужит опорой подобному партнерству.

Ключевые слова: Россия, Китай, Евразия, Центральная Азия, ЕАЭС, АСЕАН, ШОС, «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП).

GREATER EURASIAN PARTNERSHIP: “INTEGRATION OF INTEGRATIONS”

Abstract: Large-scale processes of regional and inter-regional economic integration in the territory of Eurasia, Russia's initiative to form Greater Eurasian partnership with participation of member-countries of EAEU, ASEAN and SCO to be open to all other countries and associations of the largest continent of the planet are the topics. Special attention is paid to the role of Russia and China the interaction of which serves as the basis of such partnership.

Key words: Russia, China, Eurasia, Central Asia, EAEU, ASEAN, SCO, Silk Road Economic Belt (SREB).

Характерная черта современной мировой экономики – формирование многополярного мира с изменением роли развивающихся государств и стран с быстрорастущей экономикой. Особую активность приобретают процессы региональной и межрегиональной экономической интеграции. Причем наиболее динамичные темпы развития демонстрируют страны Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), роль которого в глобальной полицентричной архитектуре неуклонно возрастает. Ее уже и сегодня трудно переоценить.

В то же время принципиально новые возможности для взаимовыгодного взаимодействия, торговли, кооперации других государств Европы и Азии со странами АТР открывает евразийская интеграция. В условиях активного оживления процессов региональной экономической интеграции Россия выступила с инициативой по созданию Большого евразийского экономического партнерства (БЭП) с участием стран Евразийского экономического союза (ЕАЭС), Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и открытого для всех заинтересованных стран и объединений Евразии.

Евразийская инициатива России, озвученная в Послании Президента РФ Федеральному собранию в конце 2015 г., нацелена на создание такого партнерства,

которое сможет стать главным центром интеграционной активности и экономического притяжения на пространствах Большой Евразии. Для решения этой задачи необходима координация усилий России, государств Центральной Азии (ЦА) и Китая в разработке планов соразвития в рамках трех интеграционных проектов: ШОС, ЕАЭС и «Экономического пояса Шелкового пути» (ЭПШП) [1, с. 21].

Китай поддерживает инициативу России по созданию Большого евразийского партнерства. Российско-китайское экономическое взаимодействие и сотрудничество будут играть в нем важную роль, учитывая позиции двух государств в Евразийском регионе. Началась работа по разработке и достижению российско-китайского соглашения о Евразийском экономическом партнерстве, которое будет являться ключевым элементом инициативы по формированию БЭП.

В июне 2018 г. Российская Федерация и Китай подписали заявление о ТЭО соглашения по Евразийскому экономическому партнерству. После заключения итогового соглашения в рамках отношений России и Китая будут существенно либерализованы торговля услугами, инвестиционная активность, взаимоотношения в сфере интеллектуальной собственности, электронной коммерции, госзакупок и во многих других областях [20]. Формирование партнерства в Большой Евразии позволит России диверсифицировать внешние связи, укрепить сотрудничество с АСЕАН, Японией, Индией и другими странами.

Центральной объединяющей структурой в сети региональной интеграции в Евразии должен стать Евразийский экономический союз, региональное интеграционное объединение, образованное в 2015 г. (Ныне в составе ЕАЭС: Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия и Россия.) Союз был создан с целью помочь странам-участницам реализовать экономические потенциалы, повысить глобальную конкурентоспособность и оптимизировать хозяйственные связи. Сердцевина проекта ЕАЭС – единый рынок товаров, услуг, капитала и труда. Финансовые механизмы интеграции реализуются через Евразийский банк развития (ЕАБР; учрежден Россией и Казахстаном в 2006 г., в настоящий момент объединяет шесть государств-участников – пять перечисленных выше членов союза и Таджикистан; уставный капитал – 7 млрд долл. (здесь и далее по тексту имеются в виду доллары США), в том числе оплаченный – 1,6 млрд и более 5 млрд – т.н. «инвестиционный портфель»; почти 99% уставного капитала – доля России (ок. 66%) и Казахстана (ок. 33%); в приоритетном порядке ЕАБР реализует проекты, увеличивающие взаимную торговлю и трансграничные инвестиции) и Евразийский фонд стабилизации и развития (ЕФСР; ключевой механизм антикризисного регулирования и финансовой стабилизации в регионе с теми же шестью участниками и капиталом 8,5 млрд долл.).

Определенные положительные результаты евразийской интеграции отмечены Центром интеграционных исследований ЕАБР. Так, на фоне существенного общего падения взаимных инвестиций в СНГ страны ЕАЭС имеют суммарный уровень инвестиционного взаимодействия в 25,1 млрд долл. [14, с. 80]. В перспективе до 2025 г. в рамках ЕАЭС запланировано создание ряда общих рынков, включая общие рынки энергоресурсов: газа; нефти и нефтепродуктов; электроэнергетического рынка; формирование единого финансового рынка ЕАЭС; единого транспортного пространства; проведение скоординированной агропромышленной политики; устранение имеющихся преград в движении товаров и рабочей силы [17, с. 43].

Большое значение для развития процесса интеграции будут иметь создание сети зон свободной торговли и серия соглашений, расширяющих объемы и возможности торгово-экономического сотрудничества с внешними партнерами, в первую очередь включая, конечно, КНР. В настоящее время заинтересованность в налаживании экономического сотрудничества с ЕАЭС выразили уже порядка пятидесяти государств.

В мае 2018 г. в рамках Астанинского экономического форума уже было подписано Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и КНР, открывающее новые возможности для хозяйствующих субъектов стран союза. Оно обеспечивает такие механизмы взаимодействия по различным направлениям государственного регулирования, которые позволяют максимально учитывать интересы стран – участниц союза в целом и каждой страны в отдельности [2, с. 200]. Соглашение ЕАЭС и Китая ускорит взаимодействие по проекту «Один пояс – один путь» (см.: [16]) и, по мнению экспертов, поможет снизить риски непредсказуемой политики других стран, что особенно актуально в наши дни. В перспективе ЕАЭС и Китай могут выйти на соглашение по созданию зоны свободной торговли с теми странами и объединениями, с которыми ЕАЭС может взаимодействовать по тем или иным вопросам. Это обеспечит приток иностранной валюты в Россию, будет способствовать росту ее экономики и повышению товарооборота [21].

В 2017 г. товарооборот между странами ЕАЭС и Китаем составил более 100 млрд долл. Причем экспорт из ЕАЭС в КНР вырос в течение названного года на 40% [22]. Для стран союза принципиально важна диверсификация экспорта. Сегодня это не только сырьевые товары, но и продукция машиностроения.

Китай проводит в Центральной Азии активную экономическую политику, которая с 2000-х годов направлена на обеспечение доступа к природным ресурсам региона и расширение рынков сбыта китайской продукции, необходимым для быстрорастущей китайской экономики. За прошедшие с того времени годы Китай многократно увеличил вывоз сырья из стран региона, получив, в частности, эксклюзивное право на добычу газа на территории Туркмении (на суше), включая одно из крупнейших в мире месторождение Галкыныш. Китайские компании потребляют сегодня более половины газового экспорта Туркменистана, импортируют газ и уран из Узбекистана и владеют 25% нефтяных компаний Казахстана. На Казахстан, который занимает первое место в мире по добыче урана, теперь приходится 75% общего импорта урана в КНР. В результате Китай прочно вошел в тройку главных игроков на сырьевом рынке ЦА наряду с Россией и западными корпорациями.

Общий объем инвестиций Китая в Центральную Азию уже превысил 100 млрд долл., но еще около 800 млрд долл. будут вложены в ближайшие десять лет [3]. Китай добился больших успехов в торговле с регионом, потеснив Россию, ранее главного торгового партнера ЦА. К началу 2016 г. Китай предоставил в виде займов государствам ЦА около 30 млрд долл. Кредиты носят льготный, однако одновременно связанный характер. Выделяются они при условии, что осваивать их будут китайские корпорации. Таким образом, китайское влияние в Центральной Азии, и экономическое, и политическое, заметно и последовательно растет. Это, как и многие другие нюансы взаимоотношений РФ и КНР, усложняет подчас обоим странам поиск взаимоприемлемых решений на путях их бесспорного стратегического партнерства, что отмечали в разных аспектах и применительно не только к ЦА, но и к другим регионам отдельные исследователи (см., напр.: [3]; [4]; [5]; [8] [12]).

Россия и Китай придают особое значение региональным интеграционным процессам. Обе страны ориентированы на сопряжение проектов развития ЕАЭС и континентальной части Экономического пояса Шелкового пути, о чем свидетельствует Совместное заявление, подписанное 8 мая 2015 г. Президентом РФ В.В. Путиным и Председателем КНР Си Цзиньпином [10]. Среди приоритетных задач такого сопряжения – содействие созданию ряда зон свободной торговли, развитию инвестиций, строительству трансграничных парков и упрощению процедур торговли. В настоящее время формируется «дорожная карта», включающая конкретные проекты

и мероприятия по сопряжению интересов экономик ЕАЭС с Китаем. Главным источником ее детализации станут средне- и долгосрочные планы экономического развития государств, участвующих в инициативе.

В 2016 г. общий объем торговли Поднебесной со всеми странами, расположенными вдоль предлагаемого КНР Шелкового пути, составил 954 млрд долл. Двусторонние договоры о сотрудничестве с Китаем уже подписали около 70 государств, включая ведущие европейские страны [19]. Цель китайского проекта состоит в формировании большого пояса, связывающего три континента, создании условий для сближения капиталов и валютной интеграции, а также обширной торговой сети, которая будет простирается от западной части Тихого океана до Балтийского моря.

Для реализации китайского проекта ЭПШП в 2014–2015 гг. были созданы два новых крупных финансовых института, каждый с *уставным капиталом* в 100 млрд долл.: Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) и Новый банк развития БРИКС (НБР; приступил к работе осенью 2015 г.; ныне в его работе задействовано более двух десятков стран.). АБИИ, *число участников которого достигло 57 стран*, будет ориентироваться на финансирование строительства инфраструктуры, соответствующей масштабу замысла ЭПШП.

Наряду с созданием АБИИ в декабре 2014 г. в Пекине был учрежден инфраструктурный Фонд Шелкового пути (ФШП) с капиталом в 40 млрд долл., который тоже занимается крупными вложениями в инфраструктурные проекты – в странах вдоль Нового Шелкового пути и Морского Шелкового пути, поставив себе задачу содействовать в перспективе сбыту китайской продукции в соответствующих странах. С целью привлечения к совместному инвестированию крупных иностранных и международных финансовых организаций ФШП отказался от использования юаня и работает только с долларом и евро.

Для России АБИИ, где она *является третьим крупнейшим участником после Китая и Индии*, может стать эффективным инструментом продвижения евразийской интеграции и усиления трансконтинентальной взаимосвязанности. Потенциально возможно привлечение финансовых ресурсов банка для реализации масштабных инвестиционных проектов и на территории России, в первую очередь в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке [7, с. 15]. Фонд Шелкового пути участвует в российском проекте «Ямал СПГ». В условиях западных санкций именно китайская сторона становится важнейшим стратегическим иностранным партнером по реализации этого проекта. Для работы в России ФШП намерен учредить отдельный дочерний фонд.

Один из демонстрационных проектов ЭПШП – особая экономическая зона «Великий Камень», китайско-белорусский индустриальный парк, в который уже вложено более 250 млн долл. [19]. Он станет важным элементом ЭПШП, своеобразным глобальным хабом с элементами цифровизации и перевалочным пунктом для китайских товаров, поступающих на рынки Европы. В состав участников этого парка уже вошел европейский хаб: создается основа для «интеграции интеграций».

Другим впечатляющим интеграционным примером является сопряжение континентальной программы КНР «Экономический пояс Шелкового пути» и казахстанской программы «Нурлы жол». В течение двух лет в степи были построены железные дороги от Китая до Каспийского моря (1500 км) и железная дорога к Персидскому заливу (иранский порт Бендер-Аббас), проложенная через Туркменистан и Иран с целью выхода к Индии [10, с. 125].

Казахстан весьма активно поддерживает китайскую инициативу ЭПШП, поскольку видит в ней уникальную возможность максимальной реализации своего транзитно-транспортного потенциала. За последние несколько лет Казахстан про-

вел масштабную модернизацию своей транспортной инфраструктуры. Два года назад было завершено строительство автомобильных дорог на участке международного транспортного коридора, который свяжет Западный Китай и Западную Европу транзитом через Казахстан и Россию. (Сейчас идет завершение строительства и российского участка.) К 2020 г. Казахстан планирует получать в год не менее 5 млрд долл. только от транзита грузопотоков по его территории.

Одновременно Китай является значительным инвестиционным партнером Кыргызстана. В республике действуют более 400 предприятий с участием Китая: в сферах обслуживания, горнодобывающей и перерабатывающей промышленности, сельском хозяйстве.

Сотрудничество России и стран ЦА с КНР будет и далее развиваться как на двусторонней, так и на многосторонней основе. Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и Китаем в среднесрочной перспективе может стать одним из наиболее крупных и значимых элементов инициативы Большого евразийского партнерства.

Одновременно евразийский интеграционный процесс сталкивается с неприкрытым противодействием со стороны геополитических оппонентов России. США и ряд европейских стран пытаются игнорировать сам факт появления ЕАЭС и строительства его наднациональных органов, используют все свои возможности, чтобы дискредитировать проект тесного экономического союза части бывших советских республик, затруднить его реализацию и не допустить консолидации постсоветского пространства вокруг России. Это обуславливает необходимость новых подходов ко всему постсоветскому окружению со стороны России и ЕАЭС. Обновленная «Концепция внешней политики Российской Федерации» в числе приоритетных направлений внешнеполитического курса РФ предполагает «развитие двустороннего и многостороннего сотрудничества с государствами – участниками Содружества Независимых Государств (СНГ) и дальнейшее укрепление действующих на пространстве СНГ интеграционных структур с российским участием» [11].

Особое значение в рамках реализации концепции БЭП приобретает Шанхайская организация сотрудничества, имеющая большой потенциал для превращения в основную площадку взаимодействия по линии Китай (ЭПШП) – ЕАЭС [15, с. 98]. Расширение ШОС за счет присоединения Индии и Пакистана не только повышает ее экономический потенциал и значение на международной арене, но и создает многосторонний механизм для решения множества региональных вопросов, обеспечения безопасности, стабильности и устойчивого развития в регионе [13, с. 68].

Однако развитие многостороннего экономического сотрудничества и региональной интеграции в рамках ШОС протекает очень медленно, механизм коллективного взаимодействия в этой сфере все еще не разработан, что затрудняет создание зоны свободной торговли ШОС, формирование которой обозначено в ее уставных документах [18, с. 67]. На практике многосторонние проекты не осуществляются, а система их финансирования до сих пор не создана. Подходы России и Китая к вопросам формирования механизмов финансирования многосторонних проектов различаются. Россия в большей степени заинтересована в укреплении ЕАЭС, в то время как Китай намерен и дальше развивать сеть двусторонних связей со странами региона в рамках инициативы «Один пояс, один путь» [8, с. 80].

Российская инициатива по созданию Большого евразийского партнерства пристальное и серьезное внимание уделяет сотрудничеству ЕАЭС с Ассоциацией стран Юго-Восточной Азии, отметившей в 2017 г. свое 50-летие и осуществляющей координирующую роль в процессе регионального сотрудничества в АТР. Яв-

ляясь диалоговым партнером АСЕАН (статус партнера по диалогу РФ получила еще в июле 1996 г., а в 2004 г. присоединилась к Договору о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии), РФ выступила на юбилейном саммите Россия – АСЕАН, проходившем в Сочи в 2016 г., с инициативой вступления ЕАЭС в зону свободной торговли (ЗСТ) АСЕАН, объединяющей десять стран Юго-Восточной Азии (ЮВА): Бруней, Камбоджу, Индонезию, Лаос, Малайзию, Мьянму, Филиппины, Сингапур, Таиланд, Вьетнам.

Россия готова подключиться к инициативам АСЕАН по развитию энергетической, информационной и транспортной инфраструктуры, чтобы, как было отмечено в Сочинской декларации, «...Укреплять взаимосвязанность между Россией и АСЕАН, в том числе посредством повышения эффективности транспортного сообщения и развития контактов между людьми». Итоговая декларация саммита постановила «рассмотреть в АСЕАН выдвинутое Россией предложение о проведении совместного исследования перспективы создания всеобъемлющей зоны свободной торговли между ЕАЭС и АСЕАН». Однако построение качественно нового взаимодействия с АСЕАН как целостной группировкой самых разных стран оказывается достаточно сложным делом из-за необходимости длительной и сложной процедуры согласования многих интересов.

В этой ситуации альтернативной возможностью для экономик стран ЕАЭС в ЮВА становится практика развития двусторонних отношений и заключения соответствующих соглашений. Как позитивный пример особое значение имеет тут заключенное еще в 2015 г. Соглашение о свободной торговле между ЕАЭС и СРВ, которое вступило в силу в октябре 2016 г. Документ предусматривает постепенное, этапное взаимное открытие рынков договорившихся сторон [9, с. 116]. (Следует заметить, что Минэкономики РФ ожидает удвоения торгового оборота с Вьетнамом к 2020 г. В 2014 г. он составлял 3,7 млрд долл.)

Готовится к подписанию соглашение о свободной торговле ЕАЭС – Сингапур, начаты переговоры по ЗСТ между ЕАЭС и Индией, в перспективе возможно заключение подобных соглашений с Ираном и Египтом. Используя ЗСТ с Вьетнамом как модель, ЕАЭС может начать переговоры по заключению соглашения о свободной торговле с АСЕАН в целом. В настоящее время Россия экспортирует в страны объединения продукты машиностроения и химической промышленности. Активно развивается военно-техническое сотрудничество с Вьетнамом, Мьянмой, Таиландом, а в последнее время и с Филиппинами. В связи с нарастанием террористической угрозы Россия готова оказать странам АСЕАН поддержку в военно-технической сфере.

В то же время экономическое присутствие России в регионе остается достаточно слабым. Товарооборот ЕАЭС со странами АСЕАН в 2015 г. составлял 15,1 млрд долл. (2,6% от всего товарооборота ЕАЭС), экспорт – 7,1 млрд долл. (1,9% от всего экспорта), импорт – 8 млрд долл. (3,9% от всего импорта) [6, с. 20]. Повышению роли РФ в Восточной Азии может способствовать ее присоединение к соглашению о Всеобъемлющем региональном экономическом партнерстве (ВРЭП). Переговорный процесс подготовки соглашения по ВРЭП был запущен на саммите АСЕАН еще в 2011 г., активную работу в этом направлении ведет Китай. ВРЭП объединит в единую систему зоны свободной торговли АСЕАН с шестью партнерами, с которыми у АСЕАН уже подписаны соглашения о свободной торговле: с КНР, РК, Японией, Индией, Австралией и Новой Зеландией. Однако предпосылкой для начала переговоров о приеме России во ВРЭП должно послужить как раз ее вступление в ЗСТ АСЕАН.

Итоги переговоров в рамках саммита АСЕАН и предшествовавшего ему саммита АТЭС в ноябре 2017 г. свидетельствуют о том, что у России есть возможности для развития совместных инфраструктурных проектов в масштабе АТР. Нарастающее экономическое взаимодействие нашей страны с АСЕАН, а также поступательная интеграция сибирских и дальневосточных территорий в систему хозяйственных связей Азиатско-Тихоокеанского региона имеют, как уже подчеркивалось автором этих строк, приоритетное значение для решения важнейших задач России в XXI веке [9, с. 120].

Исторически новые геополитические и экономические реалии, такие как ЕАЭС, БЭП, мегапроект «Один пояс – один путь», долговременные программы хозяйственного развития стран – членов ШОС, развивающиеся на растущем пространстве ШОС, требуют от них определенной сопряженности с учетом интересов каждого из участников развивающихся трансрегиональных процессов.

Концепция БЭП, внутреннее содержание и объем инициативного проекта находятся еще на стадии формирования. Разработка единого механизма сотрудничества в Большой Евразии в ближайшей перспективе и существующих современных условиях пока еще не представляется возможной. Большая Евразия включает в себя множество государств с очень значительными различиями интересов, планов, внешних влияний, противоречий и амбиций, а это, естественно, затрудняет выработку единых рамок сотрудничества. Однако интеграционные тенденции все же непреодолимы. Думается, уже в среднесрочной перспективе БЭП может стать всеобъемлющей конструктивно-созидательной идеей, предполагающей практическое многоуровневое взаимодействие существующих стран и их объединений с помощью различных форм и механизмов.

Накопленный опыт взаимодействия России с Китаем, Вьетнамом, Японией, Индией, Пакистаном, Ираном, другими заинтересованными государствами и объединениями, опирающийся на принципы равноправия и взаимного учета интересов, со временем непременно поможет тесно связать Азию и Европу. Таким образом, охватив половину населения нашей планеты и почти треть мировой экономики по паритету покупательной способности, Большое евразийское экономическое партнерство будет способствовать успешному и устойчивому развитию стран Евразии.

Источники и литература

1. *Аникин В.И.* Геополитические аспекты стратегии взаимодействия стран Большой Евразии в ракурсе международной безопасности и смены глобальной экономической модели // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество: Сборник статей. Ежегодник. М.: ИНИОН РАН, 2018. С. 20–23.
2. *Аникин В.И., Сурма И.В.* Россия – транспортный коридор между Востоком и Западом // Трансграничные транспортные коридоры «Восток – Запад». Вызовы для национальной экономики: Сборник докладов. М.: РИСИ, 2015. С. 199–202.
3. *Бабанов О.* Центральноазиатские вызовы для России. – Режим доступа: russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/tsentralnoaziatskie-vyzovy-dlya-rossii/ – Дата обращения: 20 окт. 2017.
4. *Бажанов Е.П.* Россия в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Философские науки. 2015. № 1. С. 12–28.
5. *Бажанов Е.П.* Роль и место России в международных отношениях в АТР // Азиатско-Тихоокеанский регион: региональные проблемы, международные организации и экономические группировки. М.: Восток – Запад, 2010. С. 40–60.
6. *Валовая Т.* Формирование новой архитектуры мировой экономики: ЕАЭС и АСЕАН // Международная жизнь. 2016. № 5. С. 19–25.
7. *Живора Л.И.* Дальний Восток России в интеграционных процессах АТР // Роль и место России в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Материалы международного круглого стола молодых ученых: Сборник статей. М.: ООО «ИТК “Дашков и Ко”», 2016. С. 12–21.

8. Живора Л.И. Сопряжение проектов ЕАЭС и ЭПШП на площадке ШОС // ШОС: возможности и перспективы. Материалы международной конференции: Сборник статей. М., 2016. С. 75–87.
9. Живора Л.И. Экономика Дальнего Востока в ее стратегическом измерении // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2016. № 4 (10). С. 116–130.
10. Закаурица Т.А., Солнцева Е.С. Евразийские исследования в ASTANA CLUB – 2017 // Там же. 2017. № 4 (14). С. 121–125.
11. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.) – Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 – Дата обращения: 18 мая 2018.
12. Круглый стол «Стратегия Китая в XXI веке». (Состоялся в Институте актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России 23 мая 2017 г.) [Александров Д.А., Виногооров А.В., Володин А.Г., Дейч Т.Л., Дикарев А.Д., Живора Л.И., Казарьян Р.Л., Козин В.П., Козырев Н.И., Мустафабейли А.М., Прозорова Г.К., Сидоров Д.А., Федорова И.Е., Чудодеев А.Ю] // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2017. № 3 (13). С. 6–25.
13. Мустафабейли А.М. Государства – наблюдатели при Шанхайской организации сотрудничества и их интересы // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2015. № 2 (4). С. 66–74.
14. Перспективы развития проекта ЕАЭС к 2025 году. Рабочая тетрадь. Спецвыпуск 2017. [Е.С. Алексеевкова, И.С. Глотова, А.В. Девятков и др.; гл. ред. И.С. Иванов] / Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2017. 92 с.
15. Петровский В. На пути к Большому евразийскому партнерству: вызовы и возможности // Международная жизнь. 2017. № 6. Июнь. С. 99–112.
16. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/supplement/4971> – Дата обращения: 20 мая 2018.
17. Шангараев Р.Н., Яхменев П.А. Евразийская интеграция в условиях турбулентности международных отношений // Дипломатическая служба. 2017. № 4. С. 40–45.
18. Яхменев П.А. ШОС: потенциал и механизмы экономической интеграции // ШОС: возможности и перспективы. Материалы международной конференции: Сборник статей. М., 2016. С. 64–74.
19. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://russian.rt.com/ussr/article/390050-lukashenko-rekin-poezdka-sammit> – Дата обращения: 20 мая 2018.
20. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/5275200> – Дата обращения: 22 мая 2018.
21. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://ria.ru/economy/20180517/1520769684.html> – Дата обращения: 20 мая 2018.
22. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/17-05-2018-5.aspx> – Дата обращения: 20 мая 2018.

Т.В. Зонова

ИТАЛИЯ, ЕВРОПА, РОССИЯ: ИЗМЕНИТСЯ ЛИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЕКТОР НОВОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ИТАЛИИ?

Татьяна Владимировна Зонова,
*доктор политических наук, профессор,
профессор кафедры дипломатии
МГИМО-Университета МИД России.*

Аннотация: Освещаются позиции партий Италии по вопросам внешней политики. Главное внимание уделено двум победившим на парламентских выборах марта 2018 г. популистского толка партиям – Лиге (правая националистическая партия) и «Движению пяти звезд» (во многом «антисистемная», более левая партия). В лагере сторонников евроинтеграции вызывает озабоченность их евроскептицизм. За период, прошедший после выборов, прослежена эволюция подходов лидеров – Маттео Сальвини (Лига) и Луиджи Ди Майо (Движение) – к вопросам членства Италии в ЕС и присутствия в еврозоне, влияния на итальянские внутривнутриполитические процессы крайне правого американского политика Стива Бэннона, отношения к России, политике санкций и контрсанкций.

Ключевые слова: парламентские выборы, евроскептицизм, Лига, «Движение пяти звезд», Демократическая партия.

ITALY, EUROPE, RUSSIA: WILL THE FOREIGN POLICY VECTOR OF THE NEW GOVERNMENT OF ITALY CHANGE?

Abstract: The article highlights the positions of Italian parties on foreign policy issues. The main attention is paid to the two populist parties that won parliamentary elections in March 2018 – the League (the right-wing nationalist party) and «The 5-star Movement» (the «anti-system», rather leftist party). Their euroscepticism causes great concern in the camp of supporters of European integration both in Italy and in Brussels. Since the elections, the evolution of the views of the leaders – Matteo Salvini (League) and Luigi Di Mayo (Movement) on the country's foreign and security policy has been traced, in particular, with regard to Italy's membership in the EU and the role of euro. The article raises question about the possible influence on the political process in Italy by Steve Bannon, right-wing Senior Counselor to the US President. The author also paid attention to the attitude of the Italian parties towards Russia, first of all in connection with the policy of sanctions and counter-sanctions.

Key words: parliamentary elections, euroscepticism, League, «The 5-star Movement», Democratic Party.

В Италии внешняя политика остается, как правило, за рамками интереса большинства избирателей. По опросам общественного мнения, лишь 5% итальянцев регулярно следят за внешнеполитическими событиями, по степени относительного равнодушия граждан к этим вопросам страна занимает первое место в ЕС [1]. Именно поэтому нюансы внешнеполитического курса не вышли на первый план предвыборной риторики политиков. Совершенно очевидно, однако, что в современном глобализованном мире ситуация на международной арене во многом определяет

пути и возможности развития той или иной страны, в силу чего экспертное сообщество уделило позиции Италии на международной арене, как ее представляют себе партии, особое внимание. Обсуждали возможные последствия смены курса, проводимого ранее правящей Демократической партией (ДП), задавались вопросом: какой внешнеполитический курс будет проводить новое правительство, если включит в свой состав правую националистическую Лигу и «антисистемное» «Движение пяти звезд» (далее также – Движение), которые одержали победу на выборах?

В течение и девяностых, и всех до 2018 г. лет нового века проводимая правоцентристскими и левоцентристскими блоками внешняя политика Италии определялась как политика «европеизма и атлетизма», с превалированием в разные годы того или другого направления в зависимости от конъюнктуры. Очевидным было также стремление политиков окончательно утвердить роль страны в качестве значительной региональной – прежде всего средиземноморской – державы.

Средиземноморье представляет собой для Италии регион, откуда она черпает энергетические ресурсы, где проблемы терроризма, локальных конфликтов, миграции из стран Африки имеют первоочередное значение для безопасности государства. Отношения с Европейским союзом Италия рассматривала в этой связи как гарантию своего успешного экономического развития и стабильности. В наибольшей степени внешнеполитические действия, практические шаги координировали с самыми влиятельными европейскими странами – Германией и Францией, особенно после заявления Великобритании о выходе из ЕС. В то же время Италия стремилась подчеркнуть свое значение как важного субъекта глобальной мировой политики, активно участвующего в миротворческих миссиях и выполняющего посреднические функции в тех или иных конфликтных ситуациях. Не вызывало у итальянцев сомнений и намерение правительств названных стран сохранить хорошие отношения с Россией, удовлетворяющей чуть ли не половину потребностей Италии в энергетическом сырье.

Однако обе победившие на выборах партии – Лига и Движение – отражали настроения евроскептицизма, получившего распространение в определенных кругах итальянского общества. 63% избирателей Лиги и 50% электората Движения нарочито подчеркивали кризисные аспекты европейской интеграции, при этом 59% голосующих за «лигистов» высказывались за выход Италии из зоны евро. В лагере Движения противников евро тоже было немало – 53%. Более того, 54% сторонников Сальвини не исключали возможности выхода из ЕС, к ним приближалось 44% симпатизирующих Движению. Подавляющее большинство избирателей этих партий в ходе опросов утверждали, что экономический кризис является следствием «конспиративной политики банкиров».

В том же лагере появились и сторонники выхода из НАТО, правда, их было не более 18%. Но 48% симпатизирующих Движению и 44% избирателей лигистов выразили сомнения по поводу участия Италии в миротворческих миссиях. В определенной степени евроскептицизм проявлялся и в настроениях других партий. Так, партии правоцентристской коалиции во главе с Берлускони призывали в своей предвыборной программе к «ослаблению влияния Европы», поясняли, что законы Италии во многих случаях должны иметь преимущество перед правом ЕС.

После выборов, несмотря на предыдущие заявления Грилло о возможности разрыва с Евросоюзом и выхода из зоны евро, как Лига, так и Движение перешли к гораздо более примирительному тону в отношении своих западных союзников. Ди Майо стал утверждать, что для Италии «ЕС – это не внешняя политика, это наш общий дом». Он же подчеркивал: активное участие Италии в ЕС поможет всем

южанам – итальянцам, испанцам и грекам – совместно настаивать на реформе Евросоюза [2] и «больше говорить о выходе из зоны евро не стоит... ведь это может привести к краху экономики итальянского Юга» [3]. Тут уместно вспомнить программный призыв ДП «К Соединенным Штатам Европы!». В предвыборных баталиях правоцентристы из «Вперед, Италия!» ограничились требованием добиваться меньшей зависимости от Европы, которую они обвиняли в жесткой финансовой политике, зарегулированности экономических и иных отношений, чрезмерной бюрократии. Сальвини же был более «евроскептически» и требовал полноценного возвращения к принципам примата внутреннего законодательства над европейским.

Отношения Рима с Брюсселем во многом зависят от решения такой жгучей проблемы, как миграция. В Италии в 2017 г. насчитывалось, возможно, по заниженным данным, около 175 тыс. мигрантов [4]. Порядка 60% избирателей Лиги предпочитают блокирование миграционных потоков и насильственную депортацию нелегалов, за это выступают и 37% граждан, голосующих за Движение [5]. В предвыборных баталиях активисты Лиги делали упор на существующую, по их мнению, тесную связь между нелегальной иммиграцией и исламистским терроризмом.

«Пентастеллати» демонстрировали более гибкую позицию. Взгляды «пятизвездочников» по этому спектру вопросов скорее приближаются к настроениям электората Демократической партии, где решительные противники иммиграции составляют лишь треть ее избирателей. Главное, за что выступала накануне и в ходе выборов ДП, – пересмотр Дублинского соглашения, предполагающего одностороннюю ответственность за судьбы мигрантов той страны Евросоюза, в которую они прибыли.

Наконец, внимание привлекало будущее отношений ЕС с Россией. Италия, как уже отмечено, крайне заинтересована в российском энергетическом сырье, а ее бизнес уже понес значительные потери вследствие западных санкций и российских контрсанкций. В результате большинство избирателей склоняется к мысли о необходимости снятия санкций и возобновления полноценных отношений с Россией. Сальвини назвал экономические санкции «чистым безумием». Лига стала также одной из первых партий в Европе, признавших Крым российской территорией.

Со своей стороны, лидеры «Движения пяти звезд» неоднократно критиковали НАТО за ползучий милитаризм в Восточной Европе и провоцирование Москвы на ответные действия. Представители Движения неоднократно заявляли об оппозиции их партии «милитаризации Восточной Европы» и даже осудили «государственный переворот на Украине». В 2015 г. Движением была организована прошедшая в Палате депутатов конференция «БРИКС – вызов долларизованному миру». В конференции, кстати, приняли участие представители «Единой России» – сенатор Андрей Климов и депутат Думы Сергей Железняк [6].

Не случайно газета «Вашингтон пост» назвала Кремль истинным победителем на итальянских выборах [7]. Обозреватели, однако, склонны считать, что столь демонстративные заявления обеих партий в пользу Москвы скорее свидетельствуют о стремлении добиться уступок от ЕС, оказать существенное давление на Брюссель с тем, чтобы там признали правомерность их требований по изменению целого ряда параметров политики Евросоюза в отношении Италии.

Консервативные круги в Москве охотно поддерживают отношения с Лигой, «Единая Россия» заключила официальное соглашение о сотрудничестве с этой партией. На самом высоком уровне имели место контакты Сальвини во время его посещения Москвы. В Ломбардии появилась Ассоциация Ломбардия – Россия, созданная Джанлукой Савоини, пресс-атташе Сальвини, основная задача кото-

рой – «бороться с дезинформацией по поводу кризиса на Украине». Перед членами Ассоциации неоднократно выступал Александр Дугин, небезызвестный проповедник «евразийства» и геополитического подхода к внешней политике. В прессе мелькали сообщения, что Фонд российского миллиардера Малафеева способствовал встрече евроскептических партий Европы в Вене с участием Лиги. Российские средства массовой информации, в том числе и на итальянском языке, выказывали явную симпатию к политике Лиги, причем в период предвыборной кампании в них появился ряд статей, резко критикующих Маттео Ренци. Это тем более странно, поскольку именно Ренци первым из западных лидеров посетил Москву после событий 2014 г., затем он неоднократно встречался с президентом Путиным, упорно выступал за дискуссии в ЕС по вопросу санкций, препятствовал их автоматическому продлению. Широкую известность получило его выступление в июле 2015 г. в Берлине перед студентами Университета им. Гумбольдта, где он заявил, что противопоставлять Европу России – «политическая ошибка, искажение истории и преступление против культуры» (цит. по: [8]).

Нельзя не отметить и состоявшееся накануне выборов посещение Италии Стивом Бэнноном, крайне правым идеологом и стратегом предвыборной кампании Дональда Трампа. В своих интервью он заявлял, что прибыл в Европу для создания своего рода «интернационала популистов», сети организаций и граждан, которые «занимаются распространением идей экономического национализма». Их объединение, утверждал Бэннон, позволит коалиции популистов, то есть партий «анти-системы», «поразить Брюссель в самое сердце» и «заставить его трепетать от страха» [9]. Затем Бэннон посетил Цюрих, где встречался с лидерами «антисистемных» партий других стран Европы, в частности, с президентом Национального фронта Марин Ле Пен. Не случайно и Сальвини заявил, что 1 мая будет в Ницце, где встретится с Ле Пен на митинге, призванном «подчеркнуть общее обязательство бороться за защиту национальной идентичности и суверенитет национальных государств» [10].

Возникает вопрос: если США проводят конфронтационную политику в отношении России, то как объяснить поддержку Бэнноном именно тех итальянских партий, которые громче других уверяют всех в своем стремлении установить дружеские отношения с Москвой и способствовать отмене санкций? Может, в этом и заключается политика Трампа, который, применив в отношении России самые жесткие приемы, используемые в ходе бизнес-переговоров, затем намерен перейти к диалогу с Москвой на приемлемых условиях и в гораздо более примирительных тонах?

В целом на переговорах между различными политическими силами по поводу формирования нового итальянского правительства вопросы внешней политики предсказуемо отошли на второй план. Будущее покажет, сможет ли Италия, как того добивался Берлускони, стать одним из «протагонистов» мировой политики.

Источники и литература

1. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.corriere.it/opinioni/18_gennaio_18/agli-italiani-resto-mondo-non-interessa-studio-pew-3a359c9c-fbb8-11e7-b641-cb41c1023d03.shtml – Дата обращения: 17 мая 2018.
2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.affarinternazionali.it/2018/02/campagna-casofonia-europa-sordina/> – Дата обращения: 17 мая 2018.
3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lastampa.it/2018/02/17/italia/speciali/elezioni/2018/politiche/checkpolitiche2018/checkpolitiche-europa-i-punti-critici-dei-programmi-NMEjttNC3AVYO7faZEp9SK/pagina.html> – Дата обращения: 17 мая 2018.

4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vita.it/it/article/2018/01/13/migranti-ismu-esso-i-neri-del-2017/145618/> – Дата обращения: 17 мая 2018.
5. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.affarinternazionali.it/2018/04/italia-politica-estera-governo/> – Дата обращения: 17 мая 2018.
6. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.affarinternazionali.it/2018/03/campagna-russia-elezioni-euroscetticismo/> – Дата обращения: 18 мая 2018.
7. *Birnbaum, Michael*. We still don't know who will lead Italy. But one clear winner is the Kremlin – Режим доступа: https://www.washingtonpost.com/world/europe/we-still-dont-know-who-will-lead-italy-but-one-clear-winner-is-the-kremlin/2018/03/22/b1ffae90-2258-11e8-946c-9420060cb7bd_story.html?noredirect=on&utm_term=.6c3f92c11b56 – Дата обращения: 18 мая 2018.
8. Зонова Т. Италия: новый президент, реформы премьер-министра, отношения с Россией. – Режим доступа: <https://mgimo.ru/about/news/experts/italiya-novyy-prezident-reformy/> – Дата обращения: 11 мая 2018.
9. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.corriere.it/esteri/18_marzo_03/elezioni-steve-bannon-roma-sento-stesso-clima-pre-trump-italia-cruciale-tutti-populismi-3ab50906-1f25-11e8-8d1d-1a26021d6049.shtml – Дата обращения: 18 мая 2018.
10. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ilfattoquotidiano.it/2018/04/10/governo-la-mossa-di-franceschini-allassemblea-pd-basta-assistere-evitare-governo-m5s-lega-per-il-bene-del-paese/4284680/> – Дата обращения: 18 мая 2018.

Глава 2. СНГ и трансформация постсоветского пространства

А.М. Джумагулов

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В СФЕРЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ СТАТУСА ИНОСТРАННЫХ ВОЕННЫХ ОБЪЕКТОВ В КЫРГЫЗСТАНЕ

Айдар Муратович Джумагулов,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры международного
и конституционного права юридического факультета
Кыргызско-российского славянского университета.

Аннотация: Рассмотрены проблемы международно-правовой политики Кыргызской Республики в сфере регулирования статуса военных объектов России и США, соответствия интересам Кыргызстана функционирования именно объединенной российской военной базы на территории страны.

Ключевые слова: Международно-правовой статус, военная база, национальное право, внешнеполитические интересы Кыргызстана.

THE INTERNATIONAL LEGAL POLICY OF THE KYRGYZ REPUBLIC IN THE FIELD OF REGULATION OF STATUS OF FOREIGN MILITARY FACILITIES IN KYRGYZSTAN

Abstract: The article addresses the problems of the Kyrgyz international legal policy in the field of regulation of status of the Russian and US military facilities in Kyrgyzstan, and concludes that the functioning of the unified Russian military base in the country's territory meets national interests.

Key words: International legal status, military base, national law, Kyrgyz foreign policy interests.

Международно-правовая политика Кыргызской Республики (далее также – КР) в сфере регулирования статуса иностранных военных объектов на ее территории – составная часть ее целостной государственно-правовой политики, базирующейся на международно-правовых принципах и нормах. Реализуется эта политика через национальное право.

После распада СССР, образования СНГ, а затем подписания ОДКБ (вступил в силу 20 апр. 1994 г.) в Кыргызстане продолжали функционировать доставшиеся России «в наследство» от Советской Армии военные объекты: узел дальней связи ВМФ РФ в Чуйской области, испытательная база противолодочного вооружения на озере Иссык-Куль, 1-я автоматическая сейсмическая станция, а также радио-сейсмическая 17-я лаборатория РФ. Оба последних специфических объекта предназначались для контроля за испытаниями ядерного оружия, в первую очередь

на полигоне «Лобнор», расположенном в приграничном Синьцзянь-Уйгурском автономном районе КНР, а также за соответствующими объектами на территории стран Южно-Азиатского региона. Эти лаборатории входят в систему технического контроля в рамках Договора о нераспространении ядерного оружия [1].

До 1999 г. государственную границу КР с КНР тоже охраняли российские военнослужащие – подразделения пограничной службы РФ. Статус всех перечисленных подразделений, объектов и их персонала определялся двусторонними договорами между Россией и Кыргызстаном о сотрудничестве в военной области, порядке использования российских военных объектов, условиях их работы, аренды и др.

22 сентября 2003 г. Россия и Кыргызстан заключили Соглашение о статусе и условиях пребывания авиационной базы РФ на территории КР (ратифицировано Законом КР от 17 авг. 2004 г. № 142) [2]. Предназначенная для базирования российской авиационной группировки как составной части подразделений ОДКБ, она была способна решать самый широкий спектр боевых задач в случае возникновения реальной внешней угрозы одному из государств Центральной Азии (ЦА). Размещалась 999-я авиабаза в г. Кант в окрестностях Бишкека. В 2009 г. действие соглашения продлили еще на 49 лет.

Новое общее и комплексное Соглашение о статусе и условиях пребывания объединенной российской военной базы на территории КР, а также Протокол о сотрудничестве в военной области в период, предшествующий вступлению в силу данного соглашения, были подписаны 20 сентября 2012 г. (ратифицированы Законом КР от 17 дек. 2012 г. № 200 и Федеральным законом РФ от 7 мая 2013 г. № 74–ФЗ).

Как и предусматривалось оглашением, оно вступило в силу 29 января 2017 г. Дату определили с учетом того факта, что Соглашение о порядке использования российских военных объектов на территории КР и статусе военнослужащих РФ от 5 июля 1993 г. вступило в силу 29 января 1997 г. и заключалось сроком на 15 лет с последующим пятилетним продлением, т.е. 29 января 2012 г. истек пятнадцатилетний срок его действия и оно автоматически было продлено на 5 лет.

В документе сказано, что все «воинские формирования Вооруженных сил РФ, находящиеся на территории КР, преобразуются в объединенную военную базу». Соглашение, как и вышеназванные предыдущие, тоже действует в течение 15 лет и будет автоматически продлеваться на последующие пятилетние периоды, если страны не уведомят друг друга о намерении в одностороннем порядке или по взаимной договоренности прекратить его действие.

С международно-правовой точки зрения, среди других положений соглашения особый интерес вызывает ст.13 «Юрисдикция»:

«Объединенная российская военная база пользуется полным иммунитетом от гражданской и административной юрисдикции Кыргызской Республики <...> Недвижимое имущество объединенной российской военной базы неприкосновенно. Представители органов власти Кыргызской Республики не вправе вступать в места дислокации объединенной российской военной базы и на военные объекты Российской Федерации без согласия командира объединенной российской военной базы» (п.1). «Личному составу объединенной российской военной базы и членам семей личного состава объединенной российской военной базы, не являющимся гражданами КР, предоставляются привилегии и иммунитеты, аналогичные тем, которые предусмотрены в отношении административно-технического персонала дипломатического представительства в соответствии с Венской конвенцией о дипломатических сношениях от 18 апреля 1961 года» (п.2). «Транспортные средства и воздушные суда уполномоченного органа РФ, используемые в интересах объеди-

ненной базы, пользуются иммунитетом от обыска, реквизиции, ареста и иных принудительных мер, в том числе обеспечительного характера и исполнительных действий» (п.3).

В соответствии с приложениями к соглашению утвержден перечень объектов недвижимого имущества совместного использования и условия пребывания воинских формирований объединенной базы: авиабаза в г. Кант – как структура Коллективных сил быстрого развертывания (КСБР) ОДКБ – на безвозмездной основе, узел связи и испытательная база – на условиях арендной платы. Автономный сейсмический пункт – на условиях передачи сейсмической информации Национальному институту сейсмологии и МЧС Кыргызстана. На основании получаемой информации эти структуры могут отслеживать сейсмологическую обстановку не только на территории республики, но и в сопредельных регионах.

Таким образом, военные объекты России на территории Кыргызстана обрели необходимый и детализированный международно-правовой статус.

С декабря 2001 г. по июль 2014 г. на территории КР в международном аэропорту «Манас» функционировала также военная авиабаза США, в 2009 г. переименованная в Центр транзитных перевозок США.

После известных событий 11 сентября 2001 г. между КР и США был подписан договор и принят Закон КР от 14 декабря 2001 г. № 110 «О ратификации ответной ноты Министерства иностранных дел КР на ноту Посольства США от 4 декабря 2001 года», суммарно образующих Соглашение между правительствами Кыргызстана и Соединенных Штатов.

По этому соглашению в международном аэропорту «Манас» г. Бишкека была открыта авиабаза коалиционных сил НАТО, получившая неофициальное название «Ганси» в честь нью-йоркского пожарного Питера Ганси, погибшего при крушении башен Всемирного торгового центра. Основная задача базы (по официальной версии) – транзит грузов НАТО в Афганистан и обратно. Причем вопросам, которые могли бы возникнуть по поводу международно-правового статуса персонала базы, особого внимания не уделялось (подробнее см.: [3]). Кыргызская Республика, подписывая данное соглашение, предоставила военному и гражданскому персоналу Министерства обороны США, дислоцированному на территории Кыргызской Республики (авиабаза в аэропорту «Манас»), статус, эквивалентный статусу административного и технического персонала Посольства США, определяемый той же Венской конвенцией о дипломатических сношениях от 18 апреля 1961 г. Некоторые положения соглашения прямо противоречили ряду статей Конституции КР, определяющих права граждан, их гарантии и формы реализации, ограничивая суверенитет и конституционно-властные полномочия Кыргызской Республики.

Подписав названное соглашение, положения которого не определяли механизмы защиты прав граждан КР при нанесении ущерба их здоровью или имуществу со стороны военного и гражданского персонала Министерства обороны США, находящегося на территории нашей страны, Кыргызская Республика взяла на себя всю ответственность как за исполнение обязательств по соглашению, так и за возможные последствия их исполнения, включая негативные.

Так, в 2006 г. военнослужащий США Закари Хэтфилд застрелил гражданина КР Александра Иванова, сотрудника базы, работавшего водителем. Следственными органами КР данное деяние было признано умышленным убийством. Несмотря на это командование базы, выплатив очень скромную по американским меркам компенсацию семье убитого, вывезло Хэтфилда в США, где в ходе разбирательства

он был оправдан. Эти события привели в последующем к определенным правовым изменениям и корректировкам, принятию ряда внутригосударственных актов КР.

В 2008 г. в Бишкеке – в доме, арендуемом гражданами США, сотрудниками МВД КР был обнаружен склад оружия. В том числе крупнокалиберные пулеметы, штурмовые винтовки, гранатометы, пистолеты и большое количество боеприпасов [4]. Чем закончилось расследование и кому предназначалось оружие, так и осталось неизвестным. (Возможно, это происшествие как-то связано и с последовавшим позднее инцидентом с Боингом–737 кыргызской авиакомпании, о чем чуть ниже.)

Президент Кыргызстана в 2005–2010 гг. К. Бакиев публично пообещал вывести базу США из страны, заручившись при этом как моральной, так и материальной поддержкой России и других партнеров по СНГ, ОДКБ и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Но вместо этого, получив от России трехсотмиллионный долларовый грант на развитие гидроэнергетики, власти Кыргызстана ограничились простой сменой вывески, упразднив де-юре, но сохранив де-факто (по Соглашению о сотрудничестве, специально заключенному в 2009 г.) базу США под другим названием – Центр транзитных перевозок (ЦТП), нарушив тем самым ряд основополагающих принципов международного права, в первую очередь – принцип добросовестного выполнения взятых на себя ранее международных обязательств.

В феврале 2010 г. иранские истребители принудительно посадили на территории Ирана пассажирский Боинг–737 кыргызской авиакомпании, следовавший из Дубая в Бишкек. Сообщалось, что как только самолет приземлился, в салон вошли представители спецслужб Ирана и арестовали двоих пассажиров, не являющихся гражданами Кыргызстана. Одним из арестованных оказался лидер суннитской террористической организации «Джундалла» Абдулмалик Риги. В Бишкек Абдумалик Риги летел с фальшивым афганским паспортом, по его же словам, для того чтобы на территории ЦТП встретиться с некой очень высокопоставленной персоной из США: настолько высокопоставленной, что в ОАЭ встречаться с ней было нельзя, чтобы не привлекать внимания. А вот на территории американской базы в «Манасе» гарантировалась полная конфиденциальность. После того как Кыргызстан выразил протест в связи с действиями иранской стороны, власти Ирана осудили в ответ предоставление территории КР лицам, угрожающим национальной безопасности Ирана, и призвали руководство Кыргызстана уважать международное право в области борьбы с терроризмом [5].

Позже Риги сообщил, что США снабжают его террористическую группу оружием, взрывчаткой и телекоммуникационным оборудованием, во время его встреч с агентами ЦРУ ему гарантировали полную поддержку и обещали предоставить базу и оружие неподалеку от Ирана, если точнее – «такую базу должны были создать в “Манасе”, недалеко от Бишкека в Кыргызстане».

Кроме того, в связи с постоянными сбросами авиатоплива и крушением в 2013 г. самолета-топливозаправщика ВВС США недалеко от базы, был нанесен существенный ущерб экологии Чуйской долины Кыргызстана, размеры которого продолжают оценивать до настоящего времени.

Учитывая все перечисленные и другие связанные с деятельностью ЦТП негативные факты, глава государства и парламент, выражая волю народа Кыргызстана, проявили, наконец, необходимую политическую твердость и принципиальность: Законом от 26 июня 2013 г. № 104 Соглашение о сотрудничестве между Правительствами КР и США и их Соглашение относительно Центра транзитных перевозок в Международном аэропорту «Манас» от 22 июня 2009 г. были денонсированы.

В рамках реализации Закона № 104 к 11 июля 2014 г. американские военные окончательно покинули Кыргызстан.

В заключение следует подчеркнуть: в условиях нарастающей активности международных террористических структур присутствие российских военных в КР более чем оправдано. Функционирование объединенной российской военной базы на территории страны носит оборонительный характер и не направлено против третьих государств, укрепляет обороноспособность Кыргызстана, отвечает целям поддержания мира и стабильности в регионе, интересам народов обоих государств и соответствует нормам национального права.

Источники и литература

1. Справка: Российские военные базы за рубежом (по данным агентства РИА-Новости). – Режим доступа: <http://tvzvezda.ru/news/forces/content/201502100839-zl4z.htm> – Дата обращения: 17 мая 2018.
2. Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики. 2018. – Режим доступа: <http://cbd.minjust.gov.kg> – Дата обращения: 14 мая 2018.
3. *Джумагулов А.М.* О правовом статусе персонала Центра транзитных перевозок США в аэропорту «Манас» // Вестник КРСУ. Т. 10. № 6. Бишкек, 2010.
4. В одном из частных домов в столице Кыргызстана, арендованном гражданами США, обнаружен крупный склад боеприпасов. – Режим доступа: <https://24.kg/archive/ru/investigation/37753-2008/08/05/89155.html/> – Дата обращения: 17 мая 2018.
5. *Ночевкин В.* Военная база США покидает Кыргызстан... Уйдут ли совсем? // «Дело №». 13.06. 2014. – Режим доступа: <http://delo.kg/index.php/health-7/7400-voennaya-baza-ssha-pokidaet-kyrgyzstan-ujdut-li-sovsem> – Дата обращения: 17 мая 2018.

В.Г. Циватый

БЕЛАРУСЬ – УКРАИНА: 27 ЛЕТ ДВУСТОРОННИХ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ НА ПРОСТРАНСТВЕ СНГ (институциональный и внешнеполитический дискурсы)

Вячеслав Григорьевич Циватый,
*кандидат исторических наук, доцент,
заслуженный работник образования Украины
(Киевский национальный
университет им. Тараса Шевченко).*

Аннотация: Анализ двусторонних дипломатических отношений Республики Беларусь и Украины в условиях полицентричного мироустройства и проблем институциональной и внешнеполитической модернизации Беларуси в рамках интеграционных объединений – СНГ и Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Рассмотрены процессы развития и ближайшие перспективы социально-политической трансформации Республики Беларусь.

Ключевые слова: внешняя политика, дипломатия, институционализация, дипломатическая служба, Республика Беларусь, Украина.

THE REPUBLIC OF BELARUS – UKRAINE: TWENTY-SEVEN YEARS OF BILATERAL DIPLOMATIC RELATIONS IN THE CIS (institutional and foreign political discourses)

Abstract: The article analyzes the bilateral diplomatic relations between the Republic of Belarus and Ukraine in the context of a polycentric world order, as well as the problems of socio-political, institutional and foreign policy modernization of Belarus within the framework of integration associations – the CIS and the Eurasian Economic Union. Development processes prospects of the socio-political transformation of the Republic of Belarus are considered.

Key words: foreign policy, diplomacy, institutionalization, diplomatic service, Republic of Belarus, Ukraine.

Всеобщность политических процессов, их всеохватность и тотальность дипломатии XXI века – тренд современного глобализированного мира [6]. В этом плане объединяющим институциональным вектором в мировой политике является экономическая дипломатия. Она же – в числе приоритетных инструментов внешнеполитической и дипломатической деятельности Республики Беларусь и Украины. В течение пяти последних лет наряду с экономической дипломатией на повестку дня вышел также миротворческий вектор внешней политики и дипломатии Беларуси. В то же время и он, при всей его гуманистической составляющей, направлен на защиту экономических интересов Республики Беларусь [3]; [12].

Говоря о современных политико-дипломатических белорусско-украинских отношениях, следует отметить активный политический диалог обеих стран: за почти 27-летний период состоялось около сотни официальных двусторонних встреч. Все пять сменявших друг друга руководителей Украинского государства, как и лидер Республики Беларусь А.Г. Лукашенко, в течение этого периода своими делами неизмен-

но доказывали и продолжают доказывать приоритетность украинско-белорусских отношений для них. Близки позиции обеих стран и по вопросам создания новой глобальной архитектуры безопасности на постсоветском пространстве с обязательным предоставлением гарантий такой безопасности безъядерным государствам [5]; [14].

Современная дипломатия активно использует в новых условиях глобального пространства приобретенный в течение многих веков исторический опыт: инструментарий, методы и формы дипломатии, равно так и принципы внешней политики [7]. При этом двусторонние отношения между Республикой Беларусь и Украиной традиционно являются дружескими, их характеризуют взаимное уважение и доброжелательность.

Участие Республики Беларусь и Украины в мировой политике и международном сотрудничестве почти всегда реализуется в тесном межгосударственном тандеме при любых контактах и мероприятиях в различных институциональных и интеграционных объединениях современного полицентричного мира XXI века [10].

Важную роль в укреплении партнерства Республики Беларусь и Украины традиционно играют встречи на высоком уровне и переговоры, способствующие дальнейшему развитию политического, экономического и культурно-гуманитарного сотрудничества двух государств. На сегодня оба государства взаимно заинтересованы в развитии прежде всего двустороннего торгово-экономического сотрудничества. В то же время одним из важнейших вопросов текущей повестки дня как международных отношений в целом, так и внешней политики Республики Беларусь в частности, уже длительное время остается проблема урегулирования ситуации в Украине и вокруг нее – не только в регионе конфликта, но и на всем международном геополитическом пространстве в его самом широком значении и смысле.

Киев положительно оценил и политико-дипломатическую готовность Минска выступить в качестве заинтересованного субъекта международных отношений, став площадкой для проведения переговоров по урегулированию ситуации на востоке Украины, и динамику восстановления показателей торгово-экономического сотрудничества наших стран [11].

Двустороннее сотрудничество между Украиной и Беларусью продолжается, как уже отмечено, 27 лет. За это время оно, естественно прошло свои фазы потепления и охлаждения. Сегодня же, как никогда раньше, отношения между двумя государствами требуют особого внимания и стратегического планирования. От этого зависит безопасность каждого из них. Обеспечение национальной безопасности и определяет главный приоритет внешней политики как Украины, так и Беларуси на данном этапе их отношений [1]; [14].

При всем сказанном, внешняя политика Беларуси производит двойственное впечатление [4]. С одной стороны, ее стратегические ориентиры официально провозглашены и регулярно подтверждаются. С другой стороны, по-прежнему недостаточно убедительна и выразительна артикуляция национальных интересов страны в контексте изменений международной среды, в том числе на европейском континенте.

В целом современная дипломатия Республики Беларусь отстаивает интересы суверенной Беларуси. Модель ее дипломатии подчеркивает жизненность и динамичность многовекторной внешней политики страны. Безусловно, в числе ее приоритетов – и укрепление всех форм стратегического партнерства на пространстве СНГ [2]. Современная модель дипломатии Республики Беларусь заслуживает высокой оценки, но от исследователей и аналитиков неизбежно требует ее дальнейшего изучения в исторической ретроспективе и перспективе. Опыт дипломатии Беларуси представляет интерес для других государств [8]; [9].

Сейчас ключевые слова в белорусских внешнеполитических заявлениях — «многовекторность» и «сбалансированность», дополненные озвученным и даже подчеркнутым намерением выровнять отношения с Западом. Однако, на наш взгляд, отрегулировать отношения с Западом после нескольких лет антизападного (особенно антинаатовского) подхода будет очень сложно, если вообще возможно в ближайшем будущем.

Для Республики Беларусь 2017–2018 годы характеризуются в общем контексте международной политики и международной обстановки с их повышенной нестабильностью, противоречивым сочетанием центробежных и центростремительных тенденций, институциональными и экономическими дисбалансами, неготовностью мировых игроков-акторов поступаться собственными национальными интересами в пользу общего блага в полицентричном, как уже отмечалось, мире XXI века.

Выраженной тенденцией современных геополитических реалий и международных отношений стала разбалансировка системы сдержек и противовесов между соперничающими государствами и группами государств, «расползание» региональных конфликтов, вовлечение в них новых участников, обвальное снижение эффективности политико-дипломатической деятельности и функциональности многих международных институций. Очевидный кризис доверия в европейском и других мегарегионах, на широком евразийском пространстве, то есть вообще в глобальном масштабе, показал, что спрос на конструктивный диалог и выработку компромиссов по-прежнему превышает предложение [13].

В этих непростых условиях Республика Беларусь в 2017–2018 годах подтвердила и наглядно продемонстрировала устойчивость к неблагоприятным внешним факторам, способность к активному противодействию и смягчению их воздействия, адекватную реакцию на новые вызовы и угрозы национальной безопасности страны.

Беларусь смогла занять собственную нишу в меняющемся мире. В современном внешнеполитическом и внешнеэкономическом контексте она демонстрирует способность быть самостоятельным игроком-актером регионального значения и масштаба, генерирующим конструктивные подходы к разрешению актуальных проблем современности. Так, применительно к сопредельным территориям белорусская сторона продолжала демонстрировать и практически реализовать в 2017–2018 годах усилия по содействию урегулированию кризиса в соседней Украине.

Итак, прошло более четверти века с момента установления 27 декабря 1991 года дипломатических отношений между Республикой Беларусь и Украиной. Начался новый этап в их истории: этап взаимодействия двух независимых государств, обозначенный искренней дружбой и стремлением к взаимовыгодному экономическому и политико-дипломатическому сотрудничеству. Бесспорно, сформирован значительный потенциал для вывода двустороннего сотрудничества на уровень стратегического партнерства, прежде всего — в торгово-экономической сфере.

Думается, в быстроменяющемся мире XXI века Республике Беларусь необходимо продолжать искать свои новые локации в геополитическом пространстве, при этом акцентируя внимание на сбалансированной внешней политике и приоритетах своих национальных интересов.

Источники и литература

1. *Бетлій О., Прейгерман Є.* Аудит зовнішньої політики: Україна — Білорусь: Дискусійна записка. Київ, 2016.
2. *Дегтерев Д.А., Курьлев К.П.* Внешняя политика стран СНГ. М.: Аспект Пресс, 2017.
3. *Дегтерев Д., Василюк И., Баум В.* Параметры многовекторности внешней политики стран СНГ: прикладной анализ // *Мировая экономика и международные отношения.* 2018. № 1. Т. 62. С. 63–75.

4. *Косов О., Юрчак Д.* Роль і місце Республіки Білорусь у процесі врегулювання кризи на сході України // Вісник Львівського університету. Львів, 2017. Випуск 41. С. 89–96.
5. *Толстов С.В.* Українсько-білоруський діалог: пошук нових можливостей // Зовнішні справи. 2016. № 12. С. 20–22.
6. *Циватий В.Г.* Глобальная дипломатия и страны СНГ в условиях полицентричного мира XXI в.: интеграционное и внешнеполитическое измерения // Беларусь в современном мире: Сб. науч. трудов. Минск, 2016. С. 67–69.
7. *Циватий В.Г.* Институционально-исторические традиции политико-дипломатических систем и дипломатии: социологический аспект // Социология дипломатии: Гипотеза, структура и тематические исследования: Моногр. / Милан Язбец, Вячеслав Циватий и др. Киев: Дипломатическая академия Украины при МИД Украины, 2015. С. 269–280.
8. *Циватий В.Г., Громико О.А.* Поліцентричність сучасного світоустрою: мегатренд XXI століття: (інституційний контекст) / В.Г. Циватий, О.А. Громико // Зовнішні справи. 2014. № 8. С. 26–29.
9. *Шадурский В.Г.* Влияние украинского кризиса на баланс сил в геополитическом квадрате (США, ЕС, Россия, Китай) // Труды факультета международных отношений [Белорусского гос. ун-та]: Науч. сборник. Вып. 6. Минск, 2015. С. 9–14.
10. *Юрчак Д.В.* Беларусь – Украина: 20 лет межгосударственных отношений. Витебск: ВГУ им. П.М. Машерова, 2015. 294 с.
11. *Юрчак Д.В.* Минск как потенциальная площадка для урегулирования украинского конфликта // Актуальные проблемы международных отношений и дипломатии (1918 г. – начало XXI в.). Витебск: ВГУ им. П.М. Машерова, 2015. С. 259–263.
12. *Chekalenko L.D.* Foreign Policy of Ukraine: monograph / Based on the scientific concept of Professor *Lyudmyla D. Chekalenko* / Scientific editor Rector of the Diplomatic Academy of Ukraine under the Ministry of Foreign Affairs of Ukraine *V.G. Tsivatiy*. Kyiv : LAT&K, 2016.
13. International Relations / Edited by *Stephen McGlinchey*. Bristol, England, 2017. Part I: DIPLOMACY. P. 26–36.
14. *Tsivatiy V.G.* National Security as a Component of Global Security: Lessons from Ukraine's Crises // Eastern Europe Regional Studies. 2017. № 2 (4). P. 196–209.

А.Г. Иванов, А.В. Котик

РОССИЙСКО-КАЗАХСТАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ПОСЛЕ 2014 ГОДА: ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

Алексей Геннадьевич Иванов,
*кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры всеобщей истории
Института гуманитарного образования
Магнитогорского государственного
технического университета им. Г.И. Носова.*

Антон Вадимович Котик,
*магистрант кафедры всеобщей истории
Института гуманитарного образования
Магнитогорского государственного
технического университета им. Г.И. Носова.*

Аннотация: О противоречиях между Российской Федерацией и Республикой Казахстан, наглядно проявившихся после событий 2014 г. на Украине, введения ведущими государствами Запада антироссийских санкций и их попыток изоляции России. Укрепление связей Казахстана с США, ЕС, НАТО, рост антироссийских настроений среди части казахстанской политической элиты, латинизацию казахского языка и ряд других процессов авторы склонны считать новыми вызовами для нашей страны.

Ключевые слова: Российско-казахстанские отношения, внешняя политика Российской Федерации, внешняя политика Республики Казахстан.

RUSSIA-KAZAKHSTAN RELATIONS AFTER 2014: PROBLEMS AND CONTRADICTIONS

Abstract: The article is about contradictions between the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan evidently manifested after the events of 2014 in Ukraine, imposition of anti-Russian sanctions by the leading Western states and their attempts to isolate Russia. The author tend to see the strengthening of Kazakhstan's relations with USA, EU and NATO, the growth of anti-Russian sentiments among a part of Kazakhstan's political elite, the Latinization of Kazakh alphabet and a number of other processes as new challenges to our country.

Key words: Russia-Kazakhstan relations, foreign policy of the Russian Federation, foreign policy of the Republic of Kazakhstan.

Российская Федерация (РФ) и Республика Казахстан (РК) связаны узами стратегического партнерства. Обе страны являются членами Содружества Независимых Государств (СНГ), Организации Договора коллективной безопасности (ОДКБ), Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и других объединений. В большинстве случаев они придерживаются общей или очень близкой позиции по вопросам мировой политики. Однако в последние годы российско-казахстанские отношения переживают не самые простые времена.

Существенным, если не главным фактором похолодания в ходе продуктивного в целом диалога Москва – Астана стали события на Украине (подр. см.: [6]). Выход Крыма из состава Украины и его переход под юрисдикцию РФ были весьма неод-

нозначно восприняты в Казахстане. С весны 2014 года в общественном дискурсе РК не без влияния Запада стали распространяться антироссийские фобии и слухи о возможном повторении крымского сценария в северных районах Казахстана. В националистически настроенных кругах республики заговорили о наличии у Москвы агрессивных планов по захвату этих территорий. Общим местом стали ссылки на работу А.И. Солженицына «Как нам обустроить Россию?» 1990 года, в которой писатель подчеркивал неоднородность Казахстана как административно-территориального образования, в свое время нарезанного «коммунистами без разума», указывал, что собственно Казахстан – это только его южная полоса от Каспия до крайнего востока со столицей в Алма-Ате, а все остальное – территории с преобладанием русского и русскоязычного населения [11]. Регулярно указывалось, что именно под влиянием «имперских идей» Солженицына Президент России В.В. Путин начал строить «русский мир» и теперь РФ вполне реально угрожает территориальной целостности и суверенитету Казахстана.

Надо сказать, российское руководство и само в известной степени виновато в том, что русофобская истерия в Казахстане приобрела ощутимые масштабы. Стоит, например, вспомнить речь В.В. Путина на молодежном форуме «Селигер» в августе 2014 года (заметим: в самый разгар западных нападков на Россию, связанных с наиболее острой тогда фазой фактической гражданской войны на юго-востоке Украины), когда он заявил: «Я уже говорил, что он (Н.А. Назарбаев – *примеч. авторов*) совершил совершенно уникальную вещь: он же создал государство на территории, на которой государства не было никогда. У казахов не было государственности никогда – он ее создал. В этом смысле он для постсоветского пространства уникальный человек и для Казахстана тоже» [1]. Должно было прозвучать комплиментарно, но в конкретно-политической обстановке недруги России придали словам ее лидера совсем иной, некий зловещий смысл.

Кстати, слова об отсутствии до Назарбаева государственности на территории Казахстана исторически не очень-то верны. В XV–XIX веках существовало Казахское ханство, образованное после распада Золотой Орды. Но гораздо важнее другое: высказывание Президента РФ настраивало часть казахской общественности против России, а кем-то воспринималось даже как подтверждение аннексионистских планов Москвы.

В связи с упомянутыми событиями (в первую очередь, конечно, крымскими и украинскими) во внутренней политике Казахстана усилился крен в сторону национализма. Во-первых, по наблюдениям специалистов, возросло давление на русское и русскоязычное население северных областей РК. Под этим давлением участились отъезды этих людей в Россию и расширилась практика замены русскоязычного местного населения «оралманами» – этническими казахами, родившимися в Китае, Узбекистане и других соседних странах [13]. Во-вторых, в риторике Президента РК Н.А. Назарбаева стали чаще звучать слова о трагедии казахов при «колониальной политике Российской империи и СССР и о том, что только при нем Казахстан обрел полную независимость» [5]. В-третьих, национально-государственный суверенитет превращается в настоящий фетиш. Широкие празднества 550-летия Казахского ханства в 2015 году проходили под лозунгом «необходимости защищать независимость», в том числе и от России [14]. В-четвертых, власти в Астане возрождают память о «Большом Казахстане». К примеру, в сентябре 2017 года на сайте государственного агентства «Казинформ» опубликовали карту Республики Казахстан, в которую были включены территории Российской Федерации (части Оренбургской, Челябинской и Омской областей), КНР (район г. Кульджа и запад-

ной части Синьцзян-Уйгурского автономного района) и Узбекистана (Каракалпакстан и Ташкент) [4] (по отдельным проблемам и территориальным аспектам российско-казахстанских отношений см. также: [2]). Хотя министр информации и коммуникаций Казахстана Д. Абаев практически сразу назвал появление данной карты «банальной ошибкой» [7], подобным заявлением вряд ли можно было скрыть амбиции казахстанских элит. Наконец, в-пятых, начавшийся в 2018 году процесс латинизации казахского языка также демонстративно служит инструментом разрыва с прошлым, связанным с Россией.

Во внешней политике правительство Казахстана еще громче и настойчивее декларирует свою приверженность «многовекторной» политике, которая подается как сбалансированный и равный подход к развитию отношений с разными и подчас противостоящими друг другу центрами силы, региональными и глобальными державами.

Астана сохраняет присутствие в пророссийских региональных группировках и общих с Россией интеграционных объединениях, но при этом постоянно подчеркивает свое нежелание каким бы то ни было образом совершенствовать надгосударственные органы и структуры, модифицировать выстроенный ранее формат и тем более углублять внеэкономические связи. Так, президент Н.А. Назарбаев неоднократно заявлял, что Казахстан не рассматривает перспектив превращения Евразийского экономического союза в наднациональную организацию с элементами федерации и/или конфедерации наподобие ЕС, предпочитая видеть «ЕАЭС как экономический субъект и не более того» [15].

Своего рода символом многовекторной и независимой политики стала роль посредника и миротворца, которую Казахстан довольно часто примеряет на себя в последние годы. Еще в марте 2014 года Н.А. Назарбаев предложил свои услуги посредника в разрешении украинского кризиса. Причем давшее средствам массовой информации комментарий по поводу этой инициативы лицо из окружения Президента КР как раз особо подчеркивало, что Казахстан «имеет абсолютно ровные отношения и с западными партнерами, и с Российской Федерацией» [3]. В 2015–2016 годах, в период обострения российско-турецких отношений, Астана тоже заявила о готовности выступить посредником для восстановления диалога Москвы и Анкары [16]. Членство Казахстана вместе с Россией в СНГ, ОДКБ, ЕАЭС, ШОС, с одной стороны, и в Тюркском союзе - с другой, позволяла республике взять на себя такую миссию и выступить «честным маклером».

Действительной вершиной внешнеполитической деятельности Казахстана в области международного посредничества, несомненно, стал Астанинский переговорный процесс по урегулированию ситуации в Сирии и вокруг нее, в рамках которого в 2017 году за одним столом удалось собрать представителей правительства Б. Асада, вооруженной сирийской оппозиции, России, Турции, Ирана, США и ООН. Однако если в подобных случаях посредническая деятельность Казахстана как форма его многовекторной политики не только не противоречит интересам России, но и явно содействует им, то о других ее проявлениях такое вряд ли можно сказать.

На основе парадигмы многовекторности Казахстан последовательно укрепляет взаимодействие с Западом. В 2015 году вступило в силу соглашение о расширенном партнерстве Казахстана и ЕС, которое стимулировало распространение в общественно-политическом дискурсе республики идеи о сопряжении интересов ЕАЭС и ЕЭС [12]. Вполне зримо интенсифицируется и сотрудничество Казахстана с НАТО. В 2017 году, например, в районе Алма-Аты в очередной раз прошли военные учения «Степной орел-2017» с участием вооруженных сил США и Вели-

кобритании по стандартам Североатлантического альянса [8]. А в апреле 2018 года в российских СМИ появилась информация о том, что казахстанские порты «Актау» и «Курык» на Каспийском море будут переданы в пользование ВМС США для транзита специальных грузов из Афганистана и в перспективе могут стать американскими базами [10]. Журналисты ряда российских изданий небезосновательно упрекали руководство Казахстана в том, что оно, позволяя американцам присутствовать в Каспийском регионе, ставит под удар сложную архитектуру региональной безопасности и партнерские отношения с Москвой [9].

Подобная многовекторная дипломатия Казахстана вполне понятна, учитывая параметры страны, ее место на мировой арене и стремление элит укрепить суверенитет. Необходимо, однако, отметить, что такая модель внешней политики держав «среднего ранга» работает при обычном, средне-привычном уровне конкуренции или вялотекущей конфронтации великих держав и военно-политических группировок, но в периоды чрезмерного обострения их соперничества странам подобного «ранга» и модели политического поведения чаще всего приходится выбирать в конечном итоге одну из сторон конфликта. И этот выбор оказывается взаимоисключающим, то есть выбор одного партнера означает серьезные или даже кардинальные изменения самого типа отношений с другими. По крайней мере, украинский опыт «многовекторности» последних пятнадцати лет, при всей его особой специфике, наглядно демонстрирует эту общую закономерность [17].

Российской дипломатии, да и руководству страны в целом, на наш взгляд, необходимо заранее готовиться ко всем гипотетически возможным сценариям развития событий и быстро реагировать на меняющуюся конъюнктуру. Крайне важно уже сейчас выработать четкую и внятную стратегию выстраивания отношений с Астаной в условиях грядущего транзита власти в республике, который может завершиться еще большим дрейфом Казахстана в сторону от России.

Можно сказать, что российско-казахстанские стратегические отношения после 2014 года проходят испытание на прочность. Рост национализма, антироссийских настроений в среде значительной части казахстанской политической элиты, расширение сотрудничества Астаны с ЕС, США и НАТО являются серьезными вызовами для нашей страны. Перед Российской Федерацией стоит непростая задача сохранить Казахстан в качестве стратегического партнера в условиях продолжающегося нарастания напряженности в отношениях с Западом.

Источники и литература

1. Всероссийский молодежный форум «Селигер-2014». 29.08.14 / Сайт Президента России. - Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/46507> - Дата обращения: 11 мая 2018.
2. *Иванов А.Г., Галиханов Б.Ф.* Южноуральский участок российско-казахстанской границы: проблемы обеспечения региональной и национальной безопасности // Трансформация международных отношений в XXI веке: вызовы и перспективы (Материалы международной научно-практической конференции). М: Дипломатическая академия МИД России, 2018. С. 80-84.
3. Казахстан может выступить в качестве влиятельного посредника в ситуации на Украине. 11.03.2014 // [Tengrinews.kz](https://tengrinews.kz). - Режим доступа: <https://tengrinews.kz/sng/kazakhstan-vyistupit-kachestve-vliyatel'nogo-posrednika-251751/> - Дата обращения: 12 мая 2018.
4. Казахстан предъявил территориальные претензии к России, КНР и Узбекистану? 14.09.17 // Информационное агентство «Регнум». - Режим доступа: <https://regnum.ru/news/polit/2321766.html> - Дата обращения: 12 мая 2018.
5. *Курманов А.* Назарбаев в своих выступлениях на русском и казахском языках говорит о совершенно разных вещах. 26.03.18 // Открытая информационная газета «ФОРУМ.мск». - Режим доступа: <https://forum-msk.org/material/news/14486129.html> - Дата обращения: 12 мая 2018.
6. *Мещеряков К.Е.* Российско-казахстанские отношения в годы «украинского кризиса» // Клио. 2016. № 5 (113). С. 118–134.

7. Министр о карте, где города РФ принадлежат Казахстану: «Банальная ошибка». 15.09.17 // ИА «Регнум». - Режим доступа: <https://regnum.ru/news/polit/2322576.html> - Дата обращения: 12 мая 2018.
8. *Мухин В.* Пентагон формирует в Казахстане антироссийский рубеж. 09.08.17 // Независимая газета. - Режим доступа: http://www.ng.ru/politics/2017-08-09/1_7047_kazakhstan.html - Дата обращения: 12 мая 2018.
9. *Панфилова В.* Астана разрушила архитектуру каспийской безопасности. 24.04.18 // Независимая газета. - Режим доступа: http://ng.ru/cis/2018-04-24/1_7218_astana.html - Дата обращения: 12 мая 2018.
10. *Резчиков А., Коваленко Н.* Как России реагировать на появление военных США в каспийских портах. 25.04.18 // Интернет-газета «Взгляд». - Режим доступа: <https://vz.ru/world/2018/4/25/870297.html> - Дата обращения: 11 мая 2018.
11. *Солженицын А.И.* Как нам обустроить Россию? // Официальный сайт писателя Александра Исаевича Солженицына. - Режим доступа: http://www.solzhenitsyn.ru/proizvedeniya/publizistika/stati_i_rechi/v_izgnanii/kak_nam_obustroit_rossiyu.pdf - Дата обращения: 11 мая 2018.
12. *Шустов А.В.* Карт-бланш: Казахстан хочет переформатировать ЕАЭС. 23.06.16 // Независимая газета. - Режим доступа: http://www.ng.ru/cis/2016-06-23/3_kartblansh.html - Дата обращения: 12 мая 2018.
13. *Michel C.* Why are Russians Leaving Kazakhstan? 23.02.16. // The Diplomat Magazine. - Режим доступа: <https://thediplomat.com/2016/02/why-are-russians-leaving-kazakhstan/> - Дата обращения: 14 мая 2018.
14. *Nazarbaev Calls On Kazakhs To Defend Independence, Unity.* 15.12.14 // Radio Free Europe/Radio Liberty. - Режим доступа: <https://www.rferl.org/a/nazarbaev-calls-on-kazakhs-to-defend-independence-unity/26744959.html> - Дата обращения: 12 мая 2018.
15. *Okhrimenko A.* Eurasian Integration: Past, Present, and Future // International Relations and Diplomacy. July, 2016. Vol. 4. No. 7. Pp. 473-479.
16. *Putz C.* The Russia-Kazakhstan-Turkey Triangle. 10.02.16 // The Diplomat Magazine. - Режим доступа: <https://thediplomat.com/2016/02/the-russia-kazakhstan-turkey-triangle/> - Дата обращения: 14 мая 2018.
17. *Roberts S.A.* The Ukraine Conflict and the Future of Kazakhstan's Multi-Vector Foreign Policy // PONARS Eurasia Policy Memo. September 2015. No. 388. Pp. 1-6.

К.П. Край

УКРАИНСКИЙ КОНФЛИКТ В СВЕТЕ ПРОШЛЫХ СОВЕТСКО-РОССИЙСКИХ КОНЦЕПЦИЙ СПЕЦИАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ

Казимир П. Край (Kazimierz PiotrKraj),
кандидат политических наук, адъюнкт
Института безопасности и международных дел
Нижнесилезского университета,
гл. редактор журнала *e-Terroryzm.pl*.
(г. Вроцлав, Польша).

Аннотация: Автор анализирует несколько известных ему из истории российских (советских) концепций «нерегулярных войн» и рассматривает события весны 2014 г. в Крыму, завершившиеся его воссоединением с Россией, как специальную операцию и пример «мятежевойны».

Ключевые слова: малая война, гибридная война, мятежевойна.

UKRAINIAN CONFLICT IN THE LIGHT OF THE PAST SOVIET-RUSSIAN CONCEPTS OF SPECIAL ACTIONS

Abstract: The author analyzes some Russian (Soviet) concepts of irregular wars known from history and sees the events of spring, 2014, in Crimea resulting in its re-unification with Russia as a special operation and an example of “turmoil war”.

Keywords: small war, hybrid war, “turmoil war”.

Введение

События, произошедшие в 2014 г. на Украине, начавшиеся с демонстраций в Киеве на Майдане и завершившиеся присоединением Крыма к Российской Федерации, разгромом в Одессе и вооруженной борьбой на востоке государства, можно назвать классическим внутренним конфликтом с участием внешних факторов. Непрерывная и неутихающая борьба внешних по отношению к Украине сил за зоны влияния, военные интервенции последних лет, осуществленные США и, под патронатом американцев, бездумно поддерживающими их в этом государствами, включая Польшу, способствует применению Россией новых или «хорошо забытых» старых методов ведения военных и почти военных действий.

Бескровный переход Крыма под юрисдикцию РФ посредством использования *вежливых людей* в мундирах при поддержке и помощи местного населения вписывается в эти способы. Если мы вспомним бестактную американскую декларацию о поддержке суверенитета Украины, обнародованную еще до референдума в Крыму, то неизбежно приходим к выводу, что цель одна: окончательно ослабить Россию.

В свое время, в 1991 г., Россия без единого слова отдала 25 млн своих соплеменников и сограждан, которые, постепенно осознав это, стали самой большой диаспорой в мире (исключением, конечно, являются китайцы, самый многочисленный на Земле народ, но их диаспора — порядка 50 млн чел. — во-первых, исторически складывалась в течение столетий, регулярно пополняясь новыми волнами переселенцев, во-вторых, включает в себя и нынешних граждан КНР, лишь временно

проживающих за рубежом). Можно ли найти в истории хоть один сопоставимый по масштабам пример подобного российскому миролюбивого поведения в схожих обстоятельствах? (подр. см: [1]).

Концепции специальных действий

Целесообразно изучать и анализировать украинский кризис, углубленно ознакомившись с прошлыми советско-российскими концепциями специальных действий. Этот кризис нельзя рассматривать с позиций западных исследователей, назвавших все события на Украине и вокруг нее «гибридной войной». Соглашусь с Михаилом Войновским, который написал: «Обдумывая и внимательно изучая выдающиеся достижения российской военной мысли и ментальные факторы российской стратегической культуры, приходишь к выводу, что оценка российско-украинского конфликта в русле западной парадигмы гибридной войны представляется неполной и необъективной [2]).

Сравним известные нам из западной литературы представления о действиях, имеющих признаки гибридной войны [3] с тематически близкими российскими идеями. Не углубляясь в XIX век, остановимся на взглядах отдельных военных теоретиков именно советского периода – в части, связанной с ведением нерегулярных войн.

Михаил Фрунзе в брошюре «Одна военная доктрина и Красная Армия» уже в 1921 г. определил понятие «специальные действия». Главным для него тут было действовать систематически и планомерно, создавая для армии противника такие условия, чтобы его технический перевес был бессильным перед слабо вооруженным, но инициативным, смелым и решительным противником [4]. Концепция малой или партизанской войны становилась в условиях экономического и военно-технического отставания Советской России от стран Запада едва ли не фундаментом методики военных действий, планирования и проведения многих отдельных военных операций или поддержки где-либо национально-освободительного движения.

Последовательным развитием этих идей стали взгляды двух чекистов: Станислава Турло и Ивана Залдата, которые опубликовали в 1924 г. свои мысли в работе «Шпионаж». Ее часть, посвященная специальным действиям, носит заглавие: «Шпионаж как новый род армий (Самостоятельная армия военных разведчиков)» [5].

Турло и Залдат исходили не только из соображений несопоставимости экономических, технических и финансовых ресурсов Советского Союза и его противников, но также из фактов его политической, хозяйственной и культурной изолированности, оторванности от мировых производственных, научных и прочих достижений. Для определенного уравнения сил, повышения шансов на победу в борьбе с более сильным противником они предлагали расширить сферу действий разведки. Шпионаж как старый метод действия ранее не имел такого значения. Его понимали как разведку сил противника в возможных сочетаниях с отдельными незначимыми, случайными, временными диверсионными актами – уничтожением складов оружия и т.п. в стане противника [6].

По мнению Турло и Залдата, теперь шпионаж становится не только разведывательной силой, но тайной могучей армией для повреждения и разрушения военной техники врага как в военное, так и в мирное время [7]. Уничтожение неприятельских пушек, запасов боеприпасов, разложение солдат, неполадки и брак при производстве самолетов и танков, винтовок и пулеметов – все это наравне с «классической» разведкой осмысливалось уже как целостная система *активного шпионажа* [8]. Шпионская деятельность, как полагали авторы, должна стать разновидностью военной, а кадры разведчиков – частью армии, ее новым родом и видом [9].

Конечно, авторы концепции отдавали себе отчет в том, что подготовка таких кадров — дело затратное и нелегкое, но объясняли: расходы на новый род войск все же несопоставимы с общими расходами на подготовку, обучение и военно-техническое снабжение армии в целом, а результаты будут значительными [10]. Плюсы представлялись очевидными [11].

Другой теоретик *малой войны*, Михаил Дробов, в своей изданной в 1931 г. книге «Малая война, партизанство и диверсии» делил партизанские действия на партизанство-повстанчество и партизанство войскового типа, причем первое воспринимал не только как форму вооруженного восстания в условиях социального или национального гнета, но и как основу для второго. Диверсию же он понимал как действия малых тайных подразделений и диверсионных групп. Она, в отличие от партизанской сферы в целом, требовала специально обученных людей.

Диверсионные действия должны были носить всесторонний характер. Он выделял среди них: 1) экономические действия (удары по предприятиям и учреждениям, транспорту, финансовой системе); 2) политические (специальная пропаганда, деморализация противника, слухи, интриги); 3) обеспечительные военные (снабжение подготовленных групп, организация складов, арсеналов, укреплений, узлов связи) и 4) террористические (устранение политических вождей и/или военных командиров). Теоретик подчеркивал, что *малая война* — отдельная и относительно самостоятельная сфера боевых действий, она не поддается до конца классификации и схематизму. Ее разнообразные формы зависят не только от конкретной ситуации, но от потенциала, способностей, изобретательных возможностей ведущих ее субъектов, от физических лиц до учреждений. По Дробову, в малой войне надо стараться использовать все ресурсы и возможности, которыми располагает в стране конкретный господствующий общественный класс. Чем эти меры будут разнороднее, находчивее, неожиданнее, тем больше возрастет эффективность действий *малой войны* [12]. Партизанские и диверсионные операции следует вести комплексно, скоординированным способом даже в сердцеvine враждебной страны, но обязательно учитывая условия, место и время действий [13].

Евгений Месснер и его «мятежевойна»

Попробую показать украинский конфликт в свете российских концепций ведения специальных действий, но прежде — отдать должное памяти царского полковника Евгения Месснера и, обратившись к его творческому наследию, пояснить, что он имел в виду под «*мятежевойной*». Пятьдесят лет назад он предостерегал: в наш ядерный век известный и ранее терроризм будет воплощаться уже системной технологией регулярных боевых действий, наступает эра неклассических войн, всемирного *мятежа* и не знающего никаких границ террора.

Е.Э. Месснер разрабатывал и пропагандировал идеи новых форм вооруженной борьбы — *борьбы с мятежом*. Войны сплелись с бунтами, бунты — с войнами. Новую форму вооруженных конфликтов он назвал *мятежевойной*. Этот феномен Месснер рассматривал с разных точек зрения. Еще в классических войнах психология и моральное состояние воюющих армий имели большое значение. А в эпоху тотальных войн, массовых призывов, общенародных армий и широкого распространения национально-освободительных движений морально-психологические факторы окончательно получили доминирующее значение.

Для Месснера национальная армия — психологический организм, а национально-освободительное движение — тем более. Война армий и национальных движений — это *мятежевойна*, война психологическая [14]. Борьба в стиле *мяте-*

жевойны (партизаны, диверсанты, террористы) примет огромные размеры [15]. Стратегическая цель этого типа войны – массовое разорение населения и разрушение всех жизнедеятельных структур страны. Разрушенное государство нельзя в прошлом виде восстановить, как невозможно оживить мертвого [16]. Ведение *мятежа* – это искусство.

По мнению Месснера, можно говорить о том, что возникает новый вид военного искусства – искусства ведения *мятежевойны*. Основные цели этого типа войны: уничтожение самого духа вражеского народа, истребление и/или подавление его активной, самой ценной в стратегическом смысле части: армии, партизан, борющихся национальных движений. Ликвидация или захват объектов, имеющих высокую и чувствительную для противника психологическую либо материальную ценность, рост или хотя бы создание иллюзий роста числа собственных союзников и сторонников – все это призвано вызвать упадок духа у врага и его союзников. Стратегия *мятежевойны* заключается в успехе психологического подавления вражеского народа. *Мятежевойна* отступает, отказывается от догм классического военного искусства. Это «еретическая» непрерывная война, которая будет продолжаться, пока не отделится от *мятежа*.

Чтобы победить в *мятежевойне*, цивилизованным государствам надо самим овладеть необычайно трудным стратегическим искусством управления ею через понимание и учет ее логики, смысла, степени уязвимости собственных социальных институтов и других звеньев общественно-государственного устройства. В том числе и путем изучения, углубленного исследования партизанских войн, опыта борьбы с политическим бандитизмом и терроризмом. То есть надо создать новую, достаточно ясную и точную науку: как победить в *мятежевойне* на всех ее уровнях, от политико-стратегического до тактического [17].

Крымская операция

Теперь глазами полковника Евгения Месснера взглянем на события на Украине, которые, по-моему, подтверждают его мысли: там идет *мятежевойна*. Возможно, она пока еще не в самой острой и критичной, демонической своей фазе. Как эпизод этой войны занятие Крыма и законодательное оформление его перехода под юрисдикцию РФ представляется модельным применением на практике советско-российских теорий XX века. Особенно это касается методов асимметричных действий в условиях нежелательности и непредсказуемости последствий чрезмерного применения военной силы в конфликтах определенного рода.

Бескровное занятие Крыма длилось неделю. Началось оно в ночь с 27 на 28 февраля 2014 г. Часть объектов, остававшаяся под контролем украинских военных частей, была блокирована *вежливыми людьми*. Российские солдаты демонстрировали отличную выучку и подготовку – без различия их званий, рода войск, воинских должностей и национальной принадлежности. У местных же формирований ополчения было разное обмундирование и оружие, что создавало трудности в их идентификации и размещении отдельных воинских подразделений и групп народного ополчения [18]. В ходе операции русские максимально использовали все возможности, которые давал им Крым. Прежде всего – в плане поддержки войск и ополченцев подразделениями Черноморского флота. Части ополчения включали многих бывших военнослужащих этого флота, русскоязычных жителей (большинство населения полуострова), милиционеров спецподразделения *Беркут*. Использовали также местные организации, настроенные пророссийски. Такие действия, психологический нажим, сочетание внезапного выступления населения с использова-

нием «зеленых человечков» вызвали растерянность украинской стороны и застали врасплох мировую общественность. В пропагандистское обеспечение операции включился сам Президент РФ Владимир Путин.

Информационный хаос, мощная пропагандистская и военная активность (российские военные маневры) привели Украину к утрате своих оборонительных способностей в Крыму. Бескровный и легкий перехват ее важных объектов и дезертирство руководства украинской части флота в Крыму завершили дезориентацию, моральное подавление украинских военных и немногочисленных местных противников сессии.

Некоторые выводы

Скрупулезное исследование и трезвый анализ событий 2014 года в Крыму и последующих военных действий на востоке Украины — актуальная задача для польских военных аналитиков и научных работников: политологов, социологов, специалистов в области наук о безопасности. Украинский случай показывает, что россияне приспособили к современности и практически использовали концепцию Евгения Месснера и труды названных в этой статье военных теоретиков прошлого. Таким образом, современная российская военная мысль наглядно демонстрирует свою оригинальность и одновременно преемственность.

Представленные здесь даже не в сокращениях, а скорее в отдельных выдержках концепции специальных действий требуют переоценки взгляда на российские вооруженные силы и их возможности. Кроме того, анализируя действия России, мы должны учитывать тот факт, что они являются лишь ответом на продолжающиеся после падения СССР проявления агрессии в отношении России. Целью такой агрессии, ведущейся разными методами, должен стать конечный распад Российской Федерации — государства, бросившего вызов гегемонии США и порядкам однополюсного мира.

Четыре года назад, участвуя в конференции Польша — Россия, организованной университетом в Седльцах, я имел возможность подискутировать с доктором Джоэлем Шапиро (Joel Shapiro) из американского Национального разведывательного университета. Специалист по России, он впервые услышал о концепции *мятежевойны* во время моего доклада и потом старательно меня об этом расспрашивал. Оказалось, в американском учебном заведении, призванном совершенствовать подготовку офицеров разведки, не имеют понятия о концепциях специальных действий.

Источники и литература

1. *Dobrzański, J.* Proroctwo Sołżenicyna // *Przegląd*. 2014. Nr 26. S. 45; *Kraj, K.* Kryzys ukraiński. Nowe spojrzenie na wojnę — z rosyjskiej perspektywy // *Krakowskie Studia Międzynarodowe*. Czasopismo Krakowskiej Akademii im. Andrzeja Frycza Modrzewskiego. Przemiany systemu bezpieczeństwa i współpracy międzynarodowej w drugiej dekadzie XXI w. Cz. 2. Geopolityczny wymiar kryzysu ukraińskiego (red. *E. Cziomer*) 2015. Nr 2 (XII). S. 26–29.
2. *Wojnowski, M.* Mit „wojny hybrydowej”. Konflikt na terenie państwa ukraińskiego w świetle rosyjskiej myśli wojskowej XIX–XXI wieku // *Wojna hybrydowa*. Wydanie specjalne *Przeglądu Bezpieczeństwa Wewnętrznego*. ABW. Październik. 2015. S. 8. Тексты перевода К. Краем цитируемых им авторов с польского на практически нечитаемый русский, правленные затем редактором сборника, не могут быть точными. — *Примеч. ред.*
3. *Gruszczak, A.* Hybrydowość współczesnych wojen — analiza krytyczna // *W. Sokała, B. Zapala* (red.). *Asymetria i hybrydowość*. Stare armie wobec nowych konfliktów. Warszawa: Biuro Bezpieczeństwa Narodowego, 2011. S. 11–13.

4. *Kraj, K.* Mała wojna. Radziecka szkoła dywersji i walki partyzanckiej // MMS Komandos. 2009. Nr 11. S. 48–49.
5. *Турло С.С., Залдат И.П.* Шпионаж // Антология истории спецслужб. Россия. 1905–1924. М.: Изд-во «Кучково поле», 2007. С. 551 и последующие.
6. Там же. С. 553–554.
7. Там же. С. 554.
8. *Larecki, J.* Wielki leksykon służb specjalnych świata, organizacje wywiadu, kontrwywiadu i policji politycznych świata, terminologia profesjonalna i żargon operacyjny. Warszawa, 2017. S. 842.
9. *Турло С.С., Залдат И.П.* Шпионаж. С. 554.
10. Там же. С. 555.
11. Там же. Авторы уподобляют последствия шпионажа ржавчине, систематически разъедающей оружие.
12. *Wojnowski, M.* Mit „wojny hybrydowej”. Konflikt... S. 23–24.
13. Там же. С. 24; *Тарас А.Е.* Малая война. Организация и тактика боевых действий малых подразделений. М.: Изд-во «Хорвест», 2003. С. 32–34.
14. Мятаж – имя третьей всемирной // Хочешь мира, победи мятежевойну! Творческое наследие *Е.Э. Месснера*. М.: Военный ун-т; Русский путь, 2005. (Российский военный сборник. Вып 21.) С. 133 и последующие.
15. Там же. С. 557.
16. Там же. С. 212.
17. *Kraj, K.* Wojny asymetryczne czy miatażewojna Jewgienija Messnera zagrożeniem dla bezpieczeństwa w XXI wieku // Bezpieczeństwo. Teoria i praktyka. 2012. Nr 3. 33–39.
18. Там же. С. 82; см. также: *Kraj, K.* Operacja Krym Anno Domini 2014 // Bezpieczeństwo. Teoria i praktyka. 2014. Nr 3. S. 23–24.

Глава 3. Мягкая сила и дипломатия

О.А. Добринская

МЯГКАЯ СИЛА ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ЯПОНИИ

Ольга Алексеевна Добринская,
*кандидат исторических наук,
ст. преподаватель кафедры восточных языков
Дипломатической академии МИД России,
научный сотрудник Института востоковедения РАН.*

Аннотация: Концепция мягкой силы популярна в академических и политических кругах Японии, поскольку повышает международный статус страны в условиях ее оборонных ограничений. Япония использует потенциал своей традиционной и современной культуры, формируя образ миролюбивой страны и пропагандируя свою модель послевоенного развития в качестве примера для развивающихся стран.

Ключевые слова: Япония, мягкая сила, культура, официальная помощь развитию.

SOFT POWER IN JAPAN'S FOREIGN POLICY

Abstract: The concept of soft power is popular within Japan's political and academic circles because it is seen as a way of increasing Japan's international clout given the restrictions on her defense policy. Japan utilizes its potential of traditional and modern culture and its official development aid with the aim of shaping the image of a pacifist country, presenting its model of postwar economic and political development as an example to developing countries.

Key words: Japan, soft power, culture, official development aid.

Понятие «мягкая сила», введенное в научный оборот профессором Гарвардского университета Дж. Наем в 1990 г., чрезвычайно популярна в японских академических и политических кругах. Неоднозначность идей, выдвинутых Дж. Наем, появление множества интерпретаций понятия «мягкой силы» по сей день придают его концепции дискуссионный характер. По собственному определению политолога, мягкая сила подразумевает способность достичь цели путем воздействия на поведение других субъектов международных отношений не через принуждение, а путем сотрудничества и убеждения. Мягкая сила государства состоит в его привлекательности, которая прежде всего основывается на трех видах ресурсов: культуре (насколько она привлекательна для остальных), политических ценностях (в той мере, в какой государство соответствует им), внешней политике (если она легитимна и опирается на моральный авторитет) [1].

Особенности мягкой силы Японии

Мягкая сила Японии отражает ее национальную идентичность, претерпевшую радикальные изменения в течение XX века. И до Второй мировой войны, когда

Япония представлялась миру главным военно-силовым полем Азии, и после, когда страна была вынуждена заново формировать как обновленную систему ценностей своего общества, так и ее образ, проецируемый за рубеж.

Еще в 1930-е гг. Япония, следуя примеру западных держав, начала проводить различные культурные и образовательные мероприятия на Западе. Были открыты культурные центры в Париже, Берлине, Нью-Йорке и Риме, японские лекторы и деятели искусства выезжали в другие страны, начались студенческие обмены, значительные средства выделялись на популяризацию знаний о Японии, финансирование публикаций о ней за границей. Распространение японского языка и культуры, с одной стороны, было призвано предотвратить международную изоляцию после Маньчжурского инцидента и выхода Японии из Лиги Наций. С другой стороны, внедрение японского порядка и языка на оккупированных территориях было направлено на освоение этих территорий и консолидацию политики создания Восточноазиатской сферы «совместного процветания».

Поражение во Второй мировой войне означало не только военную капитуляцию, но и крах той агрессивной-имперской идеологии, которая подпитывала японскую военную машину и была в том числе движущей силой ее культурной дипломатии.

После войны Япония сделала ставку на исключительно несиловые методы достижения внешнеполитических целей. Согласно 9 статье Конституции 1947 г. Япония отказалась от войны как средства решения международных споров. Пацифизм, основанный на Конституции, лег в основу послевоенной идентичности японского народа и стал неотъемлемым элементом международного имиджа страны.

В ходе послевоенных реформ уже в начале 1950-х гг. были восстановлены механизмы осуществления публичной и культурной дипломатии, однако их цели и принципы коренным образом изменились. В 1951 г. в МИД учредили Департамент информации и культуры, а в 1964 г. в ведомстве создали отдел культурных мероприятий. К 1953 г. возродилась деятельность довоенных структур – Общества ознакомления с мировой культурой и Общества международных студенческих обменов, расширилась их финансовая база при одновременном усилении контроля за их контактами и работой со стороны Министерства иностранных дел [2].

В первое время после окончания войны основные инициативы в сфере культурной дипломатии фактически направлялись на формирование благоприятного образа страны в глазах единственного японского «патрона» и военно-политического союзника – США. По мере экономического роста и расширения рынков сбыта объектами японской мягкой силы становились страны Юго-Восточной Азии (ЮВА). Заинтересованность в новых экономических партнерах, необходимость поддерживать хорошие отношения со странами – экспортерами природных ресурсов, поступательный рост региональных и международных амбиций Страны восходящего солнца предопределили дальнейшее расширение горизонтов японской дипломатии, сопровождающееся активным использованием ее мягкой силы.

Быстрые темпы развития промышленности заставили говорить о японском экономическом чуде, которое примерно с 1960-х гг. долгое время было основой японской привлекательности в глазах зарубежной общественности. В мире даже говорили о возможном наступлении «мира по-японски», который сменит «мир по-американски». Книга Э. Фогеля «Япония как номер один» стала настольной книгой западных политологов. Стержнем почти всеобщего интереса к стране и притягательности японской мягкой силы читались характерные особенности модели экономического развития, «трудоголизм», дисциплина и профессиональный коллективизм японцев, производственная корпоративная этика и другие принципы национального стиля ведения бизнеса и освоения новых технологий.

Крах экономики «мыльного пузыря» в 1990е гг. поставил под вопрос мировое лидерство Японии как экономического гиганта, во-многом дискредитировав ее модель экономического развития. Тем не менее популярность Японии продолжала расти, но теперь в большей мере основывалась на разных проявлениях молодежной культуры: манга, анимэ и др. Феномен этой популярности американский журналист Д.Мак Грей назвал «валовой национальной привлекательностью» (gross national cool). По его наблюдениям, крушение экономики «мыльного пузыря», а также само смещение ценностей в связи с глобализацией способствовали размыванию жестких рамок социальной иерархии, основанной на системе старшинства, и дали дорогу молодежи, позволяя ей свободно раскрыть свои таланты [3].

Новая концепция мягкой силы оказалась весьма привлекательной для японских политиков. Либералы увидели в ней подтверждение того, что пацифистская Япония без обладания военной силой способна влиять на глобальную политику. С точки зрения же консерваторов, мягкая сила поможет Японии при необходимости более эффективно пользоваться и своей «жесткой силой». Она продолжит формировать образ Японии как страны, заслуживающей доверие: распространение ее поп-культуры способствует международной дружбе и разнообразию связей. Наблюдающееся с 2000-х гг. расширение военной роли Японии (включая отправку небольших воинских контингентов в Афганистан и Ирак) было бы невозможным без усилий правительства по строительству доверительных отношений с рядом стран, прежде всего – с азиатскими соседями [4].

Привлекательность понятия «мягкой силы» предопределила особенности его практического применения. В 2004 г. председатель комиссии по безопасности и обороне при кабинете Дз. Коидзуми сделал особый акцент на том, что необходимо оптимально сочетать использование жесткой и мягкой силы как способов поддержания мира и безопасности [5]. В результате структурной реформы МИД в 2004 г. был учрежден Департамент публичной дипломатии, объединивший отдел связей с общественностью и отдел культуры. Раньше они существовали по отдельности, объединение их в новый департамент ознаменовало собой и обновление стратегии использования мягкой силы, расширения поля ее воздействия на внешний мир через системную координацию ее публичной и культурной составляющих.

Во внешнеполитическом курсе нынешнего премьер-министра С. Абэ культурная и публичная дипломатия тоже играют большую роль. Во-первых, сам премьер-министр придает значение продвижению японских ценностей, «японской сущности» в мире, о чем неоднократно заявлял публично и написал в книге «Красивая Япония». Во-вторых, культурная дипломатия рассматривается как способ сглаживания внешних и внутренних общественных опасений по поводу реформ оборонной политики в условиях обострившейся «войны слов» с Китаем и Южной Кореей по вопросам истории этих стран и их отнюдь не всегда добрососедских отношений с Японией. Свидетельством тому стало решение значительно увеличить в 2015 г. бюджет на нужды публичной дипломатии (ок. 70 млрд йен по сравнению с 20 млрд ранее) и выделить крупную сумму на финансирование японоведения за рубежом [6].

Инструментарий мягкой силы

Ключевые инструменты проецирования мягкой силы на аудиторию – культурная и публичная дипломатия. В Японии эти два понятия особо тесно связаны, в материалах МИД они вообще обозначены как единая публично-культурная дипломатия (кохо бунка гайко). Культурная дипломатия имеет большое значение

для воплощения в жизнь политики мягкой силы, поскольку учитывает характерные черты и нюансы японской ментальности. Японцы склонны представлять свою систему ценностей скорее опосредованно, через искусство, артистическое самовыражение или иное творчество, а не напрямую, в форме слов и идей [7].

Основные направления публично-культурной дипломатии включают распространение информации о Японии, ознакомление иностранцев с ее традиционной и современной культурой, меры по популяризации японского языка, организации учебных и профессиональных стажировок, обменов, а также разные виды сотрудничества с международными организациями в области культуры [8].

На протяжении многих лет правительство придавало особое значение распространению таких зримых проявлений традиционной бытовой и физической культуры, как икэбана, японские боевые искусства, чайная церемония, демонстрация кимоно и т.п., однако в последние годы акцент сместился на современную культуру. Важность и насущную необходимость использования потенциала современной культуры как дипломатического ресурса подчеркивал бывший министр иностранных дел Т. Асо. Он отмечал: «Мы живем в эпоху, когда на национальную дипломатию оказывает большое влияние общественное мнение, формируемое обычными людьми. Поэтому мы хотим, чтобы поп-культура, которая весьма эффективна в воздействии на массовую публику, была бы нашим дипломатическим союзником» [9]. Правительственная программа «Классная Япония» во многом основана на задействовании поп-культуры. Даже сам премьер-министр С. Абэ, принимая летом 2016 г. эстафету Олимпиады в Токио, появился на сцене в костюме персонажа игры Нинтэндо.

Активное содействие распространению японского языка, в свою очередь, включает в себя обеспечение изучающих язык учебными и справочными материалами, организацию стажировок в Японии для студентов и преподавателей, языковых курсов и мастер-классов на местах, проведение конкурсов и международного экзамена на знание языка, поощрение таким образом формирования за рубежом сообществ, объединенных интересом к Японии. Популярность японского языка в мире растет. Согласно первому отчету Японского фонда в 1979 г. число официально изучающих японский язык в мире составляло 127 тыс. чел., а в 2015 г. оно превысило 3,5 млн чел. в 137 странах [10].

Через обучение у себя иностранных студентов большое значение Япония придает экспорту идей, способствуя воспитанию в перспективе нового слоя будущей элиты соответствующих стран, которая будет с симпатией относиться к Японии.

Помимо культурно-публичной дипломатии в инструментарий японской мягкой силы можно включить официальную помощь развитию (ОПР). ОПР является мощным средством продвижения вне Японии ее национальных интересов. Помощь включает в себя льготные кредиты для отдельных стран, техническое содействие им и безвозмездные гранты. Кредиты как правило поступают на инфраструктурные проекты, часто подрядчиками строительных и сопутствующих им работ по кредитованным проектам становятся японские компании. По линии же технического содействия Япония реализует различные образовательные программы, например, обучения специалистов и их стажировки, то есть передает свой опыт подготовки кадров для надлежащего социально-экономического, научно-практического и технологического развития. Безвозмездная помощь включает гранты, направленные на поддержание деятельности учреждений культуры (например, оснащение музеев, поставки оборудования театрам и т.п.). Часть безвозмездного содействия поступает на проекты обеспечения «безопасности человека» — здравоохранение, образование.

Это позволяет формировать среди населения стран-реципиентов благоприятный имидж Японии как государства, деятельно способствующего улучшению качества жизни простого народа охваченных системой ОПР стран.

Институты мягкой силы

Цели и задачи использования инструментария мягкой силы определяет МИД Японии. Основными действующими субъектами, занимающимися культурной дипломатией, являются японские посольства за рубежом и Японский фонд. Частично эту роль выполняет и Японское агентство по международному сотрудничеству (ЯАМС), курирующее одобренные проекты по линии ОПР.

Японский фонд был создан при Министерстве иностранных дел в 1972 г. Главные направления его деятельности включают содействие интеллектуальным и культурным обменам, распространению японского языка и знаний о стране, поддержку японоведения. В 2003 г. Японский фонд получил статус независимого от МИД административного органа, но де-факто по-прежнему является одним из основных рабочих инструментов реализации стратегической линии этого министерства. Бюджет фонда на 80% состоит из правительственных субсидий, что в целом составляет около 50% всех средств, выделяемых ежегодно на нужды культурной дипломатии. Частично он финансируется также за счет частных или корпоративных пожертвований. Японский фонд обладает развитой сетью филиалов, помимо головного офиса в Токио и отделения в Киото при нем действуют два института японского языка – в Урава и Кансай, а также функционируют 24 зарубежных представительства в 23 странах.

Более скромную, чем Японский фонд, но в целом весьма значительную роль в продвижении идей и проектов мягкой силы играет Японское агентство по международному сотрудничеству, созданное в 1973 г. ЯАМС – основная структура, реализующая программы Официальной помощи развитию. Деятельность ЯАМС ориентирована прежде всего на развивающиеся страны, в 9 государствах созданы японские центры под управлением ЯАМС. Через них реализуются проекты «безопасности человека», а также программы, пропагандирующие производственные достижения Японии и направленные на ознакомление местного населения с японским опытом экономического развития и обучение японскому языку.

Ресурсы мягкой силы

Важная характеристика государства, обладающего мягкой силой, – создание и культивирование определенных ценностей и норм, наличие собственной политико-экономической модели развития и распространение, популяризация этих ценностей, норм и модели за пределами национальных границ [11]. Ценности, которые японское государство может представить миру, связаны не только с чертами японского характера или особенностями японской культуры, но и несут определенный политический смысл.

Ресурсом мягкой силы можно, например, считать японский пацифизм, основанный на Конституции, и само стремление государства продвигать внешнеполитическую повестку «глобальной невоенной державы». Пацифизм определяет и модель японского участия в урегулировании международных конфликтов. Это прежде всего акцент на гуманитарной составляющей, постконфликтном восстановлении страны или соответствующего территориального пространства, внимание к проектам по линии «безопасности человека». Использование ОПР, в том числе в целях содействия безопасности человека, имеет большое значение с точки зрения оценки японского вклада в обеспечение глобальной безопасности.

Способность в исторически краткие сроки достигнуть высоких темпов экономического развития на протяжении многих лет определяла международный имидж Японии. Японский экономический успех стал способом транслирования в мир таких ценностей, как трудолюбие, личная скромность, особое внимание к качеству производимого продукта, что способствовало одновременному росту национального самосознания самих японцев и их авторитету вне страны. Японское качество нередко продолжает подчеркиваться как конкурентное преимущество Японии перед Китаем и в специфических условиях нынешнего этапа их экономического и геополитического соперничества.

Одной из составляющих ресурсов мягкой силы можно обобщенно считать послевоенную модель развития, которую бывший министр иностранных дел Т. Асо резюмировал как «мир и счастье через экономическое процветание и демократию» [12]. Причем на первое место ставится достижение экономического благополучия, а политическим процессам и реформам отводится второстепенное значение. Такая модель отличается от западной, выдвигающей по всему миру категорические требования демократизации (да еще и по собственным лекалам) на первый план. В этом смысле Япония воспринимается альтернативной ролевой моделью для многих развивающихся государств.

Важным ресурсом японской мягкой силы является собственный опыт подходов к решению страной глобальных проблем – например, в области энергосбережения, охраны окружающей среды. Международная деятельность в сфере борьбы с изменением климата, вредными промышленными выбросами, развитые «зеленые технологии», успешно налаженное безотходное производство – все это не только привлекает внимание к опыту Японии, в свое время столкнувшейся с серьезными сложностями экологического порядка, но и «воспитывает», основываясь на традиционном японском понятии бережливости (моттайнай) [13].

Проблемы японской мягкой силы

Благодаря целенаправленным усилиям Японии удалось полностью изменить восприятие страны за рубежом, добиться благожелательного отношения, симпатии и уважения, что позволяет ей успешно продвигать на международной арене свои экономические и политические интересы.

По некоторым исследованиям, Япония входит в десятку наиболее привлекательных стран мира. В то же время в заключение нельзя не отметить и ряд факторов, се-таки снижающих привлекательность, степень эффективности и масштабы влияния ее мягкой силы.

Во-первых, это эксклюзивные по общим и привычным стандартам национальные особенности и относительная закрытость японского общества. Японская культура остается более ориентированной вовнутрь, чем американская [1]. Д. Макгрей, кстати, отмечает: из тех, кто восхищается японской культурой, крайне мало людей, которые всерьез задумывались о том, чтобы жить и работать в Японии [3]. Этому способствует и жесткая миграционная политика, не приветствующая постоянного проживания иностранцев в стране.

Во-вторых, это шлейф вопросов, связанных с историей страны и ее взаимоотношений с соседями, в первую очередь в 1930-х и первой половине 1940-х гг., до сих пор препятствующий получению желаемых результатов от применения мягкой силы. Причина – в том, что японское руководство так и не сумело убедить соседние страны в искреннем раскаянии японцев за содеянное в годы Второй мировой войны и предшествующую ей эпоху бесчеловечных по форме колониальных

экспансий в Китай и Корею. Высказывания в духе национализма и ревизионизма, которые позволяют себе некоторые японские политики, включая премьер-министра, не способствуют росту доверия между странами. Так, в том же Китае и Южной Корее, куда Япония вкладывает значительные ресурсы, наращивая мягкую силу, отношение к Японии остается весьма прохладным. А в принципе любимые китайцами японские рестораны (тоже одно из проявлений мягкой силы) в форс-мажорных обстоятельствах первыми становятся жертвами бойкота, а подчас и антияпонских погромов.

Еще одна проблема связана с тенденцией к постепенному укреплению Японией своей военной роли в мире, ползучим отказом от ограничений, годами определявших ее оборонную политику. Образ страны, отказавшейся от возможности применения вооруженной силы и выступающей за всеобщее ядерное разоружение, является важным, но, увы, тускнеющим с годами дипломатическим активом, на который тоже опирается японская мягкая сила. Попытки пересмотреть эти принципы повлекут существенные сдвиги в формах восприятия Японии за рубежом и потребуют выработки новых внешнеполитических инициатив, способных нейтрализовать или компенсировать эти шаги с точки зрения имиджа Японии.

Япония стоит перед задачей преобразования мягкой силы в ресурс, способный постоянно поддерживать ее стратегические и текущие дипломатические интересы. Стремление же сочетать наращивание военного потенциала и более наступательную внешнюю политику с акцентом на использование мягкой силы усложняет задачу добиться привлекательности в качестве одного из мировых лидеров, стать полноценной державой, к которой неизменно будут тянуться другие страны.

Источники и литература

1. *Nye, Joseph S.Jr.* Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs Group, 2004. Pp. 11; 88.
2. *Панов А.Н.* Японская дипломатическая служба. М., 1988 С. 93.
3. *MacGray, D.* Japan's Gross National Cool. — Режим доступа: <http://www.douglasmcgray.com/cool-japan.html> — Дата обращения: 19 мая 2018.
4. *Leheny, D.* A narrow place to cross swords: soft power and the politics of Japanese popular culture in East Asia. // *Beyond Japan. The dynamics of East Asian regionalism.* Ed. By *P. Katzenstein* and *T. Shiraishi.* Ithaca: Cornell University Press, 2006. P. 223.
5. *Akaha, T.* Japan's soft power-hard power balancing act. // *The US-Japan alliance. Balancing soft and hard power in East Asia.* Routledge, 2010. P. 60.
6. [Электронный ресурс] — Режим доступа: www.reuters.com. 12.03.2015 — Дата обращения: 23 мая 2018.
7. *Kondo, S.* Wielding soft power: the key stages of transmission and reception. // *Soft power superpowers. Cultural and national assets of Japan and the United States.* New York, 2008. P. 194.
8. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.mofa.go.jp/policy/culture/index.html> Дата обращения: 23 мая 2018.
9. A New Look at Cultural Diplomacy: A Call to Japan's Cultural Practitioners. Speech by Minister for Foreign Affairs Taro Aso at Digital Hollywood University. 28.04.2006. — Режим доступа: <http://www.mofa.go.jp/announce/fm/aso/speech0604-2.html> — Дата обращения: 20 мая 2018.
10. Результаты исследования учреждений, преподающих японский язык в 2015 г. // Японский фонд. 2015. нэндо кайгай нихонгокёику кикан тёса кэкка. 10.11.2016. — Режим доступа: www.jpf.go.jp/j/about/pres/2016/057.pdf — Дата обращения: 19 мая 2018.
11. *Радиков И., Лексютина Я.* «Мягкая сила» как современный атрибут великой державы // *Мировая экономика и международные отношения.* 2012. № 2. С. 19–26.
12. Central Asia as a Corridor of Peace and Stability. Speech by Mr. Taro Aso, Minister for Foreign Affairs at the Japan National Press Club. June 1, 2006. — Режим доступа <http://www.mofa.go.jp/region/europe/speech0606.html> — Дата обращения: 20 мая 2018.
13. *Yee-Kuang Heng.* Mirror, mirror on the wall, who is the softest of them all? Evaluating Japanese and Chinese strategies in the 'soft' power competition era // *International relations of the Asia-Pacific.* 2010. Vol 10. no. 2. P. 289.

А.Е. Шагов

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ФАЛЬСИФИКАЦИИ РОЛИ СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПОЛЬШИ

Андрей Евгеньевич Шагов.

*кандидат исторических наук, доцент,
полковник, начальник управления
зарубежной истории НИИ военной истории
Военной академии Генерального штаба
Вооруженных сил Российской Федерации (ВАГШ ВС РФ).*

Аннотация: Характеризуются: современная политика польского правительства в области изучения и освещения вопросов истории и государственные институты, реализующие эту политику. Согласно официальным военно-историческим версиям и соответствующей польской пропаганде СССР не являлся освободителем в годы Второй мировой войны, а наряду с нацистской Германией обвинен в преступлениях против поляков. Затронута и проблема «лидерства» Польши среди стран Восточной Европы по уничтожению памятников советским воинам.

Ключевые слова: «историческая политика», Институт национальной памяти, русофобия, пропаганда, нацисты, Польша, Германия, Россия, СССР.

MAIN DIRECTIONS OF FALSIFICATION OF USSR'S ROLE IN THE SECOND WORLD WAR IN POLISH INFOSPACE

Abstract: Modern policy of Polish Government in the area of history studies and state institutes implementing that policy are described. According to official military history versions and the relevant Polish propaganda the USSR was not the liberator in the Second World War, but alongside with Nazi Germany is accused of crimes against Poles. The topic of Poland's "leadership" among East European countries in the demolition of memorials to Soviet soldiers is also touched upon.

Key words: "history policy", Institute of National Remembrance, Russophobia, propaganda, Nazis, Poland, Germany, USSR.

На рубеже 80–90-х годов прошлого столетия в странах Восточной Европы начался процесс «декоммунизации» и «десоветизации». В Республике Польша (РП) этот процесс с учетом исторически сложившегося неоднозначного и сложного характера отношений между нашими странами имеет свои национальные особенности.

Российская Федерация неоднократно подчеркивала стремление выстраивать двусторонние отношения с Польшей на основе принципов равенства, партнерства, исключения какого-либо диктата. В 1991 г. был подписан договор о выводе Северной группы войск СССР с территории Польши, а последние ее части покинули страну в 1993 г. Российская сторона открыта для диалога, в том числе объективного изучения трудных вопросов истории наших стран в различные времена.

Тем не менее Польша на государственном уровне реализует так называемую «историческую политику», в результате чего изменяются трактовки истории — и для достижения ряда внутригосударственных целей, и в интересах получения опреде-

ленных преимуществ в международных отношениях, в данном случае для ускорения интеграции РП с ЕС и НАТО.

Современная Польша являет собой наглядный пример того, как историческая политика государства в области освещения роли СССР во Второй мировой войне становится одним из определяющих факторов влияния на отношение польского народа не только к бывшему Советскому Союзу, но и к современной России. Акцентируя внимание преимущественно на негативных моментах советско-польских отношений в годы Второй мировой войны, польские власти, официальные историки, публицисты и пропагандисты преследуют цель стереть из памяти нескольких поколений поляков порою сложные, но героические страницы совместной борьбы наших народов против гитлеризма и попутно принизить решающую роль СССР в разгроме нацистской Германии и ее союзников.

В данном контексте целесообразно остановиться на отдельных примерах осуществления т.н. «исторической политики». Причем следует заранее подчеркнуть, что подобные примеры – отнюдь не случайное явление, а носят именно институциональный характер.

В 1998 г. был создан **Институт национальной памяти (ИНП)**. Задачи этого института, включают согласно закону: учет, хранение, обработку, публикацию, обеспечение сохранности и доступа к документам государственных органов безопасности Польши, Третьего рейха и СССР, касающихся «совершенных по отношению к лицам польской национальности или польским гражданам других национальностей в период с 1 сентября 1939 г. по 31 июля 1990 г. нацистских преступлений, коммунистических преступлений, других преступлений, представляющих собой преступления против мира, человечности или военные преступления» [1].

В проведении «исторической политики» правящая партия «Право и справедливость» активно использует наиболее популярные в стране газеты: «Речь Посполита», «Газета польская», праворадикальный еженедельник «Уважаю же», а также современные средства коммуникации: официальные сайты ИНП, других учреждений и организаций в Интернете, блоги и социальные сети.

Одной из основных тем «исторической политики» является, конечно, советско-германский договор о ненападении от 23 августа 1939 г., который однозначно трактуется как сговор двух диктаторов. Этот тезис систематически повторяется польскими политиками и тиражируется в СМИ. Например, в 2009 г. в канун 70-й годовщины ввода войск Красной армии 17 сентября 1939 г. в восточные районы Польши тогдашний Президент РП Лех Качиньский выступил в сейме с предложением принять специальную парламентскую резолюцию, в которой фашизм и коммунизм характеризовались бы как «два тоталитарных режима XX века, руководители которых несут ответственность за развязывание Второй мировой войны и ее последствия». В итоге была принята резолюция, согласно которой пакт Молотова – Риббентропа привел к «четвертому разделу Польши» [2]. Именно 23 августа отмечается в Польше и в ряде других стран – членов ЕС как Европейский день памяти жертв всех тоталитарных режимов.

Нетрудно заметить, что после событий 2014 г. на Украине на фоне развернутой Западом антироссийской компании в Польше только активизировалась аналогичная риторика. Так, газета *Nasz Dziennik* цитировала 18 сентября 2015 г. тогдашнего руководителя польского Института национальной памяти Л. Каминьского: в 1939 г. Советский Союз аннексировал польскую территорию, насильственно насаждал коммунистический режим, в процессе чего «в течение нескольких лет были убиты или подверглись жестоким репрессиям сотни тысяч поляков».

Не остались в стороне от обвинений в адрес СССР ведущие польские политики. Например, 1 сентября 2016 г. министр обороны Антони Мачеревич (занимал этот пост до января 2018 г.), выступая перед могилой неизвестного солдата в Варшаве, заявил: «Этой войны, этой страшной драмы не было бы, если бы не российско-немецкий союз, если бы не пакт Молотова – Риббентропа, если бы не заговор Гитлера и Сталина. Это истина, которую всегда должны помнить Польша, Европа и мир» [3].

Обобщающим примером «новой трактовки» причин Второй мировой войны стала **«Декларация Памяти и Солидарности Сейма Республики Польша и Верховной Рады Украины»** от 20 октября 2016 г., практически одновременно принятая парламентами обеих стран. **В ней, в частности, говорилось:** «Пакт Молотова – Риббентропа от 23 августа 1939 г., заключенный между двумя тоталитарными режимами – коммунистическим Советским Союзом и нацистской Германией, стал причиной Второй мировой войны, которая началась 1 сентября 1939 г. агрессией Германии, к которой 17 сентября 1939 г. присоединился Советский Союз. Последствиями тех договоренностей стала оккупация Польши Германией и Советским Союзом, а в 1940 г. – оккупация Советским Союзом Литвы, Латвии и Эстонии. Следствием этого стали репрессии против наших народов. Эти договоренности привели в 1945 г. к решениям в Ялте, которые определили новое устройство Центральной и Восточной Европы на целые столетия» [4]. Таким образом, *на официальном международном уровне СССР наравне с гитлеровской Германией назван виновником начала Второй мировой войны и ее последствий.*

По данному поводу стоит напомнить, что сама по себе версия виновности СССР в развязывании Второй мировой войны отнюдь не новая. Впервые она была озвучена в декларации Гитлера 22 июня 1941 г. для оправдания нападения на СССР, а затем «творчески развита» уцелевшими гитлеровскими генералами и частью западных историков. Но в Приговоре Международного военного трибунала в Нюрнберге зафиксировано: «22 июня 1941 г. без объявления войны Германия вторглась на советскую территорию в соответствии с заранее подготовленными планами. Доказательства, представленные Трибуналу, подтверждают, что Германия имела тщательно разработанные планы сокрушить СССР как политическую и военную державу, для того чтобы расчистить путь для экспансии Германии на Восток, в соответствии с ее стремлениями» [5].

Многочисленные исследования, в том числе современных российских историков, на основе документальных источников подтверждают, что еще 3 апреля 1939 г. Гитлер определил дату нападения на Польшу и реализации плана «Вайс» – не позднее 1 сентября 1939 г. Поэтому судьба Польши была предрешена задолго до пакта Молотова – Риббентропа. Заметим также, что этому во многом способствовала политика западных правительств, известная как «Мюнхенский сговор» (сентябрь 1938 г.).

Справедливо напомнить, что и предвоенная деятельность польского руководства, если очень мягко сказать, не являлась безупречной, будучи весьма далекой и от принципов морали, и от осознания реальной угрозы со стороны нацистской Германии. Тогдашние лидеры Польши игнорировали возможность создания системы коллективной безопасности, предложенной СССР, заигрывали с нацистами, полагая возможным в перспективе и союз с Гитлером, направленный против нашей страны. Еще в 1934 г. Польша и Германия подписали «Декларацию о необращении к силе» сроком на 10 лет. Это соглашение обесценило систему союзов постверсальского мира, опорой которого была Франция, и нанесло удар по попыткам создания восточной системы коллективной безопасности [6].

Уже тогда правящие круги Польши рассчитывали на тесные отношения с нацистской Германией, а после Мюнхена в соответствии с этими расчетами Польша участвовала в аннексии трех районов Чехословакии (в Силезии: Фриштата, Тешина, Яблункова) [7]. Кроме того, польское руководство при дальнейшем укреплении отношений с нацистами не исключало и захвата части территорий, входивших в состав СССР. Так, 26 января 1939 г. на встрече с Й. Риббентропом министр иностранных дел Польши Ю. Бек, прощупывая почву для возможных совместных действий против нашей страны, «не скрывал, что Польша претендует на Советскую Украину и на выход к Черному морю» [8].

Однако известно, что задолго до этого нацисты уже планировали ликвидацию польского государства. Так, еще в 1927 г. идеолог нацистов А. Розенберг писал, что ликвидация польского государства является конечной целью Германии, а поляки, чехи и другие «неполноценные» в расовом и политическом отношении народы должны быть выселены дальше на восток [9]. Накануне нападения на Польшу, 22 августа 1939 г., Гитлер в обращении к главнокомандующим родами войск заявлял: «Полный разгром Польши является военной целью. Быть быстрым – такова главная задача. Преследовать до полного уничтожения» [10].

Германское руководство не остановили ни гарантии независимости Польши, данные Великобританией 1 марта 1939 г., ни англо-польское соглашение от 25 августа того же года. В ходе дополнительных исследований выяснилось, что английское командование втайне от Польши отказалось от договоренностей по бомбардировкам Германии в случае войны, а французские штабы к разработке планов наступательных действий на Западном фронте даже не приступали [11].

Еще один факт: 17 апреля 1939 г. именно СССР предложил заключить договор о взаимопомощи и военную конвенцию, гарантировавшую безопасность Польше и другим своим соседям. Но польский посол в СССР В. Гжибовский ответил на это предложение отказом, даже не дав согласия на содействие англо-франко-советским переговорам и упоминание Польши при возможном достижении договоренности тремя державами [12].

Англо-франко-советские переговоры 1939 г. о совместном противодействии Германии зашли в тупик, в том числе из-за позиции Польши. 14 августа 1939 г. советское правительство вновь пыталось предостеречь нацистскую агрессию, заявив о готовности выставить на защиту Польши силы, превышавшие германские, стоявшие под ружьем на ее границах. СССР лишь твердо настаивал на необходимом в этом случае разрешении на проход своих войск через Виленский и Галицийский «коридоры» для боевого соприкосновения с германскими войсками. Такая операция для защиты от агрессора предусматривалась, кстати, и Статутом Лиги Наций [13]. Но Польское правительство и на это ответило отказом.

1. Заметим также, что Красная армия вступила на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии, входивших в состав Польши по Рижскому мирному договору 1921 г., только 17 сентября, то есть через 10 дней после того, как западные союзники Польши фактически ничего для помощи этой стране не предприняли, сочтя ее положение безнадежным. Стремительное продвижение вермахта на восток и поражение польской армии создали угрозу западным границам СССР. В этих условиях каждый километр дальнейшего продвижения немецких войск означал создание выгодного плацдарма для нападения на СССР в будущем. Поэтому советское правительство ввело Красную армию на территории, где проживали украинцы и белорусы, чтобы взять их под свою защиту и отодвинуть угрозу войны от своих границ. *В результате событий сентября 1939 г. под контроль Советского Союза пе-*

решла территория в 196 тыс. км² с населением около 13 млн человек, кстати, практически полностью находившаяся восточнее так называемой «линии Керзона», рекомендованной Антантой в качестве восточной границы Польши еще в 1918 г. и в основном соответствовавшей этнографическому принципу: к западу от нее находились земли с преобладанием польского населения, а к востоку — с преобладанием белорусского, украинского, литовского и еврейского населения.

Правительства ни Франции, ни Великобритании, выступавшие гарантами существования Польши, не объявили тогда войну Советскому Союзу, а Верховный главнокомандующий Войска Польского маршал Э. Рыдз-Смиглы отдал польским войскам приказ не вступать в боевые действия с Красной армией. Правительство Польши в эмиграции, обосновавшееся после бегства от гитлеровцев в Румынию сначала в Париже, а затем в Лондоне, тоже не объявило войны СССР.

Тем не менее не только официальные лица в Польше, но и некоторые историки продолжают утверждать, что именно советско-германский договор о ненападении от 23 августа 1939 г. подтолкнул Гитлера к нападению на Польшу и даже что таким образом «СССР вступил во Вторую мировую войну на стороне Германии» [14]. Другие, в частности профессор из Варшавы Павел Вечоркевич, вообще с сожалением сетуют: «Мы бы могли найти место на стороне рейха почти такое же, как Италия, и наверняка лучшее, нежели Венгрия или Румыния. В итоге мы были бы в Москве, где Адольф Гитлер вместе с нашим маршалом Рыдз-Смиглы принимали бы парад победоносных польско-германских войск» [15]. Но в таком случае можно представить, где могли бы оказаться лидеры Польши в 1945 г.: вероятнее всего — вместе с нацистскими преступниками на скамье подсудимых в Нюрнберге; и вряд ли бы тогда после войны в состав Польши вошли западные земли, присоединенные к ней в результате победоносных операций Красной армии.

В информационном пространстве Польши продолжают фигурировать темы Катыни и депортаций поляков с территорий Западной Украины и Западной Белоруссии в отдаленные районы СССР. По поводу Катынской трагедии напомним, что именно российская сторона проявила добрую волю и в 1990-е годы открыла доступ к прежде секретным архивным материалам по «трудным вопросам» российско-польских отношений. В заявлении ТАСС от 14 апреля 1990 г. факт расстрела польских военнопленных признавался одним из тяжких преступлений тогдашних советских властей. По исследованиям в конце 80-х годов XX в. группы российских историков и криминалистов, всего органы НКВД расстреляли 21 857 поляков [16]. Были открыты мемориальные комплексы в Катыни и Медном.

В апреле 2010 г. на траурных мероприятиях в Катыни руководители России подтвердили эти выводы, одновременно признав, что все обстоятельства трагедии нуждаются в дальнейшем изучении. И в статусе президента, и в статусе премьер-министра России В.В. Путин несколько раз делал заявления, осуждающие Катынский расстрел как преступление сталинского режима. В то же время российский лидер высказал «личное мнение», что расстрел был мстью Сталина за поражение в 1920 г. в ходе советско-польской войны, в которой он лично принимал участие как член Реввоенсовета Юго-Западного фронта [17]. Госдума РФ приняла 26 ноября 2010 г. заявление «О Катынской трагедии и ее жертвах», в котором, выразив сочувствие польскому народу, признала Катынский расстрел преступлением, совершенным по указанию Сталина и других советских руководителей того времени.

Современными российскими исследователями проводится большая работа по изучению и объективному освещению положения польского населения на вновь присоединенных к СССР территориях. В частности, проанализированы мероприятия

НКВД-НКГБ СССР в 1939–1940 гг. по ликвидации боевых формирований Союза вооруженной борьбы, созданного по указанию польского правительства в эмиграции, которые совершали диверсии, убийства и другие акты насилия в отношении военнослужащих Красной армии и представителей советских органов власти.

По подсчетам историков, всего с сентября 1939 г. по июнь 1941 г. задержаниям и арестам подверглось 107 140 человек (40% арестованных составляли поляки, 23% – украинцы, 22% – евреи, 8% – белорусы; из них было осуждено 39 тыс. человек, в том числе приговорено к расстрелу – 8,5 тыс. человек. В то же время отечественными исследователями признаются неоправданными и жестокими меры, предпринятые на новых территориях при проведении социальных преобразований в 1939–1940 гг., которые действительно сопровождались арестами, расстрелами, депортациями «чуждого», по мнению советских властей той эпохи, в основном польского населения на основе «классовых» и антирелигиозных принципов [18].

Тем не менее часть польских политиков требует, чтобы факт расстрела польских военнопленных и лиц, интернированных в марте 1940 г., был признан преступлением против человечности и геноцидом польского народа. Выдвигаются и материальные требования. Например, бывший премьер-министр РП Ярослав Качиньский и некоторые другие польские политики неоднократно заявляли, что ждут от России выплаты компенсации за Катынь родственникам расстрелянных польских военнопленных [19].

Определенные факты свидетельствуют о намерениях польских властей возвести в ранг национальных героев так называемых «проклятых солдат», тех, кто после окончания войны скрывался в лесах, оказывая вооруженное сопротивление представителям и сторонникам новой власти в Польше.

«Проклятые» выступали под лозунгом войны против коммунистов. Они представляли собой разрозненные группы, действовавшие автономно, спонтанно и не имевшие общего руководящего центра. Помимо убийств советских солдат и офицеров, работников и активистов новой польской власти, военнослужащих Войска Польского, «проклятые» зачастую грабили и убивали просто местное, особенно непольское население. Так, только за десять дней, в период с 1 по 10 августа 1945 г., в Келецком, Варшавском, Люблинском и Белостокском воеводствах было совершено 87 нападений, убито на месте или уведено «в лес» 60 представителей новой власти и 6 красноармейцев, освобождено 375 заключенных тюрьмы в Кельцах [20]. Нередко различные вооруженные группы из бывшего польского подполья боролись между собой за право неофициально контролировать окрестные населенные пункты и собирать дань с жителей.

В апреле 2016 г. польское правительство решило перезахоронить одного из так называемых «проклятых солдат» – Зигмунта Шендзеляжа, приговоренного в 1951 г. властями тогдашней Польской Народной Республики (ПНР) к смертной казни. В церемонии прощания принимал участие А. Мачеревич, министр обороны в то время, а в самих похоронах – Президент РП А. Дуда. «Сегодня возвращается честь гордой Польши, которая отдает дань своему великому сыну», – заявил тогда А. Дуда. Руководство РП не смутило, что помимо убийств советских военнослужащих и польских коммунистов Шендзеляж известен преступлениями против белорусов и литовцев. Например, в июне 1944 г. отряд под его командованием «прославился» уничтожением литовских защитников и гражданского населения села Дубингя под Вильнюсом [21].

До недавних пор польские власти все же осторожно относились к «проклятым солдатам», осознавая неоднозначность отношения населения к этой категории

так называемых «патриотов». Но с подачи правящей ныне партии «Право и справедливость» культ «проклятых солдат» растет буквально на глазах. Они стали в чем-то даже важнее Армии Крайовой (АК), подчинявшейся в дни войны польскому правительству в эмиграции и не только боровшейся с немцами, но нередко сражавшейся и с частями Советской армии. Теперь на государственные гранты о «проклятых» пишутся книги, создаются проекты, организуются выставки.

Согласно новой исторической концепции Польша была оккупирована с 1939-го по 1945 годы сначала гитлеровской Германией, а затем — вплоть до 1989 г. — Советским Союзом. Все 600 тысяч воинов Советской армии, павших за освобождение Польши, теперь стали «оккупантами». Заметим, что в 1997 г. в Польше был составлен «Перечень памятных мест погибших российских (советских) защитников Отечества на территории Польши», в котором фигурировали 415 памятников, 77 обелисков, 46 памятных таблиц, и 23 наименования различных образцов боевой техники. Их по соглашению о захоронениях и местах памяти жертв войн и репрессий от 22 февраля 1994 г. и по соответствующим положениям предшествовавшего этому соглашению Договора между Российской Федерацией и Республикой Польша о дружественном и добрососедском сотрудничестве от 22 мая 1992 г. польская сторона обязалась сохранять. Однако в 2014 г. на волне усиливших русофобские настроения событий на Украине польские власти передумали.

Очевидно, что проведение кампаний по «борьбе с памятниками» является всего лишь предлогом для очередной дискредитации освободительной миссии Советской армии в 1944–1945 гг. После прихода к власти партии «Право и Справедливость» процесс уничтожения советских памятников набирает обороты. Характерным примером является демонтаж в г. Пененжо в феврале 2015 г. памятника командующему 3-м Белорусским фронтом дважды Герою Советского Союза генералу армии И.Д. Черняховскому (1907–1945). Именно на окраине этого города Черняховский был смертельно ранен осколком снаряда 18 февр. 1945 г. По утверждению ряда польских СМИ, после вхождения на территорию Польши советские войска под командованием И.Д. Черняховского якобы проводили массовые аресты и расстрелы бойцов Армии Крайовой.

Тут необходимо вспомнить следующие факты. Нет сомнения, что освобождения Польши просто не могло быть без проведения (первоначально, в основном, в Белоруссии) операции «Багратион» и разгрома на центральном направлении советско-германского фронта мощных группировок вермахта, совокупно насчитывавших к лету 1944 г. в своем составе свыше *170 дивизий*. Затем, хотя протяженность линии фронта в Польше составляла около 25% от всего советско-германского фронта, *более половины советской действующей армии — пять фронтов* — участвовало в сражениях на польской земле.

В то же время планы правительства Польши в эмиграции строились на том, что Армия Крайова не допустит создания в стране правительства, ориентированного на СССР, а обеспечит установление административных органов власти эмигрантского правительства на территориях в предвоенных польских границах. Следовательно, речь шла в том числе и о Западной Украине и Западной Белоруссии. В плане «Буря» командования Армии Крайовой подчеркивалась особая важность установления контроля АК в крупных населенных пунктах хотя бы «за 5 минут» до вступления в них Советской армии [22]. Такая установка неизбежно вела к конфликту с советской стороной. Армия Крайова и та часть населения, которая ее поддерживала, становились заложниками данных планов, весьма далеких от политического реализма и учета конкретно-исторических обстоятельств.

Командование АК запретило бойцам вступать в польские части, сформированные в СССР и вошедшие затем в состав Войска Польского. Понятно, что все это закладывало фундамент недоверия в отношения между АК и советскими войсками. В июле 1944 г. командование АК решило сделать ставку на захват крупных городов. Отряды АК предприняли 7 июля 1944 г. попытку овладеть Вильнюсом (который, напомним, до войны 1939 г. принадлежал не Литве, а Польше) до вступления в него советских войск, потеряв при этом около 500 бойцов. В дальнейшем Вильнюс был освобожден (13 июля) войсками 3-го Белорусского фронта. Пытаясь установить свою административную власть на этой территории и отказываясь подчиниться командованию входившей в состав фронта 1-й польской армии, руководство АК создало конфликтную ситуацию. Это привело к отдельным случаям вооруженных столкновений, а в итоге к разоружению отрядов АК. Вскоре, 23 июля 1944 г., бойцы АК предприняли безуспешную попытку наступления на Львов собственными силами. В итоге Львов был освобожден 27 июля войсками 1-го Украинского фронта [23].

Таким образом, попытки командования АК установить собственную администрацию обострили ситуацию; в результате Ставка Верховного главнокомандования (ВГК) СССР отдала директиву о массовом разоружении польских вооруженных отрядов, починявшихся эмигрантскому правительству Польши [24].

Известно, что разоружением войск АК занимались не фронтовые части Черняховского, а войска НКВД, которыми руководил тогда уполномоченный НКВД СССР генерал И.А. Серов. Но, похоже, для польских СМИ это ничего не значит и не меняет. И то, что пострадала память о герое, которому поляки в числе других тоже обязаны своей нынешней свободой, не заботит нынешнее руководство страны. Уточним, что и сам г. Пененжо, где был установлен памятник И.Д. Черняховскому, – это бывший восточнопрусский город, который в составе 2/3 Восточной Пруссии был передан польскому государству после окончания войны.

Известно также скандальное заявление бывшего главы МИД Польши Гжегожа Схетыны, сделавшего в январе 2015 г. важное «историческое открытие». Оказывается, нацистский лагерь смерти Освенцим освобождали в январе 1945 г. не советские, а «украинские» войска. На самом деле это были войска 1-го Украинского фронта Советской армии. На заявление министра иностранных дел Польши должным образом отреагировал российский МИД. Там отметили: «Трудно заподозрить госслужащего такого уровня в безграмотности. Дело, видимо, в другом – в антироссийской истерии, доходящей до неуважения к памяти тех, кто не пожалел жизни для освобождения Европы» [36].

В русофобскую кампанию вносит свою немалую лепту и сегодняшний польский кинематограф.

По сюжету вышедшего в прокат в 2016 г. польско-французского фильма «Непорочные» монахини одного из польских монастырей были изнасилованы советскими солдатами. Многие из них беременны, некоторые заражены венерическими болезнями. Для пущей убедительности в фильме присутствуют кадры, где советские военнослужащие врываются в монастырь якобы с целью проверки и поиска «антисоветского элемента». Показательно, что даже католическая церковь, которую трудно обвинить в больших симпатиях к России, обвинила создателей киноленты в фальсификации истории, поясняя, что подобные события не имели места ни в одном из польских монастырей. В то же время об истинных виновниках начала Второй мировой войны в фильме сказано лишь одной фразой.

В польском фильме «Волынь» (2016), повествующем о преступлениях бандеровцев на Волыни в 1943 г., тоже имеются сцены так называемой «советской ок-

купации», где пьяные советские солдаты воруют кур у местных жителей, а солдаты НКВД грузят в вагоны зажиточных жителей и отправляют их в Сибирь, но главную героиню возлюбленный спасает от высылки, выменяв ее у офицера на ящик водки.

Ежегодно в августе в Польше отмечают одну из главных и трагических дат истории войны — Варшавское восстание, организованное командованием Армии Крайовой в августе 1944 г. с целью освободить столицу от германских войск раньше, чем туда войдут части Советской армии. В польских СМИ да и в массовом сознании поляков доминируют представления и утверждения, что вина за поражение восстания лежит именно на СССР и заключается в якобы преднамеренном создании советским командованием условий для его разгрома. Российскими историками неоднократно на документальной основе опровергались эти заявления. Доказано, что польское эмигрантское правительство и командование Армии Крайовой готовили восстание без согласования своих планов с советским руководством, явно не рассчитывая на его помощь и не предполагая совместных действий с советскими войсками. Напротив, в их планах предусматривалась лишь помощь западных союзников. Достаточно красноречивую оценку таким намерениям командования АК дал бывший в период восстания немецким губернатором Варшавского округа группенфюрер Л. Фишер. В своем отчете после подавления восстания осенью 1944 г. он, в частности, писал: «В надежде на эту помощь Великобритании поляки начали борьбу. И их снова постигло тяжелое разочарование, потому что в течение 63 дней для оказания помощи варшавским полякам Великобритания и Америка использовали только незначительную часть самолетов, которые они в то время бросили для почти ежедневных бомбежек немецких городов. Такое поведение полностью соответствует стилю Великобритании. Заявление Великобритании о предоставлении гарантий Польской Республике было пограно еще в 1939 году. Во время восстания Польша тем более была предана...» [37].

А вот какую экстравагантную оценку военной роли Варшавского восстания дал в эфире польского телевидения в июле 2016 г. тогдашний глава Министерства обороны РП Мачеревич: «Варшавское восстание 1944 года стало крупнейшей битвой Второй мировой войны», благодаря которой советская армия не продвинулась на Запад и «большее число стран смогли сохранить свою независимость» [38]. По этому поводу целесообразно вновь обратиться к немецким источникам и привести слова коменданта Варшавы генерал-лейтенанта люфтваффе Р. Штагеля, который заявлял, что на ход боев германских войск с советскими «восточнее Вислы восстание едва ли оказало какое-либо влияние. Фронт там окреп. Все, что было необходимо из довольствия, фронт нашел на восточном берегу. Только в первое время иногда надо было делать крюк через Модлин. Связь с западом через город была прервана только на короткое время» [25].

Известно, какую цену заплатили героические рядовые участники восстания за недалёковидность и, пожалуй, холодный расчет польского эмигрантского правительства и командования АК, которые ради достижения своих целей не считались с жертвами. В ходе восстания погибло около 200 тыс. варшавян. Из них 40% составляли повстанцы, остальные — мирное население. Оставшихся в живых гитлеровцы выселили из города, при этом вопреки условиям соглашения о капитуляции 68 707 человек поместили в концентрационные лагеря, а 87 250 человек отправили на принудительные работы в Германию [26].

Стоит еще раз напомнить сегодняшним политикам и публицистам слова И.В. Сталина, прозвучавшие 15 ноября 1944 г. Он тогда объяснил, почему к таким трагическим последствиям привело отсутствие предварительных договоренностей

и взаимодействия между восставшими и советскими войсками: «Нас не спросили... не посоветовались с нами. Если бы нас спросили, мы бы не дали совета восставать. Красная Армия, которая овладела не одним крупным городом в ходе наступления, никогда не брала больших городов, подобных Варшаве, лобовым ударом... Варшаву в лоб нельзя было взять, т.к. она находится на высоком левом берегу Вислы. Брать Варшаву в лоб — значит, разрушить город артиллерией и понести при этом ненужные жертвы. Здесь создалось положение, аналогичное с Киевом... Мы Киев в лоб не брали. Мы взяли его обходом. Мы и Варшаву хотели взять обходным маневром, но к такой операции нам нужна была серьезная подготовка. Нужно было подтянуть минимум 40 дивизий, много боеприпасов и продовольствия... Нужно было время. Вот почему Красная Армия временно задержалась у стен Варшавы [27].

В 2015 г. сюжеты о Варшавском восстании обрели в Польше новые смыслы. Уже неоднократно упомянутый тогдашний министр обороны Мачеревич заявил, что вместо традиционного поминания имен погибших повстанцев солдаты зачитывают имена политиков, погибших в 2010 г. в авиакатастрофе под Смоленском. Этот так называемый «смоленский призыв» по распоряжению министра стал обязательным на всех торжествах, в которых принимает участие польская армия [28].

С 1 апреля 2016 г. в Польше действует «Закон о запрете пропаганды коммунизма или иного тоталитарного строя в названиях зданий и объектов» (Закон о «декоммунизации»). Первоначально он не предполагал демонтажа объектов исторической памяти, а только содержал запрет на использование слов, связанных с коммунистическим строем, в названиях таких объектов. Его действие распространялось на монументы, обелиски, бюсты, памятные доски и надписи. Но 22 июня 2017 г. Сейм Польши принял поправки к этому закону, а 17 июля их утвердил президент страны Анджей Дуда. Поправки в закон предусматривают демонтаж памятников и памятных знаков советским воинам, освобождавшим Польшу от гитлеровской оккупации в 1944–1945 годах. Все подпадающие под закон монументы должны быть убраны из общественных мест в течение 12 месяцев. Как сообщили в польском МИД, основная цель внесенных в закон поправок — «разрыв с символикой тоталитарного режима, который принес много жертв и мук как польскому, так и российскому народу... Необходимо четко подчеркнуть, что закон не касается кладбищ и других мест захоронений советских военных» [29]. По мнению польской стороны, памятники советским воинам-освободителям, находящиеся вне территорий военных захоронений, являются «символическими» и поэтому не подпадают под действие межправительственного соглашения от 22 февраля 1994 г. Однако суть в другом: как справедливо заявлял глава МИД России С.В. Лавров, война с памятниками — часть общей антироссийской политики, в Польше «сознательно, последовательно, масштабно насаждается русофобия в качестве национальной идеи» [30].

Только за несколько первых месяцев 2018 г. стало известно о девяти случаях демонтажа советских памятников и одном акте вандализма. На сайте российского посольства в Польше опубликован «Перечень населенных пунктов Республики Польша», в которых по состоянию на апрель 2018 г. демонтированы памятники советским воинам-освободителям. Всего в списке 40 монументов, с февраля по апрель названного года демонтировано 23 памятника и памятных знака [31]. Ранее, в сентябре 2017 г., сносу подвергся мавзолей на братской могиле советских солдат в г. Тшчанка (Великопольское воеводство). Похоже, дошла все-таки очередь и до самих захоронений наших бойцов. Так, 16 марта 2018 г. МИД РФ направил протест послу Польши в Москве В. Марчиняку в связи с планами эксгумации и перезахоронения останков советских воинов в г. Стараховице. Их останки планировалось перенести

на воинское кладбище в г. Кельце. Города находятся в одном воеводстве, их разделяет всего около 50 км. В документе МИД РФ указывалось: «Никому не дозволено тревожить прах погибших воинов-освободителей. Призываем польские власти вернуться в русло цивилизованных подходов к чувствительной проблематике в военно-мемориальной области» [32].

Одновременно с перечисленным Институт национальной памяти Польши активно работает над общим проектом перемещения памятников советским солдатам с улиц городов в специальные «образовательные парки», чтобы они не привлекали внимания населения и приезжих.

Среди прочего, польская сторона упорно противится российскому участию в проекте создания мемориального комплекса, увековечивающего память жертвам лагеря смерти Собибор, где нацисты умертвили четверть миллиона евреев. Российский МИД ведет необходимую информационно-просветительную работу в этом направлении. Создан и художественный фильм об одном из немногочисленных успешных восстаний и побегов заключенных гитлеровских концлагерей — о восстании (14 окт. 1943) узников Собибора, которое организовал и возглавил советский офицер Александр Аронович Печерский (1909–1990).

Можно привести множество других примеров «исторической политики», направленной не только на пересмотр оценок роли СССР во Второй мировой войне, но и создание в лице России образа «извечного врага» и «угнетателя» поляков. Более двадцати лет систематической антироссийской пропаганды делают свое дело. К сожалению, в стране уже выросло целое поколение, воспитанное в духе русофобии.

Тем не менее в Польше не все так однозначно. Ведь многие простые люди, не занимающиеся политикой, не только с почтением относятся к памяти своих соотечественников, павших в борьбе за освобождение родины от нацистских захватчиков, но и продолжают чтить память наших воинов, навечно оставшихся в их земле. Так, с 2012 г. в Польше действует содружество «Курск», которое занимается волонтерской деятельностью по реконструкции и реставрации исторических и военных памятников и объектов культуры, находящихся на территории современной Польши. Оно активно противодействует искажению и переписыванию истории, защищая память и доброе имя всех солдат, советских и польских, погибших во время освобождения Польши от гитлеровской оккупации [33]. 22 июня 2018 г. состоится (работа автора над данной статьей была завершена в мае 2018 г. — *Примеч. ред.*) открытие после реставрации одного из самых величественных памятников в Польше — 18,5 метрового монумента советским воинам близ деревни Миколин на берегу Одера, у польско-германской границы.

Часть польского общества имеет смелость отстаивать позиции, противоположные официальным антироссийским установкам. Ряд историков в целом объективно освещает польско-советские отношения, включая период Второй мировой войны. Характерно, что деятельность руководства Института национальной памяти критикуют некоторые известные польские исследователи. Например, историк Ежи Едлицкий считает, что «в руках [начальства] Института оказалась сосредоточена прокурорская власть, власть над документами, издательская власть и материальные средства». Эту власть, по его мнению, отдали одной группировке и превратили Институт национальной памяти в «трибунал, который имеет право безапелляционно осуждать и бесчестить отдельных людей и целые сообщества» [34].

Примечательно, что еще в 2002 г. была создана российско-польская исследовательская группа по сложным вопросам, вытекающим из истории советско- и рос-

сийско-польских отношений. Важнейшим направлением ее работы стала подготовка совместных публикаций, посвященных наиболее значимым и противоречивым аспектам этих взаимоотношений в XX в. Итогом работы группы стало издание в 2010 г. на русском и польском языках сборника статей «Белые пятна — черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях» (см. второй источник в ссылке [14]), который позволяет сопоставить подходы польских и российских ученых к проблемам двусторонних взаимоотношений в военный и послевоенный периоды. В 2007 г. вышла совместная советско-польская книга «Варшавское восстание 1944 в документах из архивов спецслужб» (см. в ссылках [25]; [37]), подготовленная Институтом Национальной памяти, Институтом Российской истории РАН, Центральным архивом ФСБ РФ.

Свою лепту в дело объективного освещения советско-польских отношений вносит Научно-исследовательский институт военной истории Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил РФ, который практически первым подготовил сборник ранее неопубликованных в нашей стране документов о сложных вопросах советско-польских отношений в период Второй мировой войны. Ныне в НИИ военной истории по вопросам прояснения и уточнения фактов из истории Второй мировой войны, участия советских войск в освобождении польских населенных пунктов в 1944–1945 гг., установления судеб военнослужащих Войска Польского и др. обращаются и граждане Польши.

Очевидно, что задача российских военных историков включает и противодействие пропаганде псевдоисторических утверждений о «кровавой советской оккупации», тождественности нацистского и советского режимов и т.п. Важную роль могут играть контакты между учеными России и Польши, совместная разработка проблематики сложных исторических вопросов советско-польских отношений и совместной борьбы двух народов в годы Второй мировой войны.

Конечно, каждая страна и народ имеют свой взгляд на историю. Современная Россия никому не навязывает собственные ценности, в том числе и советского периода. Но мы всегда будем помнить своих солдат. «Не символы коммунизма дороги российскому обществу, но память о предках, прошедших через польскую землю по пути к Берлину» [35].

Источники и литература

1. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Институт_национальной_памяти_\(Польша\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Институт_национальной_памяти_(Польша)) wiki#cite_note-site-1; https://pl.wikipedia.org/wiki/Instytut_Pami%C4%99ci_Narodowej#Prezysi_Instytutu — Дата обращения: 11 апр. 2018.
2. [Электронный ресурс. 10 сент. 2009 14:48 GMT 18:48]. — Режим доступа: http://www.bbc.com/russian/russia/2009/09/090910_resolution_17_1939.shtml. — Дата обращения: 11 апр. 2018.
3. И Вторую мировую мы развязали?! *Игорь Шишкин* о постоянных попытках обвинить Советский Союз во всех грехах. — Режим доступа: <https://cont.ws/@hook/126522>. Источник 2 октября 2016 13:49. — Дата обращения: 9 апр. 2018.
4. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.obozrevatel.ru/temy-dnya/polsha-i-ukraina-vpervye-nazvali-sssr-vinovnikom-nachala-vtoroy-mirovoy-voyny-tekst.html>. — Дата обращения: 19 апр. 2018.
5. Нюрнбергский процесс. В 2-х т. Т. 2 / Под. ред. *Горшенина К.П.* М., 1955. — Режим доступа: <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000021/index.shtml>. — Дата обращения: 1 февр. 2017.
6. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: В 12 т. Т. 2. Происхождение и начало войны. Изд. доп. и испр. М., 2015. С. 114–115; Системная история международных отношений, 1918–2000. В 4 т. Т. 2.: Документы. 1910–1940 / Сост. *А.В. Мальгин*; под ред. *А.Д. Богатурова*; Моск. обществ. науч. фонд; Ин-т США и Канады РАН; Гос. ун-т гуманитарных наук. М.: Московский рабочий, 2000. С. 122–123.
7. СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны. Сентябрь 1938– август 1939. М., 1971. С. 24–26.

8. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М., 1973. Т. 7. С. 20–22.
9. *Семиряга М.И.* Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000. С. 61.
10. Цит. по: *Ржевская Е.М.* Геббельс. Портрет на фоне дневника М., 2004. – Режим доступа: http://www.e-reading.by/bookreader.php/1034304/Rzhevskaya_-_Gebbels._Portret_na_fone_dnevnik.html. – Дата обращения: 12 апр. 2016.
11. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: В 12 т. Т. 2. С. 127–128. (*Здесь и далее уже упомянутый в списке источник повторяется в сокр. библиогр. описании.*)
12. Польша в XX веке. Очерки политической истории / Отв. ред. *А.Ф. Носкова*. М., 2012. С. 265.
13. Там же. С. 266.
14. Международный кризис 1939 года в трактовке российских и польских историков. М., 2009. С. 44; *Гловацкий А.* Польша между СССР и Германией. 1939-1941 // Белые пятна – черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях / Под общ. ред. *А.В. Торкунова*, *А.Д. Ротфельда*. М., 2010. С. 233.
15. Цит. по: *Яковлева Е.В.* Польша против СССР. 1939–1950 гг. М.: Вече, 2007. С. 386.
16. Польша в XX веке. Очерки политической истории. С. 358.
17. Председатель Правительства Российской Федерации В.В. Путин и Премьер-министр Польши Д. Туск провели совместную пресс-конференцию. 7 апреля 2010 г. // Интернет-портал Правительства Российской Федерации. – Режим доступа: <http://archive.government.ru/docs/10128/> – Дата обращения: 13 апр. 2018.
18. Польша в XX веке. Очерки политической истории. С. 306–309.
19. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://regnum.ru/news/1350648.html> – Дата обращения: 13 апр. 2018.
20. Польша в XX веке. Очерки политической истории. С. 456.
21. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Шендзеляж,_Зыгмунт. – Дата обращения: 1 февр. 2017.
22. Подробнее см.: *Назаревич Р.* Варшавское восстание. 1944 год: Пер. с пол. М., 1989. С. 32–35, 42–44, 49; Русский архив: Великая Отечественная. СССР и Польша: 1941–1945. К истории военного союза. Т. 14. (3-1). М., 1994 (*далее: СССР и Польша*). С. 456–461.
23. *Назаревич Р.* Варшавское восстание. 1944 год. С. 46–47.
24. СССР и Польша. С. 161.
25. Варшавское восстание 1944 в документах из архивов спецслужб. Изд-во «Варшава – Москва»; ТОО Тырса, 2007. С. 595.
26. *Назаревич Р.* Варшавское восстание. 1944 год. С. 211.
27. Цит. по: Советский фактор в Восточной Европе. Документы. 1944–1953. Т. 1. М., 1999. С. 88.
28. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://inosmi.ru/social/20160820/237596978.html> – Дата обращения: 1 февр. 2017.
29. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ruskline.ru/opp/2017/iyul/26/varshava_naglo_lzhet/ – Дата обращения: 15 апр. 2018.
30. Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С.В. Лаврова в ходе пресс-конференции по итогам деятельности российской дипломатии в 2017 году, Москва, 15 января 2018 года. – Режим доступа: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3018203/ – Дата обращения: 15 апр. 2018.
31. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://poland.mid.ru/perecen-naselennyh-punktov-respubliki-pol-sa-v-kotoryh-demontirovany-pamatniki-sovetskim-voinam-osvoboditelam> – Дата обращения: 15 апр. 2018.
32. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iz.ru/720710/2018-03-16/mid-rf-vozmutilsia-perezakhoroneniem-prakha-sovetskikh-voinov-v-polshe> – Дата обращения: 15 апр. 2018.
33. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kursk-surmowka.com/ru/%D1%81%-D0%BE%D0%B4%D1%80%D1%83%D0%B6%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE-%D0%BA%D1%83%D1%80%D1%81%D0%BA-%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D1%88%D0%B0/> – Дата обращения: 15 апр. 2018.
34. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rodon.org/society-081219132551> – Дата обращения: 1.02. 2017.
35. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://rusvesna.su/recent_opinions/1460316905 – Дата обращения: 15 апр. 2018.
36. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ltv.ru/news/2015-01-21/25615-ministr_inostrannyh_del_polshi_zayavil – Дата обращения: 14 апр. 2018.
37. Варшавское восстание 1944 в документах из архивов спецслужб. С. 1132.
38. [Электронный ресурс]. 25.07.2016 – Режим доступа: <https://ria.ru/world/20160725/1472830458.html> – Дата обращения: 15 апр. 2018.

Ю. В. Синчук, Б.Е. Власов

РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Юрий Владимирович Синчук,

доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории международных отношений Института международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета (МГЛУ ИМО и СПН).

Борис Евгеньевич Власов,

кандидат юридических наук, начальник кафедры теории и методики государственного управления Академии управления МВД России.

Аннотация: Анализ современных отношений России и Китая, их стратегического партнерства, роли и влияния в мире. Российско-китайские отношения отличаются высокой динамикой развития, прочной правовой базой (прежде всего – Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве 2001 г.), разветвленной организационной структурой и активными связями во многих сферах на всех уровнях, что особенно актуально в связи с обострившимися отношениями между Россией и странами Запада.

Ключевые слова: Россия, Китай, торгово-экономические отношения, стратегическое партнерство, межгосударственное сотрудничество, обычаи, традиции, межнациональный диалог культур.

RUSSIAN-CHINESE COOPERATION

Abstract: The article analyzes the current relations between Russia and China, their strategic partnership and their role and influence in the world. Russian-Chinese relations are characterized by high dynamics of development, strong legal framework (first of all the 2001 Treaty on Good-Neighborliness and Friendly Cooperation), extensive organizational structure and active ties in many spheres at all levels, which is especially important in view of the aggravated relations between Russia and countries of the West.

Key words: Russia, China, trade and economic relations, cooperation, Russian-Chinese relations, strategic partnership, interstate cooperation.

В современном мире отношениям между Россией и Китаем отводится значимая роль, в новейшей истории они стали мощными геополитическими игроками. РФ и КНР принимают самое активное участие в таких международных организациях, как ООН, АТЭС, ШОС, БРИКС и др. Эти взаимоотношения играют важную роль в геополитической конъюнктуре обоих государств. За счет установления крепких российско-китайских отношений Россия и Китай достигли немалых успехов в укреплении своего влияния в мире. Их межгосударственное сотрудничество особенно актуально в связи с обострившимися отношениями между Россией и странами Запада.

История первых отношений между народами наших стран согласно летописям начинается с XIII в., но межгосударственных отношений – с первой половины XVII в. Русские, казаки, купцы, ремесленники и служилые люди в XVII в. основали многочисленные (по тем временам) поселения по течению среднего Амура.

К югу от Амура за Хинганским хребтом находились вотчинные владения маньчжурских императоров. После завоевания Китая маньчжурами в середине XVII в. и начала правления династии Цин пекинское правительство стремилось вытеснить из Приамурья русских поселенцев, уничтожить важный в стратегическом отношении Албазинский острог.

Кроме того, новые правители Китая стремились предотвратить или минимизировать переход в русское подданство многочисленных племен, кочевавших или живших оседло в Приамурье. Россия была объективно заинтересована в налаживании торговых связей, установлении дипломатических и вообще добрососедских отношений с Цинской империей. Поэтому она старалась воздерживаться от столкновений с маньчжурами и выступала за урегулирование дипломатическим путем вопросов о границе.

Для решения этих и других вопросов отношений между Россией и Китаем царское правительство в начале 1686 г. отправило на Амур посольство, наделенное широкими полномочиями («великое и полномочное посольство»), во главе с графом Ф.А. Головиным. Переговоры велись не только под давлением 15-тысячной армии богдыхана, поддерживаемой артиллерией и речной флотилией, фактически осадившими Нерчинск, но и под пристальным контролем иезуитов — испанца Перейро и француза Жербильона, состоявших на службе у правителей династии Цин. Они принимали активное участие в переговорах и в целом мешали им, выступая против соглашения с Россией. Но благодаря искусству и выдержке русских дипломатов, а также мужеству сопровождавших посольство стрельцов переговоры завершились заключением мирного Нерчинского договора, который в равной степени был необходим и России, и Китаю. Этот договор определил и основные контуры наших границ с Китаем в последующие эпохи.

Российско-китайские отношения стратегического партнерства

Ныне российско-китайские отношения характеризуются высокой динамикой развития, прочной правовой базой, разветвленной организационной структурой и активными связями на всех уровнях как в торгово-экономической сфере, так и в области культуры и других сегментах сотрудничества.

Основные принципы и направления двустороннего взаимодействия отражены в базовом Договоре о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой от 16 июля 2001 года, пятнадцатилетие которого отмечалось в 2016 году. Современные российско-китайские отношения официально определены сторонами как всеобъемлющее равноправное доверительное партнерство и стратегическое взаимодействие.

С 2016 года сохраняется и поддерживается высокая интенсивность контактов на высшем уровне. В июне 2016 г. Президент РФ посетил Китай, а в июне 2018 г. совершил очередной официальный визит в КНР. В.В. Путин и Си Цзиньпин встретились также «на полях» саммита ШОС в Ташкенте, а также саммитов «Группы двадцати» в Ханчжоу (4 сент. 2016) и БРИКС в Гоа (15 окт. 2016). Обращаясь к Федеральному собранию 1 марта 2018 г., В. Путин отметил успешность всеобъемлющего стратегического партнерства РФ с КНР.

В ходе встреч и переговоров с Председателем КНР Си Цзиньпином в 2016–2018 гг. основное внимание лидеры двух государств уделяли обсуждению международной проблематики и многим аспектам дальнейшего углубления двустороннего взаимодействия наших стран. Впервые в истории встреч на высшем уровне главы государств подписали сразу три важных документа: Совместное заявление, в ко-

тором отражены итоги саммита, общие подходы двух стран к основным вопросам международной повестки дня и два заявления по актуальным вопросам мировой политики и двусторонних отношений – об укреплении глобальной стратегической стабильности и о взаимодействии в области развития информационного пространства.

Весьма своевременным в нынешних условиях стало подписание министрами иностранных дел двух государств Декларации о повышении роли международного права. В ходе Пекинского саммита было также подписано три десятка двусторонних документов, относящихся к таким сферам, как авиация, сотрудничество в области космических технологий, атомная энергетика, железнодорожный и автомобильный транспорт, лесное хозяйство, система страхования, регулирование рынка ценных бумаг, совместное сооружение в России объектов инфраструктуры.

Системообразующим фактором поступательного углубления практического сотрудничества является действующий с 1996 года механизм регулярных (ежегодных) встреч глав правительств России и Китая.

На уровне вице-премьеров действуют четыре межправительственные комиссии: по подготовке регулярных встреч глав правительств, гуманитарному, инвестиционному и энергетическому сотрудничеству; в их структуру входит 20 отраслевых подкомиссий.

Работает межпарламентская комиссия по сотрудничеству Федерального Собрания Российской Федерации с Всекитайским собранием народных представителей. На регулярной основе осуществляется обмен делегациями по линии профильных парламентских комитетов и комиссий, а также депутатских групп российско-китайской дружбы.

Поступательно развивается и взаимодействие между Администрацией Президента Российской Федерации и аппаратом ЦК КПК.

Активно развиваются межрегиональные связи. С учетом контактов, установленных между российскими и китайскими регионами вплоть до уровня муниципальных образований, сложились 234 партнерские пары, в том числе 91 – на уровне субъектов Федерации, 143 – на уровне муниципалитетов. 51 субъект Российской Федерации связан с регионами КНР соглашениями о сотрудничестве, у 91 муниципального образования имеются побратимы или партнеры в Китае [7].

Значительный вклад в развитие дружественных отношений и укрепление общественной базы российско-китайского партнерства вносят масштабные двусторонние проекты сотрудничества. Стоит заметить, что 2016–2017 гг. – это и Годы российских и китайских СМИ.

Подходы России и КНР к принципиальным вопросам современного миропорядка и ключевым международным проблемам, включая ситуацию на Украине, на Корейском полуострове, Ближнем Востоке и в Северной Африке, иранскую ядерную программу, совпадают или достаточно близки. На этой основе поддерживается тесное и продуктивное взаимодействие в международных делах. Ежегодно, как уже отмечено, проходят визиты глав внешнеполитических ведомств двух государств, которые на регулярной основе работают также в таких перспективных международных форматах, как ШОС, БРИКС, РИК, «Группа двадцати».

Российско-китайские экономические отношения

Основой сегодняшних российско-китайских торгово-экономических отношений тоже является Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве 2001 года, определивший их наряду с другими формами связи наших стран как «всеобъемлю-

шее равноправное доверительное партнерство и стратегическое взаимодействие». Раз в четыре года принимаются планы дальнейших действий по реализации положений этого документа.

Товарооборот, инвестиции. По данным Федеральной таможенной службы (ФТС) РФ, в 2016 г. внешнеторговый оборот России и Китая составил 66,1 млрд долл. (в 2015 г. – 63,6 млрд). У России не очень существенный, но все же отрицательный торговый баланс с КНР: в 2016 г. ее экспорт составил 28 млрд долл., импорт – 38,1 млрд (в 2015 г. соответственно – 28,6 и 35,9 млрд). Доля КНР во внешней торговле России увеличилась с 12,1% в 2015 г. до 14,1% в 2016 г. С 2010 г. Китай – крупнейший торговый партнер России, а Россия занимает 12-е место в списке торговых партнеров КНР. Отношения Китая с Россией являются образцом международного сотрудничества. Такими словами официальный представитель МИД КНР Хуа Чуньин прокомментировала в 2018 г. на регулярном брифинге высказывания Президента РФ В.В. Путина по поводу общего характера развития отношений Пекина и Москвы.

Более половины российского экспорта в Китай приходится на поставки минерального топлива, нефти и нефтепродуктов (60,7%), затем следуют древесина и изделия из нее (9,4%), цветные металлы (9%), рыба и иные морепродукты (3,5%), химическая продукция (3,3%). Основные же категории импорта из КНР в РФ: машины и оборудование (35,9%), одежда (13,7%), продукция химической промышленности (9,1%), пушнина и изделия из меха (5,6%), обувь (5,3%) и мебель (3%).

По данным Главного таможенного управления Китая, двусторонний товарооборот за январь-май 2017 г. увеличился на 26,1% в годовом выражении, составив 32,3 млрд долл., то есть взаимный годовой товарооборот в 2017 г. может превысить 80 млрд долл. По данным Министерства коммерции КНР, на 1 января 2016 г. объем накопленных прямых российских инвестиций в Китае составил 946,9 млн долл. А китайские инвестиции в РФ – в десять раз больше. Они оцениваются в 8,94 млрд.

Нефтегазовая отрасль. Как видно из приведенных выше цифр, одно из ключевых направлений экономического сотрудничества – топливно-энергетическая сфера. По данным Главного таможенного управления КНР, доля российской нефти в импорте Китая составляет 14,45%. Россия – лидер по объемам поставок нефти на китайский рынок (второе место занимает Саудовская Аравия). По сведениям журнала Forbes, в 2016 г. российские компании экспортировали в КНР 47,8 млн тонн нефти на сумму 14,6 млрд долл. В структуре экспорта российской нефти доля Китая в 2016 г. достигла 20,6%.

В соответствии с соглашением, подписанным еще в 2009 г., Банк развития Китая (China Development Bank) предоставил российским компаниям «Роснефть» и «Транснефть» кредит в размере 25 млрд долл. на 20 лет в обмен на поставки 300 млн тонн нефти в течение указанного периода. В рамках этой договоренности было построено ответвление от нефтепровода «Восточная Сибирь – Тихий океан», в январе 2011 г. начались первые поставки. В 2013 г. между «Роснефтью» и Китайской национальной нефтегазовой корпорацией (China National Petroleum Corporation – CNPC) был заключен контракт на дополнительную поставку нефти объемом 325 млн тонн, рассчитанный на 25 лет. По оценке И.И. Сечина (гл. исполнительный директор «Роснефти»), сумма этой сделки составила 270 млрд долл. Фактически «Роснефть» в 2016 г. поставила в Китай 34,5 млн тонн нефти.

В настоящее время «Газпром» ведет строительство газопровода «Сила Сибири», по которому газ из месторождений Восточной Сибири будет транспортироваться как на внутренний российский рынок, так и на экспорт в Китай (так называемый «восточный маршрут»). Ожидается, что поставки газа в Китай начнутся в 2019 году.

Контракт на 38 млрд куб. м газа в год в течение 30 лет был подписан в мае 2014 г. «Газпромом» и CNPC. Сумма контракта не обнародована, но глава «Газпрома» Алексей Миллер заявил, что Россия сможет заработать 400 млрд долл., вложив в строительство 55 млрд.

Второй проект по транспортировке газа в КНР («западный маршрут») находится в стадии согласования. Он предусматривает поставку газа по трубопроводу «Сила Сибири-2» в объеме до 30 млрд куб. м в год в течение 30 лет. Газопровод планируют проложить от Ямало-Ненецкого автономного округа через Алтайский край в Синьцзян-Уйгурский автономный район на северо-западе Китая. Меморандум о взаимопонимании по этому проекту «Газпром» и CNPC подписали в ноябре 2014 года.

Инвесторы из КНР проявляют интерес и к российским проектам по производству сжиженного природного газа (СПГ). Так, в декабре 2015 г. Фонд Шелкового пути приобрел 9,9% акций ОАО «Ямал СПГ», а также выдал этой компании кредит на 700 млн евро. В рамках проекта 20% прибыли будет принадлежать CNPC.

В ноябре 2016 г. стороны подписали ряд соглашений, в том числе: 1) между «Роснефтью» и китайской компанией Beijing Gas Group о сотрудничестве в области газового бизнеса, включая приобретение 20% акций ПАО «Верхнечонскнефтегаз» (сумма сделки, окончательно заключенной в июне 2017 г., оценивается в 1,1 млрд долл.); 2) о продаже доли ПАО «СИБУР холдинг» китайскому Фонду Шелкового пути; 3) о проведении исследований по возможности сотрудничества в области производства газомоторного топлива (меморандум «Газпрома» и CNPC).

Атомная энергетика. В 1998–2007 гг. российская компания «Атомстройэкспорт» построила и ввела в эксплуатацию первую очередь Тяньваньской АЭС, состоящую из двух энергоблоков с реакторными установками ВВЭР-1000 мощностью 1060 МВт каждая. В стадии реализации находится проект второй очереди этой АЭС (3-й и 4-й энергоблоки, объем инвестиций – 6,5 млрд долл.). Работы начались в декабре 2012 г., ввод объекта в эксплуатацию был тогда запланирован на 2018 г. Сейчас Россия и Китай ведут переговоры по сооружению 7-го и 8-го блоков АЭС (5-й и 6-й блоки Китай начал строить самостоятельно, но приостановил работы).

Для сервисного обслуживания введенных в строй мощностей госкорпорация «Росатом» в 2013–2016 гг. подписала с китайской стороной контракты на сумму свыше 50 млн долл. Ядерное топливо для Тяньваньской АЭС поставляет топливная компания ТВЭЛ (входит в «Росатом»). Сумма контракта, рассчитанного на срок до 2025 г., составляет более 1 млрд долл.

В 2014 году «Росатом оверсиз» (входит в «Росатом») и CNNC New Energy подписали меморандум о строительстве плавучих атомных электростанций (ПАТЭС). Китай интересуется возможностью использования ПАТЭС в первую очередь для обеспечения островных территорий и месторождений по добыче углеводородов на шельфе. Российская сторона, в свою очередь, заинтересована в сооружении целой серии таких станций.

Транспорт. В транспортной сфере крупнейшим реализуемым сегодня проектом международного масштаба остается коридор «Европа – Западный Китай». Общая протяженность скоростной автомагистрали – 8,5 тыс. км, из их 2,2 тыс. пройдет по территории России, 2,8 тыс. км – Казахстана, 3 тыс. км – Китая. Строительство началось в 2008 г., завершить его планируется в основном в 2019 г., а окончательно – в 2022–2025 гг. Предполагается, что объем грузоперевозок будет составлять 33 млн тонн в год, что сразу даст высокий экономический эффект.

Важным российско-китайским проектом является также строительство железнодорожного моста через реку Амур в районе села Нижнеленинское Еврейской ав-

тономной области и города Тунцзян в провинции Хэйлунцзян в КНР. Это первый железнодорожный мост между Россией и Китаем, стоимость проекта составляет 9 млрд руб., ожидаемая пропускная способность – 5,2 млн тонн экспортных грузов в год. Соглашение о строительстве было подписано в 2013 г. Финансовым оператором проекта до 2014 г. был Фонд развития Дальнего Востока и Байкальского региона, а с 2014 г. им стал Российско-китайский инвестиционный фонд, созданный Российским фондом прямых инвестиций и China Investment Corporation. По состоянию на 2017 год мост был готов на 50%, а в 2018 году переправа достраивалась, но уже начала действовать.

В октябре 2014 г. был подписан меморандум об участии китайской стороны в строительстве высокоскоростной железнодорожной магистрали Москва – Казань протяженностью 770 км. Общая оценочная стоимость проекта – 1,26 трлн руб. В 2016 г. стороны подписали меморандум о финансировании строительства. Китайская сторона намерена инвестировать порядка 300 млрд руб., предоставить кредит в 400 млрд сроком на 20 лет (по ставке 4%) и внести 100 млрд в уставный капитал проектной компании. В перспективе эта магистраль станет частью Евразийского высокоскоростного транспортного коридора Москва – Пекин.

В 2015 г. китайская Sinohydro Corporation и Федеральное дорожное агентство подписали меморандум о намерениях, касающийся реализации инвестиционного проекта по строительству и содержанию моста через реку Лену в районе Якутска. Проект будет реализован на принципах государственно-частного партнерства, предварительная стоимость строительства оценивается в 56 млрд руб.

В 2016 г. началось строительство автомобильного моста и канатной дороги через Амур между Благовещенском и Хэйхэ. Проект соглашения был подписан еще в 1995 г., концессионный договор о строительстве моста – в 2016 г. Для реализации проекта создали совместное предприятие. Общая стоимость перехода составит около 18,8 млрд руб. Строительство моста и подъездных путей общей длиной 20 км планируется завершить в 2019 г.

В 2017 г. компания «Сиарсиси рус» (российское подразделение китайской China Railway Construction Corporation Limited) и компания «Мосинжпроект» подписали соглашение о строительстве нескольких станций Московского метрополитена: «Аминьевское шоссе», «Мичуринский проспект» и «Проспект Вернадского». Сумма контракта составила 22,98 млрд руб. Работы начались сразу после подписания контракта. Завершить их тоже планируют в 2019 г.

Металлургия. Прямые китайские инвестиции в российскую металлургию с 2009 г. оцениваются в 2,6 млрд долл. Крупнейший совместный проект (2013–2017) – строительство в Бурятии Озерного горно-обогачительного комбината. Участники: российская корпорация «Металлы Восточной Сибири» и Китайская международная инженерно-строительная компания цветной металлургии (China Nonferrous Metal Industry's Foreign Engineering and Construction). Инвестиции китайской стороны – порядка 750 млн долл.

В 2006–2016 гг. в провинции Хэнань был построен совместный российско-китайский алюминиевый комбинат «Юйлянь» (производство холодного и горячего алюминиевого проката – 1 млн тонн в год). С российской стороны в этом проекте участвовала инвестиционная компания «Ви холдинг», объем ее вложений составил 3,3 млрд долл. Вторая очередь прокатного завода в городе Гуньи была введена строй в ноябре 2016 г.

Сельское хозяйство. Доля сельскохозяйственной и пищевой продукции в российско-китайском товарообороте составляет 4,5% (2,9 млрд долл.). В 2015 г. сто-

роны подписали договор об открытии китайского рынка для российского зерна, что позволило нарастить объемы торговли. По оценкам Российского зернового союза, через 4–5 лет Россия сможет поставлять в Китай примерно 3 млн тонн зерна (по данным Россельхознадзора, в 2015–2016 гг. Россия практически не поставляла пшеницу в КНР).

26 апреля 2016 г. Фонд развития Дальнего Востока и Байкальского региона и китайский Азиатско-Тихоокеанский продовольственный фонд подписали акционерное соглашение о создании Российско-китайского фонда агропромышленного развития на Дальнем Востоке. По данным Министерства по развитию Дальнего Востока, планируется реализовать более 20 инвестиционных агропроектов. Капитал фонда составит в конечном итоге до 10 млрд долл., на первом этапе – 13 млрд руб. Китайские инвесторы будут формировать 90% капитала, российские – 10%.

Взаиморасчеты в национальных валютах. В 2003 г. первым из коммерческих банков КНР, который начал операции по расчетам в юанях и рублях, стал Банк Китая. В первом полугодии 2015 г. взаиморасчет в национальных валютах в товарообороте составил 9% и продолжает нарастать. В настоящий момент порядка 110 российских коммерческих банков имеют корреспондентские счета для ведения расчетов в юанях.

В 2014 г. Банк России и Народный банк Китая подписали соглашение о валютном свопе (инструмент, дающий возможность каждой из сторон получить доступ к ликвидности в валюте другой страны без ее приобретения на валютных рынках). Объем своплинии составляет 150 млрд юаней (24,5 млрд долл.), срок соглашения – три года с возможностью продления. А в 2016 г. Внешэкономбанк подписал соглашение с Государственным банком развития Китая о привлечении около 6 млрд юаней для инвестирования в российские энергетическую и транспортную сферы.

В ноябре 2016 г. премьер-министр Дмитрий Медведев заявил, что Россия готова разместить часть своих финансовых резервов в китайской валюте. В 2017 г. в Москве открылся расчетно-клиринговый центр по операциям в юанях, его работа направлена на укрепление и расширение связей между финансовыми рынками России и Китая.

Российско-китайские отношения в области культуры: традиции и современность

Многостороннее сотрудничество Российской Федерации с Китайской Народной Республикой продолжает динамично развиваться, в том числе на уровне неправительственных контактов. 2010-й год был объявлен Годом китайского языка в России. Это событие видится достойным продолжением уже ставших историей традиций: Года России в Китае (2006), Года Китая в России (2007), Года русского языка в Китае (2009). В марте 2010 г. в Чаньчуне (КНР, Цзилинь) прошла международная научная конференция «Распространение преподавания китайского языка и культуры в России», усилившая культурную составляющую российско-китайского диалога.

На наших глазах КНР превратилась в экономическую сверхдержаву. Ее успехи признаны во всем мире. Данный фактор наряду с интенсификацией межкультурных контактов обусловил возникновение своего рода «моды» на китайский язык в мировом сообществе.

Для населения России изучение китайского языка стало «исторической необходимостью» в связи с неуклонным расширением контактов, масштабов экономического и культурного сотрудничества наших стран, дальнейшего роста авторитета и влияния Китая в системе международных отношений.

Однако на пути, ведущем к взаимопониманию во всех сферах взаимоотношений Востока и Запада, еще имеются свои «подводные камни». Искусственное насаждение западных образцов культуры в странах восточного мегарегиона нередко превращают культуру в товар. В результате понятие «диалога культур» как правило подменяется понятием обмена «продуктами культуры». При таком «коммерческом» подходе различие между материальной и духовной сферами жизни не принимается во внимание, хотя само понятие «диалога» в полной мере применимо лишь к последней.

Материальная составляющая культурного пространства — активный процесс унификации традиций. Это — объективная закономерность развития современного общества. Вместе с предметами и явлениями китайской культуры в жизнь российских граждан давно и прочно вошли и слова, их обозначающие. Среди них, кстати, не только такие специфические, как «чай», «женьшень», «тайфун», но и слово «книга», которое частью лингвистов возводится к китайскому термину, обозначающему «свиток». На приграничной территории еще в конце XIX века местные говоры пополнились лексикой, отражавшей контакты с китайским населением: фанза, гаолян, хунхуз, манза, даба и др.

После «культурной революции» в русский обиход вошли слова «дацзыбао» и «хунвэйбин», получившие переносные значения: первое — «листочка» или «записка», второе — «хулиган». А уже в наши дни в сфере частной торговли прижилось обращение к женщине — «куня» (девушка).

Китайская культура пришла в ФР частью мировой культурной мозаики, вплоть до декоративно-прикладной и архитектурной. Но гораздо более важным представляется включение в наше культурное пространство тех явлений нематериального порядка, смысл и символика которых еще недавно была чужда европейцам. Сегодня большинству россиян известны понятия Инь и Ян. Искусство Фэншуй, гимнастика Цигун и боевое искусство Ушу ныне имеют в России многочисленных поклонников и последователей.

Многие жители Приморского края отмечают Новый год и по восточному календарю, а морозы, случающиеся на территории России (в Сибири и на Дальнем Востоке) называют «китайскими», видимо, поскольку население Дальнего Востока формировалось за счет миграции, в том числе иностранной. В регионе проживают представители более чем 20 стран, причем преобладают среди них подданные соседних азиатских государств, главным образом — Китая. В дальневосточных городах еще более столетия назад, к началу XX в., китайцы составляли 82,6% от общего числа иностранцев.

Огромная масса трудоспособного и активного китайского населения не могла не способствовать экономическому развитию Дальневосточного региона России, хотя влияние китайцев на общее культурное пространство и динамику культурного развития Дальнего Востока в целом оставалось минимальным. Несмотря на то, что русские и китайцы жили в условиях относительной изоляции, с обеих сторон наблюдались терпимость и понимание необходимости делового сотрудничества. Причем на бытовом уровне всегда присутствовал взаимный интерес. Русские старожилы края охотно вспоминали моменты соприкосновения и взаимодействия с китайской культурой, бытом и привычками китайцев, которые наиболее ярко запечатлелись в их памяти, в том числе — празднование Нового года по восточному календарю.

Интересную зарисовку празднования Нового года китайцами, жившими во Владивостоке в конце XIX века, оставил сибирский писатель Г.Т. Муров: «Каждый мо-

лящийся входил в алтарь, поднимал над своей головой приношение и клал его перед чашей; затем с зажженным пучком свеч становился на колени и, непрерывно кланяясь идолу, бормотал молитву, в заключение клал несколько монет в чашу и уходил». Вечером зажглись фонари, «затрещали ракеты, хлопушки», заиграла музыка. Внимание прохожих привлекали ряженые в масках «страшных чудовищ» [3].

Не только русское население с интересом наблюдало восточные традиции, но и китайцы воспринимали русскую культуру, например, с удовольствием распевали популярные русские песни, в особенности — «Ухарь-купец» и «Солнце всходит и заходит». Любопытно, что нередко они исполнялись в собственных интерпретациях, сплетениях слов обоих языков и лексических особенностях китайского использования русского языка: «Ухаря-купеца, шаньго молодеца»; «Соньце юла и миюла» и т.п.

В наши дни в канун восточного Нового года жители Владивостока развешивают в своих квартирах рисунки с традиционными китайскими благопожеланиями. Зодиакальные образы животных Востока используются при составлении гороскопов, их изображения популярны среди поделок сувенирной продукции. Думается, обращение к календарной системе Китая подспудно не является для россиян случайным. Отличительной чертой восточного календаря считается стремление гармонически соединить ритмы Луны и Солнца, тогда как в европейской традиции господствующим стал солнечный цикл. Возможно, это, по мнению ряда исследователей, в культурологическом плане — спонтанная попытка вернуть в нашу жизнь былую гармонию Космоса. Причем ученые напоминают, что и главный для православия праздник Пасхи отмечается по лунному календарю [4].

Возможно, поясняют специалисты, интерес к инонациональным культурам вообще основан на принципах взаимодополнения. Культурное взаимодействие народов Востока и Запада вовсе не обязательно связывать с прямым заимствованием либо с предшествовавшей ему утратой одной из сторон национальной самобытности. Многообразие культур — объективная реальность. В наши дни доминирующим в общественном сознании стало представление о том, что конечное единство мировой культуры обусловлено универсальной природой творческой деятельности. Однако такое понимание проблемы, естественно, требует и от Запада, и от Востока отказа от идей собственного превосходства во всех их интерпретациях [1].

Евразийское положение России далеко не сразу было осознано ее гражданами, и наши дальневосточные соседи долго оставались «тайной за семью печатями» для большинства жителей европейской части страны [4]. Ситуация начала медленно изменяться в конце XVIII века. В 1791 г. в Москве вышла переведенная с французского книга, содержащая описание нравов, обычаев и религиозных верований народов дальневосточных стран — «Китайские, японские, сиамские, тонкинские и прочие анекдоты». Именно в этом издании ясно обозначилось мнение, ставшее затем базовым для синологии, что китайцы считают варварами все другие народы, поэтому даже не помышляют о том, чтобы перенимать чужие обычаи. А в середине XIX века в России утвердилось представление о Китае как об остановившемся в своем развитии обществе, что также было отражением европоцентричного западноевропейского взгляда на мир [5].

Однако в образованных кругах российского общества уже сформировался тогда интерес к реальному Китаю. Важнейшим источником сведений стали труды отца Иакинфа, бывшего главой Русской духовной миссии в Пекине, хотя «китафильский» дух его работ одобряли далеко не все (см., напр.: [2]; [6]).

Излишне говорить, что эффективность межкультурного диалога в мире заметно повысилась в результате усвоения чужих (и порой изначально чуждых) традиций.

Так, Запад стал лучше понимать своих «оппонентов» благодаря европейски образованным представителям Востока. Таковым является и творчество литераторов восточной ветви русской послереволюционной эмиграции, для которых Китай стал второй родиной. В 1920 – 1930-е годы они наладили издание альманахов, нацеленных на постижение истории, культуры, философии и литературы Востока. В альманахах «Дальний Восток», «Желтый лик», «Китай» печатались произведения как русских, так и китайских авторов. Эмигрантская литература в значительной мере впитала художественные принципы осмысления действительности, рожденные восточной эстетикой и философией. Таким образом, русскими был внесен значимый вклад в сокращение интеллектуальной дистанции между Востоком и Западом.

В прошлом главное внимание уделялось преимущественно самобытности культурных традиций Востока и Запада. В современном мире процесс глобализации, при всей его неоднозначности, все же способствует взаимопониманию, поиску общечеловеческих ценностей и смыслов в культурном многообразии.

Глубина межнационального диалога культур определяется уровнем знакомства с историей, искусством, литературой, бытовыми реалиями, привычками, навыками и традициями изучаемого народа. Современные отношения между Россией и Китаем развиваются и укрепляются с расчетом на долгосрочные, длительные дружественные отношения между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой. Культурные связи год от года сближают российский и китайский народы.

Взаимодействие, диалог культур – процесс, безусловно, двусторонний, на его течение оказывает влияние временной фактор, способный обнажить противоречия и даже вызвать конфликт между историческим наследием и современным состоянием культуры. Духовное наследие прошлого в переосмысленной форме присутствует в современной культуре каждой нации, и плодотворность соучастия исторических ценностей каждого народа во взаимодействии культур зависит от степени их осмысления и «грамотного подключения» к современным процессам.

Сегодня специалисты и ученые из России, Китая, Европейского союза и других стран часто общаются в форматах типа нынешней конференции. В ходе дискуссий они активно обсуждают и вопросы российско-китайского экономического сотрудничества, проект «Один пояс, один путь», «Китайско-монгольский экономический коридор», сотрудничество Китая, ряда азиатских и евроазиатских интеграционных объединений (АСЕАН, ШОС) с Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС). Нередко на этих встречах удается достигнуть консенсуса по ключевым вопросам.

Подводя итог сказанному, хочется выделить три из обобщающих соображений по характеру нынешних российско-китайских отношений.

Во-первых, у России и Китая есть хороший потенциал для развития сотрудничества в экономической сфере в целом. Углубление их стратегического сотрудничества и партнерства стало новой отправной точкой в истории отношений двух стран.

Недавно в Пекине проводился форум в рамках проекта «Один пояс, один путь». Переговоры прошли достаточно плодотворно, обе стороны достигли новых договоренностей по ряду вопросов.

Во-вторых, весьма успешно сотрудничество двух стран в области реализации крупных проектов. А взаимодействие наших стран в научно-технической сфере неизбежно выведет на новый этап весь комплекс российско-китайских торгово-экономических связей. Россия и Китай, по-своему развитые в разных сферах, ныне с экономической точки зрения обладают огромным потенциалом для продолжения и расширения сотрудничества преимущественно в энергетической, сельскохозяйственной отраслях, в сферах лесной промышленности, рыбного хозяйства, туризма,

строительства инфраструктуры. Но самыми перспективными областями представляются: авиация, космонавтика, использование чистых энергоресурсов, совместная разработка новых источников энергии, охрана окружающей среды.

Сотрудничество в этих сферах выведет торгово-экономические отношения двух стран на качественно новый уровень. Взаимодействие России и Китая уже приносит видимые результаты в сфере космонавтики и в области разработки ядерных технологий мирного назначения. Ускорение Среди прочего, торгово-экономическое сотрудничество с Россией и выработка механизмов многоуровневого высокоэффективного взаимодействия двух стран поможет создать в трех северных провинциях Китая (Ляонин, Цзилинь и Хэйлунцзян) хорошую научно-техническую базу для решения проблем промышленного развития.

В-третьих, нам необходимо уделять особое внимание азиатским регионам России, особенно Сибири и Дальнему Востоку, важно ускорить развитие этих регионов. Сейчас самое время развивать Дальний Восток. В случае эффективной и успешной интеграции в проект «Один пояс, один путь» России и ЕАЭС в целом будут предоставлены гарантии дальнейшего конструктивного взаимодействия с Китаем в области реализации крупных проектов.

Эксперты справедливо считают, что промышленная база Дальнего Востока устарела и стратегическое сотрудничество двух стран поможет ее модернизировать. Китай и Россия отлично дополняют друг друга. Совместное сотрудничество и в этом плане имеет поистине огромный потенциал. Мы должны не упустить возможности использовать благоприятные условия для развития Дальнего Востока. И России, и Китаю необходимо приспособиться к местным условиям работы, тогда оба государства смогут еще более плодотворно осуществлять взаимовыгодное сотрудничество.

Источники и литература

1. Подробнее см.: Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Новый год. М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1985. 264 с.
2. *Лукин А.* Образ Китая в России (до 1917 года) // Проблемы Дальнего Востока. 1998. № 5. С. 131–136.
3. Об этой и других особенностях китайского быта тех лет подробно см.: *Муров Г.Т.* Люди и нравы Дальнего Востока: От Владивостока до Хабаровска: Путевой дневник. Томск: Пар. тип.-лит. П.И. Макушина, 1901. 161 с.
4. См.: Ориент Микс. Диалог культур России и Китая: от прошлого к настоящему / Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. – Режим доступа: <http://www.pandia.ru/text/78/082/14915.php> – Дата обращения: 11 марта 2018.
5. См.: *Петров А.И.* История китайцев в России. 1856–1917 годы. СПб., 2003.
6. *Пчелинцева К.Ф.* Китай в русской общественной мысли XIX в. // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 5. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2003. С. 136–141.
7. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tass.ru/info/1956459> – Дата обращения: 10 марта 2018.

Глава 4.

Стратегическая коммуникация в политических и экономических процессах

(На английском языке)

Д. Ю. Базаркина

УГРОЗЫ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДЫ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ

Дарья Юрьевна Базаркина,
*доктор политических наук, профессор
базовой кафедры европейских и интеграционных
исследований Института мировых цивилизаций.*

Аннотация: Анализ угроз террористической пропаганды на современном этапе, особенно – воздействия на общественное сознание организаций, использующих элементы стратегической коммуникации. Сегодня это главным образом ИГИЛ (ИГ), но террористические группы ультраправой и ультралевой ветви тоже способны выйти на сопоставимый уровень.

Ключевые слова: Европейский союз, терроризм, пропаганда, стратегическая коммуникация, ИГИЛ.

TERRORIST PROPAGANDA THREATS AT PRESENT STAGE

Abstract: Article analyzes the threats of terrorist propaganda at the present stage. Organizations that use elements of strategic communication are particularly dangerous in their impact on public consciousness. Today it is mainly ISIS, but the terrorist groups of the far right and far-left branch also are able to reach this level.

Key words: European Union, terrorism, propaganda, strategic communication, ISIS.

The use of strategic communication by terrorist groups in their communication with target audiences has become a significant threat both to the international and European security. In the 21st century, terrorism has foremost an organizational character. Whereas terrorist groups in the 20th century were still clearly distinguishable, in the 21st century, terrorists are preparing and performing terrorist acts backed by cells in different countries of the world, of which many are formed in Europe. Over the course of time, these cells are becoming less dependent on the leading center among others in financial terms, which is related to the surge of lone-wolves who are not directly connected to the groups that have inspired them to carry out terrorist attacks. At the same time, the escalation of economic, political and social crises has allowed terrorist organization to manipulate the protest moods of potential and real followers in their messages with the help of pseudo-Marxist and Nazi conceptions, which has significantly broadened their social and membership base.

Since 2014–2015, related to the emergence of the Islamic State (IS) (the organization is forbidden in the Russian Federation) on the political stage, and along with a strongly asserting and internationally structured terrorist network, a hierarchical organization has emerged, imitating the system of state bodies and controlling a vast geographical area. The earnings from natural resources facilitate the training of terrorists, the purchase of arms and ammunition and not in the least the formation of units responsible for communication [1]. The IS threat is becoming a priority not only within the context of problems related to quasi-religious organizations, but also against the background of other branches of terrorism. At the same time, far-left and far-right branches have not only been eradicated, but have also further developed. With the outbreak of the global economic crisis, both far-left and far-right terrorist organizations have significantly extended their international ties, and simultaneously the far-right branch has toughened their terrorist attacks.

Terrorist organizations use contemporary means of communication in their propaganda in order to skillfully manipulate their target audience's opinion with the help of well-conceived messages. Together with the development of Internet communications, the terrorist organizations of which there are three branches being studied in this chapter, have managed to solve one of their major security problems. The presence of a structured organization with the leaders well-known to all its members facilitated attempts by the police to re-establish terrorist communications through documents that were found at their arrested accomplices. Today, new information channels allow terrorist to avoid personal contacts with other terrorists [2] as it was required previously. The communicative impact of any terrorist attack is strengthened through the ability to deliver a shocking message about their acts via official and unofficial channels in the shortest time.

The development of communication technologies (Internet, mobile communication, social networks, satellite television, etc.) has significantly eased the spread of messages among (potential) followers of terrorist organizations. Groups such as “Blood and Honor” and “Hammerskins” have their own web-sites [3]. Recruiters for “Al-Qaeda” or IS are acting in a similar way. Also, materials coming from the far-left “Informal Anarchist Federation” and “Militante Gruppe” are openly available [4]. The prevention of proliferation of such materials through censorship has become nearly impossible, because a new copy of a website appears in the Internet almost immediately after its closing. In the face of these threats, new tasks have arisen for the EU governing bodies and its member states, and one of these tasks is the eradication of internal contradictions of its own policy, including contradictions within the sphere of public communication.

An important component of terrorism is the ideological colouring of terrorist acts. Terrorism is a means for obtaining economic and political interests and can use (wholly, as in the case of Nazism, or in a reduced, distorted form) any ideology until the moment it helps in achieving the goals. Despite this fact, in the public consciousness, terrorism is particularly associated with ideology (due to the mass media and politicians) and with the problem of self-identification, as expressed in political, religious and cultural doctrines. Herein lays one of the main reasons why terrorist cells and organizations are so quickly finding new followers: terrorism has been recognized as an expression of ideology, an alternative to inefficient or unfair political and economic courses, and thousands of people have become consumers of extremist literature and internet content.

Far-left terrorist organizations use public outrage, building on calls in order to carry out terrorist attacks using messages, wherein Marxist rhetoric and references to prominent leaders of the far-left movement are actively mentioned. This has brought the danger of associating a part of the target audience within the liberation movement with terrorism. The unity of far-right extremists and terrorists is explained in their proclamation of the “Islami-

sation of Europe”, about which the discussions are intensified after every terrorist attack by quasi-religious terrorists. Most often their unity is declared on the basis of ethnic identity, although we can also find religious rhetoric in some instances (for example, A. Breivik called himself a “Christian fundamentalist” [5]). This allows to highlight common traits in the motivation of far-right and quasi-religious terrorism. The ideological roots of European right-wing extremism and terrorism originate in Fascism and National Socialism.

IS is showing a completely new level of communication skills among the terrorist organizations of the quasi-religious branch, applying the elements of strategic communication and transmitting a central message that IS is a state, not an underground terrorist group [6]. The “actions” that IS is projecting into the collective consciousness are the foundations of bodies similar to state bodies. They have a hierarchical structure, make administrative decisions and symbolically represent terrorist acts by murdering their hostages as the punishment of criminals. The image of a state is not only created by real practice, but also through IS’ media products which have proven to enlarge the international network of the terrorist organization.

The attacks of quasi-religious terrorists are provoking the spread of anti-Islam movements, such as Pegida [7], which, in turn, could create risks for the maintenance of European democratic values in the near future. In this situation, there is a need for promptly taken measures aimed at narrowing down the social and membership base of organizations such as IS. Once again, this points to the significant role of communication support in the fight against terrorism.

Источники и литература

1. Der Medienjihad der Islamisten. Berlin, 2008; *Сундиев И.Ю., Смирнов А.А., Костин В.Н.* Новое качество террористической пропаганды: медиаимперия ИГИЛ // *С.П. Курдюмов*. 02.11.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: spkurdyumov.ru/biology/novoe-kachestvo-terroristicheskoy-propagandy-mediaimperiya-igil – Дата обращения: 14 мая 2015); *Wolska-Liškiewicz E.* Strategic Communication of DAESH. Paper for the conference “Contemporary System of Combating Terrorism in Poland and the World”. Hotel Presidential in Rzeszow, Poland, May 18–20, 2016. Blueprint; *Cantlie J.* Paradigm Shift. Part 2 // *Dabiq*. 2015. Issue 12. P. 47.
2. *Musawi M. A.* Cheering for Osama: How Jihadists use Internet Discussion Forums. London, 2010; *Brandon J.* Virtual Caliphate. Islamic extremists and their websites. London, 2008.
3. See, for example: Magazines: Blood & Honour – Great Britain. – Режим доступа: www.bloodandhonour-worldwide.co.uk/home1.html – Дата обращения: 28 марта 2013.
4. Le principali azioni firmate FAI, Federazione Anarchica Informale // *ANSA.it*.]. – Режим доступа: www.ansa.it/web/notizie/rubriche/associa-ta/2010/03/27/visualizza_new.html_1737582394.html – Дата обращения: 27 марта 2013; Premier communiqué de la FAI (Janvier 2004) // Agence Presse Associative (APA). URL: apa.online.free.fr/article.php3?id_artic-le=243 – Дата обращения: 20 марта 2013; Anschlagserklärung 18. Mai 2007 // *Militante Gruppe (mg)*. Interim. – № 657. – Режим доступа: mirror.so36.net/home.arcor.de/dokumentationX/texte/erklaerung_20070518_razzia.html – Дата обращения: 20 марта 2013. Etc.
5. See: *Berwick A.* 2083. A European Declaration of Independence. London, 2011. – Режим доступа: www.kevinislaughter.com/wp-content/uploads/2083+-+A+European+Declaration+of+Independence.pdf – Дата обращения: 20 марта 2013.
6. See, for example: *Cantlie J.* Paradigm Shift. Part 2 // *Dabiq*. 2015. Issue 12.; The Islamic State (Full Length) // *VICE News on YouTube*. 14.08.2014. – Режим доступа: www.youtube.com/watch?v=AUjHb4C7b94 – Дата обращения: 30 нояб. 2015.
7. *Johnson Ph.* Charlie Hebdo attacks: Anti-Islam parties are now on the march across Europe. Religion should be able to cope with being satirized // *The Telegraph*. 07.01.2015. – Режим доступа: www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/france/11330287/Charlie-Hebdo-attacks-Anti-Islam-parties-are-now-on-the-march-across-Europe.html – Дата обращения: 1 авг. 2015; *Jordans F.* Charlie Hebdo Attack Raises Fears of More Support for Europe’s Right // *The World Post*. 01.08.2015. – Режим доступа: www.huffingtonpost.com/2015/01/08/europe-right-wing_n_6435660.html?utm_hp_ref=world . – Дата обращения: 1 авг. 2015; *Stokes B., Wike R., Poushter J.* Europeans Face the World

- Divided // Pew Global Research. – Режим доступа: www.pewglobal.org/2016/06/13/europeans-see-isis-climate-change-as-most-serious-threats – Дата обращения: 5 авг. 2016.
8. *Сундиев И. Ю., Смирнов А. А., Костин В. Н.* Новое качество террористической пропаганды: медиаимперия ИГИЛ // С.П. Курдюмов. 02.11.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: spkurdyumov.ru/biology/novoe-kachestvo-terroristicheskoy-propagandy-mediaimperiya-igil/ – Дата обращения: 14 нояб. 2015.
  9. Anschlagserklärung 18. Mai 2007 // Militante Gruppe (mg). Interim. – № 657. – Режим доступа: mirror.so36.net/home.arcor.de/dokumentationX/texte/erklaerung_20070518_razzia.html – Дата обращения: 20 марта 2013.
  10. *Berwick A.* 2083. A European Declaration of Independence. London, 2011. – Режим доступа: www.kevinislaughter.com/wp-content/uploads/2083+-+A+European+Declaration+of+Independence.pdf – Дата обращения: 20 марта 2013.
  11. *Brandon J.* Virtual Caliphate. Islamic extremists and their websites. London, 2008.
  12. *Cantlie J.* Paradigm Shift. Part 2 // Dabiq. 2015. Issue 12.
  13. Der Medienjihad der Islamisten. Berlin, 2008.
  15. Johnson Ph. Charlie Hebdo attacks: Anti-Islam parties are now on the march across Europe. Religion should be able to cope with being satirized // The Telegraph. 07.01.2015. – Режим доступа: www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/france/11330287/Charlie-Hebdo-attacks-Anti-Islam-parties-are-now-on-the-march-across-Europe.html – Дата обращения: 1 авг. 2015.
  16. *Jordans F.* Charlie Hebdo Attack Raises Fears of More Support for Europe’s Right // The World Post. 01.08.2015. – Режим доступа: www.huffingtonpost.com/2015/01/08/europe-right-wing_n_6435660.html?utm_hp_ref=world – Дата обращения: 1 авг. 2015.
  17. Le principali azioni firmate FAI, Federazione Anarchica Informale // ANSA.it. – Режим доступа: www.ansa.it/web/notizie/rubriche/associa-ta/2010/03/27/visualizza_new.html_1737582394.html – Дата обращения: 27 марта 2013.
  18. Magazines // Blood & Honour – Great Britain. – Режим доступа: www.bloodandhonourworldwide.co.uk/home1.html – Дата обращения: 28 марта 2013.
  19. *Musawi M. A.* Cheering for Osama: How Jihadists use Internet Discussion Forums. London, 2010.
  20. Premier communiqué de la FAI (Janvier 2004) // Agence Presse Associative (APA). – Режим доступа: apa.online.free.fr/article.php3?id_artic-le=243 – Дата обращения: 20 марта 2013.
  21. *Stokes B., Wike R., Poushter J.* Europeans Face the World Divided // Pew Global Research. – Режим доступа: www.pewglobal.org/2016/06/13/europeans-see-isis-climate-change-as-most-serious-threats – Дата обращения: 5 авг. 2016.
  22. The Islamic State (Full Length) // VICE News on YouTube. 14.08.2014. – Режим доступа: www.youtube.com/watch?v=AUjHb4C7b94 – Дата обращения: 30 нояб. 2015.
  23. *Wolska-Liškiewicz E.* Strategic Communication of DAESH. Paper for the conference “Contemporary System of Combating Terrorism in Poland and the World”. Hotel Presidential in Rzeszow, Poland, May 18–20, 2016. Blueprint.

Е.Н. Пашенцев

РОЛЬ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ В ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЕС

Евгений Николаевич Пашенцев,
*доктор исторических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник
Института актуальных международных проблем
Дипломатической академии МИД России.*

Аннотация: Выяснение роли стратегической коммуникации в отношениях между Россией и ЕС в условиях обострения ситуации на международной арене. Выделены некоторые органичные слабости стратегической коммуникации ЕС, которые сказываются на эффективности внешней политики Евросоюза.

Ключевые слова: международные отношения, стратегическая коммуникация, Европейский союз, Россия.

THE ROLE OF STRATEGIC COMMUNICATION IN THE RELATIONS BETWEEN RUSSIA AND THE EU

Abstract: The article aims to clarify the role of strategic communication in relations between Russia and the EU in the context of a sharp aggravation of the situation in the international arena. Highlights some of the intrinsic weaknesses of strategic communication of the EU that affect the efficiency of foreign policy of the EU, including in its Russian direction.

Key words: International relations, strategic communication, European Union, Russia.

Since the beginning of the century, the concept of strategic communication (SC) [1] found recognition and practically developed in the system of public administration and foreign policy of different countries and intergovernmental organisations. Most generally, strategic communication is the state's projection of certain vital and long-term values, interests and goals into the conscience of domestic and foreign audiences. It is effectuated by means of adequate synchronisation of multifaceted activities in all the domains of social life with professional communication support. It is clear that such synchronisation takes place in Russia and the EU nowadays, reflecting the dynamics of the unique national symbiosis of the old and the new, of the local and the adopted aspects of administration forms and methods of influencing

During the last years, in the European Union, strategic communication(s) received a powerful impetus; a process which cannot be disconnected to the need to counteract the various crisis factors inside and outside the EU. Quite some documents and analytical materials in this area provide ground for some preliminary conclusions on the efficiency of the EU's strategic communication [2]. The EU's East StratCom Task Force or simply "StratComms" leads the European Union's efforts on the public dimension of European diplomacy and its communication on Foreign Affairs and Security Policy as well as its external action more broadly. StratComms works closely with the European External Action Service and the EU Institutions. It provides round-the-clock professional support to the High

Representative/Vice President in all her press and public diplomacy activities. StratComms provides tailor-made communications guidance and support to the EU's network of around 140 Delegations and offices around the world as well as to the EU's Common Security and Defence Policy missions and operations, and is responsible for allocating and ensuring proper control of communications budgets both at headquarters and in the field [3].

Strategic communication in the realm of foreign policy combines synchronisation of affecting an allied state, and non-state actors through friendly "deeds, words and images" and through a wide range of communications within the framework of information warfare addressing foes and enemies. However, separating one from another is extremely difficult for the following reasons: it is not easy to forge alliances in the contemporary international field, due to the conflicting interests of governing elites, who are often quite controversial. Such a phenomenon was evident when the US launched a large scale media campaign against their ally France due to its outspoken disapproval at the UN in 2003 with regard to America's decision to invade Iraq [4].

The modern realities and interpretations of conflict deliberately blur boundaries between war and peace, between military and civilian systems, and the blurry boundaries between information and influence or manipulation [5]. The extension of warfare into public consciousness has taken place before. However, today we can witness the evidence of a professional form of warfare being waged in the public consciousness using complex methods of communicational influence on a global level – pulling more people into the virtual world of the internet and social networking. Accordingly, it stimulates the further development and application of new kinds of informational impact and information weapons.

In order to usher in a qualitatively new level of development, it is vital for Russia to raise the efficiency of management in all the domains of society. The increase of Russia's capacity for utilising strategic communication might become one of the most efficient tools for developing new systems of this sort. It will decrease the burden on administrative and financial administration organs, have a real impact on the speed of economic growth, and reinforce Russia's international position as well as its state security. It is worth noting that we are not talking about replacing physical action with communication manipulation mechanisms – Russia needs real progress, not its propagandistic imitation.

The relations between Russia and the EU are important for both sides. We have noticed a sharp deterioration of relations between Russia and the EU in recent years, most notably since the outbreak of the crisis in Ukraine. Despite the importance of the events in Ukraine (and their different and rather often diametrically opposing interpretations), we will show that the ongoing deterioration is complicated by a combination of various factors. There are serious grounds for imagining further degradation of EU-Russia relations up to the highly undesirable and dangerous point of collapse and the use of military means. However, at the same time, there are also opportunities to increase trust, and build over time friendly relations between states not only in Europe but throughout the world.

Russia is not indifferent about what is going on in the EU. First of all, because of economic reasons, as the EU countries are still Russia's largest trading partner. Second, for cultural reasons, as the interpenetration and mutual influence of our cultures is difficult to ignore. Third, because of historical reasons – it is enough to recall that the two World Wars have begun in Europe and involved both Russia and European countries.

Isolationism for Russia is strategically insecure and hopeless. Russia is historically, economically and culturally linked with Europe as well as with any other region of the world. The stagnation, weakening and much more the rupture of these ties will bring harm. Russians and Europeans from different social groups and of different political and cultural orientation raise their voices for normalisation of our relations. We need a lot of patience and

should not expect quick results, but working for a better peaceful future should stand central.

Integration projects on the largest continent of the Earth, where more than 70% of the world's population lives, cannot be effective without Russia; this is understood both in the East (better) and in the West of Eurasia (temporarily worse). Russia needs to work towards this direction, projecting its objective significance with actions, words and images to both internal and external audiences. And of course, it is not just military power, you cannot be strong with geography only, natural resources have a harmful tendency not to grow, but to decrease. This means that Russia is in need of a lot of economic and social attractiveness, and there is still a lot of work to be done in this direction, although positive changes after the devastation of the 1990s are beyond doubt. What is then necessary for the progressive development of relations between the EU and Russia?

It is necessary to avoid the policy of dictating and imposing decisions and to abandon the “demonisation” of the dialogue partner. We need counter-compromises and the search for ways to combine our interests. Strategic communication is the synchronisation of deeds, words and images in public policy on the most important and long-term issues. The efficiency of strategic communication as means of collaboration is negligible in case of strategic interests and goals mismatching drastically. In this case, strategic communication inevitably becomes a tool of information warfare. In creating a climate for a favourable international dialogue, strategic communication can play a very important positive role, but it can also seriously worsen the situation. To a certain extent, strategic communication itself is an important (and, in part, autonomous) factor of rapprochement or separation of the parties, and it is extremely important that it serves the first task, not the second one.

It is important to find more long-term elements for cooperation not only between Russia and the EU, but between all the leading centres of the current multipolar world. The strategic task lies not in the search for the alternative configuration of global political and military blocks (or conserving the old ones), but rather in the aligning of joint interests in order to solve the principal issues of mankind. The efficiency of strategic communication as means of collaboration is negligible in the case that strategic interests and goals mismatch drastically. In this case, strategic communication inevitably becomes a tool of information warfare. There should be no illusion of the contrary. Meanwhile, the basic national interests require the opposite, namely, the harmonious interaction of countries in the interest of mutual exchange and the solution of global problems. It is also important to achieve an adequate projection of the goals, achievements, failures and prospects of this interaction in the minds of target audiences that perceive this interaction as their vital cause.

Источники и литература

1. SC, Stratcom are used in this article as abbreviations of the term “strategic communication(s)”.
2. Action plan on strategic communication // Ref. Ares(2015)2608242 – 22/06/2015; *Popescu N.* Hybrid tactics: Russia and the West. Paris: European Union Institute for Security Studies, October 2015. P. 1 – 2; Hybrid threats and the EU. Conference Report. Paris: European Union Institute for Security Studies, 2017; In depth analysis. EU strategic communications With a view to counteracting propaganda. Policy Department, Directorate-General for External Policies. European Union, 2016; Towards an EU global strategy – Consulting the experts. Paris: European Union Institute for Security Studies, 2016; Strategic Communications. East and South. Brussels: European Union Institute for Security Studies, 2017.
3. Strategic Communications // European Union External Action. – Режим доступа: eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage_en/100/Strategic%20Communications – Дата обращения: 22 янв. 2018.
4. Some US restaurants rewrote their menus to offer “freedom fries” instead of French fries, and national TV networks aired scenes of angry Americans dumping bottles of French wine to protest France’s resistance to the US’ talk of an invasion of Iraq. Then-president Jacques Chirac of France could not

-
- get a break on US or British media. See: *Muhammad U.* France 24. The world through French eyes // Global Media Wars. – Режим доступа: globalmediawars.com/?page_id=73 – Дата обращения: 22 июня 2012.
5. *Brunner E. M., Cavelti M. D.* The formation of in-formation by the US military: articulation and enactment of information threat imaginaries on the immaterial battlefield of perception // Cambridge Review of International Affairs. 18.12.2009. P. 641–642.
  6. Action plan on strategic communication // Ref. Ares(2015)2608242 – 22/06/2015.
  7. *Brunner E. M., Cavelti M. D.* The formation of in-formation by the US military: articulation and enactment of information threat imaginaries on the immaterial battlefield of perception // Cambridge Review of International Affairs. 18.12.2009.
  8. Hybrid threats and the EU. Conference Report. Paris: European Union Institute for Security Studies, 2017.
  9. In depth analysis. EU strategic communications With a view to counteracting propaganda. Policy Department, Directorate-General for External Policies. European Union, 2016.
  10. *Muhammad U.* France 24. The world through French eyes. // Global Media Wars. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: globalmediawars.com/?page_id=73 – Дата обращения: 22 июня 2012.
  11. *Popescu N.* Hybrid tactics: Russia and the West. Paris: European Union Institute for Security Studies, October 2015.
  12. Strategic Communications // European Union External Action. – Режим доступа: eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage_en/100/Strategic%20Communications – Дата обращения: 22 янв. 2018.
  13. Strategic Communications. East and South. Brussels: European Union Institute for Security Studies, 2017.
  14. Towards an EU global strategy – Consulting the experts. Paris: European Union Institute for Security Studies, 2016.

М.Г. Шилина

МОДЕЛИРОВАНИЕ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ: ПЕРСПЕКТИВЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ И ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Мария Геннадьевна Шилина,
аспирант факультета права
Национального исследовательского
университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Аннотация: Предпринята попытка выявить эффективные способы решения проблем нынешнего этапа экономической интеграции евразийских государств на основе междисциплинарного структурного анализа (в аспектах международного права, экономики, политики, практики взаимодействия). Предложена многоуровневая модель конструирования отношений.

Ключевые слова: международные отношения, экономическая интеграция, метод моделирования, Шанхайская организация сотрудничества, Евразийский экономический союз, Экономический пояс Шелкового пути, Европейский союз.

MODELING THE INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS DEVELOPMENT: THE PROSPECTS FOR REGIONAL AND GLOBAL ECONOMIC INTEGRATION

Abstract: In the article an attempt to identify effective solutions to the problems of current economic integration of the Eurasian states is given on the basis of an interdisciplinary comprehensive structured analysis. The integration is considered through the prism of the international law, world economy and politics, combined with the study of existing intergovernmental practice. The modeling method was taken as the basis for the research. The multi-level model of practical construction the international economic relations development is proposed.

Keywords: international relations, economic integration, modeling method, The Shanghai Cooperation Organization, the Eurasian Economic Union, the Silk Road Economic Belt, the European Union.

In new geopolitical realities, the problems of coexistence and possible interconnection of various mechanisms of interstate economic interaction are actively discussed. Currently, the Eurasian continent states support the direction to economic integration. At the same time, the existing international economic law fragmentation in Eurasia is seen as the important problem. The Eurasian space is characterized by a various types of interstate interaction types: international agreements (multilateral and bilateral), and a large number of cooperation formats (from discussion platforms to organizations aimed at deep integration). For their harmonization, it is necessary to have a clear vision to the phased international economic relations regulation options.

In our opinion, the most objective study of the economic integration phenomenon requires a comprehensive multifactoral approach. In the conditions of rapid development of

international economic relations, the modeling (including prognostic) can be optimally used as the main scientific method. On the basis of this method, it is possible to form the current situation vision and the best options for further action. In order to determine the most objective version of the integration development, we have combined several approaches. A set of legal methods was supplemented by the international relations science prognostic methods.

The key elements of the model are the international economic organizations and states associations existing in the Eurasian space (the Eurasian Economic Union (EAEU), the European Union (EU), the Shanghai Cooperation Organization (SCO), Chinese project «One belt-one road» (OBOR), the Commonwealth of Independent States (CIS), BRICS, etc.). We propose a general term for the elements of the model - the interstate interaction mechanisms (IIM).

The aim of building a model of current and future Eurasian economic integration is to show optimal options for joint economic development of the states and IIMs. The long-term goal of this development is the new economic and political space, so-called the «Greater Eurasian Community» [1]. The process of achievement this long-term goal consists of successive steps. We have divided the framework of the model into two parts: preliminary actions and the integration stages.

Let's consider the integration model levels. Primary stages are the following:

The model formation starts with *individual states* actions. We denote the fundamental level as the internal level. The stage should include such actions as the harmonization of domestic legislation and the formation of the legal framework that allows governments to develop international economic cooperation.

The foundation of the embedded integration architecture is represented by the IIMs on the interstate level. The interaction format «national state - international / integration structure» is not seen efficient due to inequality of participants. It causes the necessity of constructing the integration by the IIMs. First of all, the success of the integration could be achieved primarily through the creation of a proper legal framework and the establishment of regulatory mechanisms within *the EAEU itself*.

The next level is international that involves interaction between *states' associations*. The first stage on it is the elimination of contradictions and the harmonization of the relationship between the existing in the post-Soviet space mechanisms (*EAEU, CIS, CAREC*).

The current Russian geopolitical strategy reflects the necessity to establish non-Western geopolitical relations. We propose the following integration levels at the Eastern direction.

The first stage is the EAEU relationships with external partners: currently the Unit has three main institutional formats for building such links. The major traditional format is *free trade agreements (FTA)*; the second is non-preferential trade agreements (*the PTA*), which contain removal of non-tariff barriers, customs regulation, infrastructure projects; the third format is *cooperation memoranda*, mainly involving the mutual information exchange. The FTA and other types of bilateral international agreements are seen as the main interaction stage since it is easier to work on a bilateral basis by creating individual free trade areas.

In recent years *EAEU-China* interaction format strengthens [2]. This strategic partnership is crucial for continent development. One may to assert that practical formation of this integration stage is being finished: negotiations on a non-preferential agreement are concluded [3], the agreement will be signed in 2018.

Transition to a higher level within the framework of the Eastern vector presumes the continental-integrational interaction level - the *EAEU-OBOR* connection. The EAEU and the Silk Road Economic Belt (SREB) are complementary projects with the former providing an institutional basis for cooperation and the latter providing the necessary investment resources for joint projects.

The format of the *EAEU-SCO* is seen as a logical continuation of the continental partnership, while we believe that it is optimal to combine both projects - *OBOR and EAEU - on the basis of the SCO*, since the SCO has the necessary features for this [4]. *The SCO* is seen as the most promising element of the proposed model, as an international organization capable of streamlining the formation of Eurasian integration. It could serve as the primary institutional basis for multilateral interaction.

The expansion of interaction with other Eurasian countries could efficiently take place within the framework of *the SCO+* format, which also could be aimed to expand the scope of the organization to the rest of the developing world. The *SCO+* could connect the SCO countries and their partners with regional blocs in the West Arab world, such as the Cooperation Council for the Arab States of the Gulf (GCC) and the ASEAN in the East.

Proceeding from the aforesaid, parallel to the continental integration development, it is not only possible but also necessary to move to the Eastern direction extra-continental levels, connecting the *BRICS, ASEAN, RCEP and other integration blocks*.

The BRICS currently is being transformed to *the BRICS+* format. The new format seeks to create a platform for regional alliances across continents and aims at bringing together the regional integration blocks

We state that for the international economic relations development it is necessary to create the coordination mechanism. The coordination mechanism between continental unions and existing regional alliances: the African Union (AU) in Africa, Community of Latin American and Caribbean States (CELAC) in South America, and the SCO in Eurasia, could conventionally be referred as *the Trilateral Inter-continental Alliance (TRIA)* [5]. In addition to BRICS+, TRIA could serve as the broadest institutional platform for South-South cooperation between regional integration groups and other agreements. The developing countries should use innovative approaches, a new generation of partnership agreements and take notice of the developed countries experience for successful integration platform formation. There are some obstacles, however, the concept is promising.

The framework of the model and the model implementation in particular cannot fully develop without the participation of the EU. The Western vector assumes a transition to the integration-integration level. The establishment of the economic, political, institutional, and legal links between *the EAEU and the EU* is the first interaction stage on this level. To create effective ties, it is necessary to resolve the political crisis. It could be solved on the basis of mutual interest in deeper economic integration and such factors as the territorial proximity and mutual energy dependency, along with the huge trade flows, and the potential for greater investment flows [6].

We argue that *the SCO+* could be used as a platform for the comprehensive Eurasian partnership and integration-integration processes formation, the connection of the two vectors and determination of the transition to a single economic space in Eurasia. The *EU–EAEU–OBOR* connection is theoretically becoming possible.

Thus, an abstract version of the international relations and economic integration development is proposed. It assumes a gradual economic rapprochement of Eurasia and beyond. The idea of such economic integration as a step-by-step model is seen as the main scientific novelty of the paper.

Modeling the integration architecture and dividing the interaction into stages led us to a conclusion that SCO is able to transform Eurasia into a single economic space. Gradual implementation of the complex phased model, in which the *SCO+* plays a key role, will allow building an effective economic integration for all participants, to create an economically strong community of GE and the rest of the developing word.

The proposed model can have practical value for politicians, lawyers, economists and other participants involved in the economic integration process. A clear, systematic

structure can serve as a basis for further governmental action. Thus, the study gives impetus to practical actions and further research.

Источники и литература

1. *Karaganov S.* (2015) *Evroaziatskij vyhod iz evropejskogo krizisa* // Совет по внешней и оборонной политике – Режим доступа: <http://svop.ru/main/15393/> – Дата обращения: 13 марта 2018; *Karaganov S.* (2017) *Ot povorota na Vostok k Bol'shoj Evrazii: gdlbal'nyj kontekst* // *Rossiya v global'noj politpke.* 2017. № 3.
2. *Russian-Chinese Dialogue: the 2017 Model, RIAC Report 33/2017* – Режим доступа: <http://russiancouncil.ru/papers/Russia-China-Report33-En-Preprint.pdf> – Дата обращения: 13 марта 2018; *A. Gabuev* (2016) “Friends With Benefits? Russian-Chinese Relations After the Ukraine Crisis” // *Carnegie Moscow Center.* – Режим доступа: <http://carnegie.ru/2016/06/29/friends-with-benefits-russian-chinese-relations-after-ukraine-crisis-pub-63953> – Дата обращения: 13 March 2018.
3. *China and the EAEU declared the conclusion of negotiations on the Agreement on Trade and Economic Cooperation (2017).* – Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/en/nae/news/Pages/2-10-2017-5.aspx> – Дата обращения: 13 марта 2018.
4. *Shilina M.G.* (2017) *Interstate Economic Cooperation in Eurasia: Actual Options of Development (International Legal Aspect)* // *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki.* No 1. P. 178–186.
5. *Lisovolik Y.* (2018) *Imago Mundi: soglasovannye dejstviya kontinentov v napravlenii «YUg – YUg».* – Режим доступа: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/soglasovannye-deystviya-kontinentov/> – Дата обращения: 13 марта 2018.
6. *Vinokurov E.* (2014) *From Lisbon to Hanoi: European Union and Eurasian Economic Union in Greater Eurasia* [Глава в книге.] // *Liik, K.* *Russia's 'Pivot' to Eurasia.* London: ECFR, P. 56–60.

Глава 5. Международная и глобальная безопасность

М.П. Торшин, В.А. Арутюнян

ПРОТИВОРАКЕТНАЯ ОБОРОНА США: БЛАГО ИЛИ УГРОЗА МИРУ?

Михаил Петрович Торшин,

*кандидат исторических наук, профессор
кафедры дипломатии и консульской службы
Дипломатической академии МИД России.*

Вячеслав Аликович Арутюнян,

*магистрант факультета международных
отношений и международного права
Дипломатической академии МИД России.*

Аннотация: Рассмотрены вопросы, связанные с противоракетной обороной (ПРО) США, размещением элементов ПРО в Европе, мерами руководства РФ по противодействию этой и другим угрозам, укреплению армии и флота, созданию новых видов вооружений. Исследованы процессы в связи с созданием ЕвроПРО.

Ключевые слова: ЕвроПРО, противостояние, Договор по ПРО, безопасность, НАТО, ядерный потенциал, баллистические ракеты.

USA MISSILE DEFENSE: GOOD OR THREAT TO PEACE?

Abstract: The article deals with issues related to US missile defense and the steps taken by the Russian leadership to confront this system. It shows the actions of Russia to strengthen the army and navy, the creation of new types of weapons. The processes associated with the creation of missile defense in Europe are analyzed.

Key words: European missile defense, confrontation, ABM Treaty, security, NATO, nuclear potential, ballistic missiles.

Казалось бы, холодная война давно закончилась и Россия может спокойно решать свои внутригосударственные проблемы. Но, к сожалению, этого не случилось: между нашей страной и США снова проявились серьезные противоречия. В первую очередь они касаются вопросов безопасности, в данном случае, в рамках затронутой темы, – отсутствия гарантий неиспользования системы американской ПРО против России.

Одной из острых проблем между Россией и Североатлантическим альянсом продолжает оставаться размещение элементов глобальной системы противоракетной обороны вблизи границ Российской Федерации. Изначально вопрос стоял на повестке дня еще советско-американских отношений. Тогда, в 1972 г., между СССР и США был подписан Договор о противоракетной обороне, в соответствии с кото-

рым страны обязались не создавать общенациональных систем защиты от ядерного нападения. Договором допускалось лишь прикрытие двух ограниченных районов: столицы и района дислокации баллистических ракет радиусом 150 км [1]. Ограничения были связаны с необходимостью сдерживать гонку вооружений не только в области стратегических наступательных сил, но и в сфере оборонительных вооружений.

Несмотря на попытки США развивать систему противоракетной обороны в 1980-е годы, когда администрацией президента Р. Рейгана была принята, но так и не реализована Стратегическая оборона инициатива (СОИ), в целом договор продолжал регулировать отношения Москвы и Вашингтона в этой области вплоть до конца XX века. Однако в 2001 г. руководство США приняло решение о выходе из соглашения по ПРО, договор был денонсирован в 2002 г. США объявили свои действия необходимостью строительства более надежной системы ПРО (т.н. ЕвроПРО) в связи с возросшей угрозой со стороны так называемых «стран-изгоев» (Иран, Северная Корея). В Вашингтоне полагали, что эти государства могут получить доступ к ядерным технологиям и разработать в недалеком будущем собственное оружие массового уничтожения (ОМУ) и средства его доставки.

В России, напротив, полагали, что выход США из Договора по ПРО будет подрывать систему взаимного ядерного сдерживания и отрицательно сказываться на международной безопасности. Кроме того, в Москве высказывались опасения, что американская система ПРО будет направлена вовсе не против «стран-изгоев», а против Российской Федерации, которая обладает ядерным потенциалом, сопоставимым с США [2]. В качестве доказательства российские эксперты часто приводили в пример американскую концепцию «быстрого глобального удара», которая на первом этапе предусматривает уничтожение большей части российского ядерного потенциала, а уже затем ликвидацию небольшого количества ответно запущенных ракет с помощью системы ПРО. Концепция была утверждена Президентом США в 2003 г., а через несколько лет объявили о создании глобального ударного командования ВВС США [3].

Таким образом, поначалу проблема ПРО непосредственно как бы не касалась отношений России с НАТО, а затрагивала лишь сферу сугубо российско-американских отношений. Но разногласия между странами, естественно, оказали отрицательное влияние и на характер российско-натовского партнерства, которое с 2000-х годов постепенно пошло на спад.

После выхода из договора по ПРО Соединенные Штаты обнародовали планы создания третьего позитивного района [4], который должен быть размещен в странах Центральной и Восточной Европы: на этом этапе в Польше предполагалось дислоцировать 10 ракет-перехватчиков, а в Чехии – радиолокационную станцию [5]. Конечно, 10 противоракет в Польше и РЛС в Чехии не могли существенно ослабить российский ядерный потенциал, однако Москву в большей степени беспокоила сама возможность дальнейшего развития и совершенствования американской системы ПРО. Россия не без оснований опасалась, что если США будут постепенно увеличивать количество ракет-перехватчиков и радаров, то рухнет система гарантированного взаимоуничтожения, сложившаяся еще в советские годы, и Соединенные Штаты получат существенное преимущество над РФ в сфере атомного оружия.

Как и в случае с расширением НАТО на Восток, Россия считала появление вблизи ее границ элементов ПРО попыткой США обеспечить свои интересы за счет снижения уровня нашей безопасности. В качестве ответного шага уже тогда обсуждалась возможность размещения в Калининградской области комплексов «Ис-

кандер», способных нейтрализовать американские противоракеты. Другими ответными мерами могли стать выход Москвы из Договора о ликвидации ракет средней и малой дальности (РСМД), а также отказ от запланированного ранее сокращения трех ракетных полков под Козельском. Об этом, в частности, было заявлено Президентом РФ в послании Федеральному Собранию в 2008 году (подр. см.: [6]).

Если хоть отчасти допустить, что инициатива США действительно носит оборонительный характер и направлена, пусть даже одновременно с Россией, против Ирана, то и тогда возникает множество вопросов. Среди военных экспертов до сих пор нет единого мнения о том, насколько и в этом случае оправдано размещение элементов американской ПРО в Восточной Европе. В целом в России полагают: идеальным местом для подобной обороны была бы не Польша, а Турция — в силу ее географического положения. Попытки же США дислоцировать систему в Восточной Европе логично и обоснованно рассматриваются в Москве как способ ослабить российский ядерный потенциал. Однако некоторые зарубежные специалисты считают, что система ПРО не должна располагаться слишком близко от места предполагаемого пуска баллистических ракет, целесообразно разместить ее на некотором удалении от Ирана.

Как бы то ни было, проблема ЕвроПРО стала одним из катализаторов ухудшения отношений России и США. В российском экспертном сообществе особенно обострилась дискуссия на эту тему после публикации в американском журнале *Foreign Affairs* в марте 2006 г. статьи о том, что США в скором времени фактически получат абсолютное ракетно-ядерное превосходство над РФ и КНР, отпадет сама необходимость ядерного сдерживания. По мысли авторов, система ПРО будет нужна Америке лишь для уничтожения единичных ракет, которые могут быть запущены Россией после массированного превентивного ядерного удара со стороны США. Некоторые эксперты посчитали такой сценарий нереалистичным [7], другие же сочли его доказательством агрессивных намерений Вашингтона и призвали принять безотлагательные комплексные меры политического и военно-стратегического характера, включая переоснащение российского ядерного арсенала [8].

В 2007 г. Российская Федерация выступила с инициативой создания совместной российско-американской системы ПРО, способной защитить от гипотетических ближневосточных угроз. Для этого было предложено использовать расположенную на севере Азербайджана российскую Габалинскую РЛС, к тому моменту уже закрытую. Но в тот период США оставили инициативу РФ без ответа и не изменили планов по размещению элементов ПРО в Восточной Европе. Было заявлено, что Габалинская РЛС устарела и не обладает необходимыми техническими характеристиками.

В 2009 г., после прихода в Белый дом Барака Обамы, политика США в сфере ЕвроПРО претерпела некоторые изменения. Новая администрация 17 сентября 2009 г. заявила об отказе от размещения третьего позиционного района в Польше и Чехии, которое планировал предыдущий президент Джордж Буш-Младший. В России это изменение многие аналитики сначала расценили позитивно [9], однако вскоре стало известно, что речь шла не об отмене плана создания ЕвроПРО, а лишь о его модификации.

По сути Барак Обама предложил даже более современную и гибкую систему противоракетной обороны, чем его предшественник. В итоге приняли четырехэтапный план развертывания ПРО в Европе, известный как «фазовый адаптивный подход». Его окончательная реализация запланирована на 2020 год. Предусмотрено размещение на территории европейских союзников как стационарных, так и мо-

бильных комплексов противоракетной обороны, которые можно оперативно перебрасывать в район возникновения угрозы, причем они менее уязвимы для вероятного противника именно в силу своей мобильности. Для достижения этой цели используются силы ВМФ, крейсеры и эсминцы, оснащенные системой «Иджис». Инициативы американского президента многие политики и эксперты в России расценили как очередной шаг, углубляющий российско-американские противоречия в сфере ПРО [10].

В рамках первого этапа завершено уже к концу 2011 г., о чем официально объявили на саммите НАТО 2012 года в Чикаго, развернуты элементы ЕвроПРО морского базирования (корабли с информационно-управляющей системой «Иджис» на борту), а также РЛС в Турции. В то время на вооружении США находилось более 100 противоракет класса SM-3, а к 2020 г. их количество доведут до 678. Ракеты этого типа часть специалистов считает наиболее опасными для ядерного потенциала РФ.

Второй этап включает, среди прочего, развертывание перехватчиков SM-3 Block IB в Румынии в 2015 г. Соглашение о размещении наземной системы «Иджис» на военной базе в Девесолу Вашингтон и Бухарест подписали в мае 2011 г., а в конце 2013 г. в Румынии начались работы по строительству объектов ЕвроПРО.

На третьем этапе запланировано: 1) размещение ракет-перехватчиков средней дальности в Польше в 2018 г.; 2) совершенствование системы ЕвроПРО в Румынии с целью более широко покрытия территории Европы; 3) создание космической системы, способной отслеживать большее количество баллистических ракет одновременно. Реализация именно третьего этапа, по оценке ряда экспертов, представляет наибольшую угрозу для российских сил ядерного сдерживания.

Наконец, на завершающем (четвертом) этапе предполагалось дополнить к 2020 г. созданную систему, развернув перехватчики SM-3 Block IB в Польше и Румынии, однако впоследствии в США решили отказаться от реализации сегодня последнего этапа развертывания ЕвроПРО.

Дело в том, что после прихода к власти в КНДР молодого руководителя и проведенных в Северной Корее испытаний – пуска ракет и ядерных взрывов – американцы в ускоренном темпе и не считаясь с протестами значительной части жителей стали укреплять противоракетными системами оборону Японии и Южной Кореи. Проводятся дополнительные работы и по совершенствованию ПРО на Западном побережье самих США – на базах «Форт Грили» (Аляска) и «Ванденберг» (Калифорния).

Хотя США отложили на определенный срок размещение элементов ПРО в Европе, они вовсе не отказались от планов создания эффективной защиты от ракетного нападения. Российские эксперты отмечают: ЕвроПРО продолжает оставаться «священной коровой» американского политического и военного руководства и в конечном итоге не подлежит сокращению. Тут не будет помехой ни глобальный финансовый кризис, ни проблема «потолка» государственного долга или неблагоприятная экономическая ситуация в целом [11]. В своей окончательной конфигурации ЕвроПРО должна представлять собой совокупность средств перехвата баллистических ракет на малых и больших высотах, а ее важнейшими элементами будут радиолокационные станции, средства управления и командования.

Если говорить о политической составляющей, то постепенно проблема размещения элементов противоракетной обороны в Европе приобрела многосторонний характер, став предметом разногласий не только между Россией и США, но и между РФ и Североатлантическим альянсом в целом.

По мнению некоторых военных экспертов, развернутые компоненты ПРО уже к середине 2012 г. обезопасили территорию США и их союзников от одиночных баллистических ракет, но американская сторона продолжает вкладывать средства в модернизацию противоракетной системы [12]. В связи с этим Президент РФ В.В. Путин в октябре 2015 г. заявил, что Россия намерена разработать такие системы ударных вооружений, которые будут способны преодолеть любую систему противоракетной обороны [13].

Выступая 1 марта 2018 г. перед депутатами обеих палат Федерального Собрания РФ, В.В. Путин почти половину своего послания посвятил вопросам обороноспособности страны. Он подчеркнул, что эта тема сейчас особенно актуальна именно с учетом новостей о 400 противоракетах, поставленных на дежурство вблизи границ России. «Гвоздем» же его послания стала информация о новых видах российского вооружения. Президент, в частности, отметил, что за последние годы проведена огромная работа по укреплению армии и флота. Их оснащенность современным оружием возросла в 3,7 раза. На вооружение принято 300 новых образцов военной техники. В состав стратегических ядерных сил поступило 80 новых межконтинентальных баллистических ракет, 102 баллистические ракеты для подводных лодок, 3 ракетных подводных крейсера стратегического назначения «Борей». Оснащены новым ракетным комплексом «Ярс» 12 ракетных полков. Количество носителей высокоточного оружия большой дальности увеличилось более чем в 12 раз, в том числе высокоточных крылатых ракет – в 30 раз. Значительно возросла оборонная мощь сил общего назначения, Военно-космических сил и Военно-морского флота [14].

О причинах, по которым приходится тратить на оборону огромные средства, В.В. Путин сказал, что «мы долго уговаривали США не разрушать Договор о ПРО, не нарушать стратегический баланс. Попытались наладить с ними конструктивный диалог, все тщетно. Тогда мы заявили, что будем вынуждены для обеспечения своей собственной безопасности совершенствовать современные ударные комплексы. В ответ нам было сказано: “США создают систему глобальной ПРО не против вас, не против России, а Вы делайте что хотите”». В общем, подытожил В.В. Путин, «с нами никто по существу не хотел разговаривать, нас никто не слушал. Послушайте сейчас» Далее он пояснил, что американская противоракетная оборона рассчитана на борьбу с баллистическими целями, но наши военные противопоставят этому эффективные средства преодоления любой ПРО, причем новейшие разработки российских ученых последних лет. (Они были показаны на экране.) Речь идет о ракете «Сармат», малогабаритной сверхмощной крылатой ракете с ядерной энергетической установкой; высокоточном гиперзвуковом авиационном ракетном комплексе «Кинжал»; боевых лазерных комплексах [14].

Впрочем, военную часть послания В.В. Путин закончил на миролюбивой ноте: «мы никому не угрожаем, ни на кого не собираемся нападать. Растущая военная мощь России – это надежная гарантия мира на нашей планете». Обращаясь к лидерам других держав, он добавил, что надо прекратить раскачивать лодку, в которой мы все находимся и которая называется «Планета Земля».

В общем, подводя итог сказанному, вместе с нашим президентом приходишь к выводу: надо снова и снова садиться за стол переговоров и вместе думать над обновленной, перспективной системой международной безопасности и устойчивого развития цивилизации. Конечно, позиция руководства США и ряда иных западных держав вызывает много вопросов, а подчас вообще ставит под сомнение их договороспособность по состоянию на сегодня. Но иного пути просто нет: договариваться необходимо.

Источники и литература

1. По протоколу 1974 г. к Договору об ограничении систем ПРО количество районов было сокращено до одного. В СССР это была Москва, в США – база Гранд-Форкс.
2. *Гражданкин С., Пахний И.* Глобальная система ПРО США – прямая угроза национальной безопасности России // *Обозреватель – Observer*. 2008. № 12. С. 110.
3. *Штоль В.В.* НАТО: вымыслы и реальность // Там же. 2011. № 10. С. 75.
4. Первый позиционный район ПРО расположен на базе Форт-Грили (Аляска), второй – на базе Ванденберг (Калифорния).
5. *Захаров В., Зиневич Н., Мальцев В.* Элементы ПРО в Польше и Чехии – шаг Вашингтона по созданию глобальной системы ПРО // *Обозреватель – Observer*. 2009. № 2. С. 77.
6. *Айдамиров А.М.* Перспективы партнерства Россия – НАТО и позиция США // Там же. 2010. № 4. С. 83.
7. *Рогов С.М.* Вызов ПРО – что предпринять в ответ? // *Независимое военное обозрение*. 2007. № 9. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.militaryarticle.ru/nezavisimoe-voennoe-obozenie/nvo-2007/17614-vyzov-pro-chto-predprinjat-v-otvet> – Дата обращения: 5 апр. 2018.
8. *Белов П.* Американская ПРО как главный вызов национальной безопасности России // *Обозреватель – Observer*. 2008. №4. С. 56.
9. *Айдамиров А.М.* Перспективы партнерства Россия – НАТО и позиция США // Там же. 2010. № 4. С. 85.
10. *Козин В.П.* ЕвроПРО: тупик, из которого еще можно найти выход // *Международная жизнь*. 2012. № 7. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://studbooks.net/2232135/ekonomika/vvedenie> – Дата обращения: 5 апр. 2018.
11. *Кубышкин А., Степанов В.* Глобальная система ПРО США в контексте стратегической стабильности // *Обозреватель – Observer*. 2012. № 12. С. 52.
12. Там же. С. 55.
13. Путин: Россия будет развивать ударные системы, способные преодолевать любые системы ПРО. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tass.ru/politika/2423417>, 22.11.2015 – Дата обращения: 5 апр. 2018.
14. Аргументы и факты. 2018. № 10. С. 4.

А.В. Борисов

ГУМАНИТАРНАЯ ПОМОЩЬ КАК УГРОЗА МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Алексей Владимирович Борисов,
*кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры политологии и политической
философии Дипломатической академии МИД России.*

Аннотация: Предмет анализа – негативное воздействие на международную безопасность сложившейся практики оказания гуманитарной помощи и деятельности международного гуманитарного сообщества. Усилия ООН по регламентации гуманитарной помощи являются зачастую не более чем претензией на управление процессом ее оказания.

Ключевые слова: гуманитарная: помощь, система, страхование; гуманитарное сообщество; ООН, международные неправительственные гуманитарные организации.

HUMANITARIAN ASSISTANCE AS A THREAT TO INTERNATIONAL SECURITY

Abstract: The analysis the negative impact on international security of the established practice of providing humanitarian aid and the activities of the international humanitarian community. The author pointed out that the efforts of the United Nations to regulate humanitarian aid are no more than a claim to manage the process of its provision.

Key words: humanitarian: assistance, system, insurance; humanitarian community; international security; UN, international non-governmental organizations.

Прежде всего, надо сразу уточнить: в контексте понятия «угроза» речь идет не о помощи как таковой, а о сложившейся глобальной гуманитарной системе, которую состоявшийся в 2016 г. в Стамбуле Всемирный гуманитарный саммит признал несостоятельной. Даже такие организации, как Oxfam international и Mercy Corps, входящие в «большую пятерку» по объемам финансирования и привлекаемых ресурсов [1], заявляют о необходимости поставить систему с головы на ноги [2].

У глобальной гуманитарной системы относительно короткая история. В 1991 г. Генеральная Ассамблея ООН принимает резолюцию «Укрепление координации в области чрезвычайной гуманитарной помощи Организации Объединенных Наций», где прямо указано, что гуманитарная помощь «должна оказываться в соответствии с принципами гуманности, нейтралитета и беспристрастности». Позднее к ним будет добавлен принцип независимости. Решение Генеральной Ассамблеи отразило претензии ООН на роль органа глобального управления этим процессом.

Иллюзия возможности такого управления (единого, причем «независимого», «нейтрального», «беспристрастного») была связана с окончанием холодной войны, в том числе идеологического и политико-дипломатического противоборства не только государств, но и общественных организаций в области гуманитарной деятельности. «Организация Объединенных Наций призвана играть главную и уникальную роль в обеспечении руководства усилиями международного сообщества по поддержке пострадавших стран и координации этих усилий... Следует предо-

ставить в ее распоряжение ресурсы, соответствующие будущим потребностям» [3]. Если до девяностых годов двадцатого столетия гуманитарная деятельность во многих своих сегментах была уделом частных лиц, сообществ волонтеров и негосударственных организаций, то в 1991 г. ООН заявляет претензию на определение ее форм, источников и бенефициаров.

Конечно, координация усилий разношерстного гуманитарного сообщества в принципе возможна лишь при определении «правил игры». Но если эти правила прозрачны и выполнимы, то роль гуманитарного координатора будет незначительной, а сам он лишится возможности устойчиво реализовывать собственный интерес. Потому в качестве основ гуманитарной деятельности принимаются принципы, провозглашенные Международным комитетом Красного Креста (МККК) в 1965 г.

Принципы МККК основаны, по заявлению его президента, Петера Маурера, «на противостоянии воли государств» [4]. В то же время сами по себе беспристрастность, нейтральность и независимость слабо применимы к практике обеспечения международной безопасности и приводят к консервации гуманитарных кризисов. Так, по состоянию на 2017 г., 50 государств-реципиентов (более 88%) получали гуманитарную помощь в течение пяти лет, а 44 (72%) – более 10 лет [5]. При этом растет и количество организаций, предоставляющих такую помощь. Если в 1990 г. их насчитывалось 680, то в 2015 г. действует более 4,5 тыс. организаций [6].

Подобный рост связан с тем, что:

– во-первых, применение принципов МККК в сфере гуманитарной помощи способствует, как уже отмечено, поддержанию «на плаву» и воспроизводству гуманитарных кризисов. С одной стороны, система помощи компенсирует слабость авторитарных государств и высвобождает их ресурсы для проведения репрессивной политики, с другой, позволяет негосударственным вооруженным формированиям использовать гуманитарную помощь как ресурс для вербовки новобранцев или шантажа населения, проживающего в оккупированных районах. Это обеспечивает поток финансирования, основным модератором которого выступает ООН, точнее, семь ее гуманитарных агентств, которые вместе с Save the Children и МККК поглощают 73,9% всего объема ресурсов [7];

– во-вторых, названные принципы выступают основой регуляции доступа на «гуманитарный рынок», а в силу их неприменимости в реальной жизни позволяют «регулятору», то есть ООН, самостоятельно определять, кто может быть бенефициаром гуманитарного финансирования, чье присутствие в зоне гуманитарного реагирования легитимно, кто имеет право на защиту со стороны международного сообщества.

Следует отметить, что самостоятельность координатора ограничена. Франсуа Бюньон в своей масштабной работе по истории МККК указывает на опасность неконтролируемого расширения гуманитарного сообщества, заявляя, что МККК для успешного выполнения своих функций должен рассчитывать на регулярность финансовых поступлений [8].

Со структурами ООН происходит то же самое: 90% их доноров – государства, частное финансирование колеблется в пределах оставшихся 10% (8% в 2013 и 2014 гг., 6% в 2012 г.). Из всего объема донорской помощи более 50% формируется за счет взносов США, Великобритании и ЕС [9], которые, манипулируя финансированием, могут использовать и используют регулятора в собственных интересах, поддерживая принципы организации системы как исключительно высокие градиентные барьеры для потенциальных участников гуманитарной деятельности. Наличие зависимого регулятора устраивает лидеров мирового сообщества, позво-

для использовать гуманитарную помощь в качестве инструмента достижения геополитических целей, оставаясь в тени и избегая репутационных потерь.

Однако считать лишь государства основными «интересантами» системы гуманитарной помощи будет не совсем справедливо. Гуманитарная деятельность сама порождает заинтересованную инфраструктуру – финансовую (прежде всего – страховую), логистическую, безопасности и т.п. Возьмем в качестве примера страхование. В 2006 г. рождается гуманитарное страхование: Всемирная продовольственная программа ООН, страхуя риск неурожая в Эфиопии, заключает первую сделку с французской компанией AXE Re, входящей в группу AXE [9]. Но страхуются не только такие гуманитарные риски, как неурожай, засухи, наводнения. В настоящее время группа компаний Bellwood Prestbury предоставляет, скажем, услуги «гуманитарного» страхования международным благотворительным организациям, гуманитарным НПО, всем, кто работает в зонах повышенного риска, где стандартное страхование не действует [10]; [11]. Можно застраховать даже и репутационные риски [11]. Страховой рынок постоянно расширяется. Его объем нельзя оценить в связи с закрытостью информации о «гуманитарном» финансировании. Но трудно предположить, что компании, готовые платить многомиллионные (в долларовом эквиваленте) страховые премии, устроятся от контроля за деятельностью своих клиентов.

МККК, выпустивший в 2017 г. пятилетние «гуманитарные облигации», привлек 22 млрд долл. частных инвесторов, в том числе и New Re из группы Munich Re (Munich Reinsurance Company) [12], одной из ведущих страховых компаний мира, частью которой является благотворительный фонд Munich Re Foundation с объемом финансирования около 50 млн евро. Направления деятельности фонда, по его собственным заявлениям, включают: «образование и подготовку кадров, науку и исследования, предотвращение стихийных бедствий, защиту окружающей среды и общественное здравоохранение» [13]. Замыкается круг – те, кто страхует «гуманитарные риски», инвестируют в гуманитарную деятельность в надежде извлечь доход. Кто может предположить, что данные структуры стоят в стороне?

Представленный исследовательским проектом «Local2Global Protection» при поддержке Integrated Regional Information Networks и охватывающий период с 2000 по 2014 г., отчет «Гуманитарная экономика: куда уходят все деньги?» открывается фразой: «Экономика гуманитарной помощи объемом 156 млрд долларов США подвергается справедливой критике за то, что она является структурно устойчивой к изменениям, разнообразию, конкуренции и включению местных благотворительных организаций. Донорам и международным НПО нравится настаивать на прозрачности и благом управлении в странах, в которых они работают, но насколько хорошо мы представляем, где и как тратятся деньги, предназначенные для помощи?» [14]. По данным той же организации за 2016 г., местным благотворительным и гуманитарным организациям в Сирии, выполняющим около 75% всех гуманитарных задач, достается порядка 1% от общего объема их международного финансирования [15].

Предоставление помощи должно способствовать выходу из ситуации, при которой государство, гарантировавшее в той или иной степени минимальные стандарты выживания человека, оказывается неспособным исполнить гарантии или же само представляет угрозу. Но помощь продолжается не столько из-за слабости государства-реципиента, сколько в связи с заинтересованностью основного донора, предоставляющего ресурсы и контролирующего медийную активность глобальных НПО.

Проблема в том, что нынешняя гуманитарная система ООН неприменима в условиях стабильного мира и устойчивости государств. Актуализация гумани-

тарной помощи, сопровождающаяся ростом числа гуманитарных организаций и их бюджетов, происходит в периоды глобальных трансформаций, распада сложившегося ранее миропорядка, ослабления, а зачастую и разрушения ряда стран. Это бизнес, возможный в условиях общей нестабильности и ее поддерживающий.

Сегодня продолжают актуально звучать слова Жана Симона Пикте (1914–2002), многолетнего члена руководства МККК, сказанные по поводу первой кодифицированной доктрины комитета: «В этом тексте по-прежнему не было самого важного принципа, принципа гуманности». К сожалению, его нет и поныне.

Источники и литература

1. Médecins Sans Frontières, Save the Children, Oxfam, World Vision, International Rescue Committee (IRC). Именно они, составляя менее 0,1% от числа неправительственных гуманитарных организаций, поглощают порядка 36% (ок. 3,4 млрд долл. в 2016 г.) их прямого финансирования.
2. Секретариат Всемирного саммита по гуманитарным вопросам. Восстановление гуманности: общие сведения о процессе консультаций в рамках подготовки к Всемирному саммиту по гуманитарным вопросам. Нью-Йорк: Организация Объединенных Наций, 2015. С. 96–98.
3. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/46/182.
4. «Красный Крест основан на противостоянии воле государств» // Наша газета. Швейцарские новости на русском языке. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nashagazeta.ch/news/15302> – Дата обращения: 19 апр. 2018.
5. Global humanitarian assistance report 2017. Development Initiatives Ltd., 2017. P. 58–60.
6. The State of The Humanitarian System. 2015 edition. ALNAP Study. London: ALNAP/ODI, 2015. P. 38.
7. The Humanitarian Economy. Where is all the money going? // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://newirin.irinnews.org/the-humanitarian-economy/> – Дата обращения: 17 апр. 2018.
8. Бюньон Ф. Международный комитет Красного Креста и защита жертв войны (пер. с французск.). М.: Изд-во МККК, 2005. С. 1363–1364.
9. The State of The Humanitarian System. 2015 edition. ALNAP Study. London: ALNAP/ODI, 2015. P. 41.
10. World's first humanitarian insurance policy issued // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.wfp.org/node/598> – Дата обращения: 23 апр. 2018.
11. Bellwood Prestbury (офиц. сайт) – Режим доступа: <https://www.bellwoodprestbury.com/industries/humanitarian-ngo/> – Дата обращения: 23 апр. 2018.
12. Allen Kate Red Cross launches «humanitarian impact bond» // The Financial Times. September 8, 2017. – Режим доступа: <https://www.ft.com/content/8d82241d-096b-313e-91d8-786ba99d2073> – Дата обращения: 20 апр. 2018.
13. Munich Re Foundation (офиц. сайт). – Режим доступа: <http://www.munichre-foundation.org/home/About-us/PurposeOfTheFoundation.html> – Дата обращения: 20 апр. 2018.
14. The Humanitarian Economy. Where is all the money going? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://newirin.irinnews.org/the-humanitarian-economy/> – Дата обращения: 17 апр. 2018.
15. Els Christian, Mansour Kholoud, Carstensen Nils Funding to national and local humanitarian actors in Syria: Between sub-contracting and partnerships. L2GP, May 2016. P. 3.

В.Г. Кикнадзе

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ РАСПРОСТРАНЕНИЮ ИДЕОЛОГИИ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Владимир Георгиевич Кикнадзе,
*доктор исторических наук, доцент,
гл. научный сотрудник Департамента политологии
Финансового университета при Правительстве РФ,
академический советник Российской
академии ракетных и артиллерийских наук,
заместитель директора Московского морского
кадетского корпуса «Навигацкая школа».*

Аннотация: Анализ управленческой и законотворческой деятельности, нормативно-правовой базы и ее имплементации в области обеспечения информационной безопасности РФ, связанной с профилактикой экстремизма и противодействием терроризму за 2012–2017 гг., включая алгоритм взаимодействия госорганов и граждан России при проверках средств массовой информации на предмет публикаций экстремистского характера.

Ключевые слова: преступления экстремистской направленности, терроризм, средства массовой информации (СМИ), информационно-телекоммуникационные сети, Интернет, эффективность блокировок информационных ресурсов, федеральный закон.

COUNTERACTION TO THE SPREAD OF THE IDEOLOGY OF EXTREMISM AND TERRORISM BY USING INFORMATION TECHNOLOGIES

Abstract: The analysis of administrative and legislative activity, the regulatory and legal framework and its implementation in the field of federal, public and information security of the Russian Federation related to the prevention of extremism and counter terrorism for 2012–2017 is presented, including the algorithm of interaction between state bodies and citizens of Russia in carrying out inspections of the media for the publication of information of an extremist nature.

Key words: extremist crimes, terrorism, the media, information and telecommunications networks, the Internet, the effectiveness of locks of information resources, federal law.

Экстремизм и терроризм относятся к категории наиболее сложных из современных проблем международной безопасности и в полной мере проявляются как социально-политические проблемы, представляющие угрозу безопасности российского государства и общества. Связано это в первую очередь с многообразием экстремистских проявлений, неоднородным составом организаций экстремистской направленности, которые оказывают дестабилизирующее влияние на социально-политическую обстановку в России. Поэтому в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (п. 43) деятельность, связанная с использованием информационных и коммуникационных технологий для распространения и пропаганды идеологии фашизма, экстремизма, терроризма и сепаратизма, нанесения ущерба гражданскому миру, политической и социальной стабильности в обществе, отнесена к основным угрозам государственной и общественной безопасности.

На расширенной коллегии Генеральной прокуратуры 15 февраля 2018 года Президент России В.В. Путин не только подвел итоги деятельности ведомства за 2017 год, но и подчеркнул, что следует как и прежде уделять самое серьезное внимание противодействию экстремизму. «В прошлом году число подобных преступлений выросло почти на 5% по сравнению с 2016 годом. Отмечу, что четыре года назад Генеральная прокуратура получила полномочия по блокировке сайтов, содержащих информацию экстремистского характера. За эти годы по требованию прокуроров заблокировано свыше трех тысяч интернет-страниц. С более чем 70 тыс. сайтов удалены прямые призывы к экстремистской деятельности. Нужно продолжать такую системную работу по противодействию распространению радикальной идеологии, которая представляет серьезную угрозу для нашего общества и страны» [1].

Анализ статистической отчетности позволил выявить негативную тенденцию роста преступлений экстремистской направленности (ПЭН) в России в 2012–2017 гг. с 58 до 140 в месяц (см. рис. 1).

Рисунок 1. Динамика преступлений экстремистской направленности в Российской Федерации в 2012–2017 гг.

Такая тенденция прослеживается и при анализе сведений Генпрокуратуры России за 2010–2014 гг. в большинстве (84%) субъектов Федерации. В 2016 и 2017 гг. наблюдается рост преступлений против основ конституционного строя (50,4 и 57,3 в месяц соответственно) и публичных призывов к экстремистской деятельности (25,4/28,0), чему в немалой степени способствует современный уровень развития информационных и коммуникационных технологий (см. рис. 2). Следовательно, информационная безопасность остается одним из приоритетных направлений в системе обеспечения национальной безопасности.

Рисунок 2. Динамика преступлений против основ конституционного строя в Российской Федерации и публичных призывов к экстремистской деятельности в 2016–2017 гг.

Еще одной негативной тенденцией является ежегодный рост (с 275 до 480) числа зарегистрированных ПЭН, которые находились в производстве с предыдущего отчетного периода (см. рис. 1). Во-первых, это — явный признак низкой эффективности работы по раскрытию данного вида преступлений; во-вторых, — с учетом тенденции роста ПЭН, — основание полагать, что риски повышения конфликтности в России в ближайшее время могут перерасти в полноценную угрозу национальной безопасности.

Данные по регионам показывают: за исключением Приволжского федерального округа (далее — ФО), где снижение количества ПЭН отмечается в Республике Башкортостан, во всех остальных федеральных округах отмечена отрицательная статистика по ПЭН.

Статистической отчетность МВД России позволяет прогнозировать дальнейшее снижение доли преступности учащихся и студентов в общей преступности, что отмечается как положительная тенденция: число учащихся и студентов, совершивших преступления, сократилось с 4,9 тыс. в месяц в 2012 г. до 3,6 тыс. в 2017 г., а их доля среди лиц, совершивших преступления за этот же период — с 5,9% до 4% (см. рис. 3).

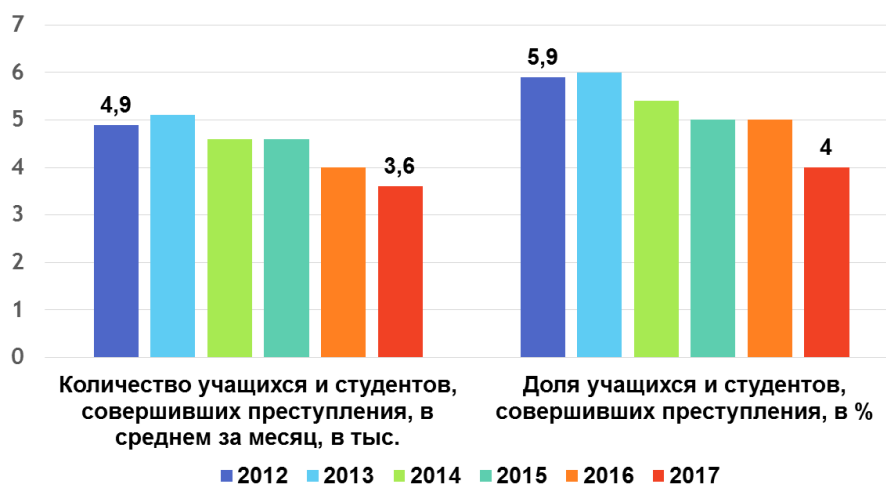

Рисунок 3 Динамика преступности учащихся и студентов образовательных учреждений Российской Федерации в 2012–2017 гг.

Следует обратить особое внимание на неснижаемо высокий удельный вес несовершеннолетних лиц, совершивших преступления (73–79%). Это — тревожный сигнал, в том числе свидетельствующий о сохранении высокого протестного потенциала российской молодежи. В этой связи полагаем актуальным для регионов России опыт Ростовской области, где в результате реализации региональной долгосрочной целевой программы «Профилактика экстремизма и терроризма на 2012–2014 гг.» удалось снизить уровень преступности среди несовершеннолетних учащихся на 4,5–15%.

Важный результат анализа статистической отчетности МВД — выводы об основной категории лиц, совершающих преступления в России. Тут «лидируют» лица, не имеющие постоянного источника дохода (ПИД), и безработные, доля которых в 2016–2017 гг. составляла 66–67%. Значителен потенциал групповой преступности (лица, совершившие преступления в составе группы, группы лиц по предварительному сговору, организованной группы или преступного сообщества). Их доля — порядка 12–14% (см. рис. 4).

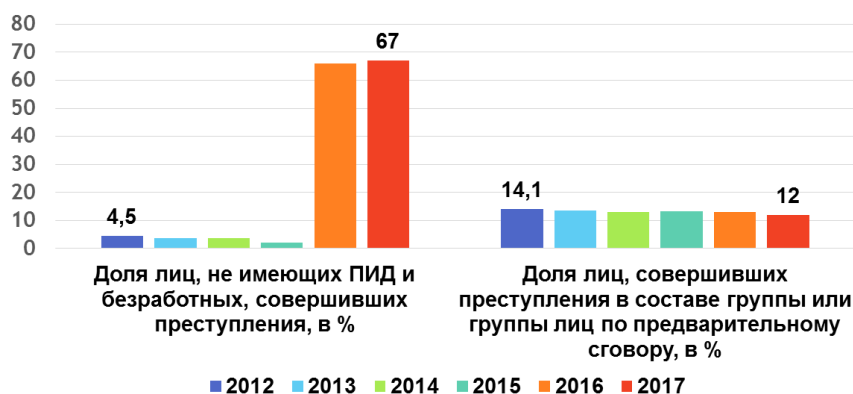

Рисунок 4. Динамика преступности среди безработных и лиц, не имеющих постоянного источника дохода, и групповой преступности в Российской Федерации в 2012–2017 гг.

В 2014 году в целях уточнения и конкретизации положений Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» и Стратегии национальной безопасности до 2020 года была разработана Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (утверждена Президентом России 28.11.2014 г., ПР-2753). В документе отмечалось, что за последние годы увеличилось число внешних и внутренних экстремистских угроз. Наиболее опасные виды экстремизма проявляются путем распространения призывов к насильственным действиям, прежде всего через информационно-телекоммуникационные сети (ИТС), включая сеть «Интернет» (п. 11). В Стратегии отмечалась, что ИТС, включая Интернет, стали основным средством коммуникации для экстремистских и террористических организаций (п. 12). Поэтому среди основных задач государственной политики в сфере противодействия экстремизму были названы совершенствование законодательства РФ и правоприменительной практики (п. 26б), а также меры эффективного информационного противодействия распространению идеологии экстремизма (п. 26в). В частности, предусматривались:

- создание единого реестра запрещенных сайтов и единой базы экстремистских материалов;
- повышение эффективности работы уполномоченных органов государственной власти по выявлению и пресечению изготовления, хранения и распространения в СМИ и ИТС экстремистских материалов;
- координация упомянутых мер противодействия распространению экстремистской идеологии в ИТС, включая Интернет (п. 27д).

На втором этапе реализации Стратегии противодействия экстремизму Президент России подписал два федеральных закона (6 июля 2016; вступили в силу 20 июля 2016): «О внесении изменений в Федеральный закон “О противодействии терроризму”» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» (Федеральный закон № 374-ФЗ) и «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» (Федеральный закон № 375-ФЗ). До того оба закона были приняты Государственной Думой (24 июня 2016) и одобрены Советом Федерации (29 июня 2016). Законопроекты подготовили и внесли в Госдуму депутат И.А. Яровая и сенатор В.А. Озеров, в итоге они получили неофициальное название «пакет Яровой» или «антитеррористический пакет».

Посредством внесения изменений в несколько федеральных законов и кодексов оба закона направлены на совершенствование правового регулирования в сфере противодействия терроризму. Например, № 375-ФЗ расширяет перечень преступлений террористической направленности, ответственность за которые наступает с 14-летнего возраста. Кроме того, предусмотрено усиление уголовной ответственности за преступления террористической и экстремистской направленности, уточняется понятие «финансирование терроризма». Уголовный кодекс (УК РФ) дополнили статьей 205.6 «Несообщение о преступлении», устанавливающей ответственность за несообщение в органы власти, уполномоченные рассматривать сообщения о преступлении, о лице (лицах), которое по достоверно известным сведениям готовит, совершает или совершило хотя бы одно из преступлений террористической направленности. Предусмотрена и возможность проводить по решению суда осмотр и выемку электронных сообщений, передаваемых по сетям связи, — при наличии достаточных оснований полагать, что они могут содержать сведения, имеющие значение для уголовного дела.

Наибольший резонанс в российском обществе получили положения «пакета Яровой», реализованные в № 374-ФЗ: требования к операторам связи и организаторам распространения информации в сети Интернет — хранить переписку и переговоры пользователей в течение полугода [2]. В целом негативные оценки «пакета» сводились к формуле: дорогой и опасный для общества, неэффективный, нарушающий права граждан.

Подписав 6 июля 2016 г. соответствующий указ, В.В. Путин в этот же день поручил Правительству РФ и ФСБ подготовить документы, связанные с нововведениями. В частности, до 1 сентября 2016 г. надо было решить, можно ли наладить выпуск в России оборудования для реализации «пакета Яровой» [3], уточнить до 1 ноября 2016 г. график введения норм, требующих затрат от участников рынка, и мониторить ход имплементации закона.

Особое внимание Президент России поручил обратить на уточнение этапов применения норм, требующих существенных финансовых ресурсов и модернизации технических средств хозяйствующих субъектов с учетом необходимости использования отечественного оборудования, уточнив полномочия Правительства и федеральных органов власти в связи с воплощением в жизнь пакета законов. Минпромторгу и Минкомсвязи поручалось проанализировать ситуацию и сформулировать предложения по возможностям, срокам и объемам финансовых затрат; ФСБ — утвердить порядок сертификации средств кодирования при передаче сообщений в Интернете, определив перечень средств, подлежащих сертификации, а также порядок передачи ключей шифрования [4].

В начале 2017 г. необходимость коррекции пакета принятых законов признали в Минэкономразвития и ФАС. В официальном отзыве ФАС, адресованном Экспертному совету, сообщалось, что ведомство обсудит механизм реализации закона, «чтобы не допустить ущемления интересов потребителей и поддержания условий конкуренции на рынке связи» [5].

Можно сказать, что уже сегодня, при наличии многих сложностей и недостатков, принятые федеральные законы заставляют подчас террористов и их пособников задуматься над тем, что они будут преданы суду и понесут справедливое наказание. Так, 16 января 2017 г. в Чечне возбудили первое уголовное дело по статье из «пакета Яровой» (ст. 205.6 УК РФ, «Несообщение о преступлении») в отношении Асхаба Хизриева, не сообщившего правоохранительным органам о планах Фариды Сафина уехать в Сирию для участия в террористической деятельности [5]. По дан-

ной статье 6 февраля 2017 г. вынесли и первый приговор: Улукбека Гафурова признали виновным в том, что, достоверно зная об обучении гражданина Киргизии Равшана Акбарова в лагере боевиков запрещенного в России «Исламского государства» (ИГ), он не заявил об этом [6].

Для выявления и анализа основных проблем взаимодействия власти с институтами гражданского общества при профилактике экстремизма автор изучил механизм соответствующей работы государственных органов Северо-Западного ФО и провел эксперимент на базе Центрального ФО. В результате определены три алгоритма взаимодействия при выявлении экстремистских материалов на первом (до судебном) этапе. Данные алгоритмы (механизмы взаимодействия) зависят от наличия признаков СМИ (зарегистрировано или нет в порядке, установленном ст. 8 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» (далее – Закон «О СМИ»). Совокупно в процессе принятия решения о наличии в информации признаков экстремизма участвует восемь субъектов взаимоотношений: органы разных ветвей государственной власти пяти министерств, ведомств и иных структур (МВД, прокуратура, Роскомнадзор, суды, Минюст); граждане и институты гражданского общества; профессиональные сообщества (лингвисты, психологи); коммерческие организации (операторы связи, СМИ).

Проблему большого количества звеньев в управленческой цепи проверки информации (от трех до пяти органов власти) усугубляет положение, по которому обращения по вопросам наличия в информации признаков экстремизма рассматриваются на тех же условиях, что и другие обращения граждан России, то есть в срок до 30 суток. Безусловно, с учетом современного уровня развития информационных и коммуникационных технологий за сто дней последующей проверки информации экстремистского характера она может распространиться в неконтролируемом масштабе и достигнуть своей цели. Такой подход не соответствует требованиям обеспечения национальной безопасности.

В конце 2016 года Россия получила новую теоретико-методологическую опору, ориентир и своего рода «оружие» для противодействия всем враждебным силам в информационной войне. Президент РФ Указом от 5 декабря 2016 г. № 646 утвердил Доктрину информационной безопасности Российской Федерации. Как одно из главных направлений действий в документе обозначено предотвращение военных конфликтов, которые могут возникнуть в результате применения информационных технологий. Стратегическими целями доктрины определены: защита суверенитета, поддержание политической и социальной стабильности, территориальной целостности России, обеспечение основных прав и свобод человека и гражданина, а также защита критической информационной инфраструктуры. Речь идет и о дискриминации российских СМИ за рубежом (напомним: Европарламент принял за две недели до этого, 23 ноября 2016 г., резолюцию о противодействии российским СМИ).

Сложившаяся с 2012 г. практика применения мер по ограничению доступа к небезопасным информационным ресурсам, сайтам, страницам сайтов в интернет-сети выявила к 2017 г. недостаточную эффективность блокировок – полностью достичь целей не удавалось. Этому, в частности, препятствовала возможность использовать технологии, позволяющие получить доступ к заблокированным информационным ресурсам (технологии «обхода блокировки»). С целью повышения эффективности воздействия на поведение субъектов информационных правоотношений Президент России подписал 29 июля 2017 г. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите

информации»» (№ 276-ФЗ), который вступил в силу 1 ноября 2017 г., установив механизм ограничения доступа к информационным ресурсам на основании решений Роскомнадзора и отменив положения, регулирующие распространение блогерами общедоступной информации в интернет-сети.

В том же 2017 г. были разработаны Рекомендации по работе библиотек с документами, включенными в федеральный список экстремистских материалов (ФСЭМ), опубликованный на сайте Минюста (утверждены первым заместителем министра культуры РФ 12 сентября 2017 г.). Документом, в частности, определен порядок выявления определенных интернет-ресурсов и ограничения доступа к ним с компьютеров библиотек.

Принятие 25 ноября 2017 г. Федерального закона № 327-ФЗ «О внесении изменений в статьи 10.4 и 15.3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статью 6 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» стало ответной мерой на притеснение российских СМИ в США и, в частности, признание RT America иностранным агентом. Теперь СМИ, получающие иностранное финансирование, могут быть и в РФ признаны «иностранном агентом», а значит, — ежеквартально отчитываться Минюсту России о своей деятельности, доходах и расходах, сопровождая публикации пометкой «иностраный агент». Законом предусмотрена также процедура внесудебной блокировки сайтов нежелательных организаций.

Первоначально еще в 2014 г. касательно СМИ, получающих финансовую и иную поддержку из иностранных источников, был разработан проект Федерального закона № 535071-6 «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О СМИ» в части введения статуса средства массовой информации — иностранного агента». Проектом ФЗ предлагалось создать дополнительный реестр СМИ — иностранных агентов, установить для них отчетность за расходование иностранных средств, использование иностранного имущества, обязанность указывать принадлежность к иностранным агентам на всей продукции и т.д. Предусматривалось и введение штрафных санкций при соответствующем дополнении главы 19 КОАП РФ. Но 10 декабря 2014 г. Комитет Госдумы по информационной политике, информационным технологиям и связи принял заключение (№ 3.27-6/572) на этот проект, в котором отметил его расхождение с существующими нормами права (Закон «О СМИ», ГК РФ), отсутствие в законодательстве РФ ключевых терминов проекта, другие недостатки. В итоге Комитет рекомендовал проект отклонить. Вероятно, доработка проекта и принятие закона в 2014 г. могли бы способствовать повышению эффективности как защиты национальных интересов России, так и укреплению международной безопасности в целом.

Думается, сегодня целесообразно предложить (рекомендовать) следующие меры воздействия на поведение субъектов информационных правоотношений, минимизирующие риски использования информационных и коммуникационных технологий для распространения и пропаганды экстремизма, терроризма и сепаратизма:

1. В целях повышения оперативности реагирования сократить сроки рассмотрения письменного обращения граждан по вопросам профилактики экстремизма с 30 до 10 дней (т.е. внести изменения в ст. 11 (п. 1) и ст. 12 (п. 1) Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» от 02.05.2006 № 59-ФЗ), внося соответствующие изменения и в регламенты федеральных органов власти (МВД, прокуратура, Роскомнадзор, суды, Минюст).

2. В целях распространения положительного опыта профилактики экстремизма в регионах РФ рекомендовать к изучению, адаптации и применению региональные

долгосрочные целевые программы, например, «Профилактика экстремизма и терроризма» (успешно реализована в Ростовской области), Программа адресной профилактики терроризма и экстремизма на муниципальном уровне (Ставропольский край) и др. Затраты будут восполнены экономическим эффектом от уменьшения количества преступлений при одновременном совершенствовании системы технической охраны учреждений социальной сферы.

Реализация данных предложений может способствовать снижению рисков и угроз, существующих в сфере информационной безопасности, сохранению стабильности российского общества, повышению общей эффективности государственной и общественной деятельности.

Источники и литература

1. *Путин В.В.* Заседание коллегии Генпрокуратуры России, 15 февраля 2018 г. // Официальный сайт Президента России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56863> – Дата обращения: 30 марта 2018.
2. Реализация законопроекта Яровой обойдется Mail.ru Group почти в \$2 млрд. Это в 3 раза больше годовой выручки компании // Электронное периодическое издание «Ведомости» (Vedomosti), 23.06.2016. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2016/06/24/646582-zakonoproekta-yarovoii-mailru>. – Дата обращения: 3 апр. 2018.
3. *Кантышев П.* ФСБ предлагает доработать систему прослушки для исполнения закона Яровой // Mail.ru, 09.08.2016. – Режим доступа: <https://news.mail.ru/politics/26719834/?frommail=1>. – Дата обращения: 3 апр. 2018.
4. Путин подписал пакет Яровой. Котировки российских операторов связи снизились // Электронное периодическое издание «Ведомости» (Vedomosti), 07.07.2016. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2016/07/07/648335-putin-yarovoii>. – Дата обращения: 3 апр. 2018.
5. *Сергина Е.* Закон Яровой нужно корректировать, считают Минэкономразвития и ФАС // Там же, 19.01.2017. – Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/technology/articles/2017/01/19/673589-zakon-yarovoii-korrektirovat> – Дата обращения: 3 апр. 2018.
6. *Савельева М.* В Чечне возбудили первое дело по статье о недонесении из «пакета Яровой» // Mail.ru, 16.01.2017. – Режим доступа: <https://news.mail.ru/incident/28446526/?frommail=1>. – Дата обращения: 5 апр. 2018.
7. В России впервые вынесен приговор по статье о недонесительстве «пакета Яровой» // Деловой Петербург, 06.02.2017. – Режим доступа: https://www.dp.ru/a/2017/02/06/V_Rossii_vpervie_vinesli. – Дата обращения: 5 апр. 2018.

Н.П. Ромашкина

НАРАСТАНИЕ УГРОЗ В СФЕРЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: БЕЗЫСХОДНОСТЬ ИЛИ РУКОВОДСТВО К ДЕЙСТВИЮ?

Наталья Петровна Ромашкина,
*кандидат политических наук, профессор,
руководитель подразделения
проблем информационной безопасности
Национального исследовательского института
мировой экономики и международных отношений
им. Е.М. Примакова РАН (ИМЭМО РАН)*

Аннотация: Анализ наиболее актуальных и глобальных, стратегического характера угроз в сфере международной информационной безопасности.

Ключевые слова: международная информационная безопасность, информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), ИКТ-угроза, киберугроза, кибероружие, кибервойна, стратегическая стабильность.

THREAT ACCUMULATION PROCESS IN INTERNATIONAL INFORMATIONAL SECURITY SPHERE: DESPAIR OR GUIDE TO ACTION?

Abstract: The article contains the results of multilateral scientific analysis of the most urgent global and strategic threats in the international information security field.

Key words: international informational security, information and communication technology (ICT), ICT- threat, cyber threat, cyber weapon, cyber war, strategic stability.

Представленный в статье научный анализ процесса нарастания угроз в сфере международной информационной безопасности продиктован поиском ответа на вопрос: будет ли исключительно опасная конфронтация в этой области ускоренно нарастать и приведет к катастрофе или существующая ситуация окажется в конце концов руководством к действию и сотрудничество мировых держав все-таки неизбежно?

Наличие глобальных информационных угроз требует незамедлительного создания механизмов международного управления. Одним из них может стать выработка под эгидой ООН всеобщих Правил поведения государств в информационном пространстве, принятия которых целенаправленно добивается Россия с конца прошлого века.

И в российских, и в международных документах, в том числе ООН, используются термины «информационно-коммуникационная технология (ИКТ)» и «угрозы в сфере ИКТ». Пока не существует общепринятых на мировом уровне определений понятий «информационная угроза» и «киберугроза», что ограничивает эффективность межгосударственного сотрудничества в области противодействия этим угрозам, термины «ИКТ» и «ИКТ-угроза» на данном этапе являются хорошим компромиссом.

Информационно-коммуникационные технологии — это процессы и методы взаимодействия с информацией, осуществляемые с применением устройств вычислительной техники и средств телекоммуникации.

Наибольшую опасность для всего мира представляют ИКТ-угрозы в военно-политической сфере, они носят глобальный, стратегический характер. В связи с особенностями противоборства государств в XXI в. многие острые проблемы международной безопасности уже связаны с ИКТ. Важнейшие из них можно разделить на четыре блока:

1. Применение ИКТ в военно-политических целях для осуществления враждебных действий и актов агрессии.
2. Деструктивное ИКТ-воздействие на элементы критически важных объектов государственной инфраструктуры (КИ), включая информационную.
3. Угрозы информационной безопасности военных объектов как части критически важной инфраструктуры государства.
4. Применение ИКТ в террористических и экстремистских целях.

В рамках первого блока проблем важнейшей угрозой стали уникальные ИКТ-возможности в так называемой борьбе влияния, когда агрессор может достичь результатов без непосредственного применения военной силы (см. табл. 1). Одним из самых эффективных инструментов является тут «мягкая сила». Общеизвестный мировой лидер в практическом ее применении – США, а создатели и теоретики феномена «мягкой силы» – граждане этой страны. Использование такой стратегии напрямую связано с вмешательством во внутренние дела государств. Все указанное в табл. 1 осуществлялось с применением новых на тот момент ИКТ.

Таблица 1

**Угрозы применения ИКТ в военно-политических целях
для осуществления враждебных действий и актов агрессии**

Угроза	Признаки наличия угрозы	Возможности осуществления угрозы
Развитие информационных и кибервооружений	Ускоренная милитаризация ИКТ-пространства. Включение ИКТ-сферы в интегрированное поле боевых действий в стратегиях некоторых стран. Наличие наступательного кибероружия и кибервойск у 30 стран. Наращивание возможностей наступательных и оборонительных информационных и киберопераций странами НАТО. Планы создания средств кибервойны у 140 стран. Сложность выявления автора ИКТ-атаки, возможность использования «ложного флага», что ведет к отсутствию ответственности.	ИКТ-средства в военной области: борьба с системами управления и контроля; разведывательное противоборство; электронное противоборство; военные средства, способствующие информационным операциям.
Использование «мягкой силы» с применением ИКТ во враждебных военно-политических целях, для вмешательства во внутренние дела государств	Рост фактов вмешательства во внутренние дела государств с применением ИКТ: «Бульдозерная революция», Югославия, 2000; подготовка вторжения с применением ИКТ, Афганистан, 2001; «Революция роз», Грузия, 2003; вторжение с применением ИКТ, Ирак, 2003; «Оранжевая революция», Украина, 2004; «Революция тюльпанов», Киргизия, 2005; «Жасминовая революция», Тунис, 2011; «Твиттерная революция» («Революция лотоса»), Египет, 2011; гражданская война, Ливия, 2011; «Евромайдан», Украина, 2013–2014; «Революция розеток», Армения, 2015; гражданская война, Сирия, 2011 – наст. время.	Альтернативные военным средства воздействия на противника: экономические (ИКТ-воздействие на промышленные и финансовые объекты); информационные (пропагандистское инновационное, Интернет для подготовки и проведения массовых беспорядков, антиправительственных демонстраций, политических акций, государственных переворотов.

«Успешность» враждебных операций с применением ИКТ позволяет с высокой степенью вероятности прогнозировать дальнейшее совершенствование и использование подобных методов в будущем.

В рамках второго блока проблем угрозу представляют супер-возможности ИКТ в борьбе инфраструктурами (см. табл. 2; конкретные цифры и сведения почерпнуты автором из источников [2]; [3]; [8]; [9]).

Угрозы деструктивного ИКТ-воздействия на элементы критически важных объектов государственной инфраструктуры (КИ)

Угроза	Признаки наличия угрозы	Возможности осуществления угрозы
<p align="center">Развитие ИКТ-средств для нападений на критическую инфраструктуру государств</p>	<p>Более 30 стран обладают программным обеспечением (ПО) для нападения на объекты КИ. Показатель опасности для АСУ ТП критический или высокий. Средний ущерб от целевой кибератаки на КИ: \$1,7 млн. Потери промышленной компании от кибератак: более \$0,5 млн в год. Инциденты от вредоносного ПО – у 40% госучреждений в 2017 г. Более 70 млн кибератак в год на государственные ресурсы в РФ. Ежемесячные кибератаки на каждый четвертый компьютер на промышленных предприятиях РФ в 2017 г. Растущая сложность оборудования и ПО КИ, рост вероятности ошибок и уязвимостей, что может быть использовано противником.</p>	<p>Кибертерроризм и атаки, организованные государственными структурами; кибершпионаж; хактивизм; DDoS-атаки на КИ; атаки вредоносного ПО; блокировщики и шифровальщики (программы-вымогатели); атаки на портативные и мобильные устройства; инциденты из-за ошибок сотрудников; целевые кибератаки с помощью компьютерных вредоносных программ (ВП); сетевые кибератаки; подключение нежелательных устройств; неавторизованные соединения с сетями Wi-Fi; разработка и применение нового вредоносного ПО, на обнаружение которого могут уйти годы.</p>
	<p>Ускоренный рост количества кибератак на КИ: хакерская атака на сибирский нефтепровод, СССР, 1982; нефтяная компания Chevron, США, 1992; система водоснабжения Salt River Project, США, 1994; Газпром, РФ, 1999; система водоснабжения Maroochy Water System, Австралия, 2000; нефтяная компания PDVSA, Венесуэла, 2002; первая кибератака против Интернет-инфраструктуры, Эстония, 2007; первое применение кибероружия – массированные целевые комплексные кибератаки на ядерный и нефтепромышленный комплексы, Иран, 2010–2012; нефтяная компания Saudi Aramco, KSA, 2012; АЭС Мопџи, Япония, 2014; компания «Прикарпатьеоблэнерго», Украина, 2015; АЭС, Германия, 2016; судоходная компания Maersk, Дания; кредитная компания Equifax Inc., США; Национальная система здравоохранения, Великобритания, 2017; Министерство энергетики и угольной промышленности, Украина; Роскомнадзор, РФ, 2018.</p>	

Одна из первых известных на данный момент кибератак произошла еще до появления Интернета – в 1982 г. в СССР, когда группа хакеров установила «троян» в SCADA-систему сибирского нефтепровода, что привело к мощному взрыву. О том, что атака была организована ЦРУ США, стало известно только в 2004 г., когда бывший секретарь Минобороны США и советник Р. Рейгана Томас Рид опубликовал свою автобиографическую книгу “At the Abyss: An Insider’s History of the Cold War” («Над бездной: история холодной войны, рассказанная ее участником») [10].

Важнейшим событием в ряду атак на КИ стало первое и пока единственное известное применение кибероружия в 2010–2012 гг.: целенаправленное вредоносное воздействие на физические объекты КИ Ирана с применением ИКТ. Результативность кибератак на КИ, и кибервойны против Ирана в целом позволяют прогнозировать разработку и применение подобных средств и в будущем, что может привести к серьезным последствиям на государственном и международном глобальном уровнях. Киберсредства представляют собой перспективное стратегическое оружие. При этом многие инциденты происходят с участием сотрудников предприятий. Таким образом, и в данном блоке проблем все большую значимость приобретают методы психологического воздействия.

Безусловно, насущной проблемой остается защита военных объектов (см. табл. 3). Причем особого внимания требуют стратегические вооружения, особенно ядерные.

Таблица 3

Угрозы информационной безопасности военных объектов как части критически важной инфраструктуры государства

Угроза	Признаки наличия угрозы	Возможности осуществления угрозы
Развитие ИКТ-средств для воздействия на объекты ВПК	Наличие ИКТ-угроз для военной организации и инфраструктуры (стратегические вооружения, система предупреждения о ракетном нападении (СПРН), система командования и контроля над ядерным оружием (ЯО), ПРО, ПВО и т.д.) Развитие роботизированных средств, искусственного интеллекта, автоматизированных систем принятия решений и т.д. Перевод войск стратегического назначения в разных странах на цифровые технологии передачи информации, что сделает их более уязвимыми для технических ошибок и преднамеренных кибератак.	Кибернападения на объекты военной или связанной с ней гражданской ИИ; физический вред ПО, элементной базе, линиям связи и сетям военного объекта; дистанционный «логический» вред с помощью ВП, «логических бомб» и т.д.;
Снижение уровня стратегической стабильности	Влияние ИКТ на рост вероятности: несанкционированного запуска баллистических ракет (БР); принятие решения о применении ЯО; получения ложной информации от СПРН о запуске из-за кибератак; повреждения или разрушения каналов коммуникаций, помехи в системе управления вооруженными силами. Рост вероятности вывода из строя или уничтожения ЯО посредством воздействия ИКТ на будущее процессов ядерного разоружения и нераспространения. Влияние ИКТ-факторов на уровень стратегической стабильности.	умышленный или непреднамеренный удаленный вред через компьютерные сети (в т.ч. Интернет) или в результате контакта с компьютером; кибершпионаж и создание киберрагентурных сетей; киберсаботаж; создание у командования и персонала неуверенности в исправности систем.

Уникальной особенностью современного ИКТ является взаимная ИКТ-уязвимость для многих стран мира. А это позволяет надеяться на конечную неизбежность международного сотрудничества. В том числе поскольку:

- во-первых, государства с наиболее развитой ИКТ-сферой наиболее уязвимы;
- во-вторых, при отсутствии каких бы то ни было ограничений существуют стимулы для создания и взаимного применения ИКТ в военно-политических целях, осуществления враждебных действий и актов агрессии всеми мировыми державами;

- в-третьих, для страны – лидера в деле ИКТ-противоборства существует повышенная серьезная опасность, связанная с возможностями проникновения в ее ответственные системы, их контроля, дезинформации и манипулирования со стороны компетентного противника. В наше время представляется вполне вероятным, что компетентный противник выявит киберрагентурные сети лидера, будет их эксплуатировать и наблюдать за лидером, возможно, даже не затратив на это почти никаких дополнительных средств и усилий (кроме, разумеется, усилий на выявление и проникновение);

- наконец, самая серьезная проблема связана со снижением уровня стратегической стабильности посредством вредоносного применения ИКТ. Эта проблема важна и актуальна практически для всех участников международных отношений.

Конечно, чтобы сделать ИКТ-пространство более устойчивым и безопасным, необходимо решить внушительный комплекс очень сложных задач. Достижение положительных результатов на этом пути как никогда раньше зависит от эффективности дипломатии, ответственной и настойчивости научно-экспертного и научно-образовательного сообщества ведущих мировых держав.

Источники и литература

1. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации // [Сайт]: Президент России. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41460> — Дата обращения: 15 мая 2018.
2. Кибербезопасность государственных организаций // Лаборатория Касперского. — Режим доступа: <https://www.kaspersky.ru/enterprise-security/government>. — Дата обращения: 11 мая 2018.
3. Лаборатория Касперского: кибератаки на промышленные компании стоят им \$0,5 млн в год // ТАСС. — Режим доступа: <http://tass.ru/ekonomika/4324669><http://tass.ru/ekonomika/4324669> — Дата обращения: 11 мая 2018.
4. Основы государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности на период до 2020 года // Совет Безопасности Российской Федерации. — Режим доступа: <http://www.scrf.gov.ru/documents/6/114.html> — Дата обращения: 14 мая 2018.
5. Проблемы информационной безопасности в международных военно-политических отношениях / Под ред. *А.В. Загорского, Н.П. Ромашкиной*. М.: ИМЭМО РАН, 2016. 183 с. — Режим доступа: https://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2016/2016_037.pdf. — Дата обращения: 7 апр. 2018.
6. *Ромашкина Н.П.* Информационная безопасность как часть проблемы обеспечения стратегической стабильности // Стратегическая стабильность. 2018. № 1. — Режим доступа: <http://pstmprint.ru/2018/03/29/%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%B3%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F-%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%B1%D0%B8%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C-%E2%84%96-1-2018/>. — Дата обращения: 7 апр. 2018.
7. Федеральный закон от 26.07.2017 № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» // КонсультантПлюс. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=220885&fld=134&dst=1000000001,0&nd=0.49012914008167385#07272430789919533>. — Дата обращения: 14 мая 2018.
8. Information Security Threats during Crisis and Conflicts of the XXI Century / Eds.: *N.P. Romashkina, A.V. Zagorskii*. Moscow: ИМЭМО, 2016. 133 p. — Режим доступа: https://www.imemo.ru/files/File/en/publ/2016/2016_001.pdf. — Дата обращения: 7 апр. 2018.
9. Kaspersky Industrial Cybersecurity: обзор компонентов решения. — Режим доступа: https://media.kaspersky.com/ru/enterprise-security/KICS_tech_overview_RU_A5.pdf. — Дата обращения: 14 мая 2018.
10. *Thomas C. Reed*. At the Abyss: An Insider's History of the Cold War. New York: Ballantine Books, 2004.

Ю.В. Данильченко

ВООРУЖЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА РЕГИОНАЛЬНУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ

Юлиана Викторовна Данильченко,
 младший научный сотрудник
 21 научно-исследовательского отдела
 управления зарубежной военной истории
 НИИ военной истории Военной академии Генерального штаба
 Вооруженных сил Российской Федерации (ВАГШ ВС РФ).

Аннотация: Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) — один из важнейших узлов мировой политики, где реализуются национальные интересы различных государств. Их пересечение или столкновение может являться угрозой безопасности. Актуально рассмотреть военно-политическую обстановку и конфликты разной степени интенсивности в АТР.

Ключевые слова: Азиатско-Тихоокеанский регион, вооруженные конфликты, Восточная Азия, Юго-Восточная Азия, Южная Азия.

MILITARY CONFLICTS IN THE ASIA-PACIFIC REGION AND THEIR IMPACT ON REGIONAL SECURITY

Abstract: The Asia-Pacific region is one of the most important nodes of world politics, in which the national interests of different States are realized. The intersection or clash of national interests of the Asia-Pacific countries may pose a threat to national and regional security and lead to armed conflicts.

It seems relevant to examine the current state of political and military situation in the Asia Pacific region, as well as present conflicts of varying intensity.

Key words: Asia-Pacific region, military conflicts, East Asia, South-East Asia, South Asia.

Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) уже сегодня является одним из важнейших узлов мировой политики, где реализуются национальные интересы различных государств, пересечение и столкновение которых может приводить к вооруженным конфликтам и представляет угрозу для национальной и региональной безопасности.

В этом регионе накоплен существенный ядерный и конвенциональный военный потенциал. Размещение системы ПРО/ПВО ТНААД США, заступившей на боевое дежурство на территории Республики Корея (РК) летом 2017 г., задевает стратегические интересы других стран региона, в том числе Китая и России. Кроме того, в АТР существует множество неразрешенных территориальных проблем: Япония («северные территории» и острова Докдо (Такешима), Дяоюй (Сенкаку), Корейский полуостров и острова Спратли (Наньша).

Табл. 1

Военные расходы стран Азиатско-Тихоокеанского региона
 с 2000 по 2008 г. (в млрд долл. США) [13].

АТР	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Восточная Азия	115	125	134	139	147	156	169	181	193
Юго-Восточная Азия	19.5	19.8	21.1	23.3	23.3	23.9	25.0	28.5	29.4

АТР	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Центральная и Южная Азия	36.3	37.5	37.7	38.8	44.0	46.5	47.2	48.6	53.2
Всего	170.8	182.3	192.8	201.1	214.3	226.4	241.2	258.1	275.6

Табл. 2

**Военные расходы стран Азиатско-Тихоокеанского региона
С 2009 по 2017 г. (в млрд долл. США) [13].**

АТР	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Восточная Азия	220	227	239	253	269	286	302	315	308
Юго-Восточная Азия	30.7	31.1	32.1	33.2	36.5	36.3	39.8	41.9	41.9
Центральная и Южная Азия	61.0	61.9	63.1	63.5	63.7	67.1	68.9	73.3	73.3
Всего	311.7	320	334.2	349.7	369.2	389.4	410.7	430.2	423.2

Совокупные военные расходы стран АТР с 2000 г. по настоящее время, как видно из таблиц, выросли почти в два с половиной раза. При этом самый значительный рост отмечается у стран Восточной Азии. Их расходы на оборону увеличились почти в 2,7 раза, стран Юго-Восточной Азии (ЮВА) – в 2,15 раза, Центральной и Южной Азии – в 2 раза.

Несмотря на рост оборонных расходов, с 2000 г. в Восточноазиатском субрегионе не было вооруженных конфликтов высокой и средней интенсивности. Существует неурегулированный конфликт низкой интенсивности в Китае – в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР; подр. см.: [1]; [2]; [3]; [5]; [6]; [9]; [10]; [11]).

С 1980-х годов наибольшую опасность для общества стали представлять исламистские террористические организации в СУАР, выступающих «за отделение от КНР и создание так называемого государства “Восточный Туркестан”». По их представлению, чисто исламское государство должно создаваться на территориях компактного проживания уйгуров в КНР и ряде сопредельных стран (подр. см.: [5]; [6]).

Общее число жертв конфликта с 1991 г. – 3092 чел.

Стороны конфликта	
негосударственные	государственные
Исламское движение Восточный Туркестан (ЕТИМ)	КНР
Организация освобождения Восточного Туркестана (ЕТЛО)	

Почва конфликта: сепаратизм, терроризм, межнациональная вражда.

Рост напряженности в СУАР наблюдался в 2008, 2009, 2013 и 2014 гг. Для разрешения конфликтной ситуации в КНР была принята государственная программа. В мае 2017 г. пресс-канцелярия Госсовета КНР опубликовала Белую книгу под названием «Развитие и прогресс Синьцзяна в области прав человека», где отмечено, что в последние годы ЦК КПК прилагает постоянные усилия в направлении обеспечения социальной стабильности, долговременного спокойствия и порядка в Синьцзяне.

Одной из основных нерешенных проблем и важнейшим фактором нестабильности в регионе остается корейский вопрос и, в частности, ядерная программа Корейской Народно-Демократической Республики (КНДР). Кризис вокруг ядерной программы КНДР поднял такие вопросы, как обеспечение международного режима нераспространения ядерного оружия, ракетных технологий, нерешенность американо-северокорейских противоречий, особенно обострившихся после того, как Вашингтон причислил Северную Корею к «оси зла» в 2002 г., аргументируя это тем, что северокорейский режим «вооружен ракетами и оружием массового поражения,

в то время как его граждане голодают» и «представляет серьезную и нарастающую угрозу», поскольку «может передавать это оружие террористам» [14].

В ходе работы круглого стола на тему «Проблемы безопасности в связи с ситуацией на Корейском полуострове», проходившего в Военной академии Генерального штаба РФ 15 ноября 2017 г., старший научный сотрудник Национального института оборонных исследований Японии Якуцу Хирояши отметил, что достаточно эффективным механизмом урегулирования ситуации на полуострове были шестисторонние переговоры, прекращенные по инициативе северокорейской стороны. Он также рассказал: в настоящее время США и Япония разработали в отношении Северной Кореи политику «давления и диалога». «Давлением» являются действия военно-политического и экономического характера, например, регулярное проведение США, РК и Японией военных учений, проход авианосцев США вдоль берегов КНДР, санкции международного сообщества. Одновременно названные страны подчеркивают необходимость диалога с Северной Кореей.

По мнению китайской стороны, размещение американской системы ПРО ТНААД в Южной Корее задевает стратегические интересы и подрывает безопасность стран региона, включая Китай и Россию. Об этом заявил заместитель начальника оперативного управления Объединенного штаба Центрального военного совета Чжоу Шанпин, а ранее — официальный представитель МИД КНР Хуа Чуньин, по словам которой, развертывание системы ПРО ТНААД будет препятствовать достижению согласия и стратегического баланса сил, нанесет ущерб интересам безопасности стран региона и лишь усилит напряженность на Корейском полуострове.

Таким образом, с начала XXI века ситуация на Корейском полуострове и вокруг него стала еще более напряженной. Эксперты ведущих научно-исследовательских организаций России сходятся во мнении, что проблема ракетно-ядерной программы Северной Кореи должна быть решена исключительно мирными средствами. Президент Российской Федерации В.В. Путин по итогам саммита стран БРИКС заявил 5 сентября 2017 г., что «никакого другого пути кроме мирного дипломатического способа решения северокорейской ядерной проблемы не существует» [8].

Россия и Китай разработали план мероприятий по урегулированию кризиса в отношениях между КНДР и США, угрожающего превратить Корейский полуостров в новый театр военных действий. Об этом, в частности, говорится в статье Президента России, опубликованной накануне проведения саммита БРИКС в Китае. «Дорожная карта» урегулирования ситуации предполагает отказ Пхеньяна от проведения ракетных и ядерных испытаний, а также прекращение военных учений США и их союзников в непосредственной близости от Корейского полуострова. Давление, оказываемые в настоящий момент на КНДР, не способны решить проблему. Этот путь Владимир Путин назвал ошибочным и бесперспективным. «... Необходимо решать проблемы региона путем прямого диалога всех заинтересованных сторон без выдвижения предварительных условий. Провокации, давление, воинственная и оскорбительная риторика — это путь в никуда. Вместе с китайскими коллегами мы разработали «дорожную карту» урегулирования на Корейском полуострове, призванную способствовать поэтапному снижению напряженности, созданию механизма прочного мира и безопасности» [7].

В марте 2018 г. лидер КНДР Ким Чен Ын совершил первую после прихода к власти (т.е. с конца 2011 г.) неофициальную зарубежную поездку. Он посетил Китай, где встретился с Председателем КНР Си Цзиньпином. По сообщению китайских СМИ, Ким Чен Ын во время этой встречи заявил о готовности к диалогу с президентами США и Южной Кореи по вопросам денуклеаризации полуострова.

Затрагивался также вопрос объединения двух Корей. Российская сторона положительно оценила встречу лидеров Китая и Северной Кореи. На секции «Азия: региональные аспекты безопасности» VII Московской конференции по международной безопасности (4–5 апр. 2018), организованной Министерством обороны РФ, посол по особым поручениям МИД РФ О.Н. Бурмистров отметил, что российская сторона оценивает переговоры двух лидеров как важный шаг в направлении закрепления «позитивных тенденций, обозначившихся в последнее время в развитии ситуации на Корейском полуострове».

В Юго-Восточной Азии (ЮВА) очаги военных конфликтов средней интенсивности существуют в Мьянме, на территории Южного Таиланда, а низкой интенсивности — на Филиппинах. Весьма серьезна и угроза распространения исламистского терроризма, поскольку в ЮВА проживает около 236 млн мусульман (подр. см.: [1]; [4]; [9]).

В ходе восстаний в мусульманских южных провинциях Таиланда с начала 2004 г. уже погибло более 4 тыс. чел. Повстанческие группировки разрозненны, у них никогда не было каких-либо общих конкретных требований, они редко берут на себя ответственность за совершенные нападения. По их представлению, Сиам (сегодняшний Таиланд) около ста лет назад «незаконно включил» в свой состав малайский мусульманский регион. Нищета этих провинций и дискриминация мусульман обостряют ситуацию. Вооруженные сепаратистские группировки начали бороться с дискриминацией и принудительной ассимиляцией в конце 1960-х годов, но к середине 1990-х политические и экономические реформы почти прекратили восстание. Насилие возродилось, лишь когда такие группировки, как «Объединенная организация освобождения Паттани» и «Баризанская революция нации (Национальный революционный фронт)» разделились на такие более мелкие и воинственные группы как, например, «Гереканский моджахед ислам Паттани» («Движение моджахедов Паттани») и «Рунда Кумпулан Кецил». Несмотря на рост исламского самосознания и усиление ваххабистского влияния в мире, пока отсутствуют свидетельства того, что такие транснациональные террористические организации, как Аль-Каида, ИГ и Джемаа Исламия могли оказать влияние на события в провинциях Яла, Наратхиват и Паттани в Южном Таиланде.

Конфликты низкой интенсивности сохраняются, как уже упомянуто, на территории Филиппин. Организация Абу Сайяф стремится создать независимое исламское государство на острове Минданао (на юге Филиппин). Однако действия данной группировки на сегодняшний день проявляются преимущественно в формах бандитизма, похищений людей, вымогательства денег у иностранных граждан, организаций, компаний и правительств. США оказывают помощь филиппинским войскам в попытках выследить членов группировки. Некоторые аналитики выявили связь Абу Сайяф с Аль-Каидой и Джемаа Исламией. Хотя США и власти Филиппин в последние годы неоднократно заявляли, что деятельность Абу Сайяф находится под их пристальным вниманием, похищения людей и отдельные взрывы в Минданао продолжают.

Джемаа Исламия (букв. — «исламское общество») — исламистская организация, которая является главной террористической группировкой в Юго-Восточной Азии с момента своего образования в 1995 г. Основная ее задача — создать в регионе общее для ряда стран ЮВА исламское государство в соответствии с законами шариата. Идеологию Джемаа Исламия отличает ярко-выраженная антихристианская и антизападная направленность. Существует множество свидетельств того, что она имеет связи с различными радикальными исламистскими группами по всему миру,

включая Аль-Каиду. Имеются также данные, свидетельствующие о том, что Джемаа Исламия может налаживать связи с повстанческими группировками в некоторых провинциях Индонезии. В марте 2005 г. появились сообщения о том, что члены этой группировки были обнаружены в Тиморе-Лешти. Высказывались предположения, что Джемаа Исламия проводит тренировки таких мусульманских группировок на Филиппинах, как Абу Сайяф. В свое время Джемаа Исламия брала на себя ответственность за события 24 декабря 2000 г., когда одновременно совершались нападения на объекты в 11 различных индонезийских городах, а также за три взрыва на Бали 12 октября 2002 г., от которых погибло более 200 чел.

В Южной Азии (ЮА) конфликтный потенциал определен наличием неурегулированных межгосударственных проблем (подр. см.: [9]; [12]). В регионе существуют как внешние, так и внутренние территориальные противоречия. К внешним, выходящим за границы ЮА, относятся спорные вопросы: между Индией и претендующим на статус ответственной мировой державы Китаем о принадлежности района Аксай-Чин и территории индийского штата Аруначал-Прадеш; между Бутаном и Индией с одной стороны и Китаем с другой о принадлежности района плато Бутан на стыке границ этих государств; пуштунская проблема, осложняющая отношения Пакистана и Афганистана. Внутренней территориальной проблемой можно считать противоречия между Индией и Пакистаном из-за Кашмира.

Южная Азия – один из нестабильных в этнополитическом отношении субрегионов. Демографическая ситуация там и в соседних с ЮА странах подвержена быстрым изменениям. Положение усугубляют сепаратистские движения, в частности, тамилы на о. Шри-Ланка и белуджей в Пакистане, Иране и Афганистане.

На территории АТР действуют различные интеграционные объединения и структуры, являющиеся частью системы обеспечения региональной безопасности. К таким объединениям и структурам можно отнести Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС), Диалог по сотрудничеству в Северо-Восточной Азии, Азиатско-Тихоокеанский совет по безопасности и сотрудничеству, Азиатскую конференцию по вопросам взаимного сотрудничества и мерам утверждения доверия, Азиатско-Тихоокеанский центр изучения проблем безопасности, Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии, Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН).

Направления обеспечения безопасности АТР отличаются многообразием форм и реализуются как на уровнях различных организаций и форумов, так и в рамках сложившихся двусторонних отношений. Геополитический центр мира смещается понемногу в Азиатско-Тихоокеанский регион. Его высокая степень милитаризации – следствие разных по характеру противоречий и конфликтов. Территориальные противоречия внутри региона и со странами соседних регионов неоднократно приводили к вооруженным конфликтам. Очевидной угрозой для большинства стран региона остаются всеобщие «три силы зла» – терроризм, сепаратизм и экстремизм. Неравномерный, но стремительный рост населения региона тоже способствует углублению старых и возникновению новых геополитических, экономических, социальных, религиозно-этнических и культурных проблем. Широкий спектр этих проблем и их неразрешенность – все это представляет угрозу стабильности и безопасности. Однако с полной уверенностью можно отметить: в обеспечении безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе позитивная роль России и Китая существенно и неуклонно возрастает.

Источники и литература

1. *Агафонов Г.Д.* Стратегическая ситуация и основные узлы противоречий в Восточной Евразии М.: Ин-т Дальнего Востока РАН, 2007.
2. *Бармин В.А.* Синьцзян в истории советско-китайских отношений в 1918–1931 гг. // Проблемы Дальнего Востока. 1999. № 4.
3. *Волохова А.* Положение в Центральной Азии и интересы КНР в регионе: оценки китайских политологов // Там же. 2003. № 3.
4. *Ефимова Л.М.* Юго-Восточная Азия становится вербовочным центром «Исламского государства». 2015.11.17. – Режим доступа: <https://mgimo.ru/about/news/experts/yugo-vostochnaya-aziya-stanovitsya-verbovochnym-tsentrom-islamskogo-gosudarstva/> – Дата обращения: 8 апр. 2018.
5. *Желобцов Ф.* События в Синьцзяне – угроза международной безопасности в Центральной Азии // Вестник ЯГУ. 2010. Т. 7. № 2. С. 94–98.
6. *Зотов О.В.* Восточный Туркестан (Синьцзян): на весах истории и геополитики // Восток. 2009. № 2.
7. *Путин В.В.* БРИКС – к новым горизонтам стратегического партнерства. // Сайт Президента РФ. 2017.09.01. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/55487> – Дата обращения: 8 апр. 2018.
8. Путин: в КНДР «траву будут есть», но не откажутся от ядерной программы // ТАСС. 2017.09.05. – Режим доступа: <http://tass.ru/politika/4532288> – Дата обращения: 8 апр. 2018.
9. *Сюз Чэнь.* Нетрадиционные проблемы безопасности // Мировая экономика и политика. 2009. № 3. 非传统安全问题与国际公共产品供给.简论·中国接任轮·与褐色世界理念的事件. 世界经济与政治.
10. *Фостийчук В.В.* Геополитические процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе и их влияние на обеспечение национальной безопасности Российской Федерации: Автореф. дис. ...канд. полит. наук. М., 2005.
11. *Хусаинов М.И.* Транснациональные угрозы и их влияние на безопасность Российской Федерации. Автореф. дис. ...канд. полит. наук. М., 2012.
12. *Яковлев А.Ю.* Этнополитические конфликты в Южной Азии на примере Индии: теоретические и практические аспекты: Автореф. дисс. ...канд. полит. наук. М., 2009.
13. Military expenditure by region in constant US dollars, 1988–2017 // SIPRI. [Стокгольмский ин-т исследования проблем мира] – Режим доступа: <https://www.sipri.org/sites/default/files/Milex-regional-totals.pdf> – Дата обращения: 10 окт. 2017.
14. Text of President Bush's 2002 State of the Union Address // The Washington Post. 2002.01.29. – Режим доступа: <http://www.washingtonpost.com/wp-srv/onpolitics/transcripts/sou012902.htm> – Дата обращения: 13 нояб. 2017.

А.Г. Шляхтунов

ТЕНДЕНЦИИ И ФАКТОРЫ ЭВОЛЮЦИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ, УГРОЖАЮЩЕЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Андрей Геннадьевич Шляхтунов,

*доктор политических наук, профессор, ведущий научный сотрудник
Центра исследований военного потенциала зарубежных стран.*

Аннотация: Тенденции и угрозы дальнейшего обострения глобальной военно-политической обстановки; факторы, способствующие тому в различных регионах мира; сопутствующие военно-политическим угрозам экологической, информационной безопасности; борьба за ресурсы питьевой воды, морские биоресурсы и др.

Ключевые слова: мировые ресурсы, экономическая безопасность, стратегическая стабильность, Россия, Евросоюз, НАТО, миграция, ТПП, НАФТА, национальные интересы.

TRENDS AND FACTORS IN THE EVOLUTION OF THE INTERNATIONAL MILITARY AND POLITICAL SITUATION THAT THREATENS RUSSIA'S NATIONAL SECURITY

Abstract: The article shows the trends and the threats of the world global escalated military-political situation and the factors that contribute to the aggravation of the situation in various regions of the world. Along with economic, military and a number of other factors, the threat of environmental and information security in certain regions of the world has increased. The struggle for drinking water and marine biological resources has also not lost its relevance to landlocked states.

Key words: world's resources, economic security, strategic stability, Russia, European Union, NATO, migration, TPP, NAFTA, national interests.

В XXI веке в радикально изменились геополитические условия. В течение последних 10–15 лет прошлого века рухнула биполярная система международных отношений, которой поддерживался определенный баланс сил, позволявший так или иначе сохранять общую международную безопасность и мир. Поддержание стабильности и безопасности, в свою очередь, обуславливает жизненную необходимость принятия исчерпывающих мер для предотвращения, а затем и мирного урегулирования противоречий на ранних стадиях их возникновения и развития, что требует от военно-политического руководства всех стран постоянного изучения, анализа, оценки и прогноза развития военно-политической обстановки (ВПО) как в мире в целом, так и в отдельных регионах. И только на этой основе возможно принятие сбалансированных, адекватных складывающейся ситуации мер политического, дипломатического и военного характера.

Военно-политическая обстановка — это совокупность условий и факторов, влияющих на использование военной силы в политических целях, конкретная расстановка военно-политических сил, характер их действий и состояние отношений между ними на данный момент. По масштабу, количеству участников, диапазону условий и факторов, определяющих ВПО, можно различать:

– *геополитическую трансформацию мира* (начало процесса – переход стран бывшего Восточного блока под влияние Запада, одно из следствий и одна из форм его протекновения в наше время – создание в 2016 г. Транстихоокеанского партнерства).

Ситуация, складывающаяся вокруг двух крупнейших интеграционных проектов: по созданию «Транстихоокеанского партнерства» (ТТП; англ. – Trans-Pacific Partnership, TPP) и «Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства» (ТТИП; англ. – Transatlantic Trade and Investment Partnership, TTIIP), остается во многом неясной. Сама эта неясность связана с тем, что генезис указанных проектов следует искать скорее в сфере политики, чем экономики, несмотря на то, что декларируемые цели будущих объединений (снятие таможенных барьеров на пути перетока товаров, услуг, инвестиций) апеллируют к категориям экономики.

Вместе с действующей «Североамериканской зоной свободной торговли» (North-American Free Trade Agreement, NAFTA), ТТП и ТТИП (в случае успеха формирования двух последних объединений) охватят более половины поверхности земного шара и почти все развитые страны мира.

Вплоть до недавнего времени проект ТТП рассматривался в США в основном в контексте противодействия процессу становления КНР в качестве регионального и глобального конкурента. Но даже с учетом этой (весьма гипотетической) перспективы политическая компонента в мотивации ТТП никуда не исчезнет. Основной стратегический партнер Вашингтона в АТР – Япония – относится к этому проекту в целом достаточно сдержанно.

В условиях сохраняющихся проблем с ТТП, обусловленных в основном американо-японскими разногласиями, обращает на себя внимание активизация Токио по заключению других соглашений о свободной торговле. Объектами подобной активности в последние месяцы стали страны АСЕАН, Австралия и ЕС, предпосылки улучшения отношений с Россией. Все это является важным свидетельством постепенного становления Японии в качестве самостоятельного политического игрока мирового уровня, у которого имеются собственные интересы, далеко не всегда совпадающие с американскими. Однако неясности перспективы реализации обоих проектов отражают сложности переплетений экономических и политических аспектов современной Большой геополитической игры;

– *кризисные явления в мировой экономике*, в том числе связанные с падением цен на биржевые товары, сырьевые и энергетические ресурсы.

Важная особенность мировой экономики – неравномерность ее развития не только между странами, их различными группами и географическими регионами, но и по временным периодам.

Для рыночной экономики характерны периоды преимущественно экстенсивного и преимущественно интенсивного типов экономического роста. В основе такого чередования лежит прежде всего цикличность экономического движения, то есть непрерывные колебания рыночной экономики, когда рост производства сменяется спадом, повышение деловой активности – ее понижением.

В средне- и долгосрочной перспективе через 15 лет, по заявлению Германии, Европа будет переходить с углеводородных на иные источники сырья. Полностью планируется перейти к ним к 2050 году. Данное обстоятельство позволит сделать еще большим отрыв стран-лидеров от государств со слабо развитой в технологическом плане экономикой;

– *обострение экологической ситуации и ужесточение экологических ограничений экономического роста*. Ведение экологических товаров и услуг (замена углеводородного сырья в ближайшие 15–20 лет).

Для сдерживания отдельных государств и их влияния на мировые процессы войдут в силу очередные виды ограничений санкционного типа. станет очевидной тенденция применять меры экологического воздействия на развитие промышленности ряда государств под предлогом, несоответствия их экономик современным требованиям к качеству продукции. Применение по ряду показателей необоснованно завышенных требований позволит не допускать их продукцию на рынок товаров и услуг Европы и США. В то же время основной характер изменений будет связан в среднесрочной перспективе с массовой заменой источников сырья и углеводородов другими носителями, что в корне изменит рынок товаров и услуг, характер действий отдельных государств на политической арене;

– *замену функций НАТО, смену задач мощной, но региональной организации глобальными под эгидой ООН.*

Отношения России и НАТО после украинского кризиса оказались в самой нижней точке со времен окончания холодной войны. Их ухудшение носило лавинообразный и необратимый характер. Сегодня Россия для НАТО – вызов номер один в сфере безопасности. По крайней мере, итоговое коммюнике Варшавского саммита НАТО уделяет России главное внимание и придает ключевое значение. Причем антироссийская политика Альянса в наибольшей степени проработана в форме планов и конкретных мер в сравнении с любым другим направлением, включая Ближний Восток и борьбу с терроризмом.

Российские официальные документы тоже оценивают НАТО и вероятность дальнейшего расширения блока в качестве одного из ключевых вызовов. А направления и масштабы модернизации российских вооруженных сил в первую очередь связаны с учетом потенциалов стран Североатлантического альянса.

Важным фактором осложнения отношений России и НАТО также стало общее ухудшение ситуации в области стратегической стабильности. Данный вопрос традиционно был предметом особого внимания Москвы и Вашингтона и в основном сводился к ракетно-ядерной проблематике. Выход США из договора по ПРО и последующая дискуссия по ЕвроПРО, создание в Европе отдельных элементов ПРО воспринимаются в РФ крайне отрицательно. Российские предложения по созданию совместной ПРО успеха не имели, хотя с обеих сторон вопрос прорабатывался как военными, так и дипломатами.

Относительным достижением стал новый договор о стратегических наступательных вооружениях (СНВ) 2010 г. Но дальнейшее развертывание ПРО в Европе вызвало озабоченность России, зафиксированную в преамбуле договора по СНВ. Кроме того, если до украинского кризиса западная дипломатия отрицала направленность ПРО против России, то на фоне украинских событий все громче стали раздаваться откровенные голоса об использовании ПРО в качестве сдерживания России. Проблемы диалога между Россией и США о стратегической стабильности негативно сказываются и на диалоге Россия – НАТО. На сегодняшний день состояние отношений Россия – НАТО можно оценить как «стабильно тяжелое». Проблемы все более усугубляются, а значит, вероятность новых обострений и дальнейшей эскалации конфликта остается высокой;

– *критику отдельными государствами России за неосвоенные территории (по сути – уже подспудные претензии на чужую территорию).*

Все чаще звучат упреки и критика со стороны экономически ведущих государств и ТНК в адрес России, дескать несоизмеренно владеет она природными запасами и питьевой водой. Слабое освоение Сибири, границ территориального шельфа трактуют как неспособность России осваивать свои территории. Акцент

на «большие вызовы» — одна из особенностей стратегии развития нашей страны на долгосрочную перспективу. Среди таких вызовов — замедление восстановления природной среды из-за возрастающей антропогенной нагрузки, истощение традиционных ресурсов социально-экономического роста индустриально развитыми странами, демографические проблемы, формирование обособленной группы стран, обладающих особо «продвинутыми» технологиями.

В настоящий момент в России интеллектуальный потенциал используется очень несбалансированно, а значительная часть территории страны и ее природных ресурсов и вовсе не освоены. Именно поэтому развитие транспортной сети, создание цифровой инфраструктуры, освоение морского, воздушного и космического пространства должны соответствовать задачам и уровню данного периода развития общества.

Стратегия научно-технологического развития России до 2035 года предполагает наряду с развитием транспортной сети и улучшением связей между регионами страны выйти на новый уровень медицинских услуг и производства доступных продуктов питания;

– *глобализацию и рост возможностей террористических структур (ИГ и др.)*.

Как это ни покажется странным, глобализация и рост международного терроризма — процессы-близнецы и явления одного корня. Глобализация — это унификация культур, образа жизни народов, функционирования государств, экономик и целых цивилизаций, движение к их слиянию в одну экономику и одну цивилизацию с господствующим ядром и подчиненной периферией. Ее антипод — интернационализация, но естественность международных связей во всем их разнообразии при сохранении самобытности культур и образа жизни народов, самостоятельности их экономик, обществ и государств.

Идеологи глобализации настаивают на отмирании суверенного государства и государственности как таковой. Среди приоритетов деятельности государства — умение сглаживать социальные противоречия, направлять и регулировать экономическое развитие внутри страны и на международном уровне. Необходимо отметить, что правовое (хотя бы в минимальной степени) государство как высший орган регулирования общественных противоречий препятствует неправомерному получению сверхдоходов меньшинством и неправомерной концентрации им власти.

На международной арене против суверенного национального государства выступают, как правило, ТНК — сверхмонополии, стремящиеся к сверхдоходам и сверхвласти (ради возрастания все тех же сверхдоходов). Ослабление современных государств и снижение их роли уже привели не к новому порядку, а к новому мировому беспорядку (определение Г. Киссинджера). Глобализация успела сказаться на безопасности всего мирового сообщества. Ее очевидная суть — силовая борьба за всемирный передел власти и собственности в интересах избранного меньшинства. Поэтому глобализация направлена на всеобщее размывание границ, эрозию государств и захват внешних рынков. Ее идеал — неограниченная легкость и простота перемещения сырья, продукции, труда и капитала с целью извлечения сверхприбылей и минимальными издержками.

Данный порядок выгоден международному терроризму. Именно глобализация позволяет террористам легко внедряться в любую экономическую и иную государственную систему, уничтожая ее изнутри;

– *рост активности США в установлении «нового мирового порядка»*.

Односторонний подход к решению международных проблем был официально узаконен Конгрессом и нашел наиболее полное воплощение в документе «Страте-

гия национальной безопасности Соединенных Штатов». Основная идея документа: Америка обладает беспрецедентным могуществом, не имеет себе равных, а потому призвана формировать международный порядок и обеспечивать его соблюдение.

История свидетельствует: могущественные империи существовали и в прошлом, но всякий раз их попытки установить господство над другими странами в конечном счете оканчивались поражением. Следует учитывать, что в прошлом и претензии по масштабу охвата планеты и управления едва ли не всеми протекающими на ее пространстве жизненно важными процессами были все же скромнее, более ограниченными, чем нынешние глобальные претензии США.

Стратегия предусматривает проведение «упреждающих» действий против враждебных государств. Если будет решено, что государство представляет потенциальную угрозу Америке или укрывает группу, представляющую такую угрозу, то Соединенные Штаты будут осуществлять превентивное вмешательство в его отношении с тем, чтобы ликвидировать угрозу, если необходимо, то и путем «смены режима».

США и в прошлом неоднократно осуществляли интервенцию в отношении небольших и «неудобных» стран. Однако Вашингтон всегда стремился оправдать свои действия юридическими аргументами. Ныне же он официально отвергает обязательность исполнения для себя таких устоев международного порядка, как принцип суверенного равенства, неприменения силы, невмешательства в чужие дела, мирного разрешения споров и др.

Последние выборы в США показали противоречивость действий элиты в выборе аргументов, крайних выражениях, методах борьбы за власть. Таких дебатов и методов еще не было в прошлом. Новый тренд ведет к расколу общественных институтов страны и обострению борьбы между ними.

Таким образом, первым шагом к решению глобальных проблем является существенное повышение уровня политического сознания, включая сознание международно-правовое. Новый мировой порядок может быть надежным при условии осознания всеми государствами и, прежде всего, крупными державами своей ответственности за его поддержание;

– *борьбу отдельных государств, которые не имеют морских границ, за выход к морю (океану)* (Боливия, Белоруссия и др.).

В настоящий момент 49 государств не имеют выхода к морю. В нынешних условиях у многих из них не урегулированы с соседями вопросы выхода к морю. Эфиопия – крупнейшее по населению государство (93,8 млн чел.), не имеющее выхода к Мировому океану. Более 30 млн чел. проживают в Уганде (34,7 млн), Узбекистане (31,1 млн) и Непале (30,4 млн), у которых тоже нет выхода к морю.

По площади и крупнейшим из государств, не граничащих с Мировым океаном, является Казахстан (2 724 900 км²); территорию больше миллиона км² имеют также Монголия (1 566 500 км²), Чад (1 284 000 км²), Нигерия (1 276 000 км²), Мали (1 240 000 км²), Эфиопия (1 104 300 км²), Боливия (1 098 581 км²).

В Европе, если исключить постсоветские страны (Белоруссия, Молдавия) и государства-карлики (типа Андорры, Ватикана, Люксембурга и др.), выхода к морю нет у Венгрии, Македонии, Сербии, Словакии, Чехии и Швейцарии. Не имеет границ с Мировым океаном большинство (9 из 15) азиатских государств, образовавшихся после распада СССР (Армения, Азербайджан, Туркмения, Узбекистан, Киргизия и Таджикистан).

Согласно Конвенции ООН по международному праву 1982 г. внутриконтинентальные страны имеют право на доступ к морю. Это право реализуется путем

заклучения специальных соглашений между заинтересованными государствами и государствами транзита.

В частности, у соседних стран могут быть экономические или военные причины, для того чтобы заблокировать выход к морю или транзит через свою территорию. Поэтому возрастает угроза вооруженных конфликтов с сопредельными государствами в борьбе за выход к морю тех, у кого его нет (конфликт Боливии с Чили и др.);

– экономически выгодные логистические маршруты, изменение логистических потоков и контроль за прохождением товаров (трубопроводы по доставке углеводородов, Северный морской путь и др.);

– борьбу за источники питьевой воды, плодородные земли, а также изменение исторической действительности (курды, Ливия, Израиль и др.);

– противоречия между мировыми ведущими государствами по вопросам раздела Арктического шельфа с вытекающими последствиями.

В отдельную категорию следует выделить *тенденции и факторы эволюции международной ВПО, угрожающие национальной безопасности России.*

Под тенденцией понимается устойчивое и достаточно важное направление изменений ВПО. Существенные, неизбежные (обусловленные действием законов) тенденции можно трактовать как закономерности.

Эволюционный анализ международной ВПО позволяет выявить следующие достаточно общие тенденции и факторы, влияющие на изменения международной военно-политической обстановки и способствующие движению от продуктивной конкуренции к конфликтам и войнам, а, следовательно, угрожающие национальной безопасности России:

1. Существенный рост геополитического влияния США и НАТО, на определенном этапе – успехи США в построении нового мирового порядка – однополярного мира со своим лидерством (гегемонией).

2. Появление на международной арене все большего числа мощных политических сил трансгосударственного, транснационального характера (ТНК, ТНБ, «Трехсторонняя комиссия», «Римский клуб» и т.п.), усиление их политического влияния.

3. Активизация попыток ослабить или проигнорировать существующие структуры и механизмы обеспечения международной безопасности (ООН, ОБСЕ, СНГ, ОДКБ, ШОС, БРИКС и др.).

4. Расширение использования военно-силовых акций под прикрытием тезиса о допустимости «силового» миротворчества, «гуманитарного» вмешательства во внутренние дела государств под предлогом нарушения там прав человека.

5. В последние годы обозначилась тенденция усиления влияния ведущих мировых государств в борьбе за политическую ориентацию и геостратегическое положение той или иной страны (включая смену «неудобных» лидеров), в меньшей степени – за природные ресурсы (Грузия, Украина, Турция и др.).

5. Разрушение системы соглашений в области ограничения вооружений и разоружения.

6. Использование новых информационных и других, в том числе нетрадиционных, средств и технологий в экспансионистских целях.

7. Расширение внешней поддержки экстремистских национальных, религиозных, сепаратистских и др. движений, активизация на этой основе их деструктивной деятельности.

8. Все более широкое использование «технологий» миграционной и демографической экспансии для достижения политических целей.

9. Превращение террористических организаций в профессиональные институты, используемые в своих интересах государствами и теневыми субъектами мировой политики.

Основные факторы, изменяющие ВПО в опасном для России направлении и продуцирующие угрозы ее национальной безопасности, следует обязательно учитывать при оценке ВПО в любом регионе мира.

Источники и литература

1. Стратегия научно-технологического развития России до 2035 года; Утверждена указом Президента Российской Федерации от 01.12.2016 № 642. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/bank/41449> – Дата обращения: 12 мая 2018.
2. Федеральный закон «О безопасности» от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108546/ – Дата обращения: 4 мая 2018.
3. Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/70684666/> – Дата обращения: 12 мая 2018.
4. Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года». – Режим доступа: <https://rg.ru/2009/05/19/strategia-dok.html> – Дата обращения: 14 мая 2018.
5. Военная доктрина Российской Федерации; Утверждена указом Президента РФ от 25.12.2014 № ПР-2976. – Режим доступа: <https://rg.ru/2014/12/30/doktrina-dok.html> – Дата обращения: 12 мая 2018.
6. Вестник Совета Безопасности Российской Федерации. 2010. № 2 (8).
7. Проблемы информационной безопасности в международных военно-политических отношениях / Под ред. *А.В. Загорского*. М.: ИМЭМО РАН, 2016. (Режим доступа к этому изд. см. в источнике № 5 списка «Источники и литература» к статье *Н.П. Ромашкиной* в этой же главе. – Примеч. ред.)
8. Вестник Екатеринбургского института. 2017. № 4 (40).

Глава 6

Из материалов по выступлениям иностранных гостей

(На английском языке)

В. Батмаз

НЕОДНОЗНАЧНАЯ ПОЛИТИКА: ОПОСРЕДОВАННЫЕ ИСТОРИЯ И РЕАЛИИ ТУРЕЦКО-ИЗРАИЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Вейсель Батмаз,

профессор факультета коммуникации

и декан факультета изящных искусств

Бейкентского университета (Стамбул, Турция).

Аннотация: Реалии прошлых и современных отношений между Турцией и Израилем, опосредованные через СМИ, воспринимаются общественным мнением двух стран зачастую искаженными в ту или другую сторону. Этот эффект усиливается также самим неоднозначным характером данных отношений, которые автор считает похожим на «качели».

Ключевые слова: Турция, Израиль, СМИ, иудаизм, сионизм.

V. Batmaz

AMBIVALENT POLITICS: MEDIATED HISTORIES AND REALITIES OF TURKEY AND ISRAEL RELATIONS

Veysel Batmaz,

Professor at Beykent University,

Faculty of Communication,

Dean of the Faculty of Fine Arts

(Istanbul, Turkey).

Abstract: Realities of the past and present Turkey-Israel relations mediated through mass media are often perceived distorted this or that way by the public opinion of the two countries. That effect is strengthened by the ambivalent nature itself of those relations which the author sees similar to “a seesaw”.

Key words: Turkey, Israel, mass media, Judaism, Zionism.

Introduction

National media, domestic politics and foreign relations are interwoven to each other. The fabric of public opinion in a country is determined by the outcomes of the mediated histories [1] produced by these three pillars of daily life. Reflected through divergent communication channels all three are somehow loosely or strictly coordinated by the governments. This is the superficiality of mediated world. In front of the eyes of the public everything is so clear cut that media is a reflection of all reality and opposing views within it are just an indication of pluralistic democracy. Is it so?

In fact, a counter argument can be asserted that the content in a national media disguises the real politics of international relations [2] whether it provokes the public opinion in the direction of governments' (namely the political ruling parties' domestic political) interests or not. Media in general and the public opinion in particular do not determine the real or sometimes subliminal political and economic ties and relations between countries. They serve as veils which arouse the ideological desires ending up in impotence.

Turkish-Israeli relations present the supporting empirical evidence of such a counter argument [3]. Surface picture of the rivalry or friendship among the two, depicted in the media always hide the real determinants which are structured not by the transient governments or manipulated masses. Their interventions to media but long term state politics and international context. Whether or not, the friendly or rival sentiments are the real attitudes of the people and publics are not the real question here. On the contrary how effective they are on international relations must be answered before determining their spread. International relations are always byproducts of the needs and interests of each country framed by the geopolitics of world systems, such as the Cold War, Détente, uni-polar world system, or international division of labor at the time of the world system, independent of what publics and masses think and desire to be. Today, the "world system" is the global modernity [4] in which numerous modernities fight against each other. In an atomistic world of superficial or real interests, the relationships are not only ambivalent but transient also.

Preliminary Remarks on the Question

There are so many empirical evidences of how historical or current facts are distorted by governmental media [5] strictly or loosely directed by the party or the elites in power producing a traditional media content (e.g. TV Drama Serial) which is disseminated via various media outlets and discussed and questioned by domestic or rival governmental or quasi-governmental institutions, politicians and academicians about to what extent the historical facts bended towards the producer government's needs and assumed that it builds pro-government public opinion against the "rival" government while the two countries continue to be almost one of the best mutual friends in the world in terms of military, economic and technological ties. The only exception to this fantastic web of ties is war times. Even the war times generally tend to have the inner mechanisms of their own communicational relationships.

So, at the surface the reason is so obvious that a highly sophisticated and expensive media product is fabricated to manipulate or reinforce people's current sentiments and attitudes and hiding the real relational aura between two countries. What is not so obvious is that how and can the effects of media change or reinforce the public opinion as intended? More importantly, whether public opinion framed by the media make any difference or not in the pragmatics of international relations. Specifically, producing a TV Serial to affect the domestic public opinion in order to gather domestic electorate support to continue to be in power is highly unfruitful act. It automatically arouses many questions about media, history, politics and international relations domestically, contrary to what is intended. So that, whether it creates a desired outcome or impact on public opinion and international relations are dubious. It is also questionable that the commotion aroused by the discussions of analysis of this media product by the "rival" country's quasi-governmental institutions is futile as it assumes that the negative public opinion or politics aimed at domestic electorate makes a difference in the bilateral relations of two countries.

Ambivalent Politics: Turkey and Israel on a Seesaw

The rival characteristics and negative discourse of the Turkish-Israel relations are well known. The less known is that it has two contradictory sides. One side is negative and hos-

tile, surfaces in the ideologically biased and provocative media coverage backed by the politicians' discourse aimed at their electorate. The second side is positive and cooperative, embedded and concealed in bilateral diplomatic and economic relations as indicator of real-politics of countries within the international context and current world order. Nevertheless, the positive side of political ambivalence between Turkey and Israel is disguised and even erased somehow with and in the negative media coverage [6].

In order to understand this bipolar syndrome, one must look at the century old beginning and the current end of Turkish-Israel relations to highlight the roots and causes of this political ambivalence and how it will not cease to continue as it had been in ups and downs. It looks like a seesaw. Everyone is enjoying riding on it. In a nutshell, despite the fact that Israel is always considered the main causes of many problems of Turkey by the Turkish public opinion and media, in all phases of history the State of Turkish Republic has always been in the best terms with the State of Israel within the Middle East just after her foundation in 1948. In fact Turkish Republic is the first Muslim-majority country to formally recognize the State of Israel in the first year of its foundation [7]. Definitely, this goes back even in the Ottoman times, long before the 1500 exodus of Jews from Spain to Turkey.

Remarks on the General Role of Media on Publics (and Politics)

Traditional media such as TV, newspapers, books, etc. take part in not only in a convergent ways of transmission but sharing the very similar content with the digitalized world of communication. Thus, so called social media, might be affecting followers differently from what used to be the mass communication effects of the analog era [8]. In the digital media there are intentionally interactive sources/followers whereas in the traditional media the audiences are passive recipients. This is the main reason why the effects of these two modes of media are seen and analyzed differently. But there are more differences and resemblances as well.

The traditional effects theories of media suggest that centrally produced media messages could have three kinds of impacts on audiences: (1) immediate direct effects (2) mid-range indirect effects (3) long term cultivation. All these three kinds of effects are different from each other in their nature: immediate effects aims at towards changing behaviors; mid-range effects are changing attitudes; and cultivation assumes that TV is the main agent to socialize individuals depending upon their exposure of the TV content.

The "effect theories" of digital media is somehow different than the traditional effects approaches. They usually focus on the process of production of messages rather than their impacts on individual outcomes. The messages are produced individually and disseminated first in a limited environment of "friends-followers" but redistributed in Delphi model so that it reaches sometimes multitudes of unknown audiences in just minutes or hours. Thus, the effects of digital media are determined by how it is produced and disseminated rather than the content of it. But the crucial difference is that in digital dissemination of messages speedy activation effects occur if the message bears some warnings about the immediate danger or advantages for the targeted follower. The audiences of the digital dissemination are mostly homogenous per message. Also, they have mobility and power to act freely in most of the cases.

The nature of traditional mass communication (analog) and social media (digital) dissemination of messages are similar in terms of the two-step flow of communications. But however the encounters of individuals to information on the "paper newspaper" or the "digital newspaper" might be different in terms of effects, access and coverage [9]. In the traditional media, the gate keepers are centralized powers mostly determined by the governments; in the digital media the gate keepers are individuals who are actively using the social media channels [10].

The main difference of the production in the digital vs analog media is not the content but the way they are produced. In the digital (social) media, individually structured and disseminated content is wide spread but in the analog (institutional) media the messages are produced centrally.

In short, the assumptions of effects which were worded in an era of traditional media is needed to be investigated in detail under a flux of digital media in the age of global capitalism.

Nevertheless there are sound indicators that the content of the digital media has been largely similar or duplicates of the messages stemmed from the traditional media outlets. So in regards of media vs public opinion we have two questions to be answered: (1) What is the difference between traditional media (analog) consumption and new media (digital) consumption of media content? (2) How much digital media consists of traditional media content?

However these important empirical questions are not the subject matter here but they are underlying patterns of the analyses how the current mediated histories to be disseminated to public to form and structure people's mind in political processes especially produced by the three pillars: media, politics and international relations. Still much of the information, if not all, disseminated whether in the digital or analog media are products of centrally owned or directed mass produced message systems, i.e. traditional media: TV, newspapers, books [11]. A TV serial which was produced by a State channel an institution of the analog era, discussed and criticized in Internet outlets can be an example of a convergent content.

More precisely, Baudrillard's assertion that the media (traditional and digital) do not have an impact on masses and serves only for simulating the reality, if there is still one, with false premises is a key to understand the function of media in current situation of global modernity [12]. This is to say that in Baudrillard's words, "the global media lost the reasons of their existence." Coined with the "global village" vision of McLuhan [13], who needs a media in a village? All sorts of reality are manufactured just like Medieval village ballads (mostly a simulation of the reality and/or wishful thinking of the villagers) by the global media to the deaf and dumb publics.

In conclusion, unsupported by empirical evidence [14], the way media treat the historical facts or current events engaged with political ideologies could be the reason of false or hostile relations is an invalid assumption. Maneuvers upon interests and act of war in international relations play a decisive role on the diplomatic, and economic necessities play much more and deeper and mostly friendly relations among nations in modern times.

Drama in Dispute: *Payitaht – Abdülhamid*

Produced by TRT-TV, (*Payitaht: Abdülhamid*) is a perfect summary of portrayal of media distortion of what it has been happening in the seesaw play between Turkey and Israel for the last century and the empirical evidence of how media effects the public in a framework of simulation.

Its plot is about the life of II. Abdülhamit, one of the most eventful sultans of the Ottoman Empire, whose reign was the fourth longest (33 years: 1876–1909), and controversially considered as the turning point of the Ottoman Rule or the end of it. The general aim of the Serial is to make II Abdülhamit perceived by the audiences as pleasant, heroic and powerful with silent authority and nationalistically Islamist, defending the Ottoman State. On the other hand, the general public whose perception of him has been depicted just the opposite in the history curriculum of the middle education before the AKP becomes the ruling party of Turkey. He was portrayed until 2000 in school books as a harsh ruler, dictator and the reason of many future problems of the Ottoman Empire and the Turkish

Republic. Not so much surprisingly, portrayal of II Abdülhamit in the Serial matches one to one of R.T. Erdoğan's position and leadership who is the president of both the AKP and the Turkish Republic. The Serial has many conational references to the Islamist (Gülenist) coup d'état of 15 Jul 2016.

Although the production budget is paramount, it received immediate and negative criticism and low ratings because of distorting the historical facts politically and socially, and amateurish performance by the actors and actresses and the décor, unrealistically and childishly directed of fighting scenes and conflicting and poor conversational plot[15]. The average rating of the 2017 year episodes (28 Episodes, between 24 February – 8 December 2017) is 3.69 [16] (highest 4.89 – 7 April and lowest 2.39 – 6 October 2017) which has not been expected and around the 10th most watched prime-time drama [17].

The Serial have numerous scenes of the episodes on how the founder of political Zionism Theodor Herzl is masterminding the conspiracy against II Abdülhamit to force him to give the lands of then belonging to the Ottoman Empire where now the State of Israel had been founded. Tailored to the current theme of Turkish-Israel relations highlighting the ideological biases of the current political party (AKP) in power in Turkey, the Serial makes an apparent demarcation line between Judaism and Zionism by fabricating undocumented depiction of relations between Herzl and his father. While some of the historical facts are deliberately distorted in both sides of the conflict between Ottomans and Zionists and Zionism is the scape goat not Judaism, the main dramatic contradiction is not between the foreign powers and Ottomans but the domestic politicians, a very much resemblance of the 15 July coup d'état. Thus the story of the Serial is consistent of and parallel with the current situation of Turkey rather than the historical facts and President Erdoğan's claims of how he analyzes the foreign powers against Turkey and especially Israel's position within the Middle East.

Nevertheless, the scenes that are directly include Theodor Herzl are almost a summary of the starting point and evidence of the ambivalent background of Turkish-Israeli relations. The Serial covers a story about how Herzl was conspiring against Ottomans and especially against II Abdülhamit. With loose discourse analysis [18], it can easily be seen that the Herzl scenes are depicted with superficiality and portray a person who is in reality very active and strong to organize a very important event of the century as a weak and a puppet with childish manners of his own secretary who is sharp in her comments and visions and who is a sadistic creature to kidnap and torture his own father. From these scenes, no one could predict that Herzl would be capable of uniting a very operational Zionist front and collect the support of both the British Empire and the rich Jewish families scattered all around Europe.

After the first six episodes under analysis were aired, MEMRI-TV, based in Washington DC, an operational branch of so-called American media think-tank MEMRI which is presumably a quasi-governmental institution of the Israel State [19], had highlighted the Serial in a highly critical way as if it is one of the most influential and wide spread television programs watched by the majority of Turkish public as an indication of Turkey is becoming very hostile towards Israel in the beginning of 2017 [20].

It is an obvious fact that the Serial has strong tones against Zionism but very friendly to Judaism [21] and clear-cut distinction between Herzl and the Jews and connecting Herzl to British conspiracy and in clear ties with rich and influential Jewish families of Europe such as Rothschild, etc. who would be convinced by Herzl in order to secure financial support to back-up the British interests in the Middle East. Amazingly, the production of Serial by TRT took at least six months before it is aired and the idea presumably started to shoot such a historical TV serial goes back even earlier [22] when the relationship between the two countries became almost excellent after 2009–2010 incidents after 2015. The odd timing for

the decision to produce and broadcasting show that there is an anachronism with the state to state relations.

In the TRT website it is described as “within the framework of the events of the last 13 years of the period of Sultan II Abdülhamid, while the Western states seek to design a <new century> for themselves... the story of the valiant man [i.e. the sultan himself] who stands against them.” Some episodes have elements, depicting other Jews as deceptive, cruel and plotting interventions to governments’ affairs all around the world, but especially to the Ottoman rulers at that time. As a historical fact that Herzl and all other “cruel” Jews are after establishing an Israeli state (not a Jewish state as stated in the book of Herzl: *Der Judenstaat*) according the Serial. A Christian priest (Hiram) living in Istanbul helps Herzl organize coup d’état of 1908 in Istanbul, and British agents take Arabs as surrogate in an attempted attack against Jews but planned by Herzl in order to show how vulnerable Jew are. The whole dramatic story of the Serial has many flaws of historical facts and these were shown and widely discussed among the academicians in the Turkish media as well. According to MEMRI commentator, “such discussions [about the historical flaws of the Serial] demonstrate the seriousness with which the series was understood as history by the Turkish public.” But nevertheless, MEMRI, by bringing this Serial into attention of the whole world with a meticulous investigation and highlighted titles has also full of provocative discourse which indicates that MEMRI took the Serial very seriously as if it is one of the manifestation of the Turkish government against Israel and the Turkish public would be out roaring when they watch the Serial which consequently that a TV serial might impact on the relationship between Turkey and Israel [23]. So both parties (Turkey vs. Israel sides) are taking media content as the reality of their intentions and expectations from the outcomes. It is just an empirical evidence of how Baudrillard’s media as “simulacra” would work and could be understood.

The Beginnings as Reality: The “Promised Land”

The current Turkish and Israel relations, not to be confused with the relationship between Muslim Turks and Jewish People, start from the years of Theodore Herzl’s offer to Ottoman Sultan II Abdülhamit about buying a portion of Palestine lands in return to cover the international debts to Western financial corporations of the Ottoman Empire. At the surface value, this was a friendly offer to fulfil the Old Testament’s “promised land” theme which out loudly had started with the founding of Zionist Movement in 1890’s. Being almost the single founder of Zionism, Herzl’s offer aroused mixed sentiments in the Ottoman capital.

Up to the Herzl’s offer, throughout the history Jewish and Ottoman (i.e. Muslim Turks) relations have numerous accidents with different sorts of effects. Herzl attempt in its novelty was one of the encounters of the Ottomans with Jewish problem. It was also the beginning of main underpinning of the Turkish public opinion formed “against” the Israel State until today [24]. Thus, in fact, current end of the Turkish-Israel relations has been determined by the beginning of it. Herzl’s proposal can be considered as the beginning of state relations between Jews and Turks as well, although there was no State of Israel and Turkish Republic as of today. But there have been some remarkable declarations of statehood as embryos of what would happen in the future. In the Basel Conference in 1897, Herzl commented on that he founded the Jewish state but if he declares it to the world, world would laugh at him, and without doubt, he believes in five or fifty years after the Conference the foundation of Jewish state would be acknowledged by the whole world [25].

On the other side, II Abdülhamit had reformed the Ottoman State and his time could be seen as one of the dynamic factors of modern Turkey. In fact, today, the current Turkish

Government, sometimes openly, declares that II Abdülhamit was the founder of Neo-Ottomanism which in a sense an assertion that the founding of the modern Turkish state could be traced back to II. Abdülhamit's time. So, metaphorically, Herzl and II Abdülhamit encounter could be accepted as the founding of two States which are today in good terms with each other economically and militarily but very bad friends in term of ideology and politics.

After almost a century (1901–2017), in the Turkish media and public opinion, in regard with the relationship between Turkey and Israel, Herzl's offer is still the hot topic. The proponents of II. Abdülhamit (Neo-Ottomanizm) and the current Islamist Turkish Government headed by Recep Tayyip Erdoğan are applauding the Sultan's patriotism in order to foster the sentiments of anti-Israel, through his rejection of Herzl. Some portion of the public opinion criticizes the rejection of the offer in the light of what happened afterwards. The rejection did not change anything at all. Israel was founded as a state exactly 50 years after Herzl declared at the Basel Conference and II. Abdülhamit was overthrown in 1908 by the Ottoman Army. To a certain extent as a conspiracy theory, it has been asserted in the Turkish media opinion that overthrowing II Abdülhamit from the crown was masterminded by the Zionist fractions using Jewish elements of Thessaloniki and in the IT Party because of the rejection of Herzl offer. This assumption is always held as the starting point of hostility.

Current Times as Simulacra: One Minute Blues

As mentioned above and well known and shared fact by all parties that from the 1500s on, Ottomans and Turkish Republic, among Muslim majority states, were two of the strongest protectorates of Jews escaping from Inquisition, pogroms in Russia and Europe, and Hitler's fascism. There have been incidences in the long road of Jewish and Turkish history with minor consequences negatively but the two religious-ethnicities lived along well.

One of the two events that created the current critical crises is the "one minute crises", aroused when then the Prime Minister of Turkey (now the President) declared a harsh toner rejection of Israeli President Simon Peres as known in the popular media as "one minute". It happened in 2009 and ironically the whole crises ended in one minute [26].

"Blue" Marmara was the second one. After 2009 incident, the hostility between Turkish and Israeli governments was obvious after the "Mavi Marmara" [27] incident that took place in 2010. This second event was involved civilian casualties so the media exploitation was more durable and lasted about until 2014. Between 2014 and 2016, Israeli Government settled the dispute by paying libels amounted to 26 million USD, then the relations turned into full normal in 2016, just before the TRT Drama Serial had started to be broadcasted [28].

Conclusively on the contrary what the media had covered and public opinion believed in, Turkey and Israel strengthened the ties between them in the last 16 years after AKP, the ruling Islamist Party, took over the power in Turkey, almost exceeding what had been experienced in the last 68 years.

The "Concealed" Relationship: Mediated Histories

Turkey and Israel had been always in love and hate relationship in a sense. The Islamist Prime Minister then, Tayyip Erdoğan was awarded in 2004 by the American Jewish Congress with its prestigious "Profile of Courage" medallion [29]. This honor conceived by the Turkish media as a returning gesture for business ties between Israel and Turkey which have deepened after the Islamist AKP took over power in Turkey [30]. After becoming the Prime Minister, Islamist Erdogan stressed several times that no change would occur in relations with Israel as they served Turkish national interest[31]. In fact, economic relations between Turkey and Israel took off in the late 1990s as part of growing strategic interests for both parties [32].

Consequently, although the public opinion with the bordmanet of concealed mediated histories for both sides constructed by media had very negative sentiments and attitudes, the political and economic state relations stayed as the same as it had been always almost after 1500s when exodus of Jews from Spain to Muslim Ottoman lands because of Christian Inquisitions took place and high number of populations of Sephardic Jews had been protected by the Ottoman rulers.

Conclusion : Reasons of Unreason

It is intriguing why this ambivalence occurs between two countries historically tied together so closely? Is the negativity towards each other benefit politicians to secure domestic votes to climb up power ladder? Are public opinion and electorate are so sensitive to the positions taken by the media as hostilities of ideologies or religions?

These questions, however they seem to be important and unanswerable, poses some crucial suspicious explanations about the benefits of the ambivalence for both countries.

For one fact, the two countries have rival religious stands historically. This natural contradiction makes them play well on the seesaw. The other fact is that the land ownership of the disputable territories of two countries has both conflictual claims historically. Israel today sits on the lands once Ottomans ruled about 400 years. Arabs also have territorial claims upon land. These are provocative fuels for the publics to be manipulated.

On the other hand other serious facts play more crucial role on cooperation rather than rivalry and hatred. Historically, apart from minor disputes, multitudes of Jews lived peacefully in the Ottoman times and the Turkish republic for about 500 years. Some of the founders of Israel State in 1948 were graduated from Istanbul University (David Ben Gurion and Ben Zvi). Also it is important that Istanbul University had protected many Jewish scholars who had fled from Hitler's fascism. Jews who are living in Anatolia for the last 500 years had the chance to become some of the richest members of the Turkish society.

A third and almost most important fact that, Turkey and Israel, although they have different way of interpreting it, have secular and modern states in comparison with the other Middle East countries. This has been blurred by the media for the last 15 years but it is a very strong fact. Economically, they both have strong ties with the West and capitalist world. In most of the economic sectors, they both have symbiotic relations in order to be productive. Water, gas, products, metallurgic mining and fertile soil are the basis of cooperation between the two countries. Turkey naturally have them, Israel have the know-how how to make them productively.

These facts pave the way to have cooperation rather than rivalry between the two States. On the other hand, religious and geo-politics of the region create domestic atmosphere as rivals in both countries.

Is it just reasons of unreason to satisfy the domestic publics or just a dog-fight between the two countries-governments who has centuries old symbiotically related religious-ethnicities in an international context are in minds of international relations analysts is still to be answered. But the given the fact that, although some minor incidents with diplomatically and ideologically harsh tones between Turkey and Israel occurred several times and the public sentiments are always in manipulative balance, the real politics based on the geo-politics of the region and economic-technological interests and historical factuality.

Thus the surficial negativity between the two countries are only the décor of the scene veiled by the distortions of media, manipulative domestic politics and hegemonic international relations in the global capitalism of one of the many facades of global modernity. The media in general is the simulacra of the Leviathan. The very recent empirical evidence of the analyses made here is the TV Serial of TRT: Payitaht-Abdülhamit which has no effect on the real relationship between the two countries.

The Serial, *Payitaht-Abdülhamit*, un-interdentally by the producers and politicians, only evokes the ambivalence of the relationship and makes think that media is just a manifestation of false reality.

Источники и литература

1. Arif Dirlik describes these mediated histories as postmodernities' histories. "Historization requires some recognition of reality of the past — a recognition that we do not just construct the past as we please but are constrained and shaped by the past even as we endow it with ever changing meanings. The perspective of history is crucial to a critical grasp of what we remember of the past and what we forget. Colonizing the past, or, for that matter, the future, with a contemporary consciousness, in this case the consciousness of postmodernity or postcoloniality, is to abolish the possibility of distinguishing criticism from ideology. From the Preface of Postmodernities' Histories. *Arif Dirlik*. Postmodernity's histories: the past as legacy and project. Lanham, MD, Rowman & Littlefield, 2000. What he calls as "contemporary consciousness" is what public opinion or ideology of the electorate stands for in our discussion.
2. In my book, *Media Hide Popular Culture* (Salyangoz Yay. 2010 — in Turkish), I discussed to a great extent that media content is far from what is happening in a cultural environment of a country. The same could be discussed in other aspects of daily life, namely in politics.
3. This is not unique in Turkey's case. Turkey with all its neighbors has ambivalent international relations. This is not unique for the last 15 years of Turkish history but can easily be generalized to all times of the Republic.
4. *Arif Dirlik*. Postmodernity's histories: the past as legacy and project. Lanham, MD, Rowman & Littlefield, 2000.
5. The term governmental media refers to indicate a close link between media and government. This term has also some connotations of the Althusser's 'ideological state-apparatuses', "a term developed by the Marxist theorist Louis Althusser to denote institutions such as education, the churches, family, media, trade unions, and law, which were formally outside state control but which served to transmit the values of the state, to interpellate those individuals affected by them, and to maintain order in a society, above all to reproduce capitalist relations of production". — Режим доступа: <http://www.encyclopedia.com/social-sciences/dictionaries-thesauruses-pictures-and-press-releases/ideological-state-apparatus>. — Дата обращения: 29 апр. 2018. See: *Louis Althusser*. Lenin and Philosophy and Other Essays. Monthly Review Press, 1971.
6. Most of the experts on the subject use the dichotomy of religion, Judaism and Islam, a paradigm of the ambivalent balance between the two countries. But historical facts, as will be shown below that starting from early times of the Ottomans until 2002, there has been no evidence of hostility either in the society or at the rulers echelons. But public sentiments and media in general have gained apparent hostility against Israel State after 1948.
7. This recognition, signed by Turkish President İsmet İnönü on 28 March 1949, led to the opening of the first Turkish diplomatic mission in Tel Aviv in 1950. — Режим доступа: <http://www.jewishvirtuallibrary.org/international-recognition-of-israel> — Дата обращения: 17 мая 2018.
8. *Paul F. Lazarsfeld, Bernard Berelson and Hazel Gaudet*. The People's Choice: How the voter makes up his mind in a presidential campaign. (Second edition.) New York: Columbia University Press, 1948. Pp. xxxiii, 178. Lazarsfeld, et.al. assert that people make political choices when voting from a number of communication resources. But they discovered that an individual is picking up his/her opinion theme from a person who would get his/her information from a (traditional) media outlet. They called it two-step flow of communication. Today, with the social media, this might be a similar process as a person who uses twitter or Facebook in a political aim, she/he is picking up the information from traditional media and disseminating it to the "friends". So we can easily assert that nothing has been changed from analog sources to digital in terms of flow of information.
9. McLuhan's "medium is the message" proverb should be tested against the claims that digital media is a duplicate of traditional media.
10. Of course, in the digital media, there are centralized powers of dissemination also. The term "trolling" in social media refers the organized groups of individuals who have missions of arguing and counter arguing in favor of a political party, politicians or corporations.
11. *Gerbner*, 2000.
12. "Baudrillard has built his whole post-1970s theory of media effects and culture around his own notion of the simulacrum. He argues that in a postmodern culture dominated by TV, films, news media, and the Internet, the whole idea of a true or a false copy of something has been destroyed: all we have now are simulations of reality, which aren't any more or less «real» than the reality they simulate". *Douglas Mann* — Режим доступа: <http://publish.uwo.ca/~dmann/baudrillard1.htm> — Дата обращения: 17 мая 2018.

13. McLuhan is more optimistic about the media although with Baudrillard he shares the technological determinism in the structuring of a society. See: *Marshall McLuhan*. Understanding Media, 1964.
14. I have found in many instances that the media are negatively correlated with the political and ideological attitudes of the voters (i.e. public opinion) in Turkey. See: *Veysel Batmaz*. More Coverage, Less Gain: The effects of Political Journalism on Politics and Elections: The Turkish Case // Paper presented at the Conference, Ural State University, Faculty of Journalism. Yekaterinburg, 14 April 2011.
15. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://haber.sol.org.tr/toplum/akpnin-payitaht-abdulhamid-dizisi-hatalarla-dolu-187292> – Дата обращения: 29 апр. 2018.
16. A rating point indicates around 300.000 audiences which means that *Payitaht-Abdülhamit* is approximately watched by 1 million people in Turkey. There are potentially 60 million TV viewers and prime time ratings show that 50% of this population watch TV every evening in the country. The population watching outside of Turkey is not a subject matter of the analysis.
17. Buraya dipnotu.
18. Discourse analysis is not a legitimate technique of empirical research. It has somehow subjective elements to be constructed in terms of interpreting a media content by the researcher. So here the term “loose” refers to the general definition of discourse analysis rather than an adjective of it.
19. This description of MEMRI might be found a little bit far-fetched and would be denied officially by the MEMRI. But there has been so many links of the Institution to the Israel State, in one or the other way. – Режим доступа: <https://www.memri.org/> – Дата обращения: 18 мая 2018.
20. “Founded in February 1998 to inform the debate over U.S. policy in the Middle East, MEMRI is an independent, nonpartisan, nonprofit, 501(c) 3 organization. MEMRI’s main office is located in Washington, DC, with branch offices in various world capitals. MEMRI research is translated into English, French, Polish, Japanese, Spanish and Hebrew. One of the most influential members of staff and chief of MEMRI TV is Mr. Carmon was formerly chief counterterrorism advisor to Israeli Prime Ministers Yitzhak Rabin and Yitzhak Shamir, and was a senior delegate to the 1991 Madrid Peace Conference. He left government service nearly two decades ago”. – Режим доступа: <https://www.memri.org/about> – Дата обращения: 17 мая 2018.
21. Anti-Zionism is also wide spread opinion among the Turkish public as perceived an act of invasion of Palestine lands once belonged to Ottomans by murderous Jews. In the colloquial Turkish, there is a clear distinction between two word to refer to Jewish people: When it is meant Judaist people it is “Musevi”, relies a friendly approach—means Moses People, but when one has hostile approach in negative connotation and meant Zionism or the “enemy” Israeli State, it is “Yahudi”. In the Serial, word Yahudi is more often used.
22. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.yenisafak.com/hayat/trtden-yeni-dizi-sultan-abdulhamid-han-2538979>; <https://www.haberler.com/2-abdulhamid-in-dorduncu-kusak-torunundan-bazi-7920922-haberi/>; <http://www.haberaktuel.com/sinav-dan-iddiali-bir-yapim-ii-abdulhamid-dizisi-haberi-613855.html> – Дата обращения: 29 апр. 2018. Even back to 2012, one of the famous TV serial directors Mr. Osman Sınay was giving media release that he has about to shoot a film about II Abdülhamit’s life to straighten the way he was looked from different ideological angels.
23. For full account of how semi-governmental bodies such as MEMRI accepts the role of media as determinants of international and bilateral relations of countries, please follow and read the narrative of the given web link –Режим доступа: https://www.memri.org/reports/turkish-state-owned-network-air-television-drama-series-depicting-jews-murderous-and#_edn1 – Дата обращения: 17 мая 2018.
24. There is a strong belief that II Abdülhamit had soundly rejected Herzl’s offer about Phalastine lands to be sold to Jews in the general public opinion in Turkey. But historical facts and documants Show that this is not true 100%. In the Phalastine lands today, II Abdğlhamit had sold not only lands to Jews but some franchises to British and Frencj companies like electric and transportation administrations. – Режим доступа: <http://odatv.com/sosyal-medyadan-payitaht-dizisine-yanit-var-1412171200.html> and <http://odatv.com/turkiye-ile-ticaretimiz-oldukca-iyi-gidiyor-1412171200.html> – Дата обращения: 15 мая 2018.
25. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.jewishvirtuallibrary.org/turkey-israel-relations> – Дата обращения: 17 апреля 2018.
26. Soon after the “one minute crises”, trade relations capacity had rose drastically from 2 billion USD, in 2012 has grown to over 4 billion USD and the Turkish-Israeli agreement on arms deal had not been stopped as the anger of Erdoğan at the Davos meeting would be suggesting otherwise.
27. “Mavi” means “blue” in Turkish and Marmara is the sea between Bosporus and Dardanelles. Mavi Marmara it is the name of the ship) which carries humanitarian help to Gaza and busted by the Israeli Sea Guards and 13 Muslim civilians were killed on board in 2010.
28. 27 June 2016: Israel and Turkey have announced an agreement to end an acrimonious, six-year diplomatic rift. The two countries were close allies, but relations broke down after the killing by Israeli commandos of 10 Turkish activists on board a ship that was part of an aid flotilla attempting to breach the block-

- ade of Gaza on 31 May 2010. The six ships in the flotilla were boarded in international waters, about 130 km (80 miles) from the Israeli coast. Commandos landed on the largest ship, the Turkish-owned Mavi Marmara, by descending on ropes from helicopters. Clashes broke out immediately and the Israeli commandos opened fire. – Режим доступа: <http://www.bbc.com/news/10203726> – Дата обращения: 18 мая 2018.
29. “U.S. Jewish Organization Asks Erdogan to Give Back Award: American Jewish Congress asks Turkey’s PM to return a 2004 courage award following his recent verbal attacks on Israel. A prominent Jewish organization in the United States has asked Turkish Prime Minister Recep Tayyip Erdogan to return a courage award he received in 2004, following his response to the recent Gaza operations, the Turkish daily *Hurriyet* reports. In 2004, the American Jewish Congress presented its prestigious Profile of Courage award to you as an individual and as a global leader for your stances on fighting terrorism, working to secure a peaceful solution for Israelis and Palestinians, rejecting fundamentalism and being steadfast in your commitment to protect the Jewish citizens of Turkey,” American Jewish Congress President Jack Rosen said in a July 23 letter to Erdogan. “And now, we want it back”, Rosen added. The letter listed a number of recent remarks by Erdogan concerning the latest Gaza crisis, as well as the recent protests against Israeli diplomatic missions in Turkey. “A decade after we gave you our award, you have become arguably the most virulent anti-Israel leader in the world –spewing dangerous rhetoric for political gain and inciting the Turkish population to violence against the Jewish people,” Rosen added in the letter”. – Режим доступа: <https://www.israelnationalnews.com/News/News.aspx/183365> – Дата обращения: 16 апр. 2018.
  30. “During Israeli president Moshe Katsav’s visit to Turkey on July 8–9 2003, most of the business projects discussed were agricultural. Of particular interest was the Southeastern Anatolia Project (GAP), a major investment scheme that will include irrigating arid southeastern Turkey with water from the Euphrates and Tigris rivers. On March 4, 2004, the two countries signed the Manavgat water agreement, committing Israel to buy 50 million cubic meters of water annually from Turkey for the next twenty years”. – Режим доступа: <http://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/political-troubles-between-turkey-and-israel-implications-of-booming-bilate> – Дата обращения: 17 мая 2018. In the Turkish media discourse this interest of Israel in GAP project is due to the “promised land” theme. In most of the Zionist documents, the Promised Land is depicted from Sinai to Euphrates and Tigris rivers.
  31. It is a fact that “during Erdogan’s premiership that most trade deals with Israel were signed. In 2004, bilateral trade hit a record at \$2 billion – and in 2012 has grown to over \$4 billion. Military cooperation further developed as the Israeli, Turkish, and American navies conducted a joint marine exercise, Reliant Mermaid. Turkey also continued to purchase Israeli arms, implemented a contract with Israel to upgrade its tanks, and in 2005 bought Israeli UAVs worth \$200 million. In December 2005, Israel’s Chief of Staff, Dan Halutz, traveled to Ankara and met with his Turkish counterpart, General Hilmi Özkök. The two officers agreed to continue the joint military exercises and to sell Israeli surveillance equipment to Turkey”. – Режим доступа: <https://www.washingtoninstitute.org/uploads/Documents/opeds/Ross20130731-GeorgetownJournal.pdf> – Дата обращения: 12 апр. 2018.
  32. The economic and political relations go back to early times: “Notable deals included a free trade agreement (1996), a double-taxation prevention treaty (1997), and a bilateral investment treaty (1998)... Neither side seems eager to disrupt the trend of booming bilateral trade. In the aftermath the Mavi Marmara incident, Turkish Prime Minister Recep Tayyip Erdogan announced his intention to cut all relations with Israel, including trade. But Ankara rapidly corrected the statement, noting that commercial ties would not be downgraded.... More broadly, in 2011 Turkey became Israel’s sixth largest export market overall. Interestingly, exports of vehicles, aircraft, vessels, and transport equipment grew 53 percent between 2007 and 2011, probably the result of Turkey’s entrance as a major player in the Israeli car market”. – Режим доступа: <http://www.washingtoninstitute.org/uploads/Documents/Research/Not16.pdf> – Дата обращения: 14 мая 2018.

В. Булмер-Томас

СОЕДИНЕННОЕ КОРОЛЕВСТВО ПОСЛЕ БРЕКЗИТА

Виктор Булмер-Томас,
*Почетный профессор
Университетского колледжа Лондона,
г. Лондон, Великобритания*

Аннотация: Анализ мотивов стремления большей части жителей Соединенного Королевства ослабить связи с остальной Европой и оценка затянувшегося процесс его выхода из Европейского союза.

Ключевые слова: Соединенное Королевство, Великобритания, Европейский союз, брекзит.

V. Bulmer-Thomas

THE UNITED KINGDOM AFTER BREXIT

Victor Bulmer-Thomas,
*Honorary Professor,
University College, London,
United Kingdom*

Abstract: An analysis of the motives of a larger part of the people of the United Kingdom to weaken the links with the rest of Europe and an assessment of the protracted process of its exit from the European Union.

Key words: United Kingdom, Great Britain, European Union, Brexit.

It is now nearly two years since the United Kingdom (UK) vote on June 8 2016 to leave the European Union (EU). The vote was close (52:48), but not so close as to put in doubt the result. It occurred just over 40 years after a previous referendum in 1975 to join the European Economic Community (EEC), as it was then known, in which membership was strongly supported.

Clearly, opinion towards the European project had shifted dramatically in the previous forty years. Why was this? Media outlets that had once been pro-Europe had become hostile; both the EEC and EU – rightly or wrongly - were seen as incapable of reform; national sovereignty, it is alleged, was being eroded; last, but not least, freedom of movement within the EU was seen by many in England and Wales (much less so in Scotland and Northern Ireland) as leading to excessive levels of inward migration from other EU states.

Since the vote two years ago, there has been a barrage of information about the expected impact of Brexit. Much of this has been ill-informed, like the referendum campaign itself. However, public opinion itself has hardly changed at all. A rerun of the referendum might produce a small majority in favour of staying in the EU, but it is not certain and it would not be large. There is therefore little appetite for a second referendum even among many of those sceptical about the benefits of leaving.

Brexit is therefore in the hands of the British parliament, where the majority of parliamentarians still have no desire to leave the EU. However, the two main political parties – Conservative and Labour – have committed to respecting the outcome of the referendum

in June 2016 and to take the UK out of the EU. We therefore have the strange situation where turkeys really do vote for Christmas, as members of parliament (MPs) will later this year vote for something they do not want.

What exactly MPs will be asked to vote for or against is still not clear. The most likely prospect is a vote in October on a package that involves a budgetary contribution (from the UK to the EU), citizens' rights, the border between Northern Ireland and the Republic of Ireland, the arrangements for the transitional phase (March 29 2019 to December 31 2020 or possibly longer) and a political agreement on the shape of the future relationship between the UK and the 27 remaining members of the EU (EU-27). This political agreement will include not just trade, but also defence, security, energy, justice and research to name but a few.

Much of the current debate focuses on the options that are still left open for the political agreement. However, most of these are wishful thinking. There is no prospect of continued membership of the single market as that implies free movement of labour. There is a possibility that the UK could remain in the customs union. However, this is not the government's preference and could only happen if the final deal is rejected by MPs. In that case, the government might collapse and new elections could be held, in which case all options would once again be on the table.

A government defeat is possible, but not probable. The government is a coalition that has a small majority if all members support it. Some may rebel, but there are rebels on the other side as well. In any case, the government would argue that a defeat would simply mean the UK leaving the EU without an agreement. One alternative is that it returns to the negotiating table. This may be important in terms of detail, but will not change the final outcome by much. The best that supporters of the EU can hope is that the UK stays in the customs union, but this is a very different proposition to membership. Turkey, after all, is a member of the customs union and to have the same relationship with the EU as Turkey would not be seen as a great success by those who voted to remain.

It is more likely therefore that the final package will be adopted by MPs in October, that the UK will then leave the EU *de jure* on 29 March 2019, that it will remain *de facto* a member until the end of December 2020 and that it will use the transitional period to negotiate a trade agreement that will give it broad access to the EU in goods and some services, but not the complete access it enjoys today as a member of the single market.

This then leaves the question of what will happen in the UK after *de facto* Brexit, i.e. after the end of the transitional period which will start at the earliest in 2021. Here we need to distinguish between the short-term, the medium-term and the long-term. Each will have different costs and benefits, although – as we shall see – what is a 'cost' for one person may well be a 'benefit' for another.

Let us start with the short-term. The UK will lose some of its market access to the EU, so that trade with the EU-27 (exports and imports) will fall. Of course, 'fall' does not have to mean an absolute decline, but it does mean that exports will be less than they would have been if the UK had remained a member. Meanwhile, the greater market access to third countries that the UK hopes to achieve once it can negotiate free trade agreements (FTAs) are unlikely to have materialised by 2021. Thus, net trade (export less imports) will be lower than otherwise expected. Similarly, investment by private companies will be restricted because of the uncertainties surrounding the transition.

Growth in the short-term is therefore likely to be lower. However, net immigration will also be lower partly because of the end of free movement once the UK leaves the EU and also because – with a lower GDP growth rate – employers will not need such high rates of inward migration. Thus, the growth of GDP per head and income per head will not fall as

much as would have happened if net migration had remained higher. The government will also have access to some of those funds previously transferred to the EU, although the net savings are likely to be small after taking into account lower growth and continued expenditure on specific EU programmes.

If the short-term is likely to disappoint the Brexiteers, it is the medium-term – from, say, 2025 onwards – on which their hopes are pinned. By this time some of the new FTAs should be in place. Many of these, however, will be ‘grandfathered’ agreements giving the UK the same market access as it currently enjoys as a member of the EU. It is only agreements with third parties which do not have FTAs at present with the EU that will give the UK increased market access.

The most important of these third parties are the United States, China, India and MERCOSUR in South America. The EU, however, is close to an agreement with MERCOSUR after nearly 25 years of negotiations, so it is more likely that the EU-MERCOSUR agreement will simply be grandfathered in the case of the UK. That leaves, the US, China and India. A FTA with each of these countries will be difficult to achieve, but not impossible if the political obstacles can be overcome. If that happens, there will be a boost to trade and with it investment. This could raise the British rate of growth of GDP, but it is unlikely to raise it to the level it would have been if the UK had remained a member of the EU.

The long-term – from, say, 2030 onwards – will occur after the UK has been outside the EU *de jure* for a decade. By this time, it will be clearer whether Brexit has been a net benefit or a net cost in terms of economic performance. In my judgement, it will prove to be a net cost and the impact of this will depend on which UK region/nation we are talking about. A decade will also be long-enough to establish whether the UK has lost influence in the world once it has left the EU embrace.

For most of England, excluding London, even if Brexit represents a net cost in terms of economic performance this may not matter too much. Net migration inwards will have fallen and domestic public expenditure, even if lower than would have been the case if the UK stayed in the EU, will be redirected towards the social spending that has suffered drastic cuts since the financial crisis in 2008/9.

For this part of the UK the sense of a national sovereignty restored, even if largely imaginary, will be important. The eurosceptic press will emphasise this impact of the Brexit story. However, the reality is likely to be very different. Without EU membership and with an economy shrinking in relative terms, the ability of the UK to project influence on the world stage will be harder and harder. Close alliance with the US – a restoration of the Anglo-American duumvirate that was important at different times in the 20th century – might have seemed possible in June 2016, but is now seen as ridiculous. Even if President Trump fails to win a second term, no future US leader is going to rely on the UK to secure its global agenda.

For London, with a smaller financial sector and lower numbers of well-paid expatriates from the EU-27, there will be some nostalgia for the loss of EU membership. However, London is a very dynamic economy and the process of adjustment will be swift if not painless. Much of London produces services that do not enter into international trade and these will survive as long as the capital remains a major international city. Even those services that do compete internationally may make the adjustment relatively smoothly, although the financial sector is likely to be smaller. Yet London, where the British establishment in commerce, media and politics is located, will feel the loss of global influence acutely.

The other parts of the UK – Northern Ireland, Scotland and Wales – may worry less about the loss of global influence. However, they will be more deeply concerned by relative economic decline, restrictions on inward migration and lack of access to the European

Court of Justice (ECJ). Northern Ireland, where a hard barrier with the Republic of Ireland, now seems inevitable, may see a further reduction in popular resistance to a (re)united island. The embers of Scottish nationalism are also likely to be rekindled in the long-term by Brexit if the fears of the majority that voted to remain are fulfilled. Even Wales, despite narrowly voting in favour of leaving, may come to reconsider once it loses access to the generous funding provided by the European Commission.

The United Kingdom is a relatively recent construct. Wales was brought into union with England by an Act of Union in 1536, Scotland in 1707 and Ireland in 1802. Southern Ireland left in 1922 and Scotland came close to leaving in 2014. There is nothing sacrosanct about what constitutes the United Kingdom and there is a strong argument that what held it together was empire rather than a sense of shared nationhood. The Commonwealth was promoted as a substitute for empire from the 1920s onwards, but this failed to gain traction.

Shared membership of the European Union gave the four nations a sense of belonging that proved an effective substitute for empire for many years. Now that EU membership is about to end, it is a moot point what will take its place as the bond that keeps the four nations together. Of course, there are centripetal forces based on language, history and culture and we should never forget them. However, there are centrifugal forces as well and Brexit is likely to boost them. I for one will be very surprised if the UK takes its present form in 50 years time.

Ф. Лабарр

ФОРМИРУЮЩИЙСЯ ФЕОДАЛИЗМ В СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ (Исследование)

Фредерик Лабарр,

*главный менеджер международных программ
Консорциума «Партнерство ради мира»
г. Гармиш-Партенкирхен, Германия.*

Аннотация: На основе классических определений феодализма, включая «феодальные» геополитические отношения, автор приходит к выводу: в международных отношениях возникают своеобразные феодальные отношения, наряду с государствами укрепляют свои позиции соперничающие с ними негосударственные акторы.

Ключевые слова: геополитика, феодализм, вассалитет, средние века, международные отношения, негосударственные акторы, олигархия, Россия, Украина.

F. Labarre

EMERGING FEUDALISM IN CONTEMPORARY INTERNATIONAL RELATIONS: A RESEARCH NOTE

Labarre, Frederic,

*Senior Manager of International Programs,
Pfp Consortium, Garmisch-Partenkirchen, Germany.*

Abstract: On the basis of the classic definitions of feudalism including “feudal” geopolitical relations the author expresses his opinion that in international relations of today one can see an emergence of a kind of feudalism in view of the fact that alongside with the states some non-state actors that are rivals to them both in the world arena and inside of the countries also exist and strengthen their positions.

Key words: geopolitics, feudalism, vassalage, Middle Ages, international relations, non-state actors, oligarchy, Russia, Ukraine.

There are few terms more abused in the lexicon of social sciences (including that of international politics), than that of *feudalism*. Scholars, analysts and journalists, outraged at perceived or real social injustices, are quick to brandish the term not as an epithet or euphemism, but as a valid illustration of post-modern individual, group, and in the case of this paper, international relations [1].

Our case is built on the recurring frequency of the (mis-) use of the term since the end of the Great Recession (2008–2009). Evgeniy Morozov, speaks of a new feudalism brought on by the social media revolution [2]. While his contribution misses the mark as to what constitutes a feudal relation, this doesn't prevent him from using the term. Perhaps this is because it is part of the post-economic crisis *zeitgeist*. Indeed, many pick up on false analogies and declare feudal relationships whose ideal should be based on selflessness and unanswered generosity. Seth J. Frantzman is one of them, who defined as “feudal” the role and relationships between aid workers and their charge in developing countries. Their role is, according to him, reminiscent of imperial colonists simply because of the gross gap

between the wages of aid workers and their hosts [3]. Mis-applied feudalism invites other exaggerations concerning the widening wage gap in the United States [4]. However, serious researchers, such as Shlapentokh and Woods are keen on exploring the implications of socio-economic disparities on political change within established societies.

To them, socio-economic and political change is driven by the essential nature of human interactions. There are universal patterns of interaction across societies (and, medievalists [5] would say, across periods), which are obscured by particular aspects of social organization (such as state centralization, bureaucracy, law, etc.) [6]. This is why the contention made by the *New Scientist* that the “future is medieval” may find some resonance. The *New Scientist* argues that the demise of the State will require new conceptions of human interaction to ensure security. If the fraying social contract means that individuals will submit their loyalties elsewhere then towards the State, then what does this mean for international relations?

The resurgence (indeed the permanence) of criminal and terrorist networks, of sources of non-State authority (such as university fraternities or sororities), or ethnic groups or tribes may provide parallels to the way medieval relations took place. Again, the comparison is fragile, and the *New Scientist* exaggerates the comparison between today’s City of London and the World Trade Organization (WTO) and medieval Florence and the Hanseatic League. These cities and institutions are *not the same* [7]. However, the relative lethargy of established States faced with the emergence of non-State actors of all sorts is telling, for if the emergence of medieval feudalism a millennium ago was caused by the collapse of the Carolingian empire, the difficulty with which the central neo-liberal State today in honouring its “social contract” may usher in a similar upheaval [8].

Before falling victim to the same semantic excesses, it is necessary to properly review the components of feudal relationships and institutions before drawing parallels between a by-gone era and the contemporary world.

According to medievalists Ferdinand Lot and Jean-Philippe Genêt, it is imperial decomposition which has led to the creation of countless relations of fealty; the sovereign having become unable to govern all subjects, a system in which estates are granted and inherited from social superiors replaces direct authority. Nobles are therefore forced by the Crown to take on vassals to enable devolution of authority to reach the tens of thousands of individuals who literally live on the margins of society. Those individuals may be free men, but they are also defenseless, the central authority being unable or unwilling to exercise sovereignty for the benefit of the whole polity. The keystone which makes feudalism possible is State weakness [9]. The lack of central authority creates a fragmented State unable to meet its obligations. When this authority continues to erode, it is parceled out to other, smaller centres. Ferdinand Lot describes feudalism thus; “la féodalité est une dissolution inachevée, inachevable, un état colloïdal de la matière politique et sociale” [10].

In effect, feudalism, when its social actors take on the attributes of the State, turns into anarchy (understood here not as chaos, but as the absence of hierarchy). The central authority finds itself cut off from its constituents. Between the people and the sovereign are the interposed “nobles” shielding one from the other.

Entre le duc ou le marquis tout proche, tout puissant, et le roi lointain, inaccessible et faible, le choix est vite fait. Le vassal royal porte sa fidélité directement au prince régional [11].

Indeed, when central authority erodes or collapses, the need of the individual will be to seek certain guarantees for survival and safety. One of the arguments for the eventual re-emergence of a “medieval way of doing things” stems from the increasing trends of government failure, even in the Western world [12]. The modern State is unable to exercise sover-

eignty over the whole of its constituents and over the totality of its territory. While there are many causes to this, the trends seem unmistakable. Lest we forget, a modern state is one which the material basis rests on a consensual public fiscal pact overseeing all subjects of a territory larger than a mere city [13].

Genêt makes an interesting observation concerning modernity as a characteristic of the contemporary State and of international relations. If feudalism is a function of collapsing central authority, then it follows that – such collapses being more frequent and numerous than many of us are comfortable to admit – feudal relations have a correspondingly equal chance of emerging. This means that feudalism does not always match the neat categorisation of medieval historians as belonging to a certain period of time [14]. Feudalism corresponds to a “type” of State, not to a locality or period. This type of State can morph into another type, and the reverse is also true; a modern State can morph into a feudal State [15].

It is therefore not far-fetched to imagine that our future could indeed be “medieval” and perhaps even feudal. What is perhaps more important than definitions are the *conditions* under which this could happen, and which enable us to differentiate one type from another. The modern State rules over a large territory, a large constituency which consents to central authority, and to which that constituency owes a part of its labour to enable the State to perform social welfare and defence and security tasks. This is in fact – and in law – an expression of sovereignty.

The modern State, thus described, risks morphing into a feudal State when, for instance, the State has become unable (or unwilling) to collect or generate revenue, rendering the central authority powerless to provide. Alternatively, when certain individuals or corporations become richer than the State, acquire some of the attributes of States themselves, or when States become dependent on monopolistic industrial sectors. Shlapentokh and Woods provide at least five elements for a feudal model of society where the State is characteristically weak.

1. A State unable or unwilling to protect its territory and/or the security of its constituents, and enforce laws;
2. Collusion and conflicts between the central administration and powerful quasi-autonomous social actors possessing significant political and economic power;
3. Conflicts and collusion between and within large organizations, involving extra-legal activity, or activity that becomes entrenched as new institutions;
4. Use of personal relations instead of the law and rules of procedure in political and economic life, and;
5. Use of private agents for the provision of security and protection [16].

Ward has also determined characteristics of feudalism [17] which help refine those above. For ease of reference, they have been outlined below.

1. **Ties of dependence between man and man.** Historically speaking, free men would “commend” themselves in a reciprocal relationship to a social superior. The lower cast would seek employment in exchange for a means of gaining revenue for the lord. This is not (yet) akin to most peoples’ understanding of looking for a job, because the labour market remains centrally-regulated, and there are limits to what an employer can ask of its labour force. This said, Genêt posits that non-medieval revenue generation schemes have supplanted land-owning in the framework of feudal relationships [18].

2. **Land tenure or fief-holding.** This is a defining feudal characteristic for many medievalists, but one must remember that in the Middle Ages, agricultural tenure was the chief source of revenue for the lord [19]. In today’s practice, central authority still regulates land ownership – it does so even in medieval terms – but land itself is not the primary means of generating revenue anymore [20]. Medieval ownership of land is the same as today’s labour

market insofar as it is a means to an end; to generate revenue, a part of which will be redistributed through taxation for the collective good.

3. **Beneficiary service.** If feudalism is a type of government, not merely a feature of medieval human relations, then beneficiary service is a logical outcome of the symbiosis of the two characteristics above; a hierarchical/social superior accepts to take on a vassal, gives him land to till from which revenues will be collected but the vassal also owes military service to his protector. In medieval times, “the crown, anxious to secure specific military and administrative service, granted land in benefice and progressively specified the service required as a condition of the tenure of the benefice” [21].

4. **Vassalage as a military relationship.** The Middle Ages were not a period of darkness and upheaval, but of post-Roman and post-Carolingian re-construction and consolidation. This could not help but being a bloody affair checked only by the most powerful rulers, and the authority of the Catholic Church. This consolidation towards what most historians will call the modern State will take centuries; Germany and Italy shedding the last remnants of feudalism only in the mid-to-late 19th century. The structure of relations that led to modernism wasn't always a neat pyramid; the process of consolidation was drawn out by the relative equality of power of the landed gentry. Until that time when the crown could rule in absolute, it required military service from its barons. Today, the plethora of private military companies and armies is frequently equated with a feudal characteristic in the contemporary world. The case of the Ukrainian and Chechen conflicts, in the last twenty years, as well as the rise of the Islamic State are frequently indexed as indicators of burgeoning feudalism in internal and international relations [22].

5. **Fragmentation cum centralism.** The feudal relationship is a means to an end; it is a method of government to better reach the ungovernable. It is a compromise with anarchy [23]. The objective of the crown or central authority is to mitigate the unraveling of the State, to secure the realm from threats within and without, as well as against disintegration. We have insisted enough on the centrifugal forces of collapsing central authority in our analysis. It must nevertheless be stressed that the contemporary State may be *unwilling* to submit to its obligations. For instance, pressures for de-regulation may lead to increased privatization of social services. Otherwise, the debt burden of the modern State may lead it to engage private agents to supply such services in its stead. Indicators of such a trend can be seen in certain fiscal practices, where the State provides tax credits to individuals who contract private firms for health care provision, for example.

For Ward, three central features must in the end be present to qualify a relationship as “feudal”; vassalage; a dependent tenure and the obligation of a lord. To these three features may be added military service [24].

The solidity of our argument depends on the harmony between Ward's and Shlapentokh and Woods' criteria. Genêt and other medievalists have been keen to demonstrate that the feudal type proceeds from central collapse but it also aims at reconsolidation. Therefore, those with a historical or chronological understanding of the Middle Ages will tend to make feudalism correspond with the period until the Crusades give way to the Renaissance. Genêt is more precise and judges that, in England in particular, feudalism eroded in favour of the modern State as early as the late 13th century, with the creation of Parliament [25]. State structures of that period strongly resemble those that have emerged in the wake of the collapse of the Soviet Union and its hegemony over other States. Genêt considers the following structure; at the very centre is the ruler and his immediate court and retinue. In a wider concentric circle extending from that centre, one finds the lords, knights, lord-mayors of boroughs, etc. Beyond that still we find the landed gentry, rich merchants, etc. And finally, in a last circle, the serfs, peasants and ordinary workers. The medieval State is com-

posed of vastly autonomous lordships [26]. Similarly, some States today, deemed “failed” are little more than a collection of warlords, or oligarchs.

Insofar as the last of these seek protection and offer their service directly to their protector, and to him (or her) offer their allegiance, we can therefore speak of a feudal relationship even today, where an aristocracy has emerged close to the centre or authority to pursue clientelism and control of central institutions in conjunction with or instead of the ruler. There, the comparison between the modern and the medieval worlds becomes attractive. Fruit of the collapse of central authority, polities attempt to rebuild themselves and achieve “modern” status. “State capture” is the result.

Of course, we ascribe a pejorative connotation to the term “State capture” especially when it concerns the former Soviet Union. What must be avoided henceforth is the mistake made by other post-Cold War analysts who view the neo-liberal democratic unitary State as the logical achievement of millennia of human political development, and as a desirable and perfect embodiment of the manner in which sovereignty should be exercised, and citizens seek and receive solace and security [27].

Taken from the point of view of the permanence of human needs for that solace and security, the current model of statehood may not be suitable anymore, and our minds must be ready to embrace alternative models of human and international relations. Today’s feudalism finds much of the characteristics outlined by Shlapentokh and Woods, but some areas of the world also exhibit characteristics outlined by Ward. In fact, both interpretations adequately reflect the ...real life tensions between the center’s efforts to establish order and operational efficiency, and the social forces and human appetites that fragment power structures and distort the formal coordination of society. Under such conditions, individual social actors and organizations – whether medieval lords or multinational corporations – systematically influence, manipulate, and contradict the State and each other, while pursuing their own interests – even when so doing conflicts with the interests of the State and society at large [28].

Depending on the strength of the weakening State, feudal elements can emerge in varying degrees. Thus, “first world” States are confronted with their limited ability to tackle fraud and corruption. The emergence of organized crime in North America can be traced back to the central authorities’ discriminatory practices – equated as unwillingness to treat certain minorities equally – leading them to the establish their own system of protection. Double standards and ghettoization has forced Italian immigrants of the early 20th century, unable to have equal resort to the law and the courts, have required the implementation of loyalty and protection structures imported from the old country.

In countries that have been under Western and Soviet hegemony, feudal elements are more readily associated with medieval practice. A quarter of century after the end of the Cold War, countries in Africa, Latin America, Asia and in the former Soviet Union still struggle with reconsolidation. There, oligarchs, war lords, and captains of industry are prevalent and act as substitutes for local and central authority which in any case are unable to exercise sovereignty. These actors are those who directly provide for their enlarged retinue, and the latter owe them loyalty. Those who are unable to commend themselves to their protection (i.e. get a job within those many industries) fear ending up on the margins. Interestingly, these relations are more prevalent in the large cities than in the countryside, which completes the picture, and emerges as a large un-tended “commune.” The implication is that the tendency towards centralisation after State or imperial collapse in the post-Cold War experience would tend to succeed better in large municipalities, as it did in the medieval period [29]. The foregoing exploration has provided us with a better understanding of what are “feudal” relations, and also whether this epithet is applicable to the contem-

porary world in general. There is some anecdotal and structural evidence which suggest that indeed, feudal elements are emerging from a weakening socio-political and economic system [30]. We nevertheless require a more inclusive framework of analysis to test that claim.

II. A THEORETICAL MODEL OF “FEUDAL” GEOPOLITICAL RELATIONS

To summarize, feudalism is a type of relation among socio-political and economic actors. What conditions bring this type of relation – if any – in the contemporary world? Contrary to what Spruyt has written, we postulate that such relations are not the fruit of rational actors acting in total freedom, maximizing their advantage and in minimizing their disadvantages [31]. These are actors acting under structural constraints. This constraint is mainly expressed by chronic and endemic insecurity. The drive to “vertically” integrate is not driven by the desire to maximize commercial returns and reduce costs, but to ensure maximum security and authority. Market and power arrangements cannot be the fruit of spontaneous and common free will when the market is resource-poor, and the polity lacking in opportunities [32].

Security and predictability in contracts across borders then could only be approximately assured between traders related by kin and/or culture. This arrangement mitigated the diversity of cross-border rules, distrust, and relative inability of the host to keep his side of the deal and to enforce contractual agreements [33]. Between the emerging middle (or merchant) class and the local rulers, a symbiosis of interest emerged; new revenues can be garnered if a protection regime can be sustained in exchange. The difference is that for this solution to operate, the protector must also dislocate, raising costs. And dislocate they did, but not to offer continuous protection, but to ensure that they (the elite class) too, had their representatives abroad. Both ends of the supply chain can be made secure if a single dynasty operates at both ends, served by merchants that are equally dynastic. The motive for conquest, the rationale for cross-border expeditions, for medieval geopolitical relations remains the lord’s personal sustenance and security against other lords, but this effort ends up involving the emerging banking [34] sector, the merchant class and other dukedoms overseas.

The new political entities that emerged out of the dissolution of the Soviet Union were held together by the relations that individuals had with one another. The first act of “international relation” between Russia and Ukraine, for example, may have been the interests that certain Soviet directors of industry, some of whom would become post-Soviet commodity magnates, entertained with actors from the now-dissolved supply chain; for instance, the director of Rosoboroneksport (the Russian armaments clearinghouse) would have an interest in maintaining amicable relations with aluminum producers in what became an independent Ukraine. More importantly, it would be incumbent on the central leadership in Russia to make sure that aluminum production and export there did not become totally devoted to other clients than Russia. Spruyt’s understanding of feudalism eventually encompasses the totality of economic relations, but he neglects to entertain the idea that has been made manifest at least since the last decade, that commodities and objects of commerce can become weaponized. They can become an instrument of control in a cross-border game of domination.

Teschke offers a better description of feudal relations in this respect; “...in a feudal society, property relations are such that the noble class reproduces itself primarily by forced appropriation of peasant surplus through administrative, military and political means” [35]. In post-Cold War Russia, ...enterprises were sold significantly below their value. This effect was exacerbated by hyperinflation, which devalued ruble funds received from privatization. Privatization redistributed state-owned assets among the oligarchs, concentrating these im-

mense assets in their hands during this process. Privatization assisted in changing the economic model and the new owners facilitated the development of their enterprises, making many of them profitable [36].

These outcomes strongly resemble the sort of feudal relations that have emerged. Internal economic conditions were driven by lack of diversity, innovation, and opportunities. In addition, social stability depended on the rapid re-ignition of industrial output. Since social stability was now a problem of much smaller and weaker political entities that used to be working together as a Soviet Union, but now were working as politically-independent administrations (Moldova, Estonia, Ukraine, Kazakhstan, etc...), the focus of responsibility for stability became much narrower, yet industry was still very much interdependent so that nominally-speaking, the instability of one actor could become a problem for all. What happened in effect was quite different, and this is why Shlapentokh and Woods are so keen to speak of a modern feudalism; the stronger actors emerging from the collapse effectively met domestic pressures by embarking on a path of external conquest.

In the example we've given above, we may say that this inter-oligarch competition springs from the globalized market. However, as international relations operate within the post-Soviet sphere, mal-integrated as it is into the global economy [37] (and sanctioned by its supposed "leaders" in the West), fruit of the implosion of the Soviet Union, security and economic actors frequently become one and the same. Maximizing return from the revenue-producing property therefore becomes the name of the game. When this property is operating at full capacity, the local magnate will seek expansion into other regional markets, frequently relying on connections already existing since before the collapse.

For example, in Russia, by the middle of the 1990s, seven men, led by Boris Berezovsky, who had privatized the Lada car manufacturer AvtoVaZ, controlled more than 50 percent of Russia's wealth [38]. We speak now of an oligopoly, but not yet of an oligarchy. Together with other captains of industry including well-known banking tycoon Mikhail Khodorkovsky, he engineered the re-election of Boris Yeltsin as president of Russia [39]. With this they gained extreme leverage in the Kremlin. Eventually, the "State" would in fact become the sum total of its lords, and they would call the shots; Reddaway and Glinski have Russian magnate Boris Berezovsky saying "if you don't understand that we've come to power, we will remove you... You will have to serve our money, our capital" [40].

Since the same process operates across nearly all post-Soviet republics (the Baltic States appear to have been an exception), cross-border relations would therefore take place person-to-person among oligarchs, with the central political power providing a veneer of legitimacy and synchronicity with the rest of the world, when not aiding and abetting in these extra-territorial, and apparently extra-political (although they clearly aren't) economic relations [41]. If in the Middle Ages "territory was coextensive with the ruler's ability to enforce his authority claims" [42] then feudal territoriality can only be understood as political power exercised under conditional property relation rules.

When Vladimir V. Putin came to power in early 2000, such was the "deal" that is believed (a key component of inter-personal power relations) to have been struck with Russian oligarchs; "stay out of politics and you can keep your fortunes." As William Tompson, OECD economist, wrote in 2004, "...having promised prior to his election that the oligarchs would 'cease to exist as a class' and that [Mr. Putin] (and, by implication, the state) would adopt a position of 'equidistance' from all of them, Putin sought, in the interests of stability, to tame them rather than to exterminate them, redefining and institutionalizing their relationship with the state [43].

Tompson discredits the notion of that any "deal" was struck, at least not in written form. The apparent promise that was made early on was that the privatization process of Russian

industry would not come under scrutiny, and that it would not be reversed. In effect, Mr. Putin was putting the oligarchs under pressure to consolidate the State's power, a normal occurrence, correctly predicted by Hendrik Spruyt, in a context of social anarchy [44]. In many ways, he didn't want to be faced by the conditional relations that Boris Yeltsin had faced.

When Vladimir Putin came on the scene, he curtailed the excesses of the oligarchs by putting down some broad rules; "share your wealth, or risk losing it" [45]. The gist of the new deal was greater formal regulation, and, if necessary, ex-post factor prosecution of industrialists suspected of having abused their privileges during the privatization schemes of the early 1990s. This did not curtail monopolization, but it established balance between the political power and the business interests of the oligarchs.

Oligarchs were left to pursue their interests as long as they didn't run counter to those of the Putin regime. More to the point, the regime wanted to leverage the returns of high industry to restore Russia's pre-eminence. In this deal there is a reversal in relations; conditionality applies to the oligarchs, and not to the central ruler. The much-disdained (by the Western press at least) "vertical of power" required that central authority return to Russia. Hence it is not surprising to see an end of the oligarchy by the middle of the 2000s.

Surveys administered by Fadeev show that between 1995 and 2005, sales in billions USD of fully-fledged private companies went from 20 billion (1995–1997), dipped to 12 billion in 1998, and steadily rose to 69 billion by 2004. The sales of companies controlled by oligarchs follow the exact same curve, but the sales correspond to roughly 9 billion, 10 billion, and 50 billion for the same periods [46]. These returns are normal insofar that private companies far surpass in number that of oligarch-controlled companies [47].

But even with 30 percent of companies somehow "connected", there is no increase in revenue, or level of connection. In fact, after 2003, we notice a steady decline in the number of oligarch-controlled companies, with a sharp increase in government-controlled companies in 2006–2007. By 2007, the number of government-controlled companies surpassed that of oligarchs by some 25 percent, while the number of fully-fledged private companies had dropped by 50 percent during the same period [48].

It is interesting to note that Russian economic performance corresponds to this reversal, a reversal that one may call a form of "renationalisation" of industry in Russia. With central authority reasserted over the strategic sectors of the economy, Russia still needed its oligarchs; it needed its connections to other post-Soviet markets, and also as conduit into the mainstream economy. By the end of the first decade of 2000, Russia's international relations ran no risk of being "feudal"; they had become neo-mercantilist [49].

There are, indeed, features of feudalism that have emerged in the wake of the collapse of the Soviet Union, but few former SSRs have been able to consolidate away from feudalism. It can be argued, for example, that the fight for Nagorno-Karabakh, between Armenia and Azerbaijan, is actually a fight for mining resources in gold, manganese and iron ore in the north-west corner of that disputed territory. Russia's ambivalent relationship with either of the belligerents may be connected to its oligarchs' connections with those or Armenia and Azerbaijan. While this statement is speculative and only used to illustrate a possible *leitmotiv* of Russia's international relations, the conflict with Ukraine provides a more potent cocktail of feudal ties across borders. She serves as a cautionary tale to leaders unable to wrest authority over the reins of power. An image of cross-border feudal relations in the contemporary world would look like this.

1. The central power of the State is weakened by its inability to raise revenue from the territory, as well as from dubious legitimacy within the existing political system;
2. The central power mitigates its weakness by delegating economic and political power in the regions to oligarchs whom it can nominally trust;

3. As political and economic power is parcelled out, regional oligarchs amass the means to hold in vassalage whole sectors of the labour force, which depends on the good graces of the oligarch and the strength of that economic sector to thrive;

4. International relations are conducted above the heads of regional oligarchs as long as the central power holds some authority. While this may be for public and international consumption, the real relations are conducted between oligarchs across border;

5. There is a competition for industrial sectors and local/regional markets that takes place among post-Soviet oligarchs;

6. There is limited integration within the world economy;

7. Differences between external and internal markets and relations – that is; the significance of recognized geopolitical borders – are meaningless;

8. Oligarchs are rich enough to raise private armies, not only threaten central elected power, but also challenge other oligarchs across the border;

9. There is rent-seeking throughout commercial exchanges; industry is weaponised;

10. The central power of one State behaves as the suzerain to other States and oligarchs. “Homage” and “tribute” are owed to it;

11. Central powers and oligarchs interact as political actors within the confines of recognizable State political institutions for the purpose of legitimizing their actions.

International relations and conflict management in such circumstances can only be understood as embedded in a diffuse oligopoly in the control of the means of violence. Against this background, the limits of demarcation between pacified domestic politics and essentially hostile international relations between criminal law and international law become... impossible to draw [50].

We argue in the case study below that the structuring principle of “modern feudal” relations is anarchico-hegemonic, and based on power derived from the conditional ownership and exploitation of conditional social property assets.

III. UKRAINE AS A CASE STUDY

The convergence of ethnic demographics and industry type has made Ukraine a strong candidate for conflict in the wake of the collapse of the Soviet Union. Devoid of central authority, groups and communities tend to seek self-sufficiency and security through their kin and more localized authority figures.

Ukraine is roughly split by the majestic Dniepr River into East and West. The former is home to mostly Russian-speaking Ukrainians working in energy-hungry heavy industry and commodities. The latter is home to what Julia Strasheim calls “ethnic” Ukrainian, that is non-Russian speakers, whose main economic activity is agriculture [51]. Independence meant that Ukraine’s economic relations, and therefore inter-oligarchic relations, became asymmetrical. Roughly two-thirds of its exports is labour-intensive agricultural production which was also low-return in the early days of the post-Soviet era, while its more precious commodities require enormous energy which only comes from Russia [52] This asymmetry offers much coercive leverage to the dominant supplier of energy.

Kostyuk, Kostyuk and Tchernyshov explain that in the mid-1990s, the Ukrainian government, then under the command of Leonid Kuchma, attempted to limit the political and financial influence of industrial groups and individuals who had benefited from privatization. Legislation aimed at making commercial relations and accounting practices transparent – ostensibly to ensure the proper collection of tax revenue to the central authorities. By 1999, however, this legislation had been repealed [53].

The picture painted by Kostyuk *et al* of the Ukrainian corporate and commercial sector resembles fiefdoms controlled by a few lords. Hence the bank “Finance and Credit” con-

trolled by Konstantin Zhevago and Aleksey Kucherenko indirectly controls nearly a dozen different joint stock companies (JSCs) operated by other directors which we can assume are eventually responsible to Zhevago and Kucherenko. We cannot determine a relationship of conditionality between Finance and Credit and the directors of respective JSCs in this scheme other than the normal conditionality that operates between an employer and an employee; rank and status in exchange for value generation. Kostyuk *et al* assumed that the aim of “Finance and Credit” was to achieve vertical integration on a large swathe of industrial sectors [54]. This vertical integration has not materialized and the authors do not tell us why.

The corporate scene of Ukraine, by the time of the Orange Revolution, gives us a possible explanation. The picture was now of the concentration of capital, and therefore political power, in the hands of a few individuals vying for control of Eastern Ukraine’s industries. This would set Ukraine on a collision course between its own oligarchs and those of Russia. Three actors emerged; “Privat-Invest” (Ukraine’s Igor Kolomoyskiy with Gennadiy Bogolyubov and Andrey Martynov), “UkrSibBank” (Russia’s Oleg Deripaska and Roman Abramovich), and the “Industrial Union of the Donbas” created by JSC “Vizavi” (Vitaliy Gayduk and Sergei Levochkin), the Academy of Technologies of Ukraine, the Donetsk City Chamber of Commerce and the town of Mariupol [55].

These three corporate actors represent the interests of some seven “captains of industry” in addition to municipal corporations. Non-ferrous metallurgy, on which scores of low-income workers depend for their livelihood in the Eastern part of Ukraine, is the strategic (from a national point of view) commodity after which these corporations are. Within the rather stable bilateral relationship between the Ukraine and Russian central authorities, this competition would appear to be normal commercial jostling for position. However, others see a conditional social property relation between the centre and the oligarchs in Ukraine.

The Ukrainian presidents managed relations with Russia with a view to securing the economic benefits specifically sought by the oligarchs (such as access to the Russian market and lower energy prices for Ukraine’s energy-intensive industries), who *in return* facilitated the political survival of the successive presidents [56].

The Ukrainian presidencies eventually became “vassals” of Russia because political survival came to depend on the harmony between Russian and Ukrainian oligarchs, the former who required a captive market for Russian exports, and the latter who required cheap primary resources to produce without undertaking the effort of modernization [57]. The outcome of this is that Ukrainian oligarchs were losing leverage more and more to Russian interests over the Ukrainian central administration. This ran against the interests of Western Ukrainian nationalists as well as Eastern Ukraine oligarchs. President Kuchma spent much of his presidency teeter-tottering between wishes of Western integration, Eastern pragmatism, and defending himself from scandals. His successor, Victor Yanukovich, whose political base was in Eastern Ukraine, did not manage to hold on to power, and it can be imagined that the winner of the 2004 elections, Victor Yushenko, on the success of what was called the “Orange Revolution”, opened to door to a decisive shift in Ukrainian international relations.

Yushenko, who represented Western Ukrainian interests, put more effort in pivoting the country westward. However, the result was pressure from Moscow, in the form of weaponization of energy, to get Ukraine to integrate to Russian-initiated economic integration schemes. Dragneva and Wolczuk argue that the “gas wars” of 2006 and 2009 were the consequences of an attempt by the Ukrainian central government to establish distance between Kyiv and Moscow, that is, to break the link of suzerainty that was established between the two capitals above the heads of Ukrainian oligarchs [58]. The rent costs exacted by Mos-

cow for Kyiv's apparent disloyalty were significant, and led to a shrinkage of the Ukrainian economy by 15 percent [59].

This economic tailspin paved the way for Victor Yanukovich's return, and he won the 2010 presidential elections in a contest which was seen as free and fair by the international community [60]. Critically for our analysis is that the 2010 elections revealed the depth of cleavage between the East and the West, between the respective backers of Yanukovich and those of Yulia Tymoshenko, herself dubbed the "gas princess". Eventually, Yanukovich could not indulge in the sort of pragmatism that Yushenko had attempted between Russia and the European Union. Caught between the European Union and Russia's proposals in late 2013, he chose to obey the short-term goals of his oligarchs.

Given their domestic weakness, the political survival of the incumbent elites in Ukraine made them prioritise the immediate deal with Russia over the longer-term benefits of integration with the EU. Like the case of the EEC in 2003, the decision to suspend the Association Agreement and accept the Russian offer [of joining the Russian economic integration initiative, *auth.*] was taken by a narrow circle of the President's closest associates – without appropriate deliberations with regard to this momentous foreign policy decision [61].

The 2010 electoral contest could be understood as a contest between a pro-EU and pro-Russia electorate, but also as a contest between Eastern and Western regional power brokers. Between those oligarchs who depended on good relations with the EU, and good relations with Russia. When Victor Yanukovich made his about-face in November 2013, apparently choosing Russia over the EU, he obeyed the structural conditions existing between himself and the oligarchs that represented real power in Ukraine; those who could garner more favourable trading conditions with Russia, ensuring that economically-depressed regions of the country did not turn on him and cause a revolution. Democracy was short-circuited in favour of oligarchy.

Instead the revolution came from the West. While the Euro-Maidan protests were initially the product of spontaneous discontent, by February 2014, the presence of armed trouble-makers within the ranks of protesters. The majority of the victims who fell to the bullets of snipers between 18 and 20 February 2014 hailed from Western Ukraine, particularly from the town of Rivne and its environs [62]. Ivan Katchanovski, of Ottawa University, has written a forensic account of the killings which claimed the lives of some 100 protesters, casting doubt on the theory that the deaths were caused by Ukraine's own security forces, or by Russian agents [63]. Katchanovski's conclusions are not discussed here. Nevertheless, his study shows how fluid Ukrainian politics and international relations had become.

Ukrainian international relations, and especially bi-lateral relations, would take a turn for the worst. Crimea, home to a seaport where the Russian Black Sea Fleet was stationed, was of critical strategic importance to Russia, and the transfer of sovereignty that took place there must be seen in customary transnational power relations. However, the legitimisation of this transfer had to take place through Russian "viceroys." Meanwhile, trouble was brewing in the Donbas. With a western-leaning government, oligarchs faithful to that government could either take over the industry there, or else, the whole of the production, and the requirements for energy, might also turn westward.

Ukraine shows many signs of reverting to feudalistic relations. This is particularly evident with the war in the Donbas, which is an expression of feudal cross-border relations. "Borders" in this instance are those physical and political borders that correspond to Kyiv's avowed geopolitical preferences, versus the preferences of "separatists".

In geostrategic terms, using proxy non-State actors is prudent because it tends to eliminate the impression that the dominant actor in the region – Russia – is seeking to alter the status quo. Proceeding from the hypothesis that Russia has had a role to play

in the Donbas affair, the installation of Moscow-sponsored leaders in Luhansk and Donetsk resembles the appointment of viceroys. According to Denis Kazanskiy who writes for the *Ukrainian Week*, the removal of “agitators” that Moscow had backed between 2014 and 2017 (Mr. Zkharchenko and Mr. Plotnistkiy) suggests that the Kremlin understands that it requires actors that can also talk to Kyiv if need be. The appointment of Rinat Akhmetov and Yuriy Boyko therefore represents a sort of compromise between Moscow and Kyiv [64].

The fact that these individuals are well-known in Kyiv as well as in Moscow, and that they may (although the analysis of the *Ukrainian Week* is usually doubtful) represent candidates of consensus, suggests a pattern of inter-oligarchic relationships that supersedes the existence of political borders. Kazanskiy observes that “thousands of well-armed men are a serious force. It is unlikely that they would be prepared to surrender their weapons for the sake of Akhmetov’s interests and obey him” [65]. What is meant here is perhaps the establishment of a form of balance of power between those who fund the separatist militias and the political figures who manage the destinies of separatist regions on behalf of others. This arrangement was brokered by Roman Medvedchuk, intermediary between Kyiv and Moscow, and appeared to have little traction. Suffice it to say that the arrangement was made behind the Cabinet’s back in Kyiv, bringing saliency to the fact that feudalistic relationships thrive in conditions where borders are rendered meaningless.

The relationship furthermore suggests that actors in the Kremlin need leverage over Kyiv, but that this leverage cannot be exercised to the risk of triggering further manifestations and revolutions. In other words, everyone is concerned by the “patterns of reciprocal obligations” that exist between Kyiv and the electorate, the power of the Western Ukrainian lobby and the central authorities in Kyiv, the linkages between oligarchs and President Poroshenko, as well as the interests of Russian oligarchs in Eastern Ukrainian industry.

In this respect, the president of the American Chamber of Commerce in Ukraine, Andy Hunder, revealed that corruption could only be taken on by “technocrats who have no... personal obligations” [66]. Hunder further suggests that while it was the Church that years ago was responsible for social well-being, now that role had been taken on by business [67]. Two things reveal that feudalism is a state of mind that permeates society in Ukraine. First, the use of the word “obligation” a throw-back to the medieval era, and to the personalization of power relations. Second, it the fact that it didn’t occur to Hunder to think that the responsibility for social well-being (however defined) was in fact (and in law) the responsibility of the central government. Debates and discussions about corruption, therefore, are atypical; feudalism is a form of governance which has its own laws. Without business obligating society, there can be little well-being for its constituents.

Further evidence that feudalism is at work is given by Andriy Levus, Member of Parliament for the right-leaning People’s Front party. He argues that Russia is attempting to destroy Ukraine’s “power vertical” so that “Ukraine... would start disintegrating into various artificial formations and, most importantly, a politician would come to power in Kyiv with whom the Kremlin [would] be able to reach a compromise.” [68]. It scarcely matters whether these are the Kremlin’s true intentions. What is of relevance is the suggestion that the central authorities in Kyiv (and perhaps even more so those factions representing Western Ukraine) are hard at work trying to consolidate power so as to *avoid* feudalistic relationships.

As a way to mitigate disintegration, Levus suggests appointing the “heroes” of the Maidan and of the Anti-Terrorist Operations (ATO) in the East to government office, arguing that this minority of “doers” would enact positive and irreversible change. At the same time, the purge of Russian agents of influence should be carried out. Finally, he urges that the gov-

ernment resist populist tendencies and not to bow down to the rhetoric of oligarch-owned media [69]. In essence, he's calling for the government to rebuild the Ukrainian bureaucracy at group and individual level by giving jobs to Western Ukrainian sympathizers. The bureaucracy, in the conditions in which Ukraine currently operates, would not be reformed along the wishes of the international community (let alone that of the Ukrainian constituents), but would become a revenue generator just as industry is for oligarchs. There would be no reform, just an internal change of administration from one clique to another [70].

Concerning the conflict itself, Elizaveta Honcharova argues that Kyiv's abandonment of civilian victims in the Luhansk and Donetsk areas invites localized feudalism, though she doesn't use this term. In effect, compensation and reconstruction is left mainly to local actors and regional authorities, as well as human rights and civil society organizations [71]. This context breeds alternative loyalties and consumes the central authorities' legitimacy in the ATO. People have to rely on non-State actors for redress whose interests don't always coincide with those of Kyiv.

This situation is compounded by the fact that not only do *regular* Ukrainian forces feel abandoned by the civilian and political leadership in Kyiv, with barely 6 percent [72] of the conscripts renewing their contract, but by the fact that the most successful military units are *privately* funded by oligarchs. Individuals therefore see less connection between their personal fate and that of the country, and greater connection with smaller units. It is those smaller oligarch-funded battalions that have "saved the country from collapse." [73] This is perhaps the most striking example of feudalistic relationships. Volunteers have *commended* themselves to the battalions. They who hitherto had been slaving away in metallurgy and mining in the Donbas now are called by wealthy individuals to join the fight.

The fight for what? So far as a cursory analysis can suggest, not for *political* objectives, but for industrial ones. How else to explain the sudden attraction of fighters to Avdiivka but by the presence of coke refining factories, mines, and processing plants, which are in fact the objective of oligarchs on both sides of the conflict? [74].

The recent struggle joined between Kyiv and Igor Kolomoiskiy, which ended with his arrest in March 2015 is yet another indicator. When he threatened to "walk on Kyiv" with some 2000 men, Petro Poroshenko could do nothing else but put him under arrest. At the same time, Poroshenko needs Kolomoiskiy's influence if he doesn't want to lose Dniepropetrovsk as well as Luhansk and Donetsk.

This war may yet recover Ukrainian territory, but as things go, it will not recover Ukrainian unity. By the time there is a solution in place in the Donbas, constellations of alternative power relationships and sub-regional loyalties will have been built, ordinary citizens, soldiers and veterans, and even ethnic groups will have become dependent of local authority figures.

Even a victory in the field may yield more feudalism. Human security will then be derived from the bonds between protectors and beneficiaries, and these bonds may transcend acknowledged political borders, since the power and the authority of protectors will itself be derived from industry ownership and captive markets.

CONCLUSION

In the contribution above, we have attempted to examine features of feudal inter-state relations. We conclude that although there are some anecdotal indicators of what John Sullivan would call "neo-feudal" [75] relations, it is difficult to detect a definite trend, even in the relationship between Russia and Ukraine. The structure of relations between Ukraine and Russia, although heavily influenced by oligarchs' interests and maneuverings, remains within the domain of "normal" (international relations, with recourse to legitimate, recognized and agreed international instruments of conflict management.

This does not mean that the relation between the two States and within Ukraine in particular is not conducive to feudalism. While the diagnosis of the situation as “feudal” is particular to the discipline [76] and/or to the researcher who uses such a definition, however you call it, Kyiv is losing sovereignty to alternative poles of loyalty the longer the conflict endures.

At this stage, we should insist on the neutrality of the term. Feudalism, or neo-feudalism, neo-mercantilism and democratic liberalism are methods of governance. They are the product of manifold conditions, and we give no judgements of value on either here. If aspects of feudalism are at work within Ukraine, or between Ukraine and Russia in their respective relations, it is a function local and historical processes particular to the post-Soviet experience. At the same time, the common point between all instances where feudalism has reappeared in the post-Cold War strategic and political environment has been the central powers’ loss of sovereignty and authority over territory and constituency.

As we have alluded above, sometimes, this loss is not incidental; it is willingly undertaken by central governments financially unable to meet their “obligations.” This said, the migration to feudal forms of international and interpersonal relations is not necessarily something to be feared or resisted. Just as long as human security is preserved. Even critics point to the beneficial power of relationships of obligation. [Recall] that Pablo Escobar, a pioneer in the area of criminal philanthropy, started a lot of these activities in the 1980s in Medellín, Colombia. Though best known as the murderous leader of the Medellín Cartel, he was well known locally as one of the main providers of social services, sports activities, and protection for local youth. Hizballah, in Lebanon, is famous for its local provision of public services normally expected from the State, including public protection, home loans, public sanitation, and social welfare... [77].

The objective of interpersonal and international relations is the welfare of the individual and the State; their respective and symbiotic security. Before stridently lambasting forms of governance as “criminal” just because they threaten the primacy of the unitary State, we should ask ourselves first whether this model of governance is not past its prime. And second, instead of re-founding the unitary State in the hope that it might own up to its obligations, begin thinking about this difficult transition from sovereign State to quasi- or partially-sovereign statelets, cities, and regions, and how to maintain the security of the individual through that transition.

Источники и литература

1. *Vladimir Shlapentokh and Joshua Woods.* (2011). *Feudal America: Elements of the Middle Ages in Contemporary Society.* State College, PA: Penn State University Press, 2, referring to *Matthews and Nemsova* 2006 and *Glionna* 2008.
2. *Evgueny Morozov.* « Féodalisme 2.0» // *Le Monde Diplomatique.* 27.04.2016.
3. *Seth J. Frantzmann.* International NGOs: The New Feudalism // *The Jerusalem Post.* 27.11.2016.
4. *Alton C. Thompson.* Our Return to Feudalism // *Dissident Voices.* August 2014. — Режим доступа: <https://dissidentvoices.org/2014/08/our-return-to-feudalism>. — Дата обращения: 19 мая 2018.
5. *Jean-Philippe Genêt.* (1997). *La Genèse de l’État moderne: Les enjeux d’un programme de recherche.* Actes de la recherche en Sciences sociales. Vol. 118. Genêt concludes that “feudalism” is a characteristic of relations not necessarily a type of human relationship that corresponds neatly to the medieval period.
6. *Shlapentokh and Woods.* Op. cit., 4.
7. *In our World beyond the Nation, the Future is Medieval* // *New Scientist.* No. 2985. 6.09.2014.
8. *Ibid.*
9. *Shlapentokh and Woods.* *Feudal America*, 7; also *Jean-Philippe Genêt.* *La Genèse de l’État Moderne*”, 6; *J.O. Ward.* (date). *Feudalism: Interpretative Category or Framework of Life in the Medieval West?* — Режим доступа: <https://openjournals.library.sydney.edu.au/index.php/article/viewfile/8015/8147> — Дата обращения: 17 мая 2018; also *Seth J. Frantzmann.* *International NGOs... who claims that NGOs*

- perform the work that the State should be doing, were it not failing..., and *Ferdinand Lot*. «Qu'est-ce-que la Féodalité? // Journal des Savants. Jan – Février 1947, 6.
10. *Ferdinand Lot*. (1947). *Histoire du Moyen-Âge*. Editions Gustav Glotz, Tome 1, 665. Feudalism is an incomplete – unachievable – dissolution, a colloidal state of the political and social mass.
  11. *Ferdinand Lot*. Qu'est-ce-que la Féodalité?, 12. Between the duke or marquess so near and all powerful, and the far-away king, out-of-reach and weak, one's choice is readily made. Vassals owe their loyalty directly to the regional prince.
  12. In our World Beyond the State...
  13. *Jean-Philippe Genêt*. *La Genèse de l'État moderne...*, 3.
  14. *Ibid.*, 5.
  15. *Benno Teschke*. *Geopolitical Relations in the European Middle Ages: History and Theory // International Organization*, 52:2, Spring 1998, 329; quoting *Kenneth Waltz*. (1979). *Theory of International Politics*. Reading, MA: Addison-Wesley.
  16. *Shlapentokh and Woods*. *Feudal America...*, 7.
  17. *John O. Ward*. *Feudalism: Interpretative Category...*, 40–46.
  18. *Jean-Philippe Genêt*. *Genèse de l'État moderne...*, 16.
  19. *Benno Teschke*. *Geopolitical Relations in the European Middle Ages...*, 340.
  20. *Ibid.*, 340.
  21. *Ward*. *Op. cit.*, 43.
  22. In our World Beyond the State...
  23. *Ward*, *Op. cit.*, 48–49.
  24. *John O. Ward*. *Feudalism: Interpretative Category...*, 45.
  25. *Jean-Philippe Genêt*. *Genèse de l'État moderne...*, 16.
  26. *Benno Teschke*. *Geopolitical Relations in the European Middle Ages...*, 343.
  27. *Hendrik Spruyt*. *Institutional Selection ni International Relations: State Anarchy as Order // International Organization*, 48 :4. Autumn 1994, 530. Spruyt claims that “there is no suggestion [on his part] that the territorial state emerged as an optimal solution to individual preferences... The emphasis is thus placed on explaining selection among already existing alternatives.” Although he tries to deny it, he does suggest that a rational choice was made by the medieval citizenry towards a more centralised authority. This is difficult to believe, human beings being as they are, more prompt to retain the models of the past, than to imagine possible futures. Although it is clear that more and more individuals are abandoning the “national” model of belonging and loyalty, it does not follow that any one of them, or all of them together, can come up with an original vision of society to supplant the territorial State.
  28. *Shlapentokh and Woods*. *Feudal America...*, 8.
  29. *Hendrik Spruyt*. *Institutional Selection ni International Relations...*, 539.
  30. *Benno Teschke*. *Geopolitical Relations in the European Middle Ages...*, 325.
  31. *Hendrik Spruyt*. *Institutional Selection ni International Relations...*, 531.
  32. *Ibid.*, 530–531; *Teschke*. *Op. cit.*, 338.
  33. *Ibid.*, 535.
  34. *Ibid.*, 536 Spruyt incorrectly asserts that currency was scarce, but he contradicts himself later by saying that the kingdoms of France and Venice were the first to institute a stable monetary system, against the multiple coinage facilities of other powerful states. See *Ibid.*, 538 and 541.
  35. *Benno Teschke*. *Geopolitical Relations in the European Middle Ages...*, 358.
  36. *Dembitski*. *The Progress of Privatization in Russia*. New York: CEIC Data, ca. 2013. – Режим доступа: <http://www.ceicdata.com/en/blog/progress-privatization-russia> – Дата обращения: 17 мая 2018.
  37. *Ibid.*, 341.
  38. *F.J. Dresen*. *The Piratization of Russia: Privatization Gone Awry*. Washington, DC: Wilson Center, 7 July 2011. – Режим доступа: <https://www.wilsoncenter.org/publication/the-piratization-russia-russian-reform-goes-awry> – Дата обращения: 17 мая 2018.
  39. *P. Reddaway, D. Glinski*. (2001). *The Tragedy of Russia's Reforms: Market Bolshevism against Democracy*. Washington, DC: USIP, 503.
  40. *Ibid.*, 500.
  41. *Benno Teschke*. “Geopolitical Relations in the European Middle Ages...” 343.
  42. *Ibid.*, 345.
  43. *William Tompson*. *Putin and the Oligarchs: a Two-Sided Commitment Problem // Organization for Economic and Cultural Development*. April 2004, 1.
  44. *Ibid.*, 4–5.
  45. *C. Belton, A. Startseva*. *Oligarchs Bow to Putin's New Deal // Moscow Times*. 17 Nov. 2003. (Online.) – Режим доступа: <http://www.themoscowtimes.com/sitemap/free/2003/11/article/oligarchs-bow-to-putins-new-deal/234625.html> – Дата обращения: 20 мая 2018.

46. *P. Fadeev*. (2008). Political Connections and Evolution of Ownership Structure in Russian Industry // Working Paper No. BSP/2008/099. Moscow: New Economic School, 25.
47. *Ibid.*, 23.
48. *Ibid.*
49. *Frederic Labarre*. (2009). The Sources of Russian Neo-Mercantilism // *J.L. Black* and *M Johns*, eds. From Putin to Medvedev: Continuity or Change? Manotick // ON: Penumbra Press.
50. *Benno Teschke*. Geopolitical Relations in the European Middle Ages..., 346–347.
51. *Julia Strasheim*. Domestic Explanations for War and Peace in Ukraine // GIGA Working Paper 287/2016. Hamburg: German Institute for Global and Area Studies, 6–7.
52. *Ibid.*, 6; and also *Rilka Dragneva* and *Kataryna Wolczuk*. (2016) Between Dependence and Integration: Ukraine's Relations with Russia // *Europe-Asia Studies*, 68: 4, 680–681.
53. *Alexander N.* and *Helen Kostyuk*, *Konstantin Tchernyshov*. Financial-Industrial Groups at the Markets for Corporate Control and Investments: The Case of Ukraine // *Corporate Ownership and Control Journal*, 2: 2, 2004, 77.
54. *Ibid.*, 79–80.
55. *Kostyuk et al.* “Financial-Industrial Groups...”, 80–83.
56. *Rilka Dragneva* and *Kataryna Wolczuk*. Between Dependence and Integration..., 681. Italics from this author.
57. *Ibid.*, 682.
58. *Ibid.*, 682.
59. *Ibid.*, 689.
60. Yanukovich Set to Become President as Observers Say Ukraine Election Was Fair // *The Guardian*. 8 February 2010. (Online) – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2010/feb/08/viktor-yanukovych-ukraine-president-election> – Дата обращения: 19 мая 2018.
61. *Rilka Dragneva* and *Kataryna Wolczuk*. Between Dependence and Integration..., 692–693.
62. This author documented on the Maidan memorial that nearly 20 percent of the victims of the February 2014 shootings came from that town and vicinity. Kyiv residents who had fallen victim to snipers were in the absolute minority.
63. *Ivan Katchanovski*. The «Snipers' Massacre» on the Maidan in Ukraine // Paper presented at the Chair of Ukrainian Studies Seminar. Ottawa: University of Ottawa, 1 October 2014.
64. *Denis Kazanskiy*. A Second Coming for Akhmetov? // *The Ukrainian Week*. 4/98. April 2016, 8–9.
65. *Ibid.*, 9.
66. Interview with Andy Hunder President of the American Chamber of Commerce in Ukraine // *The Ukrainian Week*. 4/98. April 2016, 28.
67. *Ibid.*, 28–29.
68. *Andriy Levus*. Old Goals, New Methods // *The Ukrainian Week*. 12/116. December 2016, 22.
69. *Ibid.*, 23.
70. Another indicator of the irrelevance of national origin and borders in the feudal context is the presence in the bureaucracy and parliament of non-Ukrainians parachuted into place; Lithuanians, Georgians, Americans and Canadians.
71. *Elizaveta Honcharova*. One-on-One with the War // *The Ukrainian Week*. 7/113. July 2017, 28.
72. *Christopher Allen*. At War Front, Ukrainian Soldiers Feel Abandoned // *Kyiv Post*. 20 May 2016, 2.
73. *Andriy Zagorodnyuk*. Defence Reforms Gain Speed, despite Obstructions in Way // *Kyiv Post*. 18 November 2016, 2, 16–17.
74. *Will Ponomarenko*. Close Combat // *Kyiv Post*, 22:21. 26 May 2017, 1–3.
75. *John P. Sullivan*. (2013). How Illicit Networks Impact Sovereignty // *Miklaucic, M.* and *Brewer, J.*, Eds. *Convergence: Illicit Networks and Security in the Age of Globalization*. Washington, DC: NDU Press, 171.
76. *Michael Miklaucic* and *Moises Naim* (2013). The Criminal State // *Miklaucic, M.* and *Brewer, J.*, Eds. *Convergence: Illicit Networks and Security in the Age of Globalization*. Washington, DC: NDU Press, 150–151.
77. *Ibid.*, 153.

А. Ламберт

ИНИЦИАТИВА КИТАЯ ПО СОЗДАНИЮ «ПОЯСА И ПУТИ» И ВОЗВРАЩЕНИЕ ГЕОГРАФИИ [1]

Александр Ламберт,
*академический директор Женевского института
геополитических исследований, Швейцария.*

Аннотация: Экономические и геополитические мотивы и следствия китайской инициативы «Пояса и Пути», воспринимаемой Западом как угроза его глобальному доминированию.

Ключевые слова: Китай, «Пояс и Путь», мировой сухопутный мост, Евразия, США, НАТО, Россия, украинский кризис, брекзит.

Lambert A.

CHINA'S BELT AND ROAD INITIATIVE AND THE RETURN OF GEOGRAPHY [1]

Alexandre Lambert,
*Ph.D., Academic Director,
Geneva Institute of Geopolitical Studies,
Switzerland.*

Abstract: Economic and geopolitical motives of the “Belt and Road” initiative put forward by China and perceived by the West as a threat to its global domination.

Key words: China, “Belt and Road”, World Land Bridge, Eurasia, domination, USA, NATO, Russia, Ukraine crisis, Brexit.

*Zeus, father of the gods, released two eagles,
one at each end of the earth,
and commanded them to fly towards each other.
A sacred stone, the ‘Omphalos’ – the navel of the world –
was placed where they met, to enable communication with the divine [2].*

Introduction

In 2013, the new Chinese leadership under president Xi officially endorsed what is now generally referred to as the Belt- & Road Initiative (BRI), a world-wide and large-scale infrastructure development project of monumental and historically stand-alone scale. Also called the ‘New Silk Roads’, the BRI is likely to shift the global power balance from the Euro-Atlantic area and Western global leadership towards a Sino-Asia centered political and economic world map, a process that is likely to consolidate by around the mid-21st century. The BRI has also been coined the ‘World Land Bridge’ [3].

From a geopolitical point of view, this means that the established international system of the past two hundred years, essentially driven by Anglo-American Sea Powers and with global power concentrated in the North Atlantic area accordingly, will be gradually replaced by a new era of continental powers organized from within Eurasia. Only this time, Eurasia, which has always been the largest and most central, let alone most populated and wealthiest

continent of the world, won't read any further from its European corner in the West to the East, but from Asia's East to the West; short: what was hitherto 'EURasia', in a near future, will be considered in terms of 'euroASIA'.

In fact, the two past centuries of Anglo-American global Sea Power domination, structured and lead from within the North-Atlantic region has been a comparatively short period of time within the 7 thousand years of continental power domination in the world from within Eurasia. And with the BRI and its reinvigoration of the ancient Silk Road, Eurasia is most likely to moving back to the power gravitation center of the world during the 21st century. Therefore, with the above statement drawn from Ancient Greek Mythology, Oxford best-selling historian and expert on Byzantine, Peter Frankopan reveals a long-standing truth about Eurasia's central placement within humanity's historical and civilizational trajectories since the spring of civilization in Mesopotamia. Therein, the ancient Silk Road, since the times of the Roman Empire on the one hand and Han Chinese Empire on the other hand would play a key logistical role to interconnect Europe and Asia, especially China and India, and in this geographic context, the Persian Empire, Arabic caliphates, and Ottoman Empire, served as intermediary logistical links along the Silk Road as well as socio-economic and inter-cultural hubs accordingly.

The assertion of this fundamental historical truth however requires to taking into account a perspective beyond the Western geographic boundaries and cultural lenses. And it is precisely this type of global perspective that has allowed scholars like Francopan to essentially arguing that there would never have been any Western Civilization if it had not always been oriented to the East for cultural inspiration and prosperity. It suffices to add that the very term 'oriented' (or 'Orient') means (looking to) the East! Thus, even in Western collective memory, the very term 'Orient' reflects nothing else than thousands of year old East-war perspective.

Ironically, only when the Western world would clash with the Ottoman Empire half a millennium ago, geographical orientation in Europe would shift, by force. With the Fall of Constantinople, the Western spiritual and economic center of the time, to the Ottoman Empire by the end of the 15th century and corresponding blockade Europe from the An-

cient Silk Road by the very same Empire whose territories extended throughout the Middle East and deep into Central Asia, and since this would *i.a.* bar the Mediterranean route, Europeans would start looking at alternative commercial water ways to Asia, initiating a process that would lead to a proliferation of sea powers from within the Western, (sic!) Atlantic shelf of Europe, with the Portuguese and Spanish Empires starting this process, and with France, the Netherlands, and finally Britain following-up.

Eurasia: Humanity's Civilizational Cradle & Politico-Economic Power Core

As Eurasia is back in focus, that mystical 'stone' referred to above drawn from Greek Mythology, Francopan eventually identifies its geographic location as follows: "... somewhere between the Black Sea and the Himalaya" [4], thus for instance where ancient Persia or the historical parts of the Arabic world would be placed. In fact, it is essentially about the region laying in-between Europe and Asia that political geographers would call either 'Central Asia' or 'West Asia', depending whether we put the bar slightly North or South, or if we look more from a European or more from a Asian perspective. This region, roughly encompassing also the Caspian sea and basin, and if we include Central Russia on the Northern end and some key OPEC countries riparian to the Persian Gulf on the Southern end, harbors much of the earth's strategic minerals, especially crude oil and natural gas. Fossil Fuels, especially oil, have become the main 'engines' of the world economy throughout the past two hundred years, a period in world history coinciding with Anglo-American primacy in global political and economic affairs.

Since the 19th century, crude oil, replacing coal as the main fuel of industrialized countries' economies and international trade, gradually became the top strategic mineral, while both gold and oil hitherto plaid a central role in international financial markets and the very set-up of the international monetary system. Often labeled 'black gold', oil has been a most distinguished natural commodity for any Great Power, especially those with hegemonial ambitions. Getting in control of its worldwide logistics and markets became central also to the global balance of power. This was the case with the British Empire in the 19th when competing with the Russian Empire over dominance of Eurasia, as well as in the early 20th Century with the United States competing with the Soviet Union in competing for global primacy. In other words, besides the British Pound and later the U.S. Dollar, nothing has been so central to Anglo-American global power projection than oil, and geo-strategically, this implied for Britain and the USA to direct their imperial power projections with priority put on the control of the Eurasian space.

Eurasia: Key Target of Anglo-American Geo-strategy

Two decades ago, in his influential essay on 'The Great Chessboard' (1997), distinguished national security adviser to consecutive US Administrations since Jimmy Carter, Zbigniew Brzezinski, made the central role of Eurasia in US geo-strategy crystal clear, insisting that the ultimate 'imperative' of US Foreign Policy was to prevent the emergence of any rival power to take control of Eurasia and especially what International Relations Professor at Yale University, Nicholas Spykman, would call the 'Rimland' [5], which is the vast continental and maritime belt stretching from Western Europe to the Middle East and further to West-, South- and South-East Asia. Spykman's geostrategic vision would essentially state: "Who controls the Rimland rules Eurasia; who rules Eurasia controls the destinies of the world". This so-called 'Rimland-Theory' expressed by Spykman during the heat of the Cold War actually elaborated on British geographer Halford Mackinder's so-called 'Heartland-Theory' [6] that half a century prior essentially stated: "Who rules over Eastern Europe, rules over (Eurasia's) Heartland, who rules over the Heartland, rules over the World

Island (Eurasia), and who rules over the World Island, rules over the world". Mackinder, one of the most influential founding fathers of geopolitical thinking in the Western world, would coin Eurasia the 'World Island', reflecting the central place that political geography always played in international affairs.

Since the British Empire & Common Wealth and the U.S.A. were not only Atlantic sea powers but also peripheral to Eurasia, their respective representations of international affairs naturally imposed it to them to contain the main continental powers of Eurasia: Russia and China. It is therefore no surprise that up to present, the vast majority of U.S. overseas military bases and naval presences are concentrated on Eurasia's Rimland area.

Already in 1997, Brzezinski indicated that China was about to re-emerge as a 'preponderant' power in Eurasia and that it remained to be seen whether the US was able to consolidate their preeminent position, let alone what neo-conservative circles in Washington D.C. would wish to be another 'American Century'. It is important to note that Brzezinski's considerations in the 1990s would fall into a period when Russia would be a weakened power, suffering from post-Soviet legacies and structural adjustment programs imposed by the U.S. dominated International Monetary Fund (IMF). It was also a period when Russia could do little to prevent the East-ward expansion of NATO, despite a tacit agreement made between the U.S. and the former Soviet leadership to not expand NATO beyond a reunified Germany in return of the dissolution of the Soviet Union and Warsaw Pact respectively. The U.S. would never hold to their promise, and arguably this was for geopolitical reasons to help.

In fact, looking back, it is possible to argue that U.S. insistence to expand NATO to Eastern Europe – a process that would geographically incorporate all former Warsaw Pact satellite countries in Central Europe, as well as the all of the three Baltic States (belonged even to the former Soviet Union) – would aim at the double goal of containing both a cut-back but potentially re-assertive Russia and a rising, re-emerging China. In any case, International Relations professor at Chicago University, John Mearsheimer, who is often associated with the Realism School of thought in international relations, and who implicitly uses a geopolitical analytical approach, explained that the recent and fairly aggressive NATO expansion round pushed under the Bush Junior Administration to incorporate both Georgia and Ukraine into the Alliance, would cross the red line of what was acceptable from a Russian national security perspective, since it would intrude into the strategic core of Russia's 'Near Abroad'. This aggressive push, according to Mearsheimer, has been the main reason to escalate tensions between Russia and the Euro-Atlantic community and would mainly fuel the Ukraine crisis of 2014 [7].

Moreover, NATO expansion to East-Central Europe, driven essentially by Anglo-American sea power geostrategic interests in Europe, indirectly also aimed at containing the rise of Germany, the main continental and economic power in Western Europe since the 20th century. In particular, it would avoid that strategic axis would emerge in the post-Cold War era between Berlin and Moscow [8]. In this context, it might also be worth remembering that NATO's East-ward enlargement process after the end of the Cold War would geographically and timely coincide with the enlargement process of the European Union (EU); moreover, all major NATO enlargement rounds of the past twenty years would precisely precede the main EU enlargement rounds of the same period. As a result, the entire geographic belt of countries laying in-between the Baltic Sea and the Black Sea, separating Germany from Russia, do belong to what has been coined the Euro-Atlantic area (the combination of NATO and EU member state), and with an EU that gradually alienated its Foreign- and Security Policy with NATO's strategic vision and herewith implicitly with an anti-Russian posture. Significantly, while this is not really functional from a Ger-

man geopolitical point of view, Europe's economic engine and a country that was always oriented to Eastern Europe due to its very geographic location, nobody else than the U.S.A. is beneficiary of such a situation, in which Germany and the whole of Western Europe is *de facto* 'not supposed' to do business with their most attractive Eastern neighbor and continental neighbor which is Russia.

Geo-Strategic Implications of the Financial Meltdown in the Western World

The past ten years have seen substantive changes in international affairs, triggered by the 2008/2009 financial meltdown at Wall Street. This coincided with structural problems of global financial markets and fundamentalist-capitalist market economics reflecting aggressive privatization and deregulation policies, overseas export of industries and productive real-economic bases, perversely unjust redistribution of economic wealth with a downgrading of middle classes purchasing powers and average household incomes, combined with a general trend towards credit-based growth stimuli, financial speculation, and government bailouts of bankrupted banks, a toxic logic and viscous cycle that has been coined a 'pump-and-dump' economy. As a result, the U.S. dollar which is still the main international currency of trade settlement is nothing more than of virtual value, a situation that was ultimately fueled by the disbandment of the dollar from the gold standard back in 1971 by the Nixon Administration. As a matter of fact, from a Chinese point of view, it was not the two world wars, but 1971, that was the most important and impactful event of the 21st Century. At the same time, from the perspective of Asia and much of the developing world, it was not 9/11 but China's access to the WTO that was the most important event of the year 2001.

Be it as it may; in 2009, both China and Russia have requested the IMF to introduce a new international currency to replace the dollar, but their request has been rejected by the U.S. government who *de facto* controls the IMF. Moreover, the removal of the French Socialist Party leader Dominique Strauss-Kahn, the most important rival of Nicolas Sarkozy in the fore-fields to the Presidential elections, occurred under yet unclear circumstances and must not have gone unnoticed by Chinese top strategic circles. What is true is that Strauss-Kahn, while directing the IMF, would predict by 2010 that China is about to bypass the U.S. as the leading economy of the world. Some half-hearted reforms would nevertheless be introduced at the IMF by 2010, but still, the combined voting shares of the BRICS group of states remains way behind the voting share of the U.S. alone, and even Japan retains about the same shares as the whole of the BRICS group.

Moreover, in 2011, the Obama Administration came forward with the so-called 'rebalancing' strategy, or 'Asia Pivot' geo-strategy, meaning that their main international focus would move from Europe and the Middle East to Asia, with special focus on China. This geo-strategic rebalancing to Asia incorporated both a military and commercial component. In the military realm, the U.S. established new military partnerships with countries riparian to the South China Sea, such as Vietnam, helped Japan modernizing their armed forces, and conducted covert CIA operations in countries like Myanmar in order to break the development of energy projects using Burma's territory to connect China directly to the Indian Ocean at the level of the Bay Bengal. Finally, the U.S. would launch a new arms procurement programs with India and hitherto bypassed Russia as India's top arms procurer. The objective was to enhance military containment of China, with military bases and cooperation programs reaching deep into Central Asia. Commercially, the military containment belt around China was complemented by an ambitious U.S. led regional trade regime, the Trans-Pacific Partnership Agreement (TPP) that would essentially read 'anybody but China'. Largely omitted in International and especially Western News, this associated 'Obama Doctrine' would effectively identify China as the new international enemy image of the

U.S.A. who feared that their geo-strategic ambition to drive towards another ‘American Century’ of world hegemony could be put at risk by the continued rise of China. Ironically, this Obama Doctrine would also come in the aftermath of military failures in Afghanistan and Iraq and the ‘fake’ enemy image of Islam.

It suffices to add that the fairly assertive provocations of the U.S.A., including in the context of the South China Sea, also risked causing a direct armed conflict between China and the USA and their strategic allies in the Indo-Pacific region. However, China decided not to respond to this military provocations and reacted pragmatically by *i.a.* launching the BRI. Therefore, the BRI that comes with a substantial continental infrastructure component to be set up across Eurasia was also associated by China’s ‘Marching West’ strategy, and reflecting Sun-Tsu’s classic strategic philosophy: “If the enemy advances, we retreat!” Since it was not suitable for China to push their mainly commercial interests South-wards, e.g. through the South China Sea, China would instead chose to march West-wards, avoiding direct confrontation with the U.S. Navy that had concentrated some 60% of their global capabilities in Asia. All this just illustrates to what extent geography counts in the set-up of geo-strategies of rivaling powers, and how naval vs. continental power plays remain central to the understanding of contemporary international affairs.

The Ukraine Crises, BREXIT, and the Geo-Strategic Power Shift in Eurasia

One year after the BRI’s launch (2013), Chinese President Xi visited the German city of Duisburg, which accommodates Europe’s largest continental container port. Duisburg has always been a key logistical hub in Europe and has been an integral part of the New Silk Road. In fact, China has developed the longest cargo railway system in the world, reaching 13’000 km from China’s Pacific coast to Madrid, crossing no less than 8 countries. The same year, Russia would also hold the Winter Olympic Games in Sochi. And even during the Olympic games, the Ukrainian conflict escalated at the co-called ‘Euro-Maidan’, the central square of the Ukrainian capital city of Kiew. With reference to the above mentioned revelations by Professor John Mearsheimer’s about the contribution of the U.S. and some EU countries and representatives to the conflict escalation in Ukraine, it is possible to argue that the Ukrainian conflict must be understood in the wider horizon of China’s rise and the emergence of a new balance of power game over Eurasia.

This is all the more symptomatic since the UK’s decision to leave the EU (BREXIT) timely coincides with their accession to the Asia Infrastructure Investment Bank (AIIB) launched by China the next year (2015). And this is also the reason why the geopolitical role of Germany has markedly shifted hitherto. Anyway, the UK was the very first Western European country to head to become one of the founding members of the AIIB, an institution which over the course of only 3 years almost became a universal institution! It suffices to add that the AIIB is the central funding motor for the delivery of the BRI, and that soon after the UK, all other main Western European powers and US allies did join the bank as founding members as well, including Germany, France, and Italy, thus the most advanced industrial economies of Western Europe. Moreover, other key US allies in the Asia-Pacific region, joined the new Chinese Bank, including Australia and South Korea, who all expressed interests to participate also in the BRI.

BRI: Connecting Europe, West Asia, and Africa with Asia

Given that the BRI is designed to not only logistically reconnect Asia with Europe, but also West Asia, the Middle East, and even Africa, it is important to remember that the Financial Crisis at Wall Street and subsequent U.S. Asia Rebalancing strategy also coincided with the Arab Spring, escalation of the civil war in Syria, and NATO intervention in Libya. After

President Trump's election, by April 2017, US air raids, assisted by Britain and France, would happen at the occasion of Chinese President Xi's visit with his homologue in Damascus, where the two heads of states would *i.a.* discuss the economic reconstruction of the war-torn country. Ironically, while China offers her economic and financial assistance to reconstruct a war-torn Middle East and engages in expansive multilateral diplomacy, the U.S. chooses to engage in new Protectionism ('America First') while in turn increasing the annual defense budget by over \$ 60 billion. And for all those, especially in Europe, who tend to see Russia as a security threat – just as we would have to cope with another Soviet Union – the current increase of the US defense budget is almost the total annual defense budget of the Russian Federation who was even bypassed, in 2015, by Saudi Arabia, in terms of defense expenditures, according to the International Institute of Strategic Studies (IISS) in London. Saudi Arabia's massive armament not only reflects the deep insecurity perceptions in the Middle East since the U.S. invasion of Iraq and insecurity fall-out of this devastated country; it was largely fueled by large-scale arms procurement to the Saudi by the U.S themselves. As a matter of fact, U.S. real-economic exports have largely been reduced to the sales of tanks and fighter aircrafts, paraphrasing Trump's statement that regardless of the present diplomatic crisis with Saudi Arabia, the U.S. "can't afford" not to trade with Saudi Arabia.

At the same time, Saudi Arabia is preset to trade her crude oil against Yuan (instead of dollars) in a near future, especially if the Yuan's gradual internationalization will be backed with a gold standard. Moreover, as a result of the second gulf war, increase of U.S. military presence in Saudi Arabia against even established bilateral treaties has potentially compromised the two countries traditional strategic partnership, as the vast majority of Saudis consider the vast amount of U.S. troops stationed in their country as illegitimate. Just like it is the case in Europe with the UK, Saudi Arabia's therefore tends to differentiate her foreign policy, and this geostrategic reorientation must also be seen against the background of a major global power shift from the Atlantic area to Eurasia and the fact that Asia is the main prospective market for oil and gas exports by the OPEC countries. It also has to do with the capacity of China to soon launch a Yuan Oil Futures Contract (YOFC) along a Yuan Gold Futures Contract (YGFC), and that China, with help of the BRICS countries, and especially Russia, may soon roll out a new gold-based international currency and alternative monetary system to the U.S. dollar.

In this context, China's recent development of a geo-financial alliance with Russia stands out, and again this new move that is about to substantially reformat Eurasia's chessboard must be seen against the background of the Ukraine crises, when after Russia's annexation of Crimea, Western countries would throw out Russia from the G8 and since both the U.S. and the EU imposed historical economic sanctions on the Russian Federation.

Consequently, Russia had no other choice as to turn her back to Western Europe, and especially the EU, who had become increasingly assertive in associating Ukraine to her internal market, in an attempt more to prevent Ukraine from joining Russia's Eurasian Economic Union (EEU) rather than to accept her as a full-fledged EU member state. Ironically, what can be hitherto be called the 'Russian Pivot' to Asia, given that it reads 'pro-China' (in contrast to Obama's Pivot to Asia that would read 'anti-China'), in the context of which China will be the greatest winner of all, the Western world, and especially North America has in turn most to lose.

Strategic choices of third major countries in the Near- and Middle East add up to this puzzle. One of these countries is Turkey, as it is currently at odds with both the EU and the U.S. Regarding the EU, Turkey has desperately tried, for more than four decades, to become a EU member state. However, despite hundreds of reforms and a stand-alone effort made to come up with EU economic and political criteria, and despite growth rates ways

ahead of EU average, Europeans preferred to humiliate Turkey with a tendency of anti-Muslim and anti-Turk rhetorics. When it comes to the U.S., their military caused a major controversy when in 2006 a map titled the 'New Middle East' was published in the Armed Forces Journal and which showed a substantially redrawn political map of the Middle East. The map would *i.a.* show a divided Turkish territory with an independent 'Free Kurdistan'. Simultaneously, Anglo-American News outlets in Europe disseminated information about the Turkish genocide of the Armenians, while the map was even used in a military exercise at the NATO war college in Rome. Moreover, its publication would coincide with a public statement made by then Secretary of State, Condoleezza Rice with her homologue in Tel Aviv that they would 'take out seven countries in five years'. 'They' would reflect that the political reorganization of the Middle East, by means of military force and forceful regime changes, was reflecting US-British-Israeli strategic interests in the region. It finally coincided timely with the Israeli siege of Lebanon. It suffices to note that Iraq had been the first country where the US did intervene to force regime change, and that among the upcoming countries to be invaded, Syria was the next one on the list. If both Iraq and Syria would hitherto become breeding grounds for the establishment of ISIS, Turkey had to accommodate the vast majority of Syrian refugees, ways more than Lebanon and Jordan. Obviously, all this has been unacceptable for Turkey who, just like many other Middle Eastern countries, is caught in a fight for survival and is constrained to differentiate her foreign policy.

One of the moves Turkey would chose was to more closely collaborate with Russia whom Turkey, in contrast to many other NATO countries, does not consider Russia as a threat to her national security, short of any meaningful comparison with the former Soviet Union. Moreover, Turkey hitherto considerably enhanced her strategic outreach to Eurasia, benefiting from the historical belt of Turkic-speaking countries across Central Asia and down into Western Chinese Xingjian, where the Muslim Uighur minority has cultural and linguistic ties to Turkey.

Concluding Remarks

This conference paper and essay had tried to demonstrate how geography keeps being central to the understanding of political and economic power even in the 21st century and despite the liberal democratic believe predominant since the end of the Cold War in contemporary Western thinking about the 'end of history'. And just like geography never lies, history never lies. Global sea powers have largely underestimated the possible return of continental powers, and even if they tentatively knew that things may change with the rise of China, they haven't been able to stop Chins rise anyhow. In fact, China is a ways larger in terms of a demographic and economic caliber than the former Soviet Union, and in contrast to both Russia and the Soviet Union, who both have had limited access to warm seas throughout the year, China's very geographic position and extent means that she can become a Superpower both at sea and land. In Contrast, while still a dominant global military power, the U.S.' economic power has is shrinking fast in a prospective comparison with China and moreover, their global power base remains largely dependent from Sea and Naval power, being isolated geographically from Eurasia, where the U.S. has no direct access, let alone impact as a continental power. In this context, the decision of the U.S. government under the Obama Administration to alienate Russia from the West may be regarded as a paramount strategic error. Not only did Russia not threaten neither Western Europe nor the U.S., as her defense doctrine remains largely defensive; the only beneficiary of Russia pivoting to Asia can be China, the U.S. most serious rival power in a prospective, who in turn depends on Russia and her vast territorial and resource base to deliver the BRI and herewith her long-term strategic goals.

Finally, we would like to support the view of the return of geography in international affairs by the fact that the BRI is not only backed by the AIIB, but also the launch of the BRICS New Development Bank (NDB), who has been labeled an alternative to the World Bank, and that the BRI is backed and further fortified and politically stabilizing through the Shanghai Cooperation Organization (SCO). In this context, it is outstanding that both Pakistan and India joined the SCO last year (2017), giving birth to the largest regional political structure, encompassing some 60% of the world population, and since the SCO is a China-Russian dominated organization, it serves as the main political transmission belt to reset the Great Game of Eurasia at 2.0, all in favor of a Sino-Asian world order. And for all those in the West who may consider India as potential ally, jointly with Japan, to contain the rise of China, should be remembered that India was actually brought into the SCO by Russia to reduce the dominance of China therein and that India in turn is no. 2 within the AIIB, before Russia, let alone any of the dominant industrialized economies from the OECD group of states. In this context, an international relations scholar in Singapore is arguing that Western elites, potentially fallen asleep after the end of the Cold War with what he calls a ‘new opium’ – meaning the liberal-democratic believe about the ‘end of history’ – largely omit it that two historical and civilizational giants just ‘reawakened’: China and India [9].

Источники и литература

1. The views expressed in this essay are those of the author alone and do not necessarily represent the official position of the GIGS or any other political or commercial actor. This essay is joining the author’s presentation “From the New Silk Road toward the ‘World Land Bridge’: China’s One Belt & One Road Initiative to Avert Cold War II and Prevent World War III” that he held within the panel on International Security Issues at the 4th International Conference Transformation of International Relations in the XXI Century: Challenges and Prospects Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, April 27th 2018, Moscow, Russia. His contribution to the conference has been facilitated by the research grant from Webster University Geneva, Switzerland, where he is adjunct professor, teaching on International Security within the International Relations Department.
2. *Peter Francopan*. The Silk Roads – A New History of the World. London/Oxford/New York/New Delhi/Sidney (Bloomsbury), 2016. P. XIX, with reference to Greek mythology.
3. Source: The Schiller Institute. – Режим доступа: <https://schillerinstitute.com>. – Дата обращения: 17 мая 2018.
4. Ibid.
5. *Nicholas J. Spykman*. America’s Strategy in World Politics, Yale, 1942.
6. *Halford Mackinder*. The Geographic Pivot of History, 1904.
7. *John Mearsheimer*. “Why the Ukraine Crisis is the West’s Fault: The Liberal Delusions That Provoked Putin”. Foreign Affairs, September/October 2014.
8. In his speech at the Chicago Council in 2014, StratFor Founder George Friedman, speculating over the question whether Europe was ripe of another conflict, clearly represents both Russia and Germany as the main power rivals to the U.S.A. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=QeLu_yuz3tc. – Дата обращения: 13 мая 2018.
9. *Kishore Mahbubani*. Has the West Lost it? London–New York: Penguin Books, 2018.
10. 21st Century Wire: “Dollar Blow: China Launches New ‘Yuan-Rubel’. Payment Mechanism, Global Research, 13 October 2017.
11. *Akiner, Shirin*: “The Shanghai Cooperation Organization: A Networking Organization for a Networking World”. Global Strategy Forum (June, 2010) – Режим доступа: www.globalstrategyforum.com – Дата обращения: 8 дек. 2016.
12. *Ashraf, Junaid*: “String of Pearls and China’s Emerging Strategic Culture”. Institute of Strategic Studies Islamabad. – Режим доступа: <http://issi.org.pk/string-of-pearls-and-chinas-emerging-strategic-culture>. –Дата обращения: 18 окт. 2018.
13. *Askary, Hussein and Ross, Jason*: “Die Lüge von Chinas ‘Schuldenfallen-Diplomatie’”, Neue Solidarität. Nr. 37. 13.9.2018. P. 5.
14. *Askary, Hussein and Ross, Jason*: “Extending the New Silk Road to West Asia and Africa – A Vision of an Economic Renaissance” // Schiller Institute Special Report. Wiesbaden (Germany). November 2017. (ISBN: 978-0-943235-32-5).

15. *Askary, Hussein and Ross, Jason*: “Extending the New Silk Road to West Asia and Africa: A Vision of an Economic Renaissance, Schiller Institute Special Report, Schiller Institute, Wiesbaden (Germany). 2017.
16. Astana Club: “Geo-economics of Russia”. Report. November 2015.
17. *Babones, Salvatore*: “Why is Democratic India Joining Russia and China’s ‘Anti-Western’ Club, the SCO” // Forbes Magazine. Nov 29. 2017.
18. *Bajpae, Chietigi*: “Modi, India and the Emerging Global Economic Order” // Journal of Asian Public Policy. Vol. 9. No. 2 (2016). 198–210.
19. *Baker, Marcia Merry*: „Chinas Investitionen machen Amerika Mut” // Neue Solidarität. No. 12. 22 March 2018. P. 3.
20. *Barkin, Noah and Piper, Elizabeth*: “In Davos, Xi Makes Case for Chinese Leadership Role”. // Reuters Business News, 17 January 2017.
21. *Baud, Jacques*: *Terrorisme: Mensonges Politiques et Stratégies Fatales de l’Occident*. Monaco (édition du Rocher), 2016.
22. *Blanchard, J., & Flint, C.* (2017): “The Geopolitics of China’s Maritime Silk Road Initiative” // Geopolitics. 22(2). 2017. 223–245.
23. *Blank, Stephen*: „The Greater Middle East and Its Strategic Profile“ // Alternatives. Vol. 3. No. 1. Spring 2004.
24. *Bondiguel, Thomas and Kellner, Thierry*: “The Impact of China’s Foreign Policy Think Tank” / Brussels Institute of Contemporary China Studies (BICCS) // Asia Paper. Vol. 5 (3). 2009.
25. *Bouchard, C.* (2011): “Monsoon: The Indian Ocean and the Future of American Power” // *Journal of the Indian Ocean Region*. 7 (1). June 2011. 142–144.
26. *Boyd, Barbara*: “Fish Stinks from the Head Down: An Update on the Mueller Inquisition”, Executive Intelligence Review, 17 August 2018. – Режим доступа: <https://larouchepub.com/index.php>. – Дата обращения: 21 окт. 2018.
27. *Brzezinski, Zbigniew*: “The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives”. Washington, D.C. April 2017. – Режим доступа: <https://archive.org/details/TheGrandChessboardAmericanPrimacyAndItsGeostrategicImperatives1997ZbigniewBrzezinski>. – Дата обращения: 17 мая 2018.
28. *Büe So*: „Die Zukunft Deutschlands ist die Neue Seidenstrasse”, Special Report – Режим доступа: www.bueso.de – Дата обращения: 27 сент. 2018.
29. *Callahan, William*. “China’s Belt and Road Initiative and the New Eurasian Order” / Norwegian Institute of International Affairs // Policy Brief. No. 22. 2016
30. *Cha, Changhoon*: “China’s Westward March: Strategic Views of One Belt, One Road” // The Korean Journal of International Studies. Vol. 15. No. 3 (December 2017). 483–500.
31. *Chih-Chung, Wu*: “The Rise of the Geopolitical Thinking in Asia: An Analysis of the ‘One Belt and One Road’ and the AIB Policy of China from the Perspective of Taiwan”, *Studia z Polityki Publicnej*, No. 4 (12). 2016, 197–225.
32. *Chung, Chien-peng*: “The Shanghai Co-operation Organization: China’s Changing Influence in Central Asia” // The China Quarterly, 2004. 989–1009.
33. *Clarke Michael*. “Beijing’s March West: ‘One Belt, One Road’ and China’s Continental Frontiers in the 21st Century” – Режим доступа: <https://www.psa.ac.uk/sites/default/files/conference/papers/2016/Clarke-PSA-2016-paper.pdf> – Дата обращения: 17 мая 2018.
34. *Clot, André*: *Narun-al-Raschid, Kalif von Bagdad*, 1990.
35. *Cohen, Stephen*: “The New American Cold War” // The Nation. July 10, 2006. – Режим доступа: <http://www.thenation.com/doc/20060710/cohen> – Дата обращения: 27 мая 2018.
36. *Cornett, Peter*: “China’s ‘New Silk Road’ and US-Japan Alliance Geo-strategy: Challenges and Opportunities” Pacific Forum CSIS // Issues & Insights. Vol. 16. No. 10. Honolulu, June 2016.
37. *Coskun, Bezen*: “Global Energy Geopolitics of Iran” // *Uluslararası İktisat*, 5/20, 2009, 179–201.
38. Council on Foreign Relations: “New Geopolitics of China, India, and Pakistan”, May 26, 2016.
39. *Crippa, Paolo*: “The New Appointments at the Top of the Chinese Economy” // *Centro Studi Internazionali (Ce.S.I.)*, April 2018.
40. *Csurgai, Gyula*: “Geo-economic Strategies and Economic Intelligence”. *Munoz, Mark* (ed.): *Advances in Geo-economics*. London/New York (Routledge). 2017, 278–296.
41. *Csurgai, Gyula*: “The Borders of Hungary in an Evolving Geopolitical Context” // *Geoinformationsdienst der Bundeswehr*,. Jahresheft Geopolitik 2016, Borders: Current Challenges and Future Development, Heft 1 (2017).
42. *Csurgai, Gyula*: “The Increasing Importance of Geo-economic in Power Rivalries in the Twenty-First-Century”. *Geopolitics*, 27 October 2017.
43. *Devonshire-Ellis, Chris*: “China and Russia’s Strategy to End US Dollar Trade Dominance”. *Silk Road Briefing*, 18 January 2018.

44. *Djalili, Mohammad-Reza and Kellner, Thierry*: « Géopolitique de la Nouvelles Asie Centrale: De la Fin de l'URSS à l'Après 11 Septembre ». Presse Universitaire de France. Paris, 2006.
45. *Djalili, Mohammed-Reza and Kellner, Thierry*: «Iran: Regard Vers l'Est: La Politique Asiatique de la République Islamique » // Groupe de Recherche et d'Information sur la Paix et la Sécurité (GRIP). No. 2. Bruxelles, 2005.
46. *El-Ghinggihy, Youssef*: "World War 3 is Coming" // The Independent. 10 March 2017.
47. *Engdahl, William*: "China-Rubel Settlement and the Dollar System" – Режим доступа: www.williamengdahl.com/englishNEO19Oct2017.php – Дата обращения: 17 окт. 2018.
48. *Engdahl, William*: "Full Spectrum Dominance: Totalitarian Democracy and the New World Order", 2009. ISBN: 978-3-9813263-0-7.
49. *Engdahl, William*: "Gold, Oil and De-Dollarization? Russia and China's Extensive Gold Reserves, China Yuan Oil Market" // Global Research. 14 September, 2017.
50. Ibid.
51. *Engdahl, William*: "Iran Makes Trade, no War, with Eurasia", – Режим доступа: <https://journal-neo.org/2016/03/01/iran-makes-trade-not-war-with-eurasia> – ата обращения: 4 февр. 2017.
52. *Engdahl, William*: "Military Wars – South China Sea, Indian Ocean and Pentagon's 'String of Pearl's Strategy" // Greenville post, 18 May 2018. – Режим доступа: <https://www.greenvillepost.com/2018/05/18/military-wars-south-china-sea-indian-ocean-and-pentagons-string-of-pearls-strategy>. – Дата обращения: 29 мая 2018.
53. *Engdahl, William*: "The Pentagon's 'New-Enemy' Image: Obama's Geopolitical China 'Pivot'" // Voltaire Network. Frankfurt (Germany), 23 August 2012. – Режим доступа: <http://www.voltairenet.org/article175535.html>. – Дата обращения: 17 мая 2018.
54. Executive Intelligence Review (E.I.R.) 'Strategic Alert' (Weekly Newsletter). No. 15. 12 April 2018.
55. Executive Intelligence Review (E.I.R.): "The New Silk Road Becomes the World Land-Bridge". Special Report (Nov. 2014). E.I.R. News Services. Feb. 2015. ISBN: 978-0-943235-24-0.
56. *Frankopan, Peter*: The Silk Roads: A New History of the World. London/Oxford/New York/New Delhi/Sidney (Bloomsbury), 2016.
57. *Freeman, Chas*: "Turkey in the New Geopolitical Context", Remarks to a Middle East Panel / The Watson Institute, Brown University. – Режим доступа: <https://chasfreeman.net/turkey-in-the-new-geopolitical-context> – Дата обращения: 18 мая 2018.
58. *Frenkel, Alejandro*: "China Leads the BRICS: Building an Alternative to US Hegemony" // Opendemocracy, 28 September 2017., – Режим доступа: <https://www.opendemocracy.net/democraciaabierta/alejandro-frenkel/brics-and-chinese-expansive-multilateralism>. – Дата обращения: 21 июля 2018.
59. *Ghébali, Victor-Yves*: « Les Droits de l'Homme Dans la Région de l'OSCE : Le Bilan Problématique des Démocraties Occidentales » // Relations Internationales. 2017/4. No. 132, 23–31.
60. *Goodman, Peter*: "In Era of Trump, China's President Champions Economic Globalization" // New York Times, 17 January 2017.
61. *Hauser, Gunther*: "China – eine Asiatische Grossmacht auf dem Weg zur Weltmacht: Aktuelle Entwicklungen der Aussen- und Sicherheitspolitik der Volksrepublik China", Wissenschaftliches Forum für Internationale Sicherheit (WIFIS). WIFIS Aktuell, Opladen, Berlin, Toronto (Verlag Barbara Budrich), Band 61 (2018).
62. *Herberg, Mikkael*: "Pipeline Politics in Asia: Implications for the United States", The National Bureau of Asian Research // NBR Special Report. No. 23 (September 2010).
63. [Электронный ресурс.] – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/317957553_OBOR_China%27s_Grand_Strategy_for_the_21st_century – Дата обращения: 17 окт. 2018.
64. International Security Advisory Board: "Energy Geopolitics: Challenges and Opportunities" // Report. July 2, 2014.
65. *Itoh, Shoichi*: "The Geopolitics of Northeast Asia's Pipeline Development" / The National Bureau of Asia Research // NBR Special Report. No. 23 (September 2010).
66. *Jacques, Martin*: When China Rules the World: The Rise of the Middle Kingdom and the End of the Western World. New York (Penguin), 2009.
67. Ibid.
68. *Johnston, Robert*: "Geopolitics and Energy Transitions" // Eurasia Group-Politics First, 2017. – Режим доступа: https://www.bakerinstitute.org/media/files/files/b91ca11a/Geopolitics_and_Energy_Transitions.pdf – Дата обращения: 11 мая 2018.
69. *Kang, David*: "Getting Asia Wrong" // *International Security*. Vol. 27. No. 4 (Spring 2003), 57–85.
70. Kausch, Krisitna: "Competitive Multipolarity in the Middle East" // The International Spectator, 50 (3), 2015, 1–15.
71. *Kim, Younkyoo and Eom, Gu-ho*: "The Geopolitics of Caspian Oil: Rivalries of the US, Russia, and Turkey in the South Caucasus" // Global Economic Review, 37 (1), 2008, 85–106.

72. *Kissinger, Henry*: ‘Global Strategic Review Speech’ // International Institute for Strategic Studies, September 10, 2010.
73. *Koenig, Peter*: “Russia’s Petro-Ruble Challenges US Dollar Hegemony. China Seeks Development of Eurasia Trade” // Global Research, 9 April 2014.
74. *Kohli, Harinder*: “Looking at China’s Belt and Road Initiative from the Central Asian Perspective” // Global Journal of Emerging Market Economies, February 12, 2018.
75. *Krikham, Ksenia*: “The Formation of the Eurasian Economic Union: How Successful is the Russian Regional Hegemony?” // Journal of Eurasian Studies. No. 7 (2016), 111–128.
76. *Kupchan, Charles*: The End of the American Era – U.S. Foreign Policy and the Geopolitics of the Twenty-First Century. New York (First Vintage Books), 2003.
77. *Ibid.*
78. *Lakatos, Arur*: “The New Game for Energy: Geopolitics of Central Asia” // The Central European Journal of European Affairs. – Режим доступа http://cejsh.icm.edu.pl/cejsh/element/bwmeta1.element.desklight-017d0414-3a69-4480-b0e2-099658e65b21/c/artur_lakatos_140-154.pdf –Дата обращения: 17 мая 2018.
79. *LaRouche, Lyndon*: Earth’s Next Fifty Years. Leesburg (Virginia, USA), March 2005.
80. *Lewis, Marin*: “Robin Wright’s Audacious Remapping of the Middle East”, Geocurrents, 1 October 2013.
81. *Löffmann, Georg*: “The Pivot between Containment, Engagement, and Restraint: President Obama’s Conflicted Grand Strategy in Asia” // Asian Security. 2016. 12 (2), 92–110.
82. *Macloed, Alasdair*: “America’s Financial War Strategy” // Global Research, 2 May 2017.
83. *Mantenti, Francesca*: “The Italian Gateway for BRI toward Europe” // Centro Studi Internazionali (Ce.S.I.), April 2018.
84. *Martin, Katie and Mitchell, Tom*: “Davos 2018: China Rejects Economic Protectionism in Rebuke to US” // FastFT, 24 January 2018.
85. *Mottet, Eric and Lasserre, Frédéric*: « L’Initiative ‘Belt and Road’, Stratégie Chinoise du ‘Grand Jeu’ » // Diplomatie. No. 90. Jan-Feb 2018, 36–46.
86. *Nasr, Vali and Rakeyh, Ray*: “The Costs of Containing Iran – Washington’s Misguided New Middle East Policy” // Foreign Affairs. Vol. 87. No. 1. Jan-Feb 2008.
87. *Nazemroaya, Mahdi Darius*: “Plans for Redrawing the Middle East: The Project for a ‘New Middle East’” // Global Research, 18 November 2006.
88. *Nazemroaya, Mahdi*: “Plans to Redrawing the Middle East: The Project for a ‘New Middle East’” // Global Research. Jan 7, 2018.
89. *Nicolas, Françoise*: “China and the Global Economic Order: A Discreet Yet Undeniable Contestation” // China Perspectives. 2016: 2. Pp. 7–14.
90. *Ollapally, Deepa*: “Understanding Indian policy dilemmas in the Indo-Pacific through an India–US–China maritime triangle lens” // Maritime Affairs: Journal of the National Maritime Foundation of India. 2016. 12 (1), 1–12.
91. *Palmer, James*: “What Trump Calls Strength, China calls Stupidity” // ForeignPolicy.com, 7 April 2017. – Режим доступа: <http://foreignpolicy.com/2017/04/07/what-trump-calls-strength-china-calls-stupidity-xi-jinping-summit-syria-strikes> – Дата обращения: 21 окт. 2018.
92. *Peraccini, Federico*: “Leading the Multilateral Revolution: How Russia and China Are Creating a New World Order” // Global Research, 20 June 2017.
93. *Petersen, Alexandros and Barysch, Katinka*: “Russia, China and the Geopolitics of Energy in Central Asia” // Centre for European Reform, November 2011.
94. *Pop, Irina Ionela*: “Strengths and Challenges of China’s ‘One Belt, One Road’ Initiative” // Centre for Geopolitics & Security in Realism Studies. London, Feb. 9, 2016.
95. *Roberts, Alasdair*: “Grand Strategy Isn’t Grand Enough” // ForeignPolic.com. February 20, 2018.
96. *Roberts, Paul Craig*: “Neo-Conservative Americans Lead US Towards Total War” // The Herland Report. – Режим доступа: <http://www.hannabintuherland.com/europe/neo-conservative-americans-lead-us-towards-total-war-dr-paul-c-roberts-in-exclusive-interview-on-herland-report> – Дата обращения: 19 мая 2018.
97. *Rolland, Nadège*: “China’s Eurasian Century? Political and Strategic Implications of the Belt and Road Initiative”. The National Bureau of Asian Research, 2017.
98. *Saint-Mézard, Isabelle*: “India’s Act East policy: Strategic implications for the Indian Ocean” // Journal of the Indian Ocean Region. 2016. 12 (2), 177–190.
99. *Sirsikar, Ashish*: “China’s Geography: A Boon or Bane?” // Vivekanada International Foundation. Occasional Paper, No. 2016.
100. *Srivastava, Nikita*: “Prospects for Russia-India Relations in the Indian Ocean” // Maritime Affairs: Journal of the National Maritime Foundation of India. 2017. Vol. 13. No. 1, 82–90.
101. *Sternberg, Troy*: “Central Asian ‘Characteristic’ on China’s New Silk Road: The Road of Landscape and the Politics of Infrastructure” // Land. Vol. 6/55 (2017), 1–16.

102. *Stiglitz, Joseph and Bilmes, Linda: The Three Trillion Dollar War: The True Cost of the Iraq Conflict.* New York (Penguin), 2008.
103. Stratfor: “The Geopolitics of China: A Great Power Enclosed”, June 15, 2008. – Режим доступа: <https://worldview.stratfor.com/article/geopolitics-china-great-power-enclosed> – Дата обращения: 12 мая 2018.
104. *Svarin, David: “The construction of ‘geopolitical spaces’ in Russian foreign policy discourse before and after the Ukraine crisis” // Journal of Eurasian Studies.* 2016. 7 (2), 129–140.
105. *Swielande, Tanguy Struye: “La Chine et ses objectifs géopolitiques à l’aube de 2049”, Conseil québécois d’études géopolitiques // Diploweb.* – Режим доступа: <https://www.diploweb.com/La-Chine-et-ses-objectifs-geopolitiques-a-l-aube-de-2049.html>. – Дата обращения: 17 мая 2018.
106. The Brookings Institution Center for East Asia Policy Studies: “The Emerging China-Russia Axis: The Return of Geopolitics?” / The Brookings Institutions. Washington, D.C., March 24, 2016.
107. *Thomann, Pierre-Emmanuel: “Uzbekistan and the Shanghai Cooperation Organization (SCO): contributing to Eurasian and Global Geopolitical Stability” // Eurocontinent,* 23 June 2016. – Режим доступа: <http://www.eurocontinent.eu/2016/06/uzbekistan-and-the-shanghai-cooperation-organization-sco-contributing-to-eurasian-and-global-geopolitical-stability> – Дата обращения: 15 дек. 2017.
108. *Timofeev, Ivan: “Eurasia in Russian Foreign Policy: Interests, Opportunities and Constraints” // IFRI – Russia/NIS Center, Russie.Nei.Visions.* No. 89. December 2015.
109. *Timossi, Andriano José: “G77 and China – Championing Multilateralism and Global Solidarity to Achieve Equity, Equality and Prosperity” // Southnews.* South Centre, Geneva, 30 October 2018.
110. *Tooze, Adam: “The Forgotten History of the Financial Crisis: What the World Should have Learned in 2008” // Foreign Affairs.* Vol. 97. No. 5 (September/October 2018). Pp. 199–210.
111. *Trabanco, José Miguel Alonso: “Dollar Hegemony, ‘Monetary Geopolitics’ and the IMF: The Symbiosis Between Global Finance and Power Politics” // Global Research,* 20 January 2014.
112. *Trabanco, José Miguel Alonso: “The Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB): Financial Vector of China’s Geopolitical Interests?”.* – Режим доступа: http://www.academia.edu/37622367/The_Asian_Infrastructure_Investment_Bank_BANK_AIIB_Financial_Vector_of_Chinas_Geopolitical_Interests. – Дата обращения: 19 мая 2018.
113. *Vassilenko, Roman (Interview): “Central-Asia Geopolitics through the Eyes of Kazakhstan” // Brussels Express,* December 6, 2016.
114. *Voulgarakis, Rafail and Papageorgiou, Vasilis: “OBOR: China’s Grand Strategy for the 21st Century” // ResearchGate,* June 2017.
115. *Wei, Liu (editor-in-chief): “Financial Integration: Financing Economic Integration” / Belt and Road Series,* Chongyang Institute of Financial Studies, Renmin University of China, China International Publication Group (GIPG), Beijing 2017.
116. *Wensheng, Teng: “The Belt and Road Initiative: Paving the Way for a New Model of International Cooperation” // Qiushi,* July-Sepemger 2018. Vol. 10. No. 3. Issue No. 36. Pp. 122–128.
117. *Xiaopoing, Yang: “Managing Leadership in the Indo-Pacific: The United States’ South Asia Strategy Resited” // China Quarterly of International Strategic Studies.* Vol. 3. No. 4, Winter 2017. Pp. 463–480.
118. Xinhua (editor: huaxia): “Chinese President’s Keynote Speech to Davos Wins Worldwide Applause” // Xinhuanet, 17 January 2017.
119. Xinhua: “China’s Vision Contributes to Peace” // Shanghai Daily, 23 October 2018. P. A2.
120. *Yafei, He: “Arrival of ‘Post-American Era’” // China-US Focus Digest.* Vol. 15, September 2015. Pp. 6–11.
121. *Yu, Hong: “Motivation behind China’s ‘One Belt, One Road’ Initiatives and Establishment of the Asian Infrastructure Development Bank” // Journal of Contemporary China.* Vol. 26, No. 105 (2017), 353–368.
122. *Zabortseva, Yelena: “From the ‘forgotten Region’ to the ‘Great Game’ Region: On the Development of Geopolitics in Central Asia” // Journal of Eurasian Studies.* Vol. 3 (2012), 168–176.
123. *Zhang, Tiejun: “Self-Identity Construction of the Present China” // Comparative Strategy.* 2004. No. 23, 281–301.
124. *Zhang, Xin: “Chinese Capitalism and the Maritime Silk Road: A World-System Perspective” // Geopolitics.* 2017. Vol. 22. No. 2, 310–331.
125. *Zhuangzhi, Sun: “New and Old Regionalism: The Shanghai Cooperation Organization and Sino-Central Asian Relations” // The Review of International Affairs.* Vol. 3. No. 4. Summer 2004, 600–612.
126. *Zogg, Benno: “Putin’s Next Steppe: Central Asia and Geopolitics” // CSS Analyses in Security Policy.* ETH Zürich. No. 200, December 2016.

Д. Шерр

ЭВОЛЮЦИЯ ЕВРОПЫ: ЛЕЖАЩИЕ В ЕЕ ОСНОВЕ ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ

Джеймс Шерр,

*ведущий внештатный сотрудник Чатэм Хаус
(Королевского института международных отношений),
г. Лондон, Великобритания.*

Аннотация: Разочарование в Евросоюзе испытывают не только многие его старые члены, но и «новые европейцы». Очередные же кандидаты на вступление в ЕС плохо представляют себе, что сегодня «объединенная Европа» имеет мало общего с их иллюзиями. Ситуация усугубляется резким ухудшением отношений между Россией и Западом.

Ключевые слова: Европа, Европейский союз, расширение ЕС, иммиграция, постмодерн, Россия, «русский мир».

J. Sherr

EUROPE'S EVOLUTION: THE UNDERLYING DYNAMICS

James, Sherr,

*Associate Fellow of Chatham House,
London, United Kingdom.*

Abstract: Disappointment regarding the European Union is felt not only many of its old members, but also by “new Europeans”. At the same time the expected candidates to join the EU are not quite aware that the “united Europe” of today has little in common with their illusions inherited from the past. The situation is aggravated by deterioration of relations between Russia and the West.

Key words: Europe, European Union, EU enlargement, immigration, postmodern, Russia, russkiy mir.

There are several contemporary explanations for the lines of division that now cut across the European Union, each in their own right cogent and convincing. But they have a much older gestation. What is surprising is that these divisions have become visible so late in the evolution of the ‘European project’. Many can be traced to differences of perspective inherent in the EU’s eastern enlargement (2004, 2007 and, with Croatia’s accession, 2013).

It would be fair to say that the European Union was the world’s first post-modern project, at least in liberal and democratic form. From the time of the 1957 Treaty of Rome, what we then called the European Economic Community (more strictly, the European Communities), was animated by a vision of ‘moving beyond’ the nation state in normative and in practical terms. Although the original members of what we now call the European Union (since the 1993 Maastricht Treaty) were the product of a specific historical experience, the EU was not founded on the basis of heritage, but adherence to common standards, rules and rights (not least of all, minority rights), as well as by a determination to develop a set of common institutions that incorporated these norms. Its ethos was multi-national and, by the turn of the millennium, was well on its way to becoming multi-cultural

as well. The criteria for future membership were painstakingly elaborated by the EU Councils in Copenhagen (1993) and Madrid (1995).

The fact remains that nation and state are the building blocks of the modern world, and in Europe that world is still very much with us. For the states of the former CMEA (СЭВ) and Soviet Union who joined this club, it was the *reconstitution* of statehood and the *recovery* rather than the transcendence of nationhood that lay at the centre of their aspirations. Indeed for them, EU membership was seen as the consummation of their escape from other decidedly anti-liberal post-modern projects, the USSR and the Socialist Commonwealth, which the USSR fostered and dominated. To be sure, all of the states that joined the EU in 2004 and 2007 avidly sought to be part of a community of liberal democracies with ‘advanced’ or at least successful liberal market economies. But they were driven no less by a desire to be part, once again, of an ethno-cultural, and decidedly Christian (or more or less grudgingly, Judeo-Christian) Europe. In sum, their aspirations were as much civilisational as normative.

Yet by the new millennium, one had to ask whether the Europe they wished to join still existed in practice. To the 55 percent of Ukrainians who in 2000 hoped Ukraine would become a member of the EU within five years, civilisation was at the forefront and Copenhagen criteria very much on the fringes of their minds. (Hence my mildly unjust comment after the Orange Revolution: that Viktor Yushchenko wished to join the Europe of 1905 rather than 2005). Yet the perspective of the states that succeeded where Ukraine still fails is not altogether dissimilar.

Nevertheless, it was only recently that tensions between the national perspectives of new members and the broader ecumenical perspective of the EU came out into the open. The catalyst for this development, even if it is not the only reason for it, is the unsettling upsurge of migration from outside Europe, largely in consequence of the wars in Libya and Syria. Angela Merkel’s decision to wave aside normal immigration controls and open the German (and hence Schengen) border to Syrian refugees was a dramatic watershed. For countries that had only recently recovered sovereignty, statehood and a sense of security about their national identities, this was not only a dramatic but a traumatic development, raising the prospect (exaggerated or not) of an uncontrolled influx of people who were not only foreign but the products of a different civilisation.

The impact of the 2008 financial crisis added material traumas to psychological ones. Whilst the economic power-houses of Europe might have had jobs to fill (and in the case of Germany, a large surplus housing stock), for Hungary, Italy and Greece, the new influx threatened to pose severe, if not intolerable burdens on fragile economies, social services and infrastructure that were already overstretched.

Not surprisingly, a September 2017 Ipsos poll revealed that only 15 percent of Poles believed immigration had a positive impact on the country and 51 percent (67 percent of Hungarians) believed the borders should be closed entirely [1]. What we have seen in response to these developments and several others (demographic and generational) is not so much the revival of nationalism but an upsurge of nativism, and the phenomenon is not confined to east-central Europe.

It is scarcely irrelevant to this saga that the Russian Federation is an emphatically modern state. Whatever view Russians hold about the current political dispensation (*m.e. cmpoй*) inside the country, nation and state are cardinal reference points in Russian political culture – arguably more so today than at any point in the recent past.

After Ukraine’s Orange Revolution, these modern premises were vigorously reaffirmed in what soon would become an ideological counter-offensive not only against ‘coloured revolutions’ in the former USSR but EU (not to say Euro-Atlantic) enlargement itself.

In opposition to the EU's rules, rights and values-based discourse, Russia's new state ideologists juxtaposed an identities-based discourse, put in particularly stark terms by President Putin in 2012: 'the choice of the Russian people has been confirmed again and again – not by plebiscites or referendums – but by blood [3].

This civilisational contest was a central focus of the book I wrote in 2013: *Hard Diplomacy and Soft Coercion: Russia's Influence Abroad* published in Russian as *Zhestkaya Diplomatiya i Myagkoe Prinuzhdenie* ^[2].

This identities-based discourse is not only historical, but historicist, in other words rooted in historical determinism. Some years ago, Valeri Litskai, then foreign minister of Transnistria (*aka* Transnistrian Moldovan Republic), told me with absolute confidence that 'Moldova will never be a member of the European Union' – not because the idea was objectionable to Russia but because Moldova's historical precursor had never been part of the Holy Roman Empire. In other words, its political and cultural heritage made it historically unsuited to joining the Holy Roman Empire's unrecognisably transformed successor. The same argument, of course, applies to Ukraine (with the possible exception of its former Habsburg west). Whether 55 percent or 100 percent of Ukrainians wish to join the EU, their aspirations are as unhistorical and absurd as mine would be if I said I wished to be Japanese. In this neo-Hegelian rubric, 'history' not only describes the past but what has yet to occur. It is history that determines your future. You don't.

This perspective could not stand in greater contrast to the 'idealist' Anglo-Saxon conviction that history is the product of human will and decision. In practical terms, it also offers no explanation for contemporary Spain's stunning departure from clericalism, obscurantism and authoritarianism, let alone the fact that historically militarist Germany is now one of the most pacifist countries in Europe.

It also causes resentment. I have sat in rooms with prominent russophile Ukrainians who have bristled in anger when Russian academicians and officials told them who Ukrainians were, who they were not, where they belonged and where they didn't. The maxim 'do not tell another who he is; let him tell you' has little standing in the domain that Russia now calls *russkiy mir*.

There is no controversy in stating that Russia's civilisational narrative as well as the rules and rights-based narrative of the EU serve geopolitical projects, even if the EU remains temperamentally incapable of regarding itself as a geopolitical actor. In recent years Russian representatives have repeatedly told us that 'Russia has no quarrel with the historical West'. These statements are fundamentally sincere. What Russia contests is the legitimacy of the political West, which today extends to the borders of the Russian Federation. This fact casts in some doubt the conventional wisdom in some Western circles that the NATO-non-NATO/EU-non-EU demarcation lines are as respected by Russia as they are by ourselves. When distinguished Russian representatives state that 'Moldova and the Baltic states need to consider events in Ukraine and draw conclusions', it should be clear that Russia has constructed very different lines of demarcation: the 'historical West', *russkiy mir* and the 'grey zone' which many insist should lie between them.

Apart from this issue, there is also a paradox. The countries of greatest importance to Russia, the so-called 'near abroad' have been far less receptive to its identity-based discourse (where it is widely seen as camouflage for a neo-imperial project) than many discontented constituencies of the EU, who resent the strictures and cosmopolitan norms of Brussels. There is a further paradox. Figures like Victor Orban, who use Russia as a foil against liberals at home as well as in Brussels, do so quite cynically, safe in the knowledge that their countries are securely ensconced in the EU (not to say NATO) and hence spared the pressures and demands to which Ukraine, Moldova and Georgia find themselves exposed.

Despite all of these contradictions and nuances, the gap between the ‘historical West’ and the political West constitutes the greatest bone of contention – and the greatest source of tension – between the EU, NATO and Russia. Today, to be sure, there are also others.

Источники и литература

1. *Ivan Krastev*. ‘Eastern Europe’s Illiberal Revolution: The Long Road to Democratic Decline’ // Foreign Affairs. May/June 2018. P. 8.
2. *James Sherr*. Hard Diplomacy and Soft Coercion: Russia’s Influence Abroad (Chatham House, 2013) [Zhestkaya diplomatiya i Myagkaya Prinuzhdenie: Rossiyskoe Vliyanie za Rubezhom, published in hard copy and online by the Razumkov Centre, Kyiv].
3. *Vladimir Putin*. ‘Russia: The National Question’ [Rossiya: Natsional’niy Vopros] // Nezavisimaya Gazeta [Independent Newspaper]. 23 January 2012.

Х. Азизи

ИНТЕРЕСЫ БЕЗОПАСНОСТИ ИРАНА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ТРИ УРОВНЯ АНАЛИЗА

Хамидреза Азизи,
доктор наук, ассоциированный профессор
Университета имени Шахида Бехешти,
г. Тегеран, Иран.

Аннотация: Исследуются главные угрозы и вызовы, с которыми сталкивается Иран в Центральной Азии: действия внерегиональных акторов, наркоторговля, экстремизм, терроризм, проблемы Каспийского моря, энергетическая безопасность и др.

Ключевые слова: безопасность, Центральная Азия, Иран, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, Казахстан, Афганистан, НАТО, ОБСЕ, США, Россия, Китай.

H Azizi

IRAN'S SECURITY INTERESTS IN CENTRAL ASIA: THREE LEVELS OF ANALYSIS

Hamidreza Azizi,
Ph.D., Assistant Professor of Regional Studies,
Shahid Beheshti University, Iran.

Abstract: The article examines the major threats and challenges facing Iran in Central Asia: actions of trans-regional actors, drug trafficking, extremism, terrorism, Caspian Sea issues, energy security, stability of the regional states.

Key words: security, Central Asia, Iran, Tajikistan, Turkmenistan, Uzbekistan, Kazakhstan, Afghanistan, NATO, OSCE, USA, Russia, China.

Since the independence of the Central Asian republics in 1991, the existence of historical ties, together with religious, cultural, economic and security interests caused Iran to put the development of independent relations with the newly independent states at the top of its foreign policy agenda. Meanwhile, as a country in the immediate neighborhood of Central Asia, Iran has always had the potential to be affected by the security situation in the region. While studying Iran's security interests in Central Asia, this article tries to examine the major threats and challenges facing Iran in the region.

Generally speaking, Iran's security interests in the region arise from three distinct but inter-related system, regional and state levels. At the system level, the efforts of hostile or rival trans-regional powers to infiltrate into Central Asia are regarded by Iran as a security threat.

At the regional level, Iran's main interests include fighting drug trafficking, extremism and terrorism, resolving the Caspian Sea issues, as well as preserving energy security in the region. At state level, maintaining the stability of Central Asian states is considered to be Iran's main interest in the sphere of security.

1. Preventing the influence of trans-regional actors

Iran has always been worried about any extension of security ties between the Central Asian countries, the United States and Israel. It has also criticized – though more cautiously – the presence of NATO and the Organization for Security and Cooperation in Europe (OSCE) in Central Asia. In case of NATO, more than being sensitive toward the presence of Central Asian states in NATO's Partnership for Peace (PFP) program, Iran's criticisms have been directed toward the use of NATO framework by some individual member-states, such as Turkey and the United States to establish a series of bilateral security ties with the Central Asian states, thereby influencing their decision making processes in the security sphere. In fact, Iran's main concern regarding the activities of both NATO and OSCE in Central Asia, is related to the long-term implications of the involvement of these organizations in the region. As such, Iran worries that the scale of both organizations' plans could be gradually expanded, so that Iran would see itself on the opposite side of an alignment shaped around an extended Euro-Atlantic security zone [6].

Among the Central Asian states, Tajikistan and Uzbekistan allowed the US and coalition forces to use some of their military bases during the 2001 Afghanistan invasion. At the same time, in some less sensitive issues such as providing logistical support, Turkmenistan also cooperated with the US. Moreover, by granting the permission of using their airspace, as well as information sharing, the Central Asian states got involved in the US operation in Afghanistan [1]. Given about four decades of US hostile policies toward the Islamic Republic, its influence in Iran's northern neighborhood has always been considered by Tehran as a source of threat to its security and national interests.

2. Fighting drug trafficking, extremism and terrorism

Iran's concerns about the security situation in Central Asia at the regional level could be better understood in the context of more wide-range threats arising from the security situation in Afghanistan. Iran has always believed that instability in Afghanistan could spread to different parts of Central Asia through Tajikistan. In addition, during the recent decades, Iran has always hosted a large number of Afghan refugees, who, not only impose high economic costs on Iran, but also cause many social problems and tensions. Countering opium and heroin trafficking from Afghanistan requires a large military concentration along the 945-kilometer border between the two countries. Not only Iran faces serious challenges as a country at the forefront of international drug trafficking, but also suffers from domestic drug-related problems [6]. Considering these points, as well as the fact that Iran, along with the Central Asian states, located on the northern route of drug trafficking to Russia and Europe, there's a common interest for Iran and these states to fight against drug trafficking.

Another reason for the importance of Central Asia to Iran from the security aspect, is the issue of combating religious extremism. This factor too, has long been related to Afghanistan, in terms of Taliban's hardline reading of Islam and the concern about the spread of this approach in the region. However, following the expansion of the scope of ISIS' activities in the Middle East and the creation of some tendencies toward this group in Central Asia, the issue has been taken into account even more seriously. The main concern in this regard has been the possibility that after the defeat of ISIS in Iraq and Syria, the Central Asian members of this group might come back to their home countries to spread extremist views as well as creating terrorist cells inside the region [8]. In this vein, the issue of extremist tendencies in the region, which is considered to be a rather old problem and has always been seen as a security threat to the region, is now posing a common threat against Iran and the Central Asian states in the light of new regional and international developments.

3- The Caspian Sea issues

Iran's interests in the Caspian Sea are related to determining the legal regime of the sea on one hand, and its militarization on the other. From the viewpoint of environmental security, critical environmental situation in the Caspian could pose a threat to Iran. The issue of the Caspian Sea legal regime was raised as a regional problem following the collapse of the Soviet Union and because of the increasing attempts made by the former Soviet states to exploit energy resources of the seabed. On the legal status of the Caspian, there hasn't been any consensus among the littoral states. The lack of a consensual legal regime contains the risk of conflict of interests, and even direct conflicts between the various sides, in case of unilateral actions by each party to exploit the resources.

As for the issue of the militarization of the Caspian Sea, the main concern is that the increasing presence of military forces in the Caspian would lead to an arms race between the littoral states. If happens, this would increase the military expenditures of the littoral states as they would attempt to maintain their positions in the race, and at the same time, increases the risk of a military conflict. Currently, Russia still possesses the most powerful military fleet in the Caspian. However, among Central Asian states, Kazakhstan has during the recent years managed to rebuild its navy, thanks to the assistance of both Russia and the West. Turkmenistan has also strengthened its navy through signing a set of military contracts with the trans-regional states [5].

In the context of the security challenges in the Caspian, the issue of environmental security has also been considered by Iran, as well as the other littoral states, as a real security threat. Over the past two decades, the development of physical urban infrastructures in the Caspian coasts, inappropriate exploitation of fishery resources, agricultural activities using pesticides, fertilizers and other agricultural chemicals, caused serious environmental problems. Oil pollution, environmental impacts of coastal tourism and environmental problems caused by fluctuations of the sea water are among the other environmental issues of the Caspian Sea [9].

4. Energy Security

From the very first days after the collapse of the Soviet Union, it has been said that Iran could provide the Central Asian states' energy resources with the shortest transit route. Putting this idea into practice, Iran would grab the attention of the Central Asian energy suppliers and the European consumers. However, the most important driving force behind the lucrative project is the Central Asian inclination toward the diversification of energy transit routes and the European desire to diversify its energy resources [10].

Among the Central Asian states, Iran's most important gas link has been forged with Turkmenistan. The National Iranian Gas Company (NIGC) signed the Korpezhe–Kurt Kui gas pipeline contract with Turkman officials in October 1995 and the project came into operation in 1997 with transit capacity of 4bn cubic meters that after a while increased to 8bn cubic meters annually [4].

Iran-Turkmenistan gas ties were not limited to merely one pipeline. Turkmenistan opened a second gas pipeline to Iran on January 6, 2010 [3].

With the inauguration of the second phase of the project on November 2010, the new pipeline more than doubled Turkmenistan's annual gas exports to Iran to 18 bn cubic meters [7].

As for Iran-Central Asia oil cooperation, there have been two key projects so far, namely the swap deal and the Kazakhstan – Turkmenistan – Iran oil pipeline (KTI).

The former became operational while the latter remains on hold. Turkmenistan and Kazakhstan have both initiated low-volume oil swap deals with Iran, delivering oil in tank-

ers to refineries in Iran's northern regions in exchange for similar volumes of crude at Iranian ports in the Persian Gulf [2]

5. Maintaining the stability of Central Asian states

Generally speaking, given the intertwined nature of security ties among the Central Asian states on the one hand and between Iran and the region on the other, any instability in these countries could have wider impacts on the whole region, thereby on Iran's national security and interests. The most important threat to the Central Asian republics at the state level, derives from the structural and functional weaknesses of their governments.

Lack of effective institutionalization, as well as wide-spread corruption in these countries, make any effective management of security threats by the governments much more difficult and cause them to be always obsessed with their domestic security [11]. Iran's overall policy in this area is based on supporting stability in Central Asia, because in case of the collapse of the existing governments, extremist groups might take the lead, or the territories of these countries could turn into safe havens for terrorists and separatists. In the same vein, Iran interprets the efforts by the Western countries, especially the US to infiltrate Central Asia through plots such as "color revolutions" as having the same negative impacts on the regional security and stability.

Conclusion

Based on the above-mentioned facts, it could be said that Iran's security ties with Central Asia involves interests as well as challenges at the three system, regional and state levels.

These ties has been developing since the disintegration of the Soviet Union, so that it's now even possible to speak about a new "Regional Security Complex" having been shaped among the Central Asian states, Iran, as well as Russia and China as two great powers at the immediate neighborhood of the region with a set of similar security concerns to that of Iran and the Central Asian republics.

As a result, it could be said that for any regional security framework in Central Asia to be really effective, there's a need for cooperation not only between the five Central Asian republics, but also between them on the one hand and Iran, Russia and China on the other.

Источники и литература

1. *Bagbasiloglu, Arif* (2014). Beyond Afghanistan NATO's Partnership with Central Asia and South Caucasus: A Tangled Partnership? // *Journal of Eurasian Studies*. Vol. 5. No. 1. Pp. 88–96.
2. *Bayulgen, Oksan* (2009) Caspian Energy Wealth; Social Impacts and Implications for Regional Stability // *A.E. Wooden, & C.H. Stefes*. The Politics of Transition in Central Asia and the Caucasus. London and New York: Routledge.
3. BBC (6/1/2010): Turkmenistan Opens New Iran Gas Pipeline. Retrieved from January 10, 2010. – Режим доступа: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/8443787.stm> – Дата обращения: 12 мая 2015.
4. *Bouvalverdi, M.* (2004). Iran-Turkmenistan ties: An Overview // *Central Asia and the Caucasus Studies Quarterly*. No. 56.
5. *Garibov, Azad* (2016). Militarization of the Caspian Sea: A Zero-Sum Game? // The Jamestown Foundation, 7/25/2016 – Режим доступа: <https://jamestown.org/program/militarization-of-the-caspian-sea-a-zero-sum-game/> – Дата обращения: 31 мая 2017.
6. *Herzig, E.* (2001). 'Iran and Central Asia', In R. Allison and L. Jonson (Eds.). *Central Asian Security: The New International Context*. Washington and London: Brookings and Chatham House.
7. IRAS (November 28, 2010): Turkmenistan Opens New Gas Pipeline into Iran. Retrieved from November 30, 2010. – Режим доступа: <http://www.iraneurasia.ir/fa/pages/?cid=12895> Дата обращения: 12 мая 2015.
8. *Kazantsev, Andrei* (2014). The Serious Threat of ISIS in Central Asia and the Caucasus // Fars News Agency – Режим доступа: <http://farsnews.com/newstext.php?nn=13930817000038> – Дата обращения: 4 июля 2015.

9. *Koolae, Elaheh* (2013). Environmental Threats in the Caspian and the Necessity of Regional Cooperation // Tabnak News Website – Режим доступа: <http://www.tabnak.ir/fa/news/361683> – Дата обращения: 9 июля 2015.
10. *Putz, Catherine* (2015). Why Is Central Asia Excited About the Iran Deal? // The Diplomat. – Режим доступа: <http://thediplomat.com/2015/04/why-is-central-asia-excited-about-the-iran-deal/> – Дата обращения: 15 апр. 2015.
11. *Swanstrom, Niklas* (2011). China and Greater Central Asia: New Frontiers? Singapore: Central Asia – Caucasus Institute & Silk Road Studies Program

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

Рецензенты:

Докт. политич. наук, проф. О.П. Иванов

Редакционная коллегия:

М.А. Кукарцева (науч. редактор),
И.Л. Бендерский (редактор),
О.В. Джавад (организатор-составитель),
Д.О. Мартынова (организатор-составитель),
П.А. Развин (редактор текстов на англ. яз.)

**Сборник статей по итогам работы
IV-й Международной научно-практической конференции
27 апреля 2018 года
«Трансформация международных отношений в XXI веке:
вызовы и перспективы»**